

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Конституция мира и созидания

**Путь вьетнамского народа к национальному
и социальному освобождению**

20 лет Обществу советско-китайской дружбы

Три десятилетия индийско-советского сотрудничества

Важный этап в развитии советско-японской торговли

Пэн Дэ-хуай — герой китайской революции

1

1978

3-й этаж

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1 [25] 1978

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

СОДЕРЖАНИЕ

Конституция мира и созидания

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Саморазоблачение маоизма

Г. С. Николаев

Политика провокаций и войны

Ф. И. Дивов

Путь вьетнамского народа к национальному и социаль-
ному освобождению

Нгуен Кхань Тоан (СРВ)

20 лет Обществу советско-китайской дружбы

О. Б. Рахманин

Еще одно свидетельство антисоциалистической сущно-
сти маоизма

Е. А. Коновалов,

В. Ф. Феоктистов,

А. Г. Яковлев

Три десятилетия индийско-советского сотрудничества

Д. Каушик (Индия)

Важный этап в развитии советско-японской торговли

В. Б. Спандарьян

Борьба рабочего класса Японии против господства мо-
нополий

В. Н. Хлынов

ИСТОРИЯ

Как заселялись прибрежные острова Северо-Восточной
Азии

К. Е. Червако

БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

Отто Браун — коммунист-интернационалист

Пэн Дэ-хуай — герой китайской революции

А. С. Титов

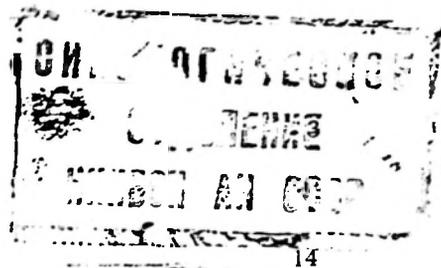
ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

К вопросу об эстетических взглядах Лю Ся

В. А. Куликов

Страницы давней дружбы

Н. И. Никулин

14

32

48

58

69

84

99

112

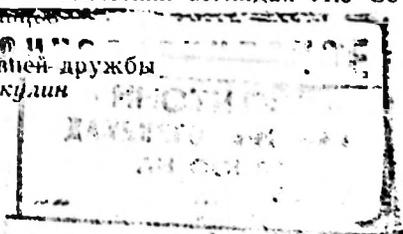
127

138

149

158

165

З. И. Жуков

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критика теорий японских буржуазных экономистов <i>В. Н. Кашин</i>	170
История Китая и разоблачение ее фальсификаторов <i>М. С. Капица</i>	174
Проблемы государственно-монополистического капитализма в Японии <i>К. М. Попов</i>	179
Опасный для народов курс <i>М. С. Украинцев</i>	182
Новая платформа японского социал-реформизма <i>И. А. Цветова</i>	185
Механизм политической власти в императорском Китае <i>Л. С. Переломов</i>	189
Знаменательная страница истории Приамурья <i>Э. Ф. Дроздов</i>	192

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Молодежь в борьбе за социальный прогресс, мир и безопасность народов <i>Ю. М. Рякин</i>	195
Вечер, посвященный 50-летию Кантонской коммуны <i>Б. К. Чижов</i>	197
С позиций интернационализма	198

НОВЫЕ КНИГИ

206

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ,
К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ
(отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, И. Т. ФЕДОРЕНКО

Конституция мира и созидания

1977 год навсегда войдет в летопись нашей страны как год славного юбилея Великого Октября, как год принятия новой Конституции Советского государства. «Шесть десятилетий социалистического строительства, — подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, — это ярчайшая демонстрация того, на что способны люди труда, взявшие в свои руки политическое руководство обществом, принявшие на себя ответственность за судьбы страны».

Высший орган государственной власти нашей страны — Верховный Совет СССР — на своей внеочередной седьмой сессии после всенародного обсуждения рассмотрел и принял Основной Закон Советского государства — новую Конституцию Союза Советских Социалистических Республик. Символично и знаменательно, что внеочередная сессия высшего органа государственной власти нашей страны, принявшая манифест свободы и счастья, мира и труда, интернационального братства и дружбы, проходила в преддверии славного юбилея — 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. «Это не просто совпадение во времени двух крупнейших событий в жизни страны, — отметил товарищ Л. И. Брежнев. — Связь между ними гораздо глубже. Новая Конституция — это, можно сказать, концентрированный итог всего шестидесятилетнего развития Советского государства. Она ярко свидетельствует о том, что идеи, провозглашенные Октябрем, заветы Ленина успешно претворяются в жизнь».

Этот выдающийся политический и идейно-теоретический документ современности, написанный мыслью и сердцем советского человека, демонстрирует выдающиеся успехи в создании общества развитого социализма, определяет высшую цель — построение коммунизма. Советский народ стал подлинным творцом Основного Закона своего государства.

Новая Советская Конституция окажет сильнейшее влияние на укрепление международных позиций социализма, мощно воздействует на социальную атмосферу мира, послужит огромным стимулом и вдохновляющим примером в борьбе трудящихся нашей планеты за свободу, демократию, прочный мир и социальный прогресс.

* * *

Новая Советская Конституция отражает вступление нашего государства и общества в новый период своей истории — этап развитого,

зрелого социализма. Приняв Конституцию развитого социализма, советский народ открыл новую славную страницу истории человечества, ибо развитой социализм есть высшее достижение современного общественного прогресса.

Это, как подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев, «такая стадия зрелости нового общества, когда завершается перестройка всей совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах». В Основном Законе СССР закреплены именно те политические, социально-экономические и нравственные принципы организации государства и общества, которые характеризуют развитый социализм. Эти принципы создают условия для постоянного совершенствования политической системы социализма, для все более широкого участия граждан в управлении делами государства и общества.

Социализм впервые в истории человечества обеспечивает гармоничное соединение прав и обязанностей членов общества. «Осуществление прав и свобод, — говорится в Основном Законе, — неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей». Ни одна буржуазная конституция не содержит и не может содержать всего этого.

За четыре десятилетия, прошедших после принятия действовавшей до октября 1977 г. Конституции, в нашей стране произошли глубокие, принципиальные перемены, которые затронули все стороны жизни советского общества. Неузнаваемо изменилась экономика страны. Ныне в ней безраздельно господствуют социалистические формы собственности. Сегодня она представляет собой единый мощный народнохозяйственный организм, который развивается на основе сочетания достигнутых научно-технической революции с преимуществами социалистического строя. В новой Конституции делается важный вывод, что на современном этапе социализм развивается уже на своей собственной основе, все полнее раскрываются созидательные силы нашего строя, преимущества социалистического образа жизни, трудящиеся все шире пользуются плодами великих революционных завоеваний. Ни одна революция не сделала так много для осуществления идеалов подлинной демократии, для преодоления юридического и фактического неравенства людей, как Октябрьская революция. Жить в мире, где бы осуществились демократия, свобода, гуманизм, права человека, где бы действительно уважались права и достоинство человека, веками мечтали лучшие умы всех народов, за это боролись миллионы угнетенных и обездоленных на протяжении всей истории человечества.

Новая Конституция СССР охватывает все общедемократические, гуманистические завоевания, обогащая их, наполняя новым, более высоким смыслом. Социалистическая природа прав и свобод советских граждан заключается прежде всего в том, что это — права и свободы трудящегося народа, держащего в своих руках государственную власть. Теперь это вынуждены признать и буржуазные идеологи. Примечательно, что сегодня на Западе не только прогрессивно мыслящие ученые, общественные и политические деятели, но и многие люди, известные своим апологическим отношением к капиталистическим порядкам, с тревогой говорят о «самоубийстве демократии», о «постоянно углубляющейся пропасти между правительством и народом». К этому выводу они приходят, сталкиваясь с такими неразрешенными в условиях капитализма проблемами, как циклические кризисы, безработица и нищета, милитаризм и расизм, коррупция, моральная деградация.

Уже сегодня значительно расширившиеся возможности и ресурсы Советского государства позволяют на базе новой Конституции еще последовательнее и шире реализовать принцип «все для блага народа,

во имя советского человека», добиваться более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей нашего народа, что составляет главное содержание практической деятельности нашей партии и советского правительства. Все, чем располагает развитый социализм, весь его могучий потенциал направлены на ускорение социального прогресса, на повышение благосостояния народа, развитие науки, культуры, искусства. Грандиозные свершения, осуществленные под руководством Ленинской партии упорным трудом и самоотверженной борьбой советского народа, стали фактором революционного ускорения хода истории, фактором мира и социального прогресса.

Разгром сил империализма, развязавших агрессию против страны Советов после Октября, победа Советского Союза во второй мировой войне, превращение социализма в мировую систему, объединяющую ныне государства нескольких континентов, от Кубы до Вьетнама, укрепление позиций коммунистических партий и международного рабочего движения, развал колониальных империй и образование десятков молодых независимых государств, в том числе придерживающихся социалистической ориентации, — вот основные слагаемые неудержимо нарастающего за шесть десятилетий мирового революционного потока.

Опыт становления и развития страны Октября всегда вызывал большой интерес за пределами нашего государства. Это вполне закономерно. Большие сдвиги в развитии политической системы нашего общества, закрепленные в новой Конституции, процесс ее обсуждения и принятия оказались в центре внимания всей мировой общественности. Широкий интерес, проявляемый во всех странах к Основному Закону страны Советов, свидетельствует о том, что идеи Октября, заветы В. И. Ленина успешно претворяются в жизнь, вполне закономерны. Это еще одно убедительное доказательство огромной, все возрастающей роли социализма в современном мире.

Развитие мировой системы социализма, укрепление социалистического содружества относится к числу важнейших исторических процессов нашей эпохи. «СССР как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества, — говорится в Основном Законе СССР, — развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе социалистического интернационализма, активно участвует в экономической интеграции и в международном социалистическом разделении труда».

Образование и рост социалистического содружества — один из наиболее значительных итогов развития социализма, результат упрочения и углубления новых братских отношений между народами социалистических стран, их тесного сотрудничества в борьбе за общие цели. Достижения стран социализма в социалистическом и коммунистическом строительстве, успехи в борьбе за создание благоприятных внешних условий для мирного созидательного труда тесно связаны с укреплением их единства, ростом взаимопомощи и взаимных связей. Курс на укрепление стран социалистического содружества, упрочение их единства занимает центральное место среди главных направлений внешнеполитической деятельности КПСС, коммунистических и рабочих партий братских стран. «Основа основ нашего тесного сотрудничества, его живая душа и направляющая, организующая сила — это, конечно, нерушимый боевой союз коммунистических партий стран социализма, единство их мировоззрения, единство целей, единство воли», — говорил товарищ Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС.

Коммунистическая партия Советского Союза, ее Центральный Комитет, лично товарищ Л. И. Брежнев уделяли и уделяют неослабное

внимание укреплению связей и самого тесного сотрудничества с братскими партиями, выработке общих позиций по важнейшим вопросам, координации внешнеполитической и иной деятельности, обмену опытом. Особенно много в этом направлении было сделано в последние годы. Весь опыт почти трех десятилетий со всей очевидностью подтверждает рост сплоченности стран социалистического содружества, углубление их братской дружбы на основе принципов марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма, равноправия и товарищеского сотрудничества. Страны социалистического содружества действуют объединенными усилиями в борьбе за решение важнейших международных проблем — идет ли речь о ликвидации угрозы новой мировой войны, борьбе за разоружение, устранении военных очагов, возникающих в различных районах мира, отпоре агрессивным актам империализма, об упрочении разрядки напряженности и всеобщего мира, о взаимовыгодном сотрудничестве государств и решении на коллективной основе важнейших общечеловеческих проблем, о ликвидации последствий колониализма, об усилиях, направленных на обеспечение свободы и равноправия всех государств, о борьбе за национальное и социальное освобождение.

В братских странах с удовлетворением отмечают, что в Конституции СССР нашли отражение черты, свойственные их основным законам, так же, как их конституции в свое время вобрали в себя определенные положения советского законодательства. Это одна из важных форм накопления ценного коллективного опыта социалистического строительства.

Печать социалистических государств оценила новую Конституцию Советского Союза как «манифест эпохи строительства коммунизма», «манифест мира, свободы и счастья трудового народа», «важнейший политический документ, обладающий огромной силой воздействия на весь ход исторического развития». В приветственных телеграммах, направленных товарищам Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину, высшие партийные и государственные деятели братских социалистических стран горячо поздравили от имени своих народов советских людей с принятием новой Конституции СССР в преддверии 60-летия Великого Октября и отметили выдающееся значение этого события как для внутренней жизни СССР, так и для укрепления позиций всего социалистического содружества. В документах коммунистических и рабочих партий социалистических государств отмечается, что творческое использование опыта страны Великого Октября помогло им успешно решить комплекс проблем переходного периода, осуществить техническую реконструкцию народного хозяйства, перейти к строительству развитого социалистического общества. В то же время наша партия использует в своей деятельности опыт социалистического строительства братских стран, постоянно изучает и учитывает достижения теории и практики мирового социализма. В результате этого формируется коллективный опыт осуществления коренных социально-экономических преобразований в большой группе стран с огромным разнообразием конкретных условий, что придает этому опыту подлинно интернациональный характер.

С большой заинтересованностью восприняли Конституцию СССР в странах, которые недавно освободились от колониального гнета и определяют сейчас свой дальнейший путь. Основной Закон Страны Советов, обобщивший опыт государственного строительства в СССР, принесет немалую пользу всем, кто берет курс на социализм. Широкий отклик вызвал советский Основной Закон и в буржуазном мире.

Здесь вынуждены были признать, что новая Конституция СССР знаменует собой дальнейшее развитие социалистической демократии, расширение прав граждан, коллективов трудящихся и общественных организаций, рост их влияния на государственную политику.

Прогрессивная мировая общественность отмечает как знаменательный факт наличие в новой Конституции СССР специальной главы, посвященной миролюбивой внешней политике СССР. Каждая статья этой главы аккумулирует огромный опыт нашей страны на международной арене и закрепляет исторические победы в борьбе за обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР, за утверждение ленинских принципов мирного сосуществования, укрепление позиций мирового социализма, за предотвращение агрессивных войн, за национальное освобождение и социальный прогресс народов. Новая глава в Основном Законе наглядно отражает те огромные изменения, которые произошли в мире за минувшие десятилетия. В ней закреплены положения, отражающие самую суть последовательного проводимого советским государством на протяжении всей его истории внешнеполитического курса.

Закономерным следствием неуклонного укрепления могущества нашей страны и ее позиций является рост международного авторитета Советского государства, ЦК КПСС, его Политбюро и лично товарища Л. И. Брежнева — выдающегося политического и государственного деятеля нашего времени.

В новой Конституции СССР законодательно закреплено генеральное направление социалистической внешней политики — политики мира и дружбы между народами, сотрудничества и мирного сосуществования между государствами. Советский Союз — первое государство, которое закрепляет в законодательном порядке все десять принципов Заключительного акта общеевропейского совещания в Хельсинки.

«Советский Союз, — пишет японская «Асахи», — который провозгласил в своей новой Конституции политику мира и добивается полного разоружения, усиливает мирное наступление. Эта линия на разрядку напряженности нашла свое отражение и в Государственном бюджете СССР на 1978 год».

Закрепление в Основном Законе нашей принципиальной позиции в международных делах станет еще одним свидетельством миролюбия Советского государства, его последовательных усилий по упрочению безопасности народов и развитию широкого международного сотрудничества.

Начало седьмого десятилетия существования Страны Советов ознаменовано новыми усилиями КПСС и Советского государства, направленными на укрепление мира, обуздание гонки вооружений, углубление разрядки международной напряженности, расширение взаимовыгодного сотрудничества. Об этом ярко свидетельствуют новые миролюбивые внешнеполитические инициативы Советского Союза, с которыми выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев.

Духом миролюбия пронизаны и другие документы и материалы торжественного заседания в Москве, посвященного 60-летию Великого Октября, в частности обращения ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «К советскому народу» и «К народам, парламентам и правительствам всех стран мира», в которых содержится призыв остановить гонку вооружений, запретить создание новых средств массового уничтожения, приступить к сокращению вооружений и вооруженных сил, к разоружению. Этой цели, в частно-

сти, служат выдвинутые товарищем Л. И. Брежневым новые конструктивные инициативы — сделать радикальный шаг и договориться об одновременном прекращении всеми государствами производства ядерного оружия, будь то атомные, водородные или нейтронные бомбы или снаряды. Ядерные державы одновременно могли бы взять на себя обязательства приступить к постепенному сокращению уже имеющихся запасов этого оружия вплоть до их полной ликвидации, договориться о том, чтобы наряду с запрещением на определенный срок всех испытаний ядерного оружия был объявлен мораторий на ядерные взрывы в мирных целях.

Все прогрессивное человечество с огромным воодушевлением и надеждой встретило новые советские инициативы, имеющие первостепенное значение для всего мира. Эти благородные акты Страны Советов направлены на решение такой острейшей проблемы современности, как ограничение гонки вооружений, в том числе производства ядерного оружия. Отмечая это, японская газета «Асахи» заявила: «Появилась возможность того, что в недалеком будущем осуществится полное запрещение ядерных испытаний, такое впечатление создал доклад Л. И. Брежнева 2 ноября».

Проведение в жизнь советских предложений в значительной мере способствовало бы уменьшению, а затем и полному устранению опасности развязывания ядерного конфликта, который представляет величайшую угрозу для всего человечества. В последние годы удалось добиться поворота от конфронтации к разрядке международной напряженности, к развитию сотрудничества. Появилась возможность создания новой структуры международных отношений, такой, при которой война была бы исключена из жизни человеческого общества. Тем не менее угроза термоядерного конфликта хотя и в меньшей мере, но все еще существует. Вот почему в обращении «К народам, парламентам и правительствам всех стран мира» содержится призыв проявлять особую бдительность, поскольку «на пути разрядки воздвигаются серьезные препятствия. Безрассудно форсируется гонка вооружений, которая становится предельно опасной. Милитаризм не только пожирает колоссальные ресурсы, но и создает реальную угрозу для всего человечества». Каждое положение этого обращения говорит об огромном чувстве ответственности СССР за дальнейшее развитие отношений между государствами, о готовности Советского Союза взять обязательство направить эти отношения в русло ограничения гонки вооружений и разоружения.

Миролюбивые инициативы Советского Союза получили на сессии Генеральной Ассамблеи ООН не только широкую поддержку, но и закреплены в ряде ее документов. Среди них принятые подавляющим большинством голосов резолюция Генеральной Ассамблеи о заключении Договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия, резолюция в поддержку предложения СССР по вопросу о созыве Всемирной конференции по разоружению и запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия. В отдельном документе Генеральная Ассамблея заявила о настоятельной необходимости присоединения всех государств к Договору о нераспространении ядерного оружия.

Ныне всякому трезво мыслящему политическому деятелю должно быть совершенно ясно, что попытки возвратиться к доктринам времен «холодной войны» все в большей степени обречены на провал. Это объективная предпосылка успеха дела мирного сосуществования — независимо от тех или иных колебаний, предвыборной конъюнктуры

в той или иной стране, от различного рода шумных пропагандистских кампаний.

Что же касается Советского Союза и других стран социалистического содружества, то они подтверждают свою решимость неукоснительно соблюдать и проводить в жизнь все положения Заключительного акта, положившего конец «холодной войне», провозгласившего разрядку напряженности и мирное сосуществование единственно возможным методом отношений между различными общественными системами.

Однако разрядка в военной области, как показывает опыт, может быть осуществлена только при условии строжайшего соблюдения принципов равной безопасности, сохранения примерного равновесия сторон. Любая попытка добиться военного превосходства над другой стороной может вызвать ценную реакцию, что в результате приведет к усилению гонки вооружений. К сожалению, тенденции к получению односторонних преимуществ еще весьма сильны на Западе. В этой связи большое политическое значение приобретает заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева о том, что Советский Союз, эффективно заботясь о своей обороне, тем не менее не добивается и не будет добиваться военного превосходства над другой стороной. Сама история Страны Советов служит ярким доказательством того, что каждый шаг в наращивании советского военного потенциала был вынужденным шагом, ответом на вызов, брошенный капиталистическими странами первому в мире социалистическому государству.

Озабоченность Советского Союза развитием международных событий объясняется прежде всего и тем, что, несмотря на протесты мировой общественности, многих видных политических и государственных деятелей, Белый дом принял решение приступить к производству крылатых ракет, ассигновал средства на разработку нового оружия и изготовление нейтронной бомбы. Сейчас по всей планете, не исключая и Соединенные Штаты Америки, поднялось движение протеста против этого нового преступного шага, который сделали Пентагон и военно-промышленный комплекс США, желающие получить новые миллиарды прибыли от изготовления смертоносного оружия массового истребления. Нейтронная бомба, по заявлениям американской военщины, предназначена лишь для уничтожения людей. Но, даже оставляя в стороне технические особенности этой бомбы и последствия ее применения, о которых с возмущением говорят видные ученые мира, новое ядерное оружие, несомненно, увеличивает возможность развязывания мировой войны. «Появление такой бомбы препятствует прежде всего процессу разрядки напряженности и разоружению. Советские предложения в области ядерного разоружения направлены на нейтрализацию этого страшного оружия», — подчеркивает индийская газета «Нэшнл геральд».

Эти действия Вашингтона, вызвавшие тревогу и негодование человечества, не имеют ничего общего с высокими целями, провозглашенными в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В тот момент, когда Вашингтон выражает оптимизм в отношении перспективы переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений и когда Советский Союз предлагает прекратить подземные ядерные испытания, приходится с сожалением констатировать, что западноевропейские страны — участницы НАТО уже сейчас согласились стать добровольной жертвой нейтронной бомбы. Повышенная

активность североатлантических «ястребов», добивающихся увеличения военных расходов стран — членов НАТО, неуклонный рост военного бюджета США, демонстративное форсирование разработки новых видов оружия — все это таит в себе серьезную опасность нового раунда гонки вооружений.

Противники разрядки активизируют свои усилия не только в сфере производства вооружения. Они развернули клеветническую пропагандистскую кампанию под фальшивым предлогом защиты свобод и прав человека. Тем самым они прямо, а чаще косвенно, обслуживают политику гонки вооружений со всеми ее известными последствиями. С помощью этой кампании они стремятся затуманить сознание масс в мире капитала, охваченном тяжелейшим кризисом, массовой безработицей, неуправляемой инфляцией, из которых лидеры капиталистического общества никак не могут найти выхода. Однако, сколь ни безнадежны эти усилия в наше время, они отравляют международную атмосферу, ибо представляют собой вмешательство во внутренние дела социалистических государств.

Невиданную, пожалуй, прежде широту приобрели усилия империалистических кругов и действующего в унисон с ними пекинского руководства, направленные на внесение раскола в ряды противостоящих империализму сил. Пекинские руководители все более настойчиво обращаются к Западу с призывами разговаривать с Советским Союзом исключительно «с позиции силы», «иметь достаточное количество современного оружия», «не поддаваться обману разрядки», которая якобы используется СССР как «ширма», за которой он «держит наготове нож». Пекинское руководство давно перешло от попыток ведения идеологической полемики с КПСС и другими отрядами международного коммунистического движения к тотальному межгосударственному противоборству с СССР и другими социалистическими государствами. Антисоветская истерия, разжигаемая китайскими средствами массовой информации, антисоветизм, которым веет от высказываний пекинских руководителей, достигли в последнее время огромных масштабов. Предметом злостных нападок «Жэньминь жибао» и других китайских газет являются различные аспекты жизни советских людей, внутренняя и внешняя политика КПСС и Советского правительства. В них неоднократно откровенно заявлялось, что «главный враг» нынешнего пекинского руководства — Советский Союз. Именно на базе антисоветизма и антикоммунизма пекинские лидеры ищут союза с самыми агрессивными кругами империализма и реакции, с врагами мира и человечества. Так, американский журнал «Ньюсвук», характеризуя высказывания Дэн Сяо-пина в сентябре 1977 г. в беседе с одной из многочисленных японских делегаций, отмечал, что заместитель премьера Госсовета КНР поразил даже делегацию японских политических деятелей, заявив, что Пекин не только одобряет «договор безопасности между Японией и США, но и выступает за расширение японских сил самообороны». Дэн Сяо-пин при этом делал упор на то, что Китай в своей внешней политике будет поступать так, чтобы всюду, где это возможно, ослаблять влияние Советского Союза.

Пекинские лидеры ведут активную деятельность по подталкиванию Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) на путь создания военного союза, сближения с Японией и странами НАТО на враждебной социалистическим странам основе. В то же время они пытаются дискредитировать политику Советского государства в этом районе мира, заявляя, будто СССР «постоянно выступает против предложения АСЕАН о создании зоны мира, независимости и нейтралитета

в Юго-Восточной Азии», вынашивает «агрессивный план» направить АСЕАН в русло коллективной безопасности.

Китайские руководители под прикрытием дымовой завесы антисоветизма активизируют свои военные приготовления, не скрывая территориальных притязаний к соседним странам. Время от времени они напоминают о своих «правах» на десятки тысяч квадратных километров «спорных районов» на границе с Индией, выражают решимость с помощью вооруженной силы удержать или «вернуть» другие территории, на которые претендует Пекин.

Пекинское руководство, следуя своему милитаристскому курсу, продолжает блокировать любые предложения, направленные на прекращение гонки вооружений, разоружение, разрядку международной напряженности. Как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, в Китае и вне его есть «силы, которые в нагнетании международной напряженности усматривают для себя политическую выгоду. У них опасные, авантюристические расчеты, против которых мы должны и будем бороться. Вместе с тем мы хотели бы, чтобы в Пекине поняли, что выступать вразрез с чаяниями народов, ополчаться против всего доброго и здорового в международных отношениях — дело неблагоприятное и бесперспективное». Взаимодействие пекинских руководителей с империалистическими силами представляет собой большую опасность не только для дела мира в Азии, но и для всех народов планеты.

Настоятельная необходимость усиления борьбы за прочный мир и безопасность на Азиатском континенте неоднократно обсуждалась на различных международных и региональных форумах. Под благотворным влиянием общего улучшения международного положения и на Азиатском континенте происходят в этом плане важные изменения. Победа вьетнамского народа, успех национально-демократической революции в Лаосе, полное изгнание американских агрессоров из Индокитая ликвидировали один из опаснейших очагов напряженности в Азии и во всем мире. Победа в Индокитае, одержанная благодаря бескорыстной всесторонней помощи Советского Союза, других социалистических государств и прогрессивных движений мира, нанесла серьезный удар по империалистической политике в Юго-Восточной Азии и в значительной степени способствовала созданию благоприятных условий для обеспечения мира, демократии и социального прогресса на Азиатском континенте.

Народам Азии известны роковые последствия слепого следования империалистической политике. Политика империализма на сколачивание блоков провалилась, многие страны Азии являются участниками движения неприсоединения, антиимпериалистическая, антиколониальная природа которого со всей ясностью проявилась на конференции в Коломбо в августе 1976 г. Отношения между странами Азии и странами социалистического содружества расширяются. Крепнут двусторонние связи и тенденции к разрешению спорных проблем мирным путем, к развитию взаимовыгодного сотрудничества. Но реакционные империалистические круги продолжают, как и раньше, вмешиваться во внутренние дела других стран, проводить политику подавления национально-освободительных движений.

Империалистические державы, несмотря на очевидное банкротство агрессивного курса, сохраняют свои военные базы в Азии, взяв ныне на вооружение так называемую «островную стратегию», которая, по существу, является проявлением в новой форме прежней политики американского империализма, направленной на подавление националь-

но-демократических движений, на противодействие силам мира, социального прогресса и демократии в Азии.

В настоящее время, когда многие азиатские государства страдают от агрессивной политики империализма и реакции, существует настоятельная необходимость укреплять и расширять борьбу за установление прочного мира и подлинной безопасности на Азиатском континенте.

Мир и безопасность в Азии отвечают интересам не только народов азиатских стран, но и всего человечества. В основу безопасности в Азии должны быть положены такие принципы, как отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и нерушимости государственных границ, невмешательство во внутренние дела, широкое развитие экономического и культурного сотрудничества на основе равенства и взаимной выгоды, а также право каждого народа самостоятельно решать свою судьбу, право на суверенитет, право распоряжаться своими богатствами, мирно решать споры и выполнять обязательства по международным договорам, что находится в полном соответствии с принципами Бандунгской конференции, Уставом ООН и соглашениями, заключенными странами Азии в интересах сотрудничества и всеобщего мира.

Советский Союз строит свои отношения с другими странами, в том числе азиатскими, на принципах уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, разностороннего взаимовыгодного сотрудничества. Такая политика полностью отвечает интересам народов этих государств, всех миролюбивых, прогрессивных сил нашей планеты.

Руководители Соединенных Штатов Америки и их западные союзники неоднократно заявляли о необходимости «установления в Азии мира и стабильности», обещали способствовать «улучшению условий жизни народов Азии». Однако, как показывает практика, подобные заявления — лишь пропагандистский трюк, цель которого — усыпить общественность, ввести ее в заблуждение относительно подлинных намерений империалистических сил.

Ныне в ряде районов мира сохраняются еще взрывоопасные очаги, реакционные и милитаристские круги не оставляют попыток столкнуть мир к временам «холодной войны». Агрессивная природа империализма осталась неизменной. Он по-прежнему является потенциальным источником возникновения войн. Однако сами возможности проявления этой закономерности значительно сузились и продолжают сужаться. Это объясняется тем, что данная закономерность не имеет глобального характера, а относится только к воинствующим империалистическим кругам. Времена всевластия и неограниченной ничем свободы действий империализма на международной арене безвозвратно ушли в прошлое. На весь ход мировых событий все более решающее влияние оказывают страны социализма, все миролюбивые силы.

«Призыв к миру был начертан на знамени Советского государства в час его рождения. И вот уже шесть десятилетий оно делает все, чтобы отстоять мир. Неуклонная борьба за мир, против гонки вооружений, за всеобщее и полное разоружение — эти благородные цели советской внешней политики закреплены в Конституции СССР. Такова воля нашего народа, хорошо знающего и цену войны «горячей» и цену войны «холодной», — говорится в обращении «К народам, парламентам и правительствам всех стран мира», с которым выступили Центральный Комитет КПСС, Верховный Совет СССР и Совет Министров СССР. В этом обращении еще раз подчеркнута решимость страны Октября и впредь добиваться упрочения мира.

Ныне внешняя политика Советского государства превратилась в действенный инструмент сохранения мира, срыва агрессивных планов империализма, предотвращения новой войны. Миролюбивая политика нашей страны обладает огромным и все более возрастающим влиянием на весь ход мировых событий, стала важным фактором оздоровления международных отношений. В современном мире нет ни одного сколько-нибудь значительного вопроса, который решался бы без Советского Союза, тем более вопреки ему. Международную деятельность нашей партии и Советского государства отличают принципиальность и последовательность, неиссякаемая энергия и настойчивость в достижении намеченных целей. Миролюбивые акции Советского государства вызывают глубочайший международный резонанс, дают новые импульсы борьбы против угрозы войны, за мир, за решение назревших международных проблем, за развитие сотрудничества между всеми странами и народами.

«Советский Союз, — отмечает японская газета «Асахи», — опираясь на исторические достижения за 60 лет, прошедших после Октябрьской революции, начал новое „мирное наступление“. «Призыв Л. И. Брежнева договориться о прекращении всеми государствами производства ядерного оружия, — пишет индийская газета «Нэшнл геральд», — это голос разума». Прекращение гонки вооружений — это вопрос, от которого действительно зависит будущее человечества.

* * *

Советское государство в течение всех 60 лет своего существования последовательно проводит ленинскую политику мира, выступает за утверждение в международных отношениях принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем, за развитие равноправного, взаимовыгодного сотрудничества между государствами во всех областях. Эти основополагающие принципы внешней политики СССР нашли свое отражение в специальной главе новой Советской Конституции. Новая Конституция развитого социализма указывает магистральный путь развития человечества, выступает историческим ориентиром для братских партий и народов. Она станет еще одним весомым вкладом нашей партии и Советского государства в дело коммунистического созидания, в дело борьбы за прочный мир во всем мире.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Саморазоблачение маоизма

[О политической кампании «критики четырех» в Китае]

Г. С. Николаев

Выступая с докладом, посвященным 60-летию Октябрьской социалистической революции, Л. И. Брежнев дал четкую марксистско-ленинскую оценку пагубности маоистской политики в Китае: «Хорошо известно, к каким тяжелым последствиям привели в Китае попытки игнорировать экономические законы социализма, отход от дружбы и солидарности с социалистическими странами, смыкание с силами реакции на мировой арене. Социалистические завоевания китайского народа подверглись большой опасности»¹. Коммунистические и рабочие партии всего мира, многие китайские коммунисты, высказывая свое отношение к событиям в Китае, и ранее не раз указывали на опасность маоистского курса во внутренней и внешней политике великодержавного шовинизма, антисоветизма, волюнтаризма, «революционной» фразы и экстремистских действий, грозивших столкнуть Китай с социалистического пути развития. События, происходящие в КНР с октября 1976 г., многочисленные публичные выступления китайских руководителей и печати служат наглядным подтверждением обоснованности таких выводов.

Состоявшийся в августе 1977 г. XI съезд КПК констатировал бесславный конец длившейся 11 лет «культурной революции» в Китае, а вместе с нею и ее зачинателей в лице «группы четырех» — Ван Хун-вэня, Чжан Чунь-цзя, Цзян Цин и Яо Вэнь-юаня. Предпринятые на съезде попытки как-то обелить Мао Цзэ-дуна и его «идеи», оправдать «культурную революцию», доказать ее правомерность и даже необходимость повторения подобных «революций» в будущем выглядели неубедительно, ибо они вступали в непримиримое противоречие с многочисленными признаниями китайским руководством ущерба, нанесенного стране в этот самый мрачный период истории КНР.

Осуществление в течение многих лет маоистского курса в области внутренней и внешней политики явилось тяжким испытанием для китайского народа, нанесло ему непоправимый урон. Теперь это вынуждены признавать, хотя довольно своеобразно, и в Китае.

Даже далеко не полная и не всегда объективная информация, просочившаяся на страницы китайской печати с осени 1976 г., восстанавливает довольно мрачную картину той обстановки, в которой жил и трудился китайский народ последнее десятилетие, то есть в период «культурной революции».

Комментируя пресловутое изречение Мао о том, что «полный беспорядок в «Поднебесной» ведет к всеобщему порядку», Хуа Го-фэн в

¹ «Правда», 3.XI.1977.

речи на Всекитайском совещании по распространению опыта Дачжяя 25 декабря 1976 г. разъяснял: «Беспорядок, который имел в виду Председатель Мао Цзэ-дун, это беспорядок, дезорганизующий врага». Однако о каком же враге может идти речь, если «культурная революция» — это детище Мао Цзэ-дуна, вскормленное и выпестованное «великим вождем» и его ближайшим окружением, включая критикуемых ныне Линь Бяо, Чэнь Бо-да и «четверку», — принесла с собой, как теперь признается в Китае, разрушение созданного народом партийного и государственного аппарата страны, анархию, страдания и лишения рабочим, крестьянам и интеллигенции Китая, дезорганизацию производства, бессмысленное растратывание материальных и финансовых средств, культурных ценностей страны, эрозию и извращение светлых идеалов социализма и коммунизма?

Мао Цзэ-дун сам впоследствии дал довольно критическую оценку «культурной революции»: «Соотношение между успехами и ошибками в великой культурной революции — 7 : 3, то есть успехи составляют 70%, а ошибки — 30%»². Но и эта оценка «успехов» явно завышена, так как не соответствует реальной действительности. Китайским руководителям приходится сейчас подсчитывать более серьезные убытки, нанесенные Мао и его окружением, и принимать меры, осуществление которых потребует не менее трех лет, чтобы положить конец «великому беспорядку» в общественной жизни и народном хозяйстве страны.

В интервью генеральному директору агентства Франс Пресс в октябре 1977 г. Дэн Сяо-пин признавал, что «четверка» занималась саботажем 11—12 лет, но последствия этого будут ощущаться в течение 20—30 лет. Дэн констатировал: «Мы очень отстаем во многих областях, главным образом в науке и технике. Это отставание стало особенно заметным за последние 10 лет». Вину за все это Дэн Сяо-пин возложил, как это сейчас принято в Пекине, на «банду четырех» — Ван Хун-вэня, Чжан Чунь-цяо, Цзян Цин и Яо Вэнь-юаня.

Нет сомнений в том, что «банда четырех» во многом ответственна перед китайским народом за причиненный ею социально-экономический ущерб стране. Не случайно «четверке» после ее свержения были предъявлены обвинения в том, что она «разнузданно перекраивает на свой лад марксизм-ленинизм», «применяет метод жестокой борьбы и беспощадного удара к большой группе партийных, государственных и армейских ответственных товарищей в центре и на местах», провоцирует столкновения с применением силы и гражданскую войну», «вносит раскол в ряды рабочего класса», «причиняет народным массам безмерное горе и страдания». Она обвинялась также в том, что «вбивает клин между национальностями», «нисколько не заботится о нуждах народа и кровных интересах масс и, более того, творит произвол и глумится над рабочими, крестьянами-бедняками и низшими средними массами, революционной интеллигенцией и другими слоями народных масс». Характеризуя «банду четырех», «Жэньминь жибао» 28 ноября 1976 г. писала, что это «смертельные враги коммунистической партии, рабочего класса, народа всей страны и китайской нации». О справедливости этого определения лучше всего судить самому китайскому народу. В данном случае важнее другое: все эти обвинения красноречиво свидетельствуют о произволе, царившем в Китае в течение последних 10 лет, являются приговором маоизму и всему военно-бюро-

² «Жэньминь жибао», 28.IV.1977.

кратическому режиму, порождающему «банды четырех» и им подобных.

«Главное зло всей контрреволюционной преступной деятельности антипартийной группировки», — писала 22 декабря 1976 г. «Жэньминь жибао» в передовой статье, — заключалось «в попытках узурпировать верховную власть в партии и государстве, установить власть этой шайки — фашистскую диктатуру...» По признанию самого китайского руководства, положение в Китае в последние годы жизни Мао Цзэ-дуна было настолько серьезным, что «судьба нашей партии и нашего государства держалась на волоске».

В речи Хуа Го-фэна на Совещании по Дачжаю отмечалось, какой был вызван «большой хаос в сознании людей и политике» и какой «огромный ущерб в экономике» был нанесен «четверкой», а фактически ближайшим окружением Мао, в результате чего «над Китаем за клубились черные тучи» и ему «угрожала весьма реальная опасность». «Такое серьезное положение, — констатировал Хуа Го-фэн, — еще никогда не возникало после провозглашения нашей республики, оно редко встречалось и после создания нашей партии», то есть после 1921 г.

Китайская пропаганда, выступив с осуждением «четверки», невольно пролила свет на самые темные стороны «культурной революции», организаторы которой «поощряли и поддерживали побой, погром и грабеж», «провоцировали конфликты с применением силы, разстроив народное хозяйство и причинив серьезный ущерб в ряде районов», «насаждали буржуазную групповщину, сеяли раздор, разваливали партийное руководство, разъединяли ряды рабочего класса», «вносили хаос в управление предприятиями», «срывали выполнение народнохозяйственного плана»³.

В области национальной политики «банда четырех», пользовавшаяся практически неограниченной властью в стране, «культивировала национальную отчужденность», «душила национальную культуру и искусство», «в корне изменила положения марксизма-ленинизма о нации и выхолостила классовую сущность национального вопроса», «стала заклятым врагом многонационального народа Китая». Кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, первый секретарь парткома Синьцзян-Уйгурского автономного района Сайфуддин отмечал, что в прошлом этому району «был причинен серьезный урон в политическом и экономическом отношениях»⁴. Такое же положение наблюдалось и в других автономных районах Китая.

О политическом лице «банды четырех» и применяемых ею методах теперь в Китае известно немало. Как сообщалось в китайской печати, ЦК КПК за шесть с лишним месяцев «тщательно и серьезно проверил политическое прошлое Чжан Чунь-цяо, Цзян Цин, Яо Вэнь-юаня и Ван Хун-вэня и на основе множества неопровержимых доказательств установил, что Чжан Чунь-цяо является гоминьдановским спецагентом, Цзян Цин — изменницей, Яо Вэнь-юань — классово чуждым элементом, а Ван Хун-вэнь — поворожденным буржуазным элементом», причем Чжан Чунь-цяо и Цзян Цин — «дважды контрреволюционеры», в прошлом и настоящем.

В выводах ЦК КПК, однако, умалчивается, что именно на этих «главных преступников» опирался в своих действиях Мао Цзэ-дун, развертывая «культурную революцию». В свою очередь «четверка», как установлено, «собрала вокруг себя массу новых и старых контр-

³ «Жэньминь жибао», 14.XI.1976.

⁴ Там же, 8.X.1977.

революционеров, людей, специализирующихся на буйствах, погромах и разбое, казнокрадов и расхитителей, продавшихся ей так называемых старых кадров, гнусных продажных писак, оппортунистов, занимающихся наущничеством и черными доносами, а также хулиганов, различных подонков общества и прочую нечисть». Все эти элементы были превознесены ею как «передовые люди», «идущие против течения», как «бодливые и колючие» «бунтовщики»⁵. Справедливости ради следует заметить, что среди «бунтовщиков» («цзаофаней») и «красных охранников» («хунвэйбинов») было немало обманутых, политически незрелых молодых рабочих и учащихся, увлеченных псевдореволюционными лозунгами Мао и «четверки».

Выдвинувшиеся на волне «культурной революции» так называемые «передовики» и «бунтовщики», как свидетельствовал ЦК КПК, «в ударном порядке принимались в ряды партии», «выдвигались на руководящие посты». Но и это еще не все. В сфере подчинения «четверки» были «средства обработки общественного мнения, система информации, опорные базы и пункты шпионской связи. Их черные руки проникли в ряд центральных органов и в учреждения ряда провинций и городов. Они еще создали «вторые вооруженные силы» (имеется в виду так называемое «народное ополчение», выполнявшее карательные и военно-контрольные функции по отношению к рабочим и крестьянам).

«В истории нашей партии,— резюмировал ЦК КПК,— мало кто может сравниться с ними по широте распространения яда, по величине причиненного вреда и по глубине влияния»⁶. Такое обвинительное заключение по справедливости следовало бы отнести в первую очередь к Мао Цзэ-дуну и его ближайшим последователям, число которых не ограничивается «четверкой».

Китайская печать во всех подробностях сообщила о методах, применявшихся в период «культурной революции» ее зачинщиками и вдохновителями. Отмечалось, в частности, что «они тайком организовывали людей, которым велели, переодевшись красногвардейцами, обыскивать квартиры лиц, знающих всю их подноготную, и даже секретно арестовывали этих лиц по совершенно необоснованным обвинениям, подолгу держали их в тюрьмах, жестоко мучили, а то и убивали, чтобы навсегда убрать свидетелей»⁷.

Газета «Цзефанцзюнь бао» 16 октября 1977 г. называла такие практиковавшиеся ранее в Китае методы, как «фальсификация фактов, пустозвонство, бесцеремонность, абсолютизация, косвенные нападки, однообразие, поспешное чаяний народа и присваивание себе права выступать от имени народа, тщеславие и корыстолюбие, когда ошибки входят в традицию»⁸.

Действуя от имени и с благословения Мао Цзэ-дуна, «четверка», как свидетельствовала китайская печать, «в контролируемых ею организациях и опорных пунктах устраивала суды, создавала тюрьмы, пытала невиновных, вынуждала признание и играла человеческой жизнью, совершая всякие фашистские злодеяния». Это она «состряпала совершенно нелепую реакционную формулировку: старые кадровые работники равняются демократам, демократы — каппутистам, каппутисты — контрреволюционерам», — по логике которой «должна быть свергнута большая группа партийных, государственных и армейских руководителей». В золотой фонд этого окружения Мао Цзэ-дуна

⁵ «Жэньминь жибао», 27.IV.1977.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Перепечатано в «Гуанмин жибао», 17.X.1977.

входили «карьеристы, властолюбцы, спекулянты, мастера побоев, погромов, грабежа, казнокрады, нарушители общественного порядка».

Тлетворное влияние маонистской «четверки» особенно сильно сказывалось в области пропаганды: «Сосредоточив в своих руках весь пропагандистский аппарат, они использовали печать, агентства, радио, телевидение, кино, театр и другие средства воздействия на общественное мнение, произвольно выхолащивали марксизм-ленинизм... ревизовали линию, курс и политические установки партии...» Таким образом, теперь констатируется, что в течение долгого времени в Китае центральные и местные органы пропаганды, которые должны были контролироваться партией, находились в руках небольшой группки людей, не имеющих ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

Как отмечала китайская печать, «используя контролируемые ими органы пропаганды, они искажали факты, выдавали кривду за правду, фабриковали слухи, обманывали массы. У них процветали «завод стальных дубин» и «фабрика ярлыков». «Они сыграли роль, которая была не по плечу открытым классовым врагам... проводили линию во вред стране и народу, линию, ведущую к гибели партии и государства...»⁹

Для китайской литературы и пропаганды того периода, по свидетельству «Жэньминь жибао», были характерны «длинное и вонючее повествование, беспредельное пустословие», «нагромождение марксистских фраз», «скоропалительные выводы», «использование туманных обихов и намеков», «ложь и фальшь для обмана масс», «фабрикация фактов», «однообразие и повторение одного и того же» и т.п.¹⁰

«Полностью игнорируя Центральный Комитет партии,—указывалось в китайской печати,—сектантская «четверка» самовольно организовала так называемые авторские группы при Пекинском университете, политехническом институте «Цинхуа» и Шанхайском горкоме», которые «публиковали в газетах и журналах статьи, написанные по избранным «четверкой» темам и под ее диктовку, чтобы обрабатывать общественное мнение в контрреволюционных целях». По китайским подсчетам, за последние 3 года ставленники «четверки» опубликовали в печати 168 «антипартийных статей».

Пекинская печать отмечала, что после X съезда КПК «по указке Яо Вэнь-юаня» в журнале «Хунци» был опубликован ряд таких статей, подготовленных авторскими группами «Лян Сяо», «Ло Сы-дина», «Чэнь Юэ», «Чи Хэна», «Фан Гана», «Чу Ланя» и ряда других. Кстати сказать, авторы этих «антипартийных статей» не раз выступали со злобными нападками и клеветой на Советский Союз. Учитывая, что китайская пропаганда в тот период находилась под контролем Яо Вэнь-юаня, нельзя не согласиться со справедливостью характеристики, высказанной в его адрес журналом «Хунци»: «Своей подлостью Яо Вэнь-юань поистине похож на политического хулигана типа Геббельса».

В статье Хуа Го-фэна, опубликованной 1 мая 1976 г., в числе обвинений, предъявляемых «четверке», указывалось, что она «спровоцировала «всеобщую гражданскую войну», задавшись преступной целью сорвать великую пролетарскую культурную революцию и сокрушить диктатуру пролетариата»¹¹. Но ведь не кто иной, как Мао Цзэ-дун,

⁹ «Жэньминь жибао», 28.XI.1977.

¹⁰ Там же, 26.II.1977.

¹¹ Хуа Го-фэн. «Довести до конца дело продолжения революции при диктатуре пролетариата» — к изучению V т. Избр. произв. Мао Цзэ-дуна, «Жэньминь жибао», I.V.1977.

выдвинул впервые лозунги «бунт — дело правое» и «огонь по штабам», под которыми руководимые «бандой четырех» хунвэйбины и цзаофани осуществляли разгром партийных и государственных учреждений. В свою очередь именно действия хунвэйбинов, поощряемых Мао и «четверкой», привели к тому, что страна действительно оказалась на грани «гражданской войны». Все политические кампании в Китае, приводившие не раз к «гражданской войне» — то есть к спровоцированным столкновениям, порой вооруженным, между трудящимся населением, с одной стороны, и органами подавления — с другой, будь то армейские части, органы общественной безопасности, вооруженное ополчение или хунвэйбины в качестве «орудия пролетарской диктатуры», — были организованы Мао и его окружением, и, следовательно, на них и лежит в первую очередь ответственность за трагические последствия этих кампаний.

«Культурная революция» нанесла существенный урон китайской экономике. Были нарушены системы материально-технического снабжения и хозяйственных связей, простаивала значительная часть оборудования, бездействовали целые предприятия. Повсеместно упала трудовая дисциплина, участился саботаж на производстве. Резко снизились темпы промышленного развития, нарушилась работа железнодорожного транспорта.

В период «культурной революции» было отброшено долгосрочное планирование народного хозяйства, подорвана и дезорганизована система управления китайской экономикой, потеряно огромное количество рабочего времени, непроизводительно потрачены громадные массы материальных и денежных средств в системе управления, на транспорте, в городском хозяйстве, в промышленности (частично прекращали свою деятельность целые министерства и ведомства, месяцами простаивали заводы, фабрики, отдельные цеха крупнейших производственных объектов, парализовывалась работа городского хозяйства и т. д.).

В трудном положении оказалось сельское хозяйство страны. По свидетельствам китайской печати, замедлилось и даже сократилось производство некоторых видов продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, сократилось производство зерна на душу населения, не выполнены первоначальные наброски планов механизации сельского хозяйства.

На XI съезде КПК, по существу, было признано, что за годы «культурной революции» в Китае в области экономики было «потеряно много дорогого времени», сложилась обстановка «застоя и даже спада в производстве». Отмечалось также тяжелое положение в области науки, культуры, образования.

На состоявшемся в октябре 1977 г. четвертом заседании Постоянного комитета ВСНП член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР Юй Цю-ли, характеризуя состояние народного хозяйства в прошлом, то есть в период «культурной революции», признал, что оно находилось в «положении полуплановости и полуанархизма», причем особенно серьезно пострадали сельское хозяйство, промышленность, транспорт. В частности, провинция Сычуань, которая являлась крупным производителем зерна, стала провинцией, ввозящей зерно.

В 1976 г., по признанию Юй Цю-ли, был нанесен «серьезный вред народному хозяйству», промышленное и сельскохозяйственное производство топталось на месте, снизился выпуск некоторых видов промышленной продукции, в некоторых районах и организациях процветали взяточничество, хищения и спекуляция, что подорвало социали-

стическую собственность. Государственные финансовые планы в течение нескольких лет подряд не выполнялись.

Предприятия металлургической промышленности КНР, например, недодали в период с 1974 по 1976 г. большое количество стали и цветных металлов, производство постоянно снижалось, что серьезно задержало развитие народного хозяйства¹².

«Группа массовой критики» при министерстве металлургической промышленности поведала на страницах «Жэньминь жибао», что в ходе кампании по «критике Линь Бяо и Конфуция» в 1974 г. были нанесены «огромные потери производственной деятельности некоторых предприятий». Как признавало агентство Синьхуа, на одном из ведущих предприятий черной металлургии Китая — Уханьском металлургическом комбинате в последние годы «производство свертывалось и одно время даже остановилось полностью». Лишь в ноябре 1977 г., по сообщениям китайской печати, был положен конец длительному невыполнению государственного плана на Уханьском и Тайюаньском металлургических комбинатах¹³.

Участники созванного Госсоветом КНР в феврале 1977 г. всекитайского совещания по работе железных дорог отмечали, что в последние годы «железнодорожный транспорт оказался очень слабым звеном в народном хозяйстве Китая».

Не лучше обстояло дело и в области сельского хозяйства, где наблюдались застои и апатия. Несмотря на значительное увеличение численности населения Китая, производство сельскохозяйственной продукции не возрастает, в результате чего сокращается количество продовольствия на душу населения. Пекинская печать жаловалась, что крестьяне в последние годы работали недостаточно усердно, используя политическую атмосферу в качестве предлога для увильвания от напряженного труда. Разговоры о механизации сельского хозяйства не подкрепляются практическими делами.

В результате «культурной революции» стране был нанесен непоправимый ущерб в деле подготовки специалистов. Вузы практически не работали с 1966 по 1971 г., а в период с 1971 по 1975 г. работали весьма условно, так как были отменены приемные и учебные экзамены, срок обучения уменьшен до трех лет, сокращены программы и аудиторные занятия. В 1976 г. набор студентов в вузы не производился. По статистическим данным, отмечало агентство Синьхуа, до «культурной революции» в стране ежегодно в среднем набиралось 1000—3000 аспирантов. «Однако в последние несколько лет... работе в этой области был нанесен большой урон».

В опубликованной в «Гуанмин жибао» в сентябре 1977 г. статье, за подписью теоретической группы министерства просвещения, также говорилось, что «делу социалистического просвещения был нанесен серьезный ущерб и ряды интеллигентов далеко не отвечают потребностям дела социализма как по количеству, так и по качеству». Сейчас Пекин вынужден признать несостоятельность маоистской теории и практики в области образования и возвращаться к той системе, которая существовала в первые годы после провозглашения КНР.

Деятельность маоистской группировки пагубно отразилась и на развитии науки в КНР. В период «культурной революции» научно-техническая интеллигенция меньше по сравнению с другими слоями

¹² «Жэньминь жибао», 2.XI.1977.

¹³ «Жэньминь жибао», 7.XI.1977.

интеллигенции, партийных и государственных работников подвергалась репрессиям и преследованиям. Однако, как свидетельствует китайская пресса, вдохновители и организаторы «культурной революции» в лице «банды четырех» и иные с ними, пренебрежительно отзывавшиеся о китайской интеллигенции в целом как о «презренной девятой категории» людей («чоу лаоцзю»), покушались и на научно-техническую интеллигенцию. Об обстановке в научной сфере в тот период наглядно свидетельствуют признания, сделанные китайской печатью. «Эти негодяи,— отмечалось на проведенном в марте 1977 г. собеседовании в Академии наук КНР,— смешивая научные вопросы с политическими, произвольно приклеивали тем, кто был не согласен с их взглядами в научно-технических вопросах, ярлыки вроде «противников великой пролетарской культурной революции», «противников социалистической новин» и т. п. Работники науки и техники с возмущением говорили о том, что в прошлом, то есть в годы «культурной революции», был «опорочен стиль учебы, удушена научная атмосфера и погублены некоторые молодые люди и научно-технические работники».

В опубликованном 23 августа 1977 г. сообщении о решении ЦК КПК созвать в Пекине весной 1978 г. Всекитайское совещание научных работников отмечалось, что наука и техника в Китае «понесли большой урон и значительно отстали от мирового уровня». Покровительствуемая Мао Цзэ-дуном «банда четырех» «отрицала, что наука содействует развитию производства, приводила в негодность оборудование для научных экспериментов, распускала научно-исследовательские учреждения, преследовала интеллигенцию, душила научную мысль»¹⁴.

Важнейшим событием последнего времени в Китае был состоявшийся в августе 1977 г. XI съезд КПК. Однако съезд не сделал необходимых выводов из уроков, преподнесенных «культурной революцией» и всей порочной политикой Мао Цзэ-дуна. Главные направления внутренней политики остались прежними — это дальнейшее насаждение маоизма, упрочение существующего военно-бюрократического режима, милитаризация страны, подготовка социально-экономической базы для реализации великодержавных планов пекинского руководства. Что же касается некоторых привлекательных для населения общих лозунгов и положений (о развитии «демократии», «заботе о жизни масс», реорганизации системы образования, важной роли интеллигенции и т. п.), то они пока не выходят из рамок маоистского курса и не меняют его существа.

Во главу угла вновь была поставлена внутривластная борьба. «Центральная задача на весь 1977 г.,— говорилось в новогодней статье трех редакций,— заключается в глубоком разоблачении и осуждении сектантской „четверки“». Журнал «Хунци», не смущаясь отсутствием логики, в одной и той же статье заявлял, что «„четверка“ и ее твердолобые сообщники составляют лишь крайне жалкую горстку», и одновременно доказывал необходимость «мобилизовать народные массы и широким фронтом развернуть народную войну» против этой «горстки». При этом утверждалось, что «ее тлетворное влияние очень широко и глубоко», она «везде распространила яд ревизионизма и вносила большую путаницу в сознание людей во всех областях — в надстройке и экономическом базисе, в революции и строительстве, в теории и практике, в центре и на местах»¹⁵. Политическая кампания «критики

¹⁴ «Правда», 24.IX.1977.

¹⁵ «Хунци», № 2, 1977.

четырёх», сопровождавшаяся арестами, казнями, репрессиями и повальными чистками, охватила всю страну. О ее масштабах свидетельствует хотя бы такой факт. Агентство Синьхуа 15 февраля 1977 г. сообщило, что всего за несколько месяцев партийные организации различных ступеней города Пекина организовали свыше 50 тыс. собраний «критики», в которых приняло участие 20 млн. человек.

С октября 1976 г. продолжается широкая чистка во всех партийных и административных органах КНР в центре и на местах, «критика» и смещение с постов кадровых работников, не только связанных с «четверкой», но и допустивших другие «серьезные ошибки». Спустя два месяца после XI съезда, по мнению пекинского руководства, эта работа все еще велась недостаточно удовлетворительно, в связи с чем из Пекина снова раздались призывы возобновить ее на более твердой основе, начать «третий этап борьбы». В конце октября 1977 г. «Жэньминь жибао» выступила со статьей «Работу по проверке нужно довести до конца». Напоминая о требовании ЦК КПК «вплотную взяться за проверку» (так в Китае именуется чистка кадров), газета ЦК КПК требовала более сурового отношения ко всем недовольным нынешней политикой Пекина, предлагая «крушить их с чувством такой же глубокой ненависти, какую мы испытывали в прежние годы к японским агрессорам, чанкайшистам и помещичьим карательным отрядам», не допуская проявления «излишнего милосердия и мягкотелости, или, по большому счету, гнилого либерализма»¹⁶.

За годы «культурной революции» Компартия Китая была сильно засорена и необоснованно раздута. Говоря о трудностях строительства КПК, «Жэньминь жибао» в марте 1977 г. отмечала, что Китай «является огромной мелкобуржуазной страной, что наша партия оказалась в окружении мелкой буржуазии, из которой вышло значительное количество членов партии. Такие специфические социальные условия сделали особенно тяжелой для нашей партии борьбу против разлагающего влияния буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, задачу по воспитанию и перевоспитанию членов партии». Казалось бы, что китайское руководство сделает правильные выводы для исправления положения. Однако и тут критические высказывания являются лишь излюбленными методами демагогии, с помощью которой подавляется недовольство в стране. В разряд зараженных мелкобуржуазной идеологией зачисляются не только сторонники «четверки», но и все те, кто не разделяет «идей Мао Цзэ-дуна», высказывает хоть малейшее сомнение в их абсолютной непогрешимости или тем более критически судит о них. Именно такие люди в первую очередь подлежат «чистке», остракизму и суровому наказанию.

В китайской пропаганде ведется схоластический спор с «четверкой» относительно того, в какой степени заражена Компартия Китая мелкобуржуазной идеологией, как понимать высказанное в 1976 г. утверждение Мао Цзэ-дуна о том, что буржуазия в Китае находится «как раз внутри самой коммунистической партии». Принципиальное различие в подходе к этому вопросу полемизирующих сторон заключается в следующем: «четверка» утверждала, что «внутри партии существует буржуазный класс», китайская пропаганда теперь доказывает, что «внутри пролетарской партии могут появляться и неизбежно появляются представители или группировки буржуазии, но никак невозможно появление целого буржуазного класса». Примечательно, од-

¹⁶ «Жэньминь жибао», 29.X.1977.

нако, что ни те ни другие не отрицают наличия самой болезни внутри КПК — зараженности партии мелкобуржуазной идеологией. Речь идет лишь о степени зараженности. Кроме того, обе стороны обвиняют друг друга в том, что именно противная группировка является главным очагом и носительницей этой болезни. В данном случае можно лишь констатировать, что такие недостатки внутри партии, как наличие мелкобуржуазной идеологии, великоханьский шовинизм, субъективизм, на опасность которых указывал еще VIII съезд КПК в 1956 г., не только оказались не изжитыми, но и переросли в новые, еще более тяжелые формы.

О неблагоприятном положении в КПК в 70-х годах лучше всего свидетельствует откровение самого бывшего председателя партии. Как повела китайская печать, 23 апреля 1975 г. Мао Цзэ-дун на одном докладе написал резолюцию: «У нас в партии действительно знающих марксизм-ленинизм немного. Некоторые возомнили себя знатоками марксизма-ленинизма, но фактически мало в нем разбираются. Они выдают себя за носителей истины, сплошь и рядом осыпают людей бранью. Это тоже одно из проявлений невежества в марксизме-ленинизме»¹⁷.

Китайская пропаганда ведет также дискуссию по вопросу о том, что считать главной опасностью для КПК и Китая в настоящее время — эмпиризм или ревизионизм. Как известно, в Китае давно уже наблюдаются отрыв от теории научного коммунизма, ревизия этого учения. Однако борьба против эмпиризма и ревизионизма лишь ширма. На самом деле китайские лидеры озабочены отнюдь не этим, они проявляют беспокорность, не произойдет ли отказа от маонизма в стране, не будут ли ревизованы «маоцзэдун'идеи». Под видом борьбы против эмпириков и ревизионистов китайские руководители, если употребить их лексикон, «прикрываясь красным знаменем, выступают против красного знамени» марксизма-ленинизма, пытаются подменить его «идеями» Мао Цзэ-дуна.

Как известно, 1976 г. был объявлен первым годом пятой пятилетки КНР, однако до сих пор не опубликовано никаких данных ни о выполнении четвертой пятилетки, ни о планах на пятую пятилетку, которые, видимо, еще не были разработаны даже в 1977 г. Хотя планомерное пропорциональное развитие китайской экономики, прерванное «большим скачком» 1958 г., а затем «культурной революцией», еще далеко не восстановлено, и «всеобщий порядок» в народном хозяйстве будет, по признанию руководителей КНР, наведен лишь к 1980 г., однако в повестку дня уже поставлен новый «скачок». В то же время XI съезд не выработал конкретной социально-экономической программы развития страны на будущее, предусматривающей последовательное развитие всех отраслей народного хозяйства, рост материального и культурного благосостояния китайского народа. В итоге до сих пор остаются нерешенными важнейшие проблемы Китая, связанные прежде всего с созданием современной материально-технической базы, с общим улучшением материального положения трудящихся, с обеспечением непрерывно растущего населения страны продовольствием и промтоварами, с эффективным распределением и использованием трудовых ресурсов и т. д.

Подчиняя внутреннее развитие Китая своей внешнеполитической программе, китайское руководство в экономической политике продолжает идти по пути милитаризации всего народного хозяйства страны.

¹⁷ «Цзефанцзюнь бао», 15.XI.1976; «Жэньминь жибао», 19.XI.1976.

Экономическая жизнь КНР ставится на службу задаче наращивания военного потенциала, что подрывает расширенное воспроизводство. С военизацией экономики неразрывно связано игнорирование жизненных интересов трудящихся, подмена научно обоснованных экономических форм и методов хозяйствования военно-административными методами внеэкономического принуждения, противоречащими объективным социально-экономическим закономерностям и тенденциям.

Провалы в народном хозяйстве КНР остро поставили перед китайским руководством вопрос о необходимости срочных мер в экономической политике. Однако пекинские лидеры пока не обнаруживают стремления действительно и решительно отойти от маоистской экономической политики. Напротив, они подтверждают действенность установок Мао Цзэ-дуна. При этом на первый план выдвигаются такие постулаты, как «ухватиться за классовую борьбу как за решающее звено», «политика — командная сила» и т. д. Это было подтверждено и задачами, поставленными Хуа Го-фэном на 1977 г., в центр которых выдвинута борьба против «четверки», а вопросы народнохозяйственного развития и тем более забота о благосостоянии трудящихся отодвинуты на задний план.

Состоявшееся в декабре 1976 г. в Пекине второе Всекитайское совещание по распространению опыта Дачжая сконцентрировало основное внимание не на разработке планов развития сельского хозяйства, а главным образом на политических вопросах. Аналогичный характер носило и Всекитайское совещание по распространению в промышленности опыта Дацина, проходившее с 20 апреля по 13 мая 1977 г. Политические вопросы преобладали и на многочисленных других Всекитайских совещаниях, обсуждавших положение в отдельных отраслях народного хозяйства.

Списывая на счет «четверки» огромные потери, вызванные простоями предприятий, волнениями и конфликтами на местах, китайское руководство одновременно пытается скрыть тот факт, что нынешнее тяжелое состояние народного хозяйства КНР является в первую очередь результатом проведения установок Мао Цзэ-дуна на практике.

Китайские руководители «считают последнее десятилетие потерянным»¹⁸ и подчеркивают необходимость «наверстать упущенное». Для осуществления этой задачи они, однако, не нашли ничего лучшего, как прибегать и дальше к прежним маоистским методам, основанным на перенапряжении людских сил, злоупотреблении трудовым энтузиазмом масс. Призывы «как можно быстрее наверстать время, упущенное по вине «четверки», используются для того, чтобы увеличить интенсивность труда. Печать всячески поощряла неограниченный по времени и неоплачиваемый дополнительный труд, когда «множество рабочих рано приходят и поздно уходят с работы, одни выполняет работу двоих»¹⁹. С такой же целью выдвигались призывы к развертыванию «социалистического трудового соревнования», «ударничества». На Дацинских нефтепромыслах, являющихся образцом для других предприятий, «один работает за нескольких, порой даже несколько суток без перерыва». Так китайский народ вынужден своим трудом расплачиваться за волюнтаризм Мао Цзэ-дуна.

В целом же об обстановке в китайской промышленности можно, видимо, судить по такому примеру. В 1976 г. на Лоянском тракторном заводе производство продукции сократилось, по признанию его руко-

¹⁸ «Нью-Йорк таймс», 5.XI.1977.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 21.II.1977.

водителей, на 75%. Если в 1975 г. он выпустил 22 тыс. тракторов, то в 1976 г. — менее четверти этого количества. В 1977 г. была поставлена цель добиться восстановления уровня 1975 г. О каком «скачке» может идти речь в данном случае?

Нынешнее руководство придерживается старой маоистской точки зрения на проблему модернизации сельского хозяйства и видит ее решение в механизации земледелия без широкой помощи государства, в опоре уездов, коммун и производственных бригад «на собственные силы». По указанию китайского руководства «все районы должны, в полной мере используя местные ресурсы, всемерно развивать малые промышленные предприятия...» (доклад Чэнь Юн-гуя на совещании по Дачжаю 20 декабря 1976 г.).

Материальные условия китайских трудящихся по-прежнему чрезвычайно тяжелые. В стране сохраняется жесткая карточная система на основные продукты питания и промышленные товары. Объявленное с 1 октября 1977 г. незначительное повышение заработной платы отдельным низкооплачиваемым категориям рабочих не меняет существа дела, заработок рабочих по-прежнему остается чрезвычайно низким.

Призывая выполнять «стратегическое решение» об «установлении всеобщего порядка» в стране, китайские руководители в целях осуществления этой задачи навязывают своему народу прежние, уже давно дискредитировавшие себя методы: в области идеологии — продолжение политических кампаний под видом «классовой борьбы», «развертывание великой политической революции» по типу пресловутой «культурной революции», дальнейшую обработку умов населения в маоистском духе; в организационном плане — очередную чистку кадров, подавление и устранение всех недовольных не только нынешним руководством, но и порочными сторонами всей маоистской политики; в области экономики — возврат к старым волюнтаристским концепциям, попытка убедить массы, будто «складывается ситуация нового „большого скачка“ в народном хозяйстве», который «далеко превзойдет „скачок“ 1958 года».

Выступая 9 мая 1977 г. на Дацинском совещании, Хуа Го-фэн рекламировал как «революционный» «поистине коммунистический» дух дацинцев, суть которого была сведена к проповеди аскетизма, отказа от всяких требований улучшения условий жизни и труда. Китайским рабочим было предложено следовать программе из 10 пунктов под названием «десять не», в том числе: «не бояться смерти», «не обращать внимания на условия труда», «не обращать внимания на продолжительность работы», «не считаться с вознаграждениями» и т. п. Эти и подобные им другие установки — «переносить грузы на плечах при отсутствии механизмов», «начать революцию с пятью лопатами», следовать курсу «опоры на собственные силы», не ожидая помощи от государства, — в условиях, когда чуть ли не половина государственно-го бюджета КНР расходуется на военные нужды, лишь подчеркивают лицемерность заявлений китайского руководства о его готовности «проявлять заботу» об улучшении условий жизни и труда своего народа. Хорошо известно, что к подобного рода политическим спекуляциям и методам внеэкономического принуждения Мао Цзэ-дун не раз прибегал в прошлом, начиная авантюристические эксперименты типа «большого скачка», «малой металлургии», «культурной революции». Известно и то, что эти эксперименты в конечном итоге приводили лишь к бессмысленному и бесплодному растрачиванию огромных людских и материальных ресурсов, не говоря уже об опoшлении самой идеи научного социализма.

Хуа Го-фэн на совещании по Дацину, отмечая, что «успехи в строительстве оказались не столь огромными, не были достигнуты темпы, которые мы намечали», был вынужден признать, что КПК также пришлось «внести плату за учебу», чтобы «научиться идти собственным, китайским путем в развитии промышленности». Действительно, китайский народ и Компартия Китая дорого заплатили за авантюристическую политику Мао Цзэ-дуна и теперь, конечно, вправе рассчитывать, что декларации о необходимости «проявлять заботу о трудящихся», выполнять социалистический принцип оплаты по труду, улучшать условия их жизни и труда будут наконец осуществляться на деле.

На сессиях ВСНП 3-го и 4-го созывов Чжоу Энь-лай дважды обнародовал схему развития народного хозяйства Китая, предусматривающую два этапа: первый шаг — к 1980 г. создать самостоятельную, сравнительно целостную систему промышленности и всего народного хозяйства; второй шаг — к концу нынешнего столетия всесторонне модернизировать сельское хозяйство, промышленность, оборону, науку и технику и вывести Китай в первые ряды стран мира по уровню развития народного хозяйства.

Заместитель премьера Госсовета КНР Юй Цю-ли, выступая в декабре 1976 г. на Дацинском совещании, подтвердил сделанное Чжоу Энь-лаем в 1975 г. заявление, назвав нынешнее десятилетие с 1976 по 1985 гг. решающим в осуществлении этих двух шагов. Решить эту задачу предлагается путем повсеместного распространения опыта Дачжайской производственной бригады и Дацинских нефтепромыслов.

Суть широко пропагандируемых в Китае методов Дачжая и Дацина заключается в претворении в жизнь основополагающей идеи Мао о развитии производства в «опоре на собственные силы» — за счет средств местных производственных коллективов, физического перенапряжения трудящихся, внедрения военизированных форм их труда и быта, сведения до минимума расходов на социальные нужды. Осуществление этих методов способствует освобождению государства от обязанностей организации экономической жизни общества, более свободному использованию централизованных материальных и финансовых средств в интересах военно-промышленного развития.

На совещании по Дачжаю была поставлена задача: «к концу 1980 года превратить свыше одной трети уездов в уезды дачжайского типа, в основном осуществить механизацию сельского хозяйства во всей стране»²⁰.

На совещании по Дацину аналогичная задача была поставлена перед промышленностью: к концу 1980 г. превратить каждое третье предприятие (завод, фабрику, шахту и т. п.) в предприятие дацинского типа. Была поставлена также задача «за три—пять лет путем упорной борьбы превратить железные дороги всей страны в предприятия дацинского типа», «сделать ряды железнодорожников крупной промышленной армией полувоенного типа».

Для осуществления в основном механизации сельского хозяйства к концу 1980 г., говорил Хуа Го-фэн, «следует вырастить большую армию сельских механизаторов, занимающихся и промышленным, и сельскохозяйственным трудом и приобщенных к современной технике». Однако решить эту задачу предлагается без затрат со стороны государства, за счет крестьян. Как отмечает китайская печать, «в настоя-

²⁰ Доклад члена Политбюро ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета КНР Чэнь Юн-гуя 20.XII.1976.

щее время выпускники государственных училищ и институтов механизации сельского хозяйства составляют небольшое число. Большинство сельских механизаторов готовится из местных крестьян силами народных коммун и производственных бригад»²¹. Пока же ужесточается порядок изъятия продовольствия у китайских крестьян. Со страниц печати КНР под прикрытием ликвидации последствий подрывной работы «банды четырех» раздавались призывы не допустить, чтобы излишки зерна оставались в деревне²².

Говоря о нарушениях в вопросе распределения зерна, наблюдавшихся в последние годы, китайская пропаганда указывает, что «в отдельных районах коммуны и бригады оставляли у себя слишком много зерна», и предлагает «сократить эти запасы»²³. Крестьян в провинциях настоятельно призывают собирать больше лекарственных трав, охотиться на дичь и пользоваться другими дарами природы, чтобы дополнять свои урожан²⁴.

После проведения в 1977 году XI съезда КПК руководство КНР занялось вплотную подготовкой к сессии Всекитайского собрания народных представителей. Эта работа ведется в обстановке острой закулисной борьбы за высшие посты в государственном аппарате и разногласий по вопросу о линии внутривластного и экономического развития страны. На состоявшемся 23—24 октября 1977 г. 4-м заседании Постоянного комитета ВСНП четвертого созыва было принято постановление о созыве весной 1978 г. первой сессии ВСНП пятого созыва с повесткой дня: отчетный доклад о работе правительства, внесение изменений в Конституцию КНР и доклад об этих изменениях, избрание и назначение руководящих работников государства.

Выступивший на 4-м заседании Постоянного комитета ВСНП Хуа Го-фэн сказал, что до созыва сессии ВСНП «должны быть созданы народные собрания в провинциях, городах и автономных районах». Вместе с тем он отметил, что «народные собрания в провинциях, городах и автономных районах долгое время не проводили своих сессий, а революционные комитеты не избирались своевременно. Эти обстоятельства помешали революционным комитетам действительно выполнять отведенную им роль». С конца 1977 г. «ревкомы», созданные во время «культурной революции» как новые органы власти в университетах, редакциях газет, научно-исследовательских институтах и на промышленных предприятиях, стали расформировываться, не оправдав возложенных на них надежд маоистов.

Выборы депутатов на сессию ВСНП, сказал Хуа, будут проводиться «на базе широкого обсуждения и демократических консультаций». В провинциях, городах, уездах «ревкомы» сохраняются, однако «избранные революционные комитеты должны быть такими, чтобы широкие массы с радостью и гордостью поддержали их, когда будут опубликованы списки их членов».

Пока же в Китае продолжают нарушаться права человека. Для китайской действительности характерны такие явления, как преследования и казни без суда и следствия по политическим мотивам, ущемление элементарных демократических прав и свобод населения, тщательная регламентация жизни простого китайца, система слежки и доносов, насильственное переселение молодежи в деревню, запрещение свободы передвижения по стране, выбора профессии и места житель-

²¹ «Жэньминь жибао», 16.IX.1977.

²² Там же, 11.V.1977.

²³ Там же, 20.X.1977.

²⁴ «Санди таймс», 30.X.1977.

ства. Иностранцы наблюдатели отмечали, что, поскольку все китайцы, нарушающие закон, называются «контрреволюционерами», порой нелегко отличить уголовного преступника от политического. В Китае нет писаного уголовного кодекса и приговоры выносятся «народными судами» на весьма зыбкой основе²⁵.

Некоторые косметические изменения в области просвещения и культуры не ведут пока к коренным переменам. В конце октября 1977 г. в Китае были опубликованы новые правила приема в вузы и аспирантуру, предусматривающие сдачу экзаменов. 20 октября 1977 г. агентство Синьхуа торжественно сообщило, что «к концу нынешнего года в высшие учебные заведения и институты АН Китая будет принято множество аспирантов». Аспиранты будут набираться с заводов, фабрик, из деревень, учебных заведений, воинских частей, партийных и административных учреждений, научно-исследовательских организаций и с различных предприятий, а также из числа выпускников вузов со сроком обучения 3 года.

Однако уже 3 ноября 1977 г. «Гуанмин жибао» пояснила, что государство на данном этапе может принять в вузы только небольшое количество молодежи, остальные должны занять место на «передней линии производства».

Характеризуя в целом первый год наведения «всеобщего порядка», приходится констатировать, что он не принес желаемых результатов и поставленные китайским руководством задачи оказались невыполненными.

Каким же видят пекинские руководители будущее Китая? Вот как исцует перспективу заместитель председателя ЦК КПК Е Цзяньпин: Каково же наше направление? Уже в 1958 году председатель Мао Цзэ-дун указал, что наше направление — это постепенно и планомерно организовать рабочих (промышленность), крестьян (сельское хозяйство), работников торговли (обмен), интеллигентов (культуру и просвещение), солдат (ополченцев, то есть всеобщее вооружение народа) в огромную коммуну и образовать из нее основную единицу нашего общества. Дачин и Дачжай как раз и являются представителями этого направления, указанного председателем Мао Цзэ-дуном. В сегодняшнем Дачине, как все товарищи уже видели, кроме промышленности, еще имеется сельское хозяйство, торговля, культура и просвещение, народное ополчение. Он являет нам прообраз такой основной единицы общества нашей страны, о которой говорил председатель Мао Цзэ-дун²⁶. В этой концепции не нашлось места основному требованию социализма, предусматривающему максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся, всестороннее развитие духовных и физических качеств всех членов общества. Но зато из нее со всей очевидностью явствует, что идеалом китайского общества нынешние руководители, так же как и Мао, считают казарменный коммунизм, превращение страны в огромный военный лагерь, поселенцы которого будут усреднены по единому шаблону, без учета их индивидуальных особенностей, по типу «железных Ванов», «нержавеющих винтиков», «стальных солдат», беспрекословно выполняющих любые приказы. Не случайно при этом китайские руководители продолжают ссылаться на указание Мао о создании школ «7 мая», в котором делался упор на то, что «армия должна быть великой школой» и «народ всей страны должен учиться у НОАК».

²⁵ Журнал «Ньюсуик», 14.XI.1977.

²⁶ «Жэньминь жибао», 13.V.1977.

Китайские лидеры не прочь поспекулировать на коммунистических идеалах, прокламировать своей конечной целью построение коммунизма. Однако эта задача отодвигается ими на столь отдаленное будущее, что практически исключается из жизни нынешнего поколения, по крайней мере на ближайшее столетие, и представляется недостижимой. «Наша конечная цель,— говорит Е Цзянь-ин,— осуществить коммунизм. Она будет достигнута, конечно, только через одну или несколько сотен лет». Учитывая часто цитируемое сейчас высказывание Мао Цзэ-дуня о существовании классов и классовой борьбы на протяжении всего исторического периода социализма, нельзя не прийти к выводу, что нынешние китайские руководители намерены еще многие десятилетия прибегать к методам репрессий, закручивания гаек, ущемления интересов трудящихся и подавления их прав путем «культурных революций» и других политических кампаний ради укрепления военно-бюрократического режима и наращивания ядерных бицепсов.

В области международной политики XI съезд утвердил прежнюю гегемонистскую линию Пекина, враждебную интересам социалистических стран, международного рабочего и национально-освободительного движений, всех прогрессивных сил, интересам мира во всем мире.

Китайское руководство открыто подчиняет все развитие народного хозяйства КНР подготовке к войне. Выступая 9 мая 1977 г. на совещании по распространению опыта Дацзина, Е Цзянь-ин заявил: «Нам обязательно нужно ускорить развитие основных отраслей промышленности с упором на производство стали, чтобы создать мощную базу для нашей оборонной промышленности и добиться большего ее прогресса». Пекинские руководители ставят задачу создать в стране максимально автономные в экономическом отношении крупные районы, которые в случае войны могли бы «самостоятельно вести бой».

Военный потенциал Китая наращивается ускоренными темпами. Спад в народном хозяйстве практически не сказался на работе предприятий военной промышленности. Основное внимание уделяется совершенствованию ракетно-ядерного оружия. В январе 1977 г. в Пекине состоялось четыре военных совещания, на которых обсуждались вопросы оснащения китайской армии новыми видами оружия, проблемы модернизации военной промышленности. Пропаганда Пекина заявляет, что расходы на оборону в дальнейшем должны возрасти.

Говоря об успехах Китая в области науки и техники за последние 28 лет, агентство Синьхуа 22 сентября 1977 г. особо выделяло лишь одну военную сторону — «успешные испытания атомных и водородных бомб и управляемых снарядов», — подчеркивая необходимость «значительно усилить оборонную мощь» страны.

О воинственности китайских лидеров свидетельствует и «кулачная философия» Мао, изложенная им еще в 1964 г., на которую нередко ссылаются в последнее время: «Есть два кулака и один крестец. Сельское хозяйство — один кулак, оборонная промышленность — другой. А чтобы наносить сильные удары кулаками, надо иметь крепкий крестец. Основные отрасли промышленности и являются этим крестцом»²⁷.

Обращает на себя внимание тот факт, что антисоветизм и подобные ему весьма сомнительные методы, к которым прибегает китайское руководство, во многих случаях несколько не отличаются от спекулятивных приемов «четверки». Так, член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сянь-нянь, в своей вступительной речи 20 апреля 1977 г. на Всекитайском совещании по распростра-

²⁷ «Жэньминь жибао», 13.V.1977.

нению опыта Дацина, прибег к старому и избитому средству — запугиванию китайского народа неизбежностью новой мировой войны и угрозой нападения на Китай со стороны Советского Союза. Выдвигая перед участниками совещания задачи ускорения промышленного производства и подъема народного хозяйства, Ли Сянь-нянь одновременно считал необходимым шантажировать их заявлениями о том, что «рано или поздно вспыхнет мировая война», что «советский ревизионизм ни на минуту не отказывается от мысли поработить нашу страну». Хуа Го-фэн на этом же совещании призывал: «Мы непременно должны быть готовы воевать. Момент нельзя упустить, время не ждет». «Мы должны, — развивал эту же философию Е Цзянь-ин, — не упускать из виду войну, готовиться к ней и делать упор на том, что скоро разразится крупномасштабная война»²⁸. Нетрудно заметить, что подобные клеветнические и провокационные заявления имеют целью оправдать антисоветский, антисоциалистический курс Пекина во внешней политике и установки на подготовку к войне, милитаризацию страны, ужесточение режима, пресечение всякого недовольства трудящихся.

В канун 60-летия Октября 1 ноября 1977 г. орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» опубликовала редакционную статью под заголовком «Теория председателя Мао Цзэ-дуна о делении на три мира — огромный вклад в марксизм-ленинизм». Эта самая пространная за последние годы публикация в китайской печати полностью заняла все 6 полос газеты. Восхваляя заслуги Мао Цзэ-дуна — «самого великого марксиста нашего времени» — «как перед китайской, так и перед мировой революцией», авторы статьи пытались доказать, что «теория» деления на три мира дает «научное марксистское определение современного мирового положения».

Основное содержание статьи было посвящено доказательствам того, что в настоящее время не существует мировых систем социализма и капитализма. Отбросив марксистско-ленинскую теорию классов и классово-борьбы, маонистские идеологи противопоставили ей внеклассовую геополитическую «теорию о трех мирах», в которой не нашлось места миру социализма. Более того, СССР клеветнически изображается «самым опасным очагом войны», а страны и народы третьего мира — главной силой в борьбе против... «социал-империализма» Советского Союза. Эта борьба прокламируется также «важной составной частью мирового пролетарского социалистического движения».

Игнорируя реальную расстановку сил в мире, втискивая современное международное положение в прокрустово ложе «теории о трех мирах», авторы статьи одним росчерком пера «ликвидировали» мир социализма: «того социалистического лагеря, что был прежде, уже нет, к тому же исторические условия не диктуют необходимости вновь образовать социалистический лагерь». Комментарии, как говорится, излишни.

В статье содержались призывы к созданию «широчайшего единого фронта для нанесения удара по главному врагу», то есть по Советскому Союзу. Приводились даже рассуждения о «широких возможностях организовать войны против агрессии», о так называемых «антиагрессивных войнах», по существу подводящие к мысли об оправданности превентивного удара.

Выдавая Пекин за основной центр стран третьего мира, авторы статьи вместе с тем старались доказать, что другие капиталистические

²⁸ «Жэньминь жибао», 13.V.1977.

страны, или второй мир (а в определенной степени и США), — «сила, с которой можно объединиться в борьбе против гегемонизма». С исключительно провокационной целью утверждалось, будто «Восточная Европа стала передней позицией, с которой Советский Союз готовится ринуться в войну против Западной Европы и США», что «сегодня страны Европы находятся под серьезной угрозой аннексии и оккупации со стороны советского социал-империализма».

Рассуждая о проблеме войны и мира, китайские стратеги не скрывали своих надежд на то, что «схватка между двумя гегемонами (СССР и США. — Г. Н.)... неизбежно приведет к войне. В настоящее время факторы войны явно нарастают», что «в нынешних исторических условиях прочный мир невозможен, новая мировая война неизбежна».

Пекинские лидеры не только предпринимают попытки подменить марксистско-ленинское учение о классах и классовой борьбе геополитической концепцией маоизма, но и откровенно навязывают гегемонию Пекина развивающимся странам, движению неприсоединения, международному коммунистическому и рабочему движению. Не случайно упомянутая выше статья изобиловала претенциозными и высокомерными поучениями, буквально диктующими международному пролетариату, «угнетенным народам и угнетенным нациям», народам всего мира, что они должны делать и как претворять в жизнь стратегию Пекина. Пекин в поучительном тоне требует от других стран и народов «всемерно усиливать борьбу против гегемонизма», «добиваться роста оборонных сил», «усилить борьбу против политики умиротворения», утверждая, будто «чем слаще песни о разрядке, чем напряженнее деятельность по умиротворению, тем больше опасность войны».

В целом китайские руководители делают новые шаги на опасном пути милитаризации, провоцирования вооруженных конфликтов и сколачивания всех реакционных и империалистических сил в «широчайший фронт» борьбы против социалистического содружества. Однако этот путь, как не раз показывала история, не имеет перспектив.

Суммируя вышензложенное, нельзя не прийти к выводу, что кое-кто в Пекине еще продолжает цепляться за прежний порочный курс в области внутренней и внешней политики, за отжившие и полностью дискредитировавшие себя старые маоистские догмы и концепции, пытается их подлатать и навязать народу как доброкачественный товар. Однако и ранее сомнительная репутация этого товара сейчас уже основательно дискредитирована. Становится все более очевидным, что чем больше в Пекине проявляет себя стремление следовать маоистским установкам, тем все дальше оно уводит Китай от социализма. Происходящие в Китае события показывают, что лишь критический пересмотр антинаучных, волюнтаристских внутривнутриполитических и экономических установок Мао Цзэ-дуна, отказ от враждебного социалистическому содружеству курса во внешней политике могут способствовать возвращению Китая на путь социализма, мира и социального прогресса.

Политика провокаций и войны

Ф. И. Дивов

В международной политике уже более полувека борются две противоположные тенденции, два диаметрально противоположных направления. Первое из них, олицетворяемое Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, воплощает в себе черты, близкие и понятные сотням миллионов людей труда, вытекающие из самой классовой природы социалистического общества, из его миролюбивых и созидательных целей. На знамени этого направления начертано: пролетарский интернационализм, братская солидарность с мировым революционным движением и стремление к миру, к организации отношений между государствами разных социальных систем на основе выдвинутых В. И. Лениным принципов мирного сосуществования.

Программа мира, выработанная XXIV съездом КПСС, и принятая XXV съездом нашей партии программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов представляют собой стройную систему мер, осуществление которых, с одной стороны, закрепляет поворот к разрядке и взаимовыгодному сотрудничеству, к справедливому, демократическому и прочному миру для всех народов, а с другой — отражает всю предыдущую деятельность нашей партии и государства на международной арене. Основные принципы миролюбивой внешней политики Советского государства закреплены в новой Конституции СССР.

Другая тенденция, представленная мировой реакцией, империализмом и прочими антинародными силами, отражает внешнеполитическую деятельность, целью которой является разжигание ненависти между народами, подрыв мира, гонка вооружений, провоцирование конфликтов и войн между государствами. Особо следует отметить тот факт, что последние 15—17 лет в едином строю с представителями этого внешнеполитического направления выступает пекинская национал-шовинистическая верхушка. Даже беглое знакомство с внешнеполитическим курсом пекинских лидеров убеждает в том, что китайское руководство прочно закрепилось на позициях, противоположных линии социалистических стран, всех миролюбивых сил мира.

Новое китайское руководство полностью восприняло внешнеполитический курс, навязанный Китаю Мао Цзэ-дуном, провозгласило «идеи Мао» «единственной политической базой» для Китая¹. «Мы обязаны как ценнейшее наследие передавать из поколения в поколение великос

¹ «Жэньминь жибао», 17.II.1977.

знамя председателя Мао Цзэ-дуна», — заявил на XI съезде КПК Хуа Го-фэн.

XI съезд КПК нацеливает народ на милитаризацию страны. Поставлена задача «быть готовыми воевать», «продвинуть вперед подготовку к войне», «усилить строительство народного ополчения», «поднять оснащенность армии на новый уровень». Взяты на вооружение установки Мао Цзэ-дуна создать «не только мощную сухопутную армию, но и мощный военно-воздушный и военно-морской флот», «рыть глубокие туннели, всюду запасать зерно». Все это оправдывается надуманной, явно несуществующей «угрозой» Китаю.

Обстановка в мире охарактеризована как «исключительно благоприятная» в связи с тем, что «наряду с дальнейшим нарастанием факторов революции заметно нарастает и фактор войны». Подвергается резким нападкам политика разрядки, отстаивается тезис о «неизбежности войны».

После смерти Мао Цзэ-дуна и устранения «четверки» в руководящих верхах военно-бюрократической диктатуры перевес оказался на стороне военных, которые продолжили курс на милитаризацию страны. Министр обороны КНР Е Цзянь-ин 9 мая 1977 г. откровенно изложил устремления Пекина сегодня: «Так или иначе наступит день, когда возникнет война. Мы должны уяснить эту ситуацию; имея доктрину войны, должны быть готовыми воевать, исходить из того, что скоро разразится война, война крупномасштабная».

Упорно отстаивая человеконенавистническую теорию о неизбежности мировой войны, маонисты пропагандируют доктрину «лобового удара и полного уничтожения» противника. 6 августа 1977 г. «Жэньминь жибао» опубликовала статью члена Постоянного Комитета Военного Совета ЦК КПК зам. начальника Генерального штаба НОАК Су Юя, в которой проводится мысль, что Китай должен готовиться к войне, причем к войне на уничтожение. Он заявил, что «нужно вести действия на уничтожение, нужно убивать людей, захватывать пленных, уничтожать живую силу противника. Такова наша стратегия и тактика». Непременным условием осуществления этой доктрины объявляется наряду с «революционизацией» совершенствование оружия и военного оснащения, ускоренное перевооружение всей армии, в соответствии с которым должна перестраиваться экономическая база страны, создаваться новейшая оборонная промышленность.

Новая волна тотальной подготовки к войне и форсированной модернизации армии в Китае тесно увязывается с антисоветизмом. Даже термин «угроза с Севера», бытовавший раньше в маонистском лексиконе, теперь заменяется еще более устрашающим для китайского населения домыслом, который гласит: «Советские ревизионисты ни на минуту не отказались от мысли поработить нашу страну».

Как свидетельствуют сообщения китайской и зарубежной печати, военные приготовления в Китае являются не просто пропагандистским трюком. Они являются реальностью. Ускоренными темпами идет работа по наращиванию ракетно-ядерного потенциала, созданию баллистических ракет среднего и дальнего радиуса действия. Если раньше в Китае ядерные испытания проводились раз в год, то в 1976 г. их было проведено четыре, в том числе три после смерти Мао Цзэ-дуна. Наряду с этим Пекин все активнее проводит линию на блокирование с агрессивными организациями империализма, такими, как НАТО, а также с военно-промышленными комплексами капиталистических государств.

В последнее время в связи с задачей модернизации вооруженных сил на страницах китайской печати проскальзывает мысль о необходи-

мости внесения изменений в маоистскую доктрину «народной войны» и переходе от оборонительной стратегической концепции к наступательной, то есть перенесения войны на территории других государств. Наряду с модернизацией всех родов войск пекинское руководство уделяет неослабное внимание боеспособности народного ополчения. В статье «О народном ополчении», опубликованной в «Цзефанцзюнь бао» 20 июня 1977 г. и перепечатанной в «Жэньминь жибао», указывалось, что Китай должен иметь мощные вооруженные силы, широко создавать дивизии народного ополчения, обучать каждого из 800 млн. китайцев воевать, создавать кадровые и резервные отряды ополчения, назначать политкомиссаров, политруков батальонов и рот, обеспечивать ополченцев оружием и т. д.

В экспансионистские планы пекинских лидеров вписываются выдвигаемые требования и предпринимаемые конкретные действия по наращиванию морского флота вообще и военно-морских сил прежде всего. В Китае ставится вопрос о том, чтобы пересмотреть всю политику в области развития и использования военно-морского флота. Поставлена задача создать такой флот, который был бы способен не только прикрывать побережье Китая, но и действовать самостоятельно на широких просторах Мирового океана. Взят на вооружение призыв Мао Цзэ-дуна, выдвинутый им в мае 1975 г., «всемерно бороться за создание мощного военно-морского флота». При этом всячески поносятся те деятели, которые якобы до сих пор создавали препятствия на этом пути. В числе этих деятелей называют Пэн Дэ-хуая, настаивавшего будто бы на «опоре на Советский Союз», Лю Шао-ци, который, как утверждает печать, снимал с военно-морского флота задачу борьбы против агрессии, Линь Бяо, якобы ослабившего военный флот своими «интригами». Особым атакам подвергается «четверка». Эта «банда», заявляют в Пекине, считала развитие военно-морского флота «тратой денег и сил», утверждая, что Китай — «сухопутная страна», и видела задачу военного флота только в том, чтобы «прикрывать побережье и служить тыловым подкреплением»².

В процессе обсуждения плана модернизации армии одерживает верх тенденция сокращения численности сухопутных войск и сосредоточения основных средств на развитии ракетно-ядерного оружия и военно-морских сил. Об этом говорит и тот факт, что Китай за короткое время (менее чем за пять лет) резко увеличил тоннаж своего торгового флота — с одного млн. до четырех с лишним млн. регистровых т.

Внешнеполитическая доктрина. Главным в маоистской стратегии на международной арене остается политика игры на основных мировых противоречиях между социализмом и капитализмом во имя устранения или хотя бы серьезного ослабления главных «соперников» Китая, стремление вызвать конфликт в самых крайних формах между двумя мировыми системами, прежде всего между СССР и США. Руководство КНР ведет дело к нагнетанию международной напряженности, смягчение которой, как считают в Пекине, создает дополнительные условия для еще большего отрыва в экономическом развитии крупнейших держав мира от Китая.

Деятельность нового руководства КНР на международной арене за истекший год подтверждает, что оно не просто наследует в маоизме все самое реакционное, самое шовинистическое, все то, что может приблизить осуществление великодержавных целей. Прежде всего подтвержден тезис о неизбежности мировой войны, войны между СССР и США. Хуа

² «Жэньминь жибао», 24.VI.1977.

Го-фэн заявил, что «империализм и социал-империализм есть война, и мы непременно должны воевать». Ему вторит и Ли Сянь-нянь: «Мы говорим — война неизбежна»³, а также другие деятели Китая. Взята под защиту антимарксистская маоцзэдуновская доктрина «трех миров» в соответствии с которой была «упразднена» решающая сила современности — мировая социалистическая система; маоисты по-прежнему муссируют тезис о «перерождении» Советского Союза и других социалистических стран в «социал-империализм», и, соответственно, главное противоречие современности между социализмом и капитализмом, которое определяет ход исторического развития, выдается как «схватка» между двумя «сверхдержавами».

Для максимально быстрого продвижения к намеченному рубежу пекинские лидеры наряду с созданием военно-промышленного комплекса внутри страны стремятся как можно шире использовать внешнеполитические средства. Последним отводится роль фактора, способного компенсировать нехватку военно-экономической мощи у Китая.

После смерти Мао Цзэ-дуна издана его ранее не публиковавшаяся работа «О десяти важнейших взаимоотношениях», где дается «обоснование» политики блокирования с реакцией и любыми силами, которые могут служить великодержавным интересам Пекина. Уже тогда, в пятидесятые годы, заявляют сейчас в Китае, Мао взял курс на разрыв с СССР, но по тактическим соображениям предпочитал «не выкладывать все сразу, сохранять кое-что про запас»⁴.

XI съезд КПК ныне использовал эту идею Мао Цзэ-дуна, решительно встав на путь смыкания с империализмом. По заявлению Хуа Го-фэна на XI съезде, этот курс необходим Китаю для «завоевания на свою сторону как можно больше союзников». Таким образом, новое пекинское руководство, оставляя основное направление курса Мао Цзэ-дуна без изменений, пошло еще дальше вправо, усиленно занялось поисками путей установления более тесного сотрудничества с империализмом на гегемонистской, антисоциалистической основе. Эта линия прослеживается на всех главных направлениях деятельности Пекина на международной арене.

Альянс с империалистическими государствами. Нынешние пекинские руководители все более откровенно проводят политику на дальнейшее сближение и расширение сферы «общих» или «параллельных» международных интересов Пекина и Вашингтона, на смыкание с самыми агрессивными кругами в Соединенных Штатах, а также в других капиталистических государствах.

Американо-китайские отношения с приходом нового руководства в Китае вновь оживились. Пекинское руководство пытается полностью нормализовать отношения с Соединенными Штатами, развить и углубить взаимодействие с Вашингтоном по различным международным вопросам. Сам по себе подобный подход не должен был бы вызывать возражений, если бы усилия при этом направлялись на упрочение мира, поддержание безопасности на международной арене. Но дело в том, что в основе американской политики Пекина, и в Китае этого не скрывают, лежит попытка подключить США к своей стратегии борьбы против Советского Союза и других социалистических стран.

Пекин одобряет военное присутствие США в Азии, в том числе в Южной Корее, поддерживает создание Вашингтоном военных баз в Индийском океане. Чтобы не вызывать негативной реакции США, ки-

³ «Жэньминь жибао», 13.V.1977.

⁴ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 5. Пекин, 1977, стр. 267—268 (на кит. яз.).

тайское руководство пошло даже на то, чтобы на какое-то время сдержать свое проникновение в страны Латинской Америки, смириться с политикой «двух Китаев», проводимой США.

Первой внешнеполитической акцией нового руководителя КНР Хуа Го-фэна в отношении Соединенных Штатов был прием бывшего министра обороны США Шлесинджера, находившегося осенью 1976 г. в Китае. Несмотря на то, что этот представитель «ястребов» Соединенных Штатов был отвергнут самими американцами за его воинственные настроения, пекинские лидеры нашли с ним общий язык и обсудили широкий круг вопросов внешней политики, а также чисто военные проблемы⁵.

Китайские руководители, принимая у себя американских представителей, стремятся убедить их в совпадении позиций КНР и США по международным вопросам, призывают понять, что такое совпадение гораздо важнее нерешенных проблем их двусторонних отношений. Ли Сянь-нянь, например, 9 октября 1976 г. заявил американским конгрессменам, что интересы Китая и США совпадают в Азии и на Тихом океане, а в декабре того же года он убеждал американских сенаторов в том, что для Китая главной проблемой сейчас является «угроза советской экспансии», а тайваньский вопрос имеет второстепенное значение.

Еще до того, как администрация Картера утвердилась в Белом доме, Пекин поспешил уведомить Соединенные Штаты о том, что Китай особое внимание уделяет политике США в отношении СССР и что будущее китайско-американских отношений зависит от советской политики Вашингтона. Вслед за этим в Пекине стали прямо уговаривать представителей США совместно выступать против Советского Союза. Ли Сянь-нянь, принимая в июле 1977 г. бывшего начальника штаба американских военно-морских сил адмирала Замуолта, говорил ему, что «Китаю и США необходимо сотрудничать, чтобы справиться с «северным медведем», и подвергал острой критике «примиренческую» политику США в отношении СССР⁶.

Представители китайского руководства занимают те же позиции, что и противники разрядки в США. Снимая с США ответственность за саботаж разрядки и продолжение гонки вооружений, Пекин изображает дело так, будто США «вынуждены» наращивать вооружения перед лицом «советской угрозы», широко пропагандирует выступления реакционных сил США, требующих разработки новых видов оружия, откровенно призывает США занять более жесткую позицию в отношении СССР.

Подобная провокационная позиция китайских руководителей усилила в некоторых кругах США намерение использовать Китай в империалистических, антисоциалистических и антисоветских целях. После смерти Мао Цзэ-дуна администрация Картера стала подчеркивать наличие «параллельных стратегических интересов» у США и КНР. Эту же мысль проводил госсекретарь США Вэнс, выступая в «Азиатском обществе» в Нью-Йорке. Он заявил: «После 25-летнего противоборства мы сейчас ведем конструктивный диалог с КНР. Мы считаем дружественные отношения с Китаем важнейшим элементом нашей внешней политики. Китай играет жизненно важную роль в поддержании мира во всем мире. Конструктивные отношения с Китаем имеют важное значение не только в региональном масштабе, но и для глобального равновесия». Помимо тезиса о «параллельности стратегических интересов» США и Китая в «сдерживании» Советского Союза на международной

⁵ «Правда», 30.XI.1976.

⁶ «Емиури», 24.VIII.1977.

арене, американцев начинают убеждать в том, что Китай скорее союзник, чем противник США.

Однако в отношениях Китая с США имеются и серьезные нерешенные вопросы, по которым ни та, ни другая сторона пока не проявляют уступчивости. Это прежде всего тайваньский вопрос. США стремятся при окончательной нормализации отношений с Китаем обеспечить гарантию интересов Тайваня, в том числе «защиту» острова от КНР. Президент Картер 14 мая 1977 г. заявил: «Мы не желаем, чтобы жители Тайваня подверглись наказанию или нападению». Пекин в свою очередь требует, чтобы США не вмешивались в решение тайваньской проблемы. Хуа Го-фэн, выступая с отчетом на XI съезде КПК, отметил: «США должны порвать так называемые дипломатические отношения с чанкайшистской кликой, вывести с Тайваня и из района Тайваньского пролива все свои вооруженные силы вместе с их военными сооружениями и аннулировать заключенный с чанкайшистской кликой так называемый «договор о совместной обороне»... Что касается того, когда и каким путем освободить Тайвань, то это чисто внутреннее дело Китая и тут совершенно недопустимо вмешательство со стороны какого бы то ни было иностранного государства».

Визит госсекретаря Вэнса в Пекин 22—26 августа 1977 г. и преследовал цель, помимо закрепления совпадающих точек зрения по многим международным вопросам, попытаться смягчить остроту взаимоотношений, вызываемых различным подходом сторон к Тайваню. В переговорах с Вэнсом участвовал Дэн Сяо-пин, а перед отъездом госсекретарь был принят Хуа Го-фэном. В зарубежной печати сообщалось, что переговоры были «откровенными, серьезными и полезными», что они позволили сторонам лучше понять позиции друг друга как по международным проблемам, так и по вопросам двусторонних отношений. Несмотря на усилия китайских руководителей, вопрос о том, сумели ли китайцы и американцы продвинуться вперед в решении основной для них проблемы — согласования компромиссной формулы тайваньского урегулирования, — остается открытым. Об этом говорил в своем интервью иностранным корреспондентам Ли Сянь-нянь 29 августа 1977 г., признавший, что Вашингтон не проявил «разумного» подхода к тайваньской проблеме. Тем не менее в результате визита Вэнса в Китай начался процесс прямых контактов между новой администрацией в США и новым руководством Китая при взаимном стремлении обоих партнеров налаживать отношения и не давать сохраняющимся разногласиям вокруг Тайваня доминировать в этих отношениях. Представитель Белого дома заявил, что на президента Картера произвел впечатление конструктивный подход китайских руководителей, который они проявили на переговорах с Вэнсом. Да и XI съезд КПК расценили в США как поворот к «разумному» прагматизму внутри страны, открывающему известные перспективы увеличения экспорта в Китай американского промышленного оборудования и технологии. Из США в КНР за 10 месяцев 1977 г. выезжало 80 различных делегаций, главным образом по линии научно-технических и общественно-политических обменов.

Крупнейшим партнером в Азии, на которого Пекин рассчитывает опереться в своей политике экспансии, является Япония. Руководство КНР продолжает настойчивые попытки втянуть Японию в антисоветский альянс. Оно требует от правящих кругов Токио включить в договор о мире и дружбе с Японией статью «о совместной борьбе против гегемонии», которая имеет целью привязать Японию к антисоветской колеснице Пекина.

В январе 1977 г. Хуа Го-фэн в устном послании премьер-министру Японии Фукуде, переданном через Такэри, председателя партии Комэйто, поставил будущее японо-китайских отношений в зависимость от того, согласится ли правительство Японии включить в текст договора «антигегемонистскую статью». Ли Сянь-нянь в мае 1977 г. заявил делегации соцпартии Японии: «Замедление с заключением договора приведет к усилению чувства недоверия между Японией и Китаем, что нежелательно»⁷.

Ослепленное ненавистью к Советскому Союзу, китайское руководство выступает с оправданием политики возрождения японского милитаризма и даже делает подстрекательские заявления, такие, например, как: «Япония должна иметь необходимое вооружение для самообороны»⁸. «Мы не стали бы тревожиться в случае какого-то перевооружения Японии, — заявил Ли Сянь-нянь в интервью английскому журналисту Д. Гамильтону в марте 1977 г., — при условии, что это будет делаться в целях самообороны. Такая большая страна, как Япония, не может обойтись без надлежащих сил обороны»⁹. Между тем военные круги Японии вынашивают планы дальнейшей ремилитаризации страны. Начальник управления национальной обороны (УНО) А. Михара выступил с предложением учредить министерство обороны, объединив УНО с управлением оборонных сооружений в единое военное ведомство. Этот план был оглашен после встречи с премьер-министром Т. Фукудой, на которой обсуждались военные проблемы. В Японии уже создана соответствующая военная машина вопреки 9-й статье конституции страны. Японские силы самообороны насчитывают 180 тыс. военнослужащих в составе сухопутных войск, 42 тыс. — в ВВС и 39 тыс. — в ВМС. На их вооружении находится самое современное вооружение и боевая техника, в том числе танки, истребители-бомбардировщики, ракеты тактического назначения, подводные лодки. Осуществляется 5-я пятилетняя программа модернизации и наращивания вооруженных сил на 1977—1981 гг. На это ассигновано 12,6 миллиарда иен — почти в 2,5 раза больше, чем на предыдущую программу¹⁰.

Но, видимо, в Китае кое-кто забыл, что именно японский милитаризм на протяжении многих лет попирает китайскую землю, убивал и грабил китайский народ, разрушал города и деревни, угонял в рабство трудящихся многострадальной страны. Сегодня пекинское руководство рассчитывает, что милитаризация Японии будет повернута против других стран. Так, по крайней мере, рассуждал заместитель министра иностранных дел КНР Юй Чжань, беседуя с делегацией газеты «Ёмиури» 15 мая 1977 г. Он заверял японцев, что Японию-де не оставят «одиноким и беспомощным» в случае войны с СССР¹¹.

В последнее время руководители Китая встали на путь налаживания контактов с японскими военными. На встречах с находившимся в Пекине бывшим генеральным секретарем Совета национальной обороны О. Каихара китайская сторона сделала предложение направить в порты КНР отряд учебных кораблей военно-морских сил и наладить обмен другими военными делегациями.

В апреле 1977 г. в Китае находился представитель управления национальной обороны Х. Ивасима, специализирующийся по вопросам американской военной стратегии. Он присутствовал на военных учениях в

⁷ «Асахи», 17.V.1977.

⁸ «Жэньминь жибао», 11.I.1977.

⁹ «The Sunday Times», 27.III.1977.

¹⁰ «Правда», 2.IX.1977.

¹¹ «Ёмиури», 17.V.1977.

районе Гуанчжоу, ему были также продемонстрированы подземные оборонительные сооружения в Пекине. В мае прошлого года в КНР побывала группа бывших офицеров японских военно-морских сил, среди которых находился бывший адмирал японского военно-морского флота Н. Нагаи. Группа имела две встречи с заместителем премьера Госсовета КНР, зам. министра обороны КНР Чэнь Си-лянем. В июне в Пекин выезжал бывший начальник штаба сухопутных войск японских «сил самообороны» Миёси. Он был принят заместителем начальника генштаба НОАК У Сю-цюанем. В июне—июле в Китае находился упомянутый выше бывший генеральный секретарь национального совета обороны Японии О. Каихара, встречавшийся с заместителем начальника генштаба НОАК Чжан Цай-цянем. И хотя эти визиты внешне носили частный характер, однако представители военных кругов Японии имели контакты отнюдь не с частными лицами Пекина, а переговоры велись не по отвлеченным вопросам. Речь шла, например, о создании тихоокеанского военного флота КНР, обсуждались вопросы наращивания вооруженных сил Японии, сохранения и укрепления японо-американского договора безопасности¹².

Таким образом, политика новых лидеров Пекина в отношении Японии сводится к тому, чтобы, с одной стороны, поддерживать те силы, которые выступают за милитаризацию и реваншизм в расчете на дальнейшее их втягивание в противоборство с СССР, а с другой — использовать экономический потенциал Японии и превратить ее в «дойную корову» для поддержания еще недостаточно развитой промышленности Китая.

Во внешнеполитических провокационных планах пекинских лидеров наряду с США и Японией особую роль играет Западная Европа. В этом районе перед пекинской дипломатией поставлена задача сделать все возможное для того, чтобы создать взрывоопасную обстановку в отношениях между странами социалистического содружества и западноевропейскими государствами. Пекинская пропаганда, высокопоставленные государственные деятели КНР непрерывно твердят о том, будто «стратегическим центром тяжести» борьбы между СССР и США является Западная Европа, будто «Советский Союз создает видимость подготовки к войне на Востоке, а готовится нанести удар на Западе». Выдвигая подобные провокационные лозунги, Пекин, безусловно, делает ставку на то, что именно в этой части земного шара им удастся мобилизовать все реакционные силы, способные противоборствовать содружеству социалистических государств. Главный редактор газеты «Ди Вельт» Кремп по этому поводу заявил следующее: «Зам. министра Юй Чжань положительно ответил на вопрос, существуют ли общие интересы между Китаем и Западной Европой. По его словам, они состоят в том, что мы в равной мере чувствуем себя под угрозой со стороны Советского Союза. Вот почему мы заботимся о политике Западной Европы и интересуемся ею... Западные европейцы должны осознать, что Советский Союз угрожает в первую очередь им, сказал Юй Чжань. Политическое единение Западной Европы и укрепление оборонной мощи в первую очередь служат сохранению Европы. О Китае речь идет лишь во вторую очередь. И наоборот, укрепление Китая, конечно, соответствует интересам Европы»¹³. Тот факт, что Пекин в июне 1977 г. сделал предложение поднять торговлю с ЕЭС на уровень торговли с Японией, подчеркивает большую роль, которую играет Западная Европа в стра-

¹² «Правда», 29.VI.1977.

¹³ «Die Welt», 14.V.1977.

тегни нового руководства КНР. Западноберлинская газета «Тагесшпигель» 4 июня 1977 г. интерпретировала этот шаг следующим образом: с октября 1976 г. Китай «широко распахнул окна» в сторону Запада. Вновь стало очевидным, что как Пекин, так и империалистические силы Западной Европы стремятся к тому, чтобы в интересах осуществления своих глобальных шовинистических планов создавать альянсы, или, как заявляют в Пекине, «единый фронт борьбы» против СССР и других социалистических стран. Но очевидно и другое. Как империалистические государства, так и Китай стремятся загрести жар чужими руками.

Смыкание Пекина с западноевропейскими странами, входящими в блок НАТО, осуществляется под предлогом укрепления «общей безопасности» от несуществующей угрозы Варшавского Договора. Ли Сянь-нянь в беседе с французскими журналистами в ноябре 1976 г. говорил: «Мы хотим, чтобы Европа была могущественной и чтобы ее оборона против Советского Союза упрочилась»¹⁴. Несколько позже та же мысль прозвучала в интервью Ли Сянь-няня представителю маоистской организации в Швеции: «Народы Европы боятся их (русских. — Ф. Д.). Вы живете в Европе. Мы считаем, что для Европы очень важно объединиться. В Европе много государств, но они расколоты, а некоторые борются за то, чтобы руководить другими... Мы поддерживаем единство Европы. Чем больше государств, тем больше ораторов. Китай поддерживает стремление ЕЭС преодолеть разногласия и поэтому установил с ним дипломатические отношения»¹⁵.

В Пекине с удовлетворением и одобрением воспринимают военные приготовления и гонку вооружений стран НАТО. Установив еще в 1975 г. контакты со штаб-квартирой этого блока, китайские руководители старательно координируют с ним свои действия. Стоило НАТО отрицательно отреагировать на предложение стран — участниц Варшавского Договора о неприменении первыми ядерного оружия в Европе, как из Пекина раздались возгласы одобрения. Аналогичной была реакция Китая и на инициативу социалистических государств в связи с Венскими переговорами о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Главная причина, которая обуславливает такой подход Пекина к европейским проблемам, заключается в том, что в Европе, особенно в ФРГ, еще живы и пытаются действовать политические силы, имеющие целью изменить территориальное статус-кво. Эти силы выдвигают требование «объединения Германии» на антисоветской, антисоциалистической платформе. А это, как надеются в Пекине, станет новой базой для конфликта. Подобный ход событий, если бы он имел место, вполне укладывается в провокационную внешнеполитическую доктрину Пекина.

В ФРГ действуют такие влиятельные политические партии, как ХДС и ХСС, которые категорически отмежевались от хельсинкского Заключительного акта и не признают этого исторического документа. Пекинские лидеры, строя политику в отношении ФРГ, уже давно обращаются в первую очередь именно к этим силам, поддерживают и пытаются развивать именно эти тенденции.

В феврале 1976 г. состоялся визит в КНР представителей ХДС А. Дреггера и В. Маркса. Их принял Хуа Го-фэн, который на этой встрече в ходе переговоров недвусмысленно подчеркивал намерение продолжать прежний политический курс. В Китай нанес визит и пред-

¹⁴ «Le Figaro», 3.XI.1976.

¹⁵ «Svenska Dagbladet», 14.VIII.1977.

седатель земельной организации СвДП в Шлезвиг-Гольштейне Уве Ромнебургер.

Пекин и Бонн установили связи по военной линии, в том числе обменялись военными атташе. С визитом в Китае побывал боннский министр по делам научных исследований Г. Маттхёффер, миссия которого состояла в том, чтобы установить сотрудничество в сфере использования термоядерной энергии. В ФРГ находилась группа китайских экспертов в области нефтедобычи.

Пекин пригласил западногерманские фирмы организовать в КНР крупную промышленную выставку под названием «Техногерма — 1975». Устроители выставки установили первые контакты и заключили первые сделки между китайской стороной и западногерманским военным концерном «Мессершмитт—Бельков—Блом». Этот концерн подписал соглашение о передаче Китаю технической документации на строительство вертолетов многоцелевого назначения Б-105.

Общей тенденцией является стремление Пекина расширять закупки в капиталистических странах Европы.

Объем торговли КНР в 1976 г. со странами ЕЭС увеличился на 11,7 при снижении общего внешнеторгового товарооборота Китая. При этом из числа стран — членов ЕЭС лишь ФРГ и Франция увеличили свой экспорт в КНР соответственно до 642,27 млн. долл. (на 32%) и до 358,2 млн. долл. (на 3%). Другие страны «девятки» заметно сократили свой экспорт в КНР. В общем, в 1976 г. Китай увеличил на 40% импорт промышленной продукции из стран — членов ЕЭС.

«Третий мир» и Пекин. Одним из основных объектов внешнеполитической деятельности Китая является «третий мир». Спекулируя на естественном стремлении развивающихся государств к независимости и самостоятельности, китайские руководители пытаются с помощью «антигегемонизма» оторвать их от надежных защитников и гарантов их независимости — социалистических государств, ослабить их силы, чтобы в дальнейшем установить в большинстве этих стран свой диктат. Все больше выявляется сугубо утилитарный подход китайского руководства к «третьему миру», определяемый его общим курсом. В этих целях он прибегает к таким беззастенчивым приемам, как солидарность с реакционными проимпериалистическими режимами и откровенная вражда к прогрессивным силам.

За время после смерти Мао Цзэ-дуна Пекин продолжил попытки сеять вражду к СССР на Ближнем Востоке, подыгрывая таким странам, как Египет, Судан, Кувейт, Саудовская Аравия. Он выступает против созыва Женевской конференции по Ближнему Востоку, приостановил оказание помощи палестинскому движению. Руководство КНР одобрительно относится к планам создания блока арабских государств с реакционными режимами в районе Красного моря.

Китай активно обучал и оснащал в Заире вооруженные банды Холдена Роберто, пытавшиеся захватить власть в Анголе. КНР так же, как и США, до сих пор не признает Народную Республику Ангола. На XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН КНР вместе с США не допустили присла Анголы в Организацию Объединенных Наций. События в Заире весной 1977 г. лишний раз показали, что Пекин действует заодно с американскими империалистами, милитаристами НАТО, реакционными арабскими режимами, правящими кругами Израиля и рassistами ЮАР. Китай осуществлял переброску разнообразных грузов по воздуху в Заир для борьбы с повстанцами в южнозаирской провинции Шаба. Эти «разнообразные грузы», по сообщениям газеты «Вашингтон пост», включали военную технику, в том числе тяжелую ар-

тиллерию и танки¹⁶. В 1975—1976 гг. Китай активно обучал и оснащал в Заире вооруженные банды ангольской марионеточной группировки ФНЛА, участвовавшие в империалистической интервенции против НРА. Поддержка ангольских террористических банд, действующих против Народной Республики Ангола, с территории Заира оказывалась и в 1977 г.¹⁷ На XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН Пекин не участвовал в голосовании по резолюциям, касающимся Ближнего Востока, осуждающим чилийских палачей, направленным против расизма и апартеида колониальных режимов на юге Африки.

Китай пытается внести раскол в ряды национально-освободительных движений, борющихся против расистских режимов в Зимбабве, Намибии и ЮАР. Действия Пекина приходится по душе южноафриканским расистам. Министр внутренних дел и информации ЮАР К. Мюльдер в начале 1977 г. заявил, что политика Пекина вполне устраивает режим апартеида. Он выступал также за развитие тесного сотрудничества ЮАР с Китаем. А Форстер оправдывал свою политику ссылками на Мао Цзэ-дуна¹⁸.

В результате известной позиции Пекина в связи с событиями в Анголе, отказом КНР признать НРА, поддержкой реакционных сил и пр. Китай потерпел в Африке политическое и моральное поражение. Такое развитие событий поставило Пекин перед необходимостью предпринять ряд мер политического, идеологического и экономического характера для восстановления влияния на Африканском континенте. В числе предпринятых китайским руководством политических мер по укреплению своих позиций в Африке особо важное значение придавалось приглашению в Пекин африканских представителей разного уровня. В первой половине 1977 г. в Пекине побывали президенты Мавритании, Габона, Судана, вице-президент Сомали, премьер-министр Конго, высокие и представительные делегации Туниса, Республики Гвинея-Бисау, Островов Зеленого Мыса и другие. Всего посетило Пекин за это время 118 делегаций из развивающихся стран. В беседах с ними китайские руководители пытались возбудить недоверие к политике СССР. Более того, пекинская пропаганда пыталась, фальсифицируя действительное положение вещей, изобразить дело так, будто кое-кто из прогрессивных деятелей разделяет антисоветскую позицию Пекина в Африке. Так было с одним из лидеров Патриотического фронта Зимбабве Робертом Мугабе, который находился в Китае в конце июня — начале июля 1977 г. Агентство Синьхуа приписало ему избитые штампы своей собственной пропаганды о «гегемонистских устремлениях» Москвы и «вмешательстве» Советского Союза во внутренние дела африканских стран. Однако сам Р. Мугабе решительно опроверг эти домыслы, заявив, что они направлены на то, чтобы подорвать Патриотический фронт, опорочить бескорыстную помощь СССР, его весомый вклад в дело освобождения юга Африки¹⁹.

В попытках укрепить свои пошатнувшиеся позиции в Африке Китай одновременно с политическими и идеологическими мерами воздействия использует и оказание экономической и финансовой помощи странам континента. К началу 1977 г. китайская помощь в форме кредитов примерно 40 африканским государствам достигла около 2,3 млрд. ам. долл., что составляло около $\frac{2}{3}$ всех китайских обязательств в «третьем

¹⁶ «Правда», 9.IV.1977.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Le Figaro», 23.V.1977.

¹⁹ «Правда», 6.VII.1977.

мире». Экономическая помощь африканским странам в ряде случаев дополняется военным сотрудничеством (Заир, Сьерра-Леоне, Конго, Танзания, Сомали и др.). В последнее время взяты обязательства об оказании помощи Тунису, Судану, Мавритании, Либерии, Египту, Заиру.

Предпринятые новым руководством Китая меры способствовали повышению престижа КНР в африканских странах прозападной ориентации. Однако в прогрессивных кругах различных стран политика Китая в Африке встречает осуждение и не пользуется популярностью. Характерно в этом смысле отношение африканских стран к позиции Китая в ООН. Если за главные инициативные предложения СССР и других социалистических стран голосуют почти все страны Африки, то китайскую позицию негативизма, обструкционизма никто, за исключением ЮАР, не поддерживает.

Пекин расширяет связи с фашистской хунтой Пиночета в Чили. Китайские власти предоставили хунте возможность использовать льготный беспроцентный кредит в 62 млн. долл., выданный еще в 1972 г. правительству Народного единства. Проведены переговоры о предоставлении хунте нового китайского кредита в 55 млн. долл. В Чили работают 120 китайских специалистов. КНР приглашала Чили принять участие в Кантонской весенней ярмарке 1977 г.

Не секрет, что китайские экспансионисты рассматривают многие страны Азии, находящиеся по соседству с КНР, как «свои потерянные территории», которые, по замыслам Пекина, должны быть «присоединены» к Китаю. Именно поэтому руководители КНР отчаянно сопротивляются идеям создания коллективной безопасности и взаимовыгодного сотрудничества на Азиатском континенте.

Практические шаги Китая в отношении Южной Азии по-прежнему направлены на столкновение друг с другом государств этого региона, вмешательство в их внутренние дела, раздувание националистических настроений. Пекин активно пытается повлиять на индийско-бангладешские отношения, старается поддерживать напряженность в индийско-пакистанских отношениях, подогревая споры вокруг проблем, связанных с Джамму и Кашмиром, муссирует идею «экономического неравенства» непало-индийских отношений. Главное же состоит в том, что Пекин при развитии связей с той или иной страной Южной Азии ставит целью прежде всего подорвать ее отношения с СССР. Пекин недвусмысленно дает понять, что и впредь будет придерживаться двойственной политики в отношении стран Южной Азии, делая акцент то на развитие межгосударственных контактов, то на усиление, в зависимости от конъюнктуры, подрывной, провокационной деятельности.

Социалистическое содружество — главное препятствие на великодержавном пути Пекина. В социалистическом содружестве Пекин видит ту силу, которая способна сорвать ставку Китая на нагнетание международной напряженности и провоцирование военных конфликтов.

В начале 1977 г. китайское руководство предприняло по существу скоординированную с империализмом пропагандистскую атаку на ряд социалистических государств с целью стимулировать контрреволюционные и антисоциалистические элементы. Вместе с антикоммунистами на Западе Пекин открыто встал на сторону различного рода отщепенцев и ренегатов.

Возросли нападки Пекина на коллективные органы сотрудничества социалистических государств — Организацию Варшавского Договора и СЭВ. Китайские руководители пытаются представить в искаженном свете известные события в Польше, Венгрии, Чехословакии, усиленно стремятся столкнуть социалистические страны на путь национальной

обособленности, спекулируют на лозунгах «независимости и самостоятельности», которые рекламируются как «эталон» поведения социалистических стран в отношениях с Китаем. Сохраняется ставка Пекина на «особые взаимные отношения» с одними странами, формальные — с другими и враждебные — с третьими. Это можно проследить на примере отдельных стран. Китайцы тормозят развитие отношений с СРВ. В отношении Кубы Пекин ведет открытую враждебную пропагандистскую войну, в первую очередь в связи с событиями в Анголе и Заире.

Все более откровенно правые, антисоциалистические позиции Пекин занимает в отношении ГДР. В ходе поездки Филбингера в Китай, состоявшейся в апреле 1977 г., китайское руководство явно выступало в поддержку реваншистских тезисов представителей ФРГ. Грубо пренебрегая законными интересами и суверенными правами ГДР, пекинское руководство поддерживает тезис об «открытом германском вопросе». Термин «Восточная Германия», несмотря на неоднократные протесты со стороны ГДР, стал постоянным в лексиконе официальных средств массовой информации и пропаганды Китая. Пекин поддерживает реваншистские тезисы о «единстве немецкой нации» и «преодолении раскола Германии». Заместитель министра иностранных дел КНР Юй Чжань в интервью главному редактору газеты ФРГ «Ди Вельт» Г. Кремпу говорил, что Китай поддерживает «воссоединение Германии», выступает «против раскола», что «нельзя раскалывать нацию»²⁰.

В особом ряду стоят китайско-албанские отношения. Внешне они продолжают носить «нормальный» характер, сохраняют антисоветскую направленность, но наметившиеся в них некоторые трения стали особенно заметны после смерти Мао и проходившего в начале ноября 1976 г. VII съезда АПТ.

Продолжая рассматривать Албанию в качестве базы для идеологических и политических диверсий против стран социалистического содружества и международного коммунистического движения, для укрепления своих позиций в районе Балкан и Средиземноморья, Китай стремится сохранить Албанию в орбите своей политики, углублять антисоветскую направленность ее внешнеполитического курса.

Важным средством удержания Албании в орбите Китая служит сохранение экономической зависимости Албании от Китая: на КНР приходится около 40% всего внешнеторгового оборота НРА. В торговле с Китаем Албания имеет хроническое пассивное сальдо, в связи с чем ее задолженность Китаю составила к концу 1975 г. свыше 540 млн. руб., а с учетом кредитов, оплаты специалистов и т. п. — достигла 1,6 млрд. руб. Албания находится в большой зависимости от Китая и в военной области, албанская армия практически полностью переоснащена техникой китайского производства.

Однако в последнее время наметились серьезные расхождения между Пекином и Тираной. Недовольство в Албании вызывает сокращение оказываемой Китаем экономической помощи и ее низкая эффективность: китайскими организациями затягивается составление проектов, разработка технической документации, несвоевременно поставляются оборудование и материалы, что ведет к срыву планов ввода в строй строящихся с помощью КНР промышленных и иных объектов.

Большую настороженность и озабоченность у албанского руководства вызвали резкие зигзаги внешней политики Пекина, усиление его курса на сближение с Западом, прежде всего с США. Процесс отхода Ал-

²⁰ «Die Welt», 14.V.1977.

башни от некритического признания внешней политики Китая начался с 1972 г., то есть после визита Никсона в КНР. В отличие от Пекина, выдвигающего на передний план борьбу против мирового социализма и смыкающегося на этой почве с империализмом и крайней реакцией, внешняя политика Албании продолжает носить резко антиимпериалистический характер. Тирана по-прежнему не идет на смягчение антагонизма в отношении США, ФРГ, Англии, Японии и воздерживается от установления с ними дипломатических отношений, хотя правительства этих государств неоднократно предпринимали зондаж по этому вопросу. Равным образом она уклоняется от следования в фарватере китайской политики поддержки НАТО и «Общего рынка», выступает против военного присутствия США в Европе и Азии. Албанцы отрицательно относятся к военным и экономическим организациям Запада, рассматривая их в качестве одного из источников международной напряженности.

Наиболее сильным ударом албанцев по своему китайскому союзнику явилась статья «Зери и популлит» от 7 июля 1977 г., в которой развенчивается маоцзэдуновская теория «трех миров». И хотя в ней Китай прямо не назван и она довольно сильно насыщена антисоветизмом, однако сомнений в направленности удара быть не может. Выступление министра иностранных дел Албании на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН и речь М. Шеху на приеме по случаю национального праздника 28 ноября 1977 г. еще раз продемонстрировали, что албанские руководители продолжают отстаивать свои позиции, все больше расходящиеся с линией Пекина.

Антисоветизм — основа политики Пекина. Отличительной чертой нынешней внешнеполитической линии Пекина является то, что ей все больше придается односторонняя антисоветская заостренность при заигрывании на этой основе с империалистическими государствами. Практически все международные акции Китая основываются на стремлении наносить максимальный ущерб Советскому Союзу, добиться его «изоляции», организовать крестовый поход империализма и мировой реакции против первого в мире социалистического государства. Именно под этим углом зрения выбираются партнеры и «союзники» на международной арене. Именно этот курс объявляется Пекином «революционной внешнеполитической линией Мао Цзэ-дуна».

Смещение внешней политики Пекина в антисоветском направлении осуществлялось последовательно, что находило отражение в решениях съездов КПК. Если на IX съезде КПК (апрель 1969 г.) была выдвинута задача одновременно вести борьбу против США и СССР — утверждалось, в частности, что «Китай четко отмежевался от американского империализма и советского ревизионизма», что «начался новый исторический период — период борьбы против американского империализма и советского ревизионизма»²¹, — то на XI съезде КПК, проходившем 12—18 августа 1977 г., был сделан еще один шаг в направлении усиления вражды с Советским Союзом. В политическом отчете Хуа Го-фэн назвал источниками войны Советский Союз и США, причем наибольшую опасность он приписал политике СССР. Он призвал к созданию «единого фронта» борьбы, который должен быть направлен в первую очередь против Советского Союза. Это положение закреплено и в новом уставе КПК в качестве программной установки. Хуа Го-фэн допустил в докладе грубые выпады против Советского Союза, повторил домыслы о том, что Советский Союз «не расстается с мыслью поработить

²¹ IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1969, стр. 91, 92, 94.

Китай», и утверждал, что «споры по принципиальным проблемам» с СССР будут продолжаться длительное время и что Китай будет и впредь «вести решительную борьбу острее против острей».

Хотя на XI съезде было заявлено, что «Китай и Советский Союз должны поддерживать нормальные межгосударственные отношения на основе пяти принципов мирного сосуществования», однако китайское руководство не только не выдвинуло каких-либо конструктивных предложений по нормализации отношений между КНР и СССР, но и делает вид, будто нет никаких инициативных шагов с нашей стороны, утверждает, что желание Советского Союза улучшить межгосударственные отношения с КНР должно быть «доказано практическими действиями СССР».

Пытаясь целиком возложить на Советский Союз ответственность за нынешнее состояние советско-китайских отношений и представить КНР как сторону, на инициативные шаги которой Советский Союз якобы не желает реагировать, китайское руководство, однако, выдвигает совершенно неприемлемые для нас предварительные условия нормализации, которые, по сути дела, еще дальше заводят в тупик советско-китайские отношения. Пекин требует от Советского Союза ни много ни мало, как отказа от политического курса и основных программных положений, зафиксированных в решениях XX—XXV съездов КПСС, в Программе КПСС, а также признания каких-то наших «ошибок» и «вины» начиная с 1960 г.

Высшие руководители КНР Хуа Го-фэн, Е Цзянь-ин, Ли Сянь-нянь и другие систематически выступают с антисоветскими заявлениями. Во время своих контактов с иностранцами пытаются убедить последних в «невозможности примирения» Китая с Советским Союзом ввиду наличия «коренных, непримиримых, принципиальных разногласий между СССР и КНР».

Задачи внутреннего развития, подъема экономики и военного строительства Китая на XI съезде КПК откровенно увязывались с антисоветским курсом. Необходимость создания «мощной экономической и оборонной силы», ускоренной модернизации армии обосновывается некой «угрозой» со стороны СССР.

В политике Пекина в отношении СССР обращает на себя внимание то обстоятельство, что руководство КНР, усиливая политическую и идеологическую конфронтацию, особенно противоборство на международной арене, ведет себя сдержанно в практических межгосударственных отношениях.

* * *

Внешнеполитический курс нового китайского руководства, закрепленный в решениях XI съезда КПК, строится с учетом того, что на пути к установлению мировой гегемонии Пекина стоят две наиболее мощные державы — США и СССР, которые можно устранить, лишь вызвав между ними военное столкновение. Оптимальным вариантом при этом считается, что стратегическим центром этого столкновения станет Европа. Однако не исключается возможность такого конфликта в другом, удаленном от Китая районе земного шара, например в Африке. В восный конфликт соответственно должны быть втянуты все империалистические и социалистические государства. Государства же «третьего мира» должны быть выведены из союзников социалистических стран и войти в сферу действия КНР. Что касается самого Китая, то он готов блокироваться с любыми силами, которые могут оказаться ему полез-

ными в противоборстве с главным врагом. На данном этапе им объявлен Советский Союз. Поэтому другая «сверхдержава» — США, — равно как и ее союзники, рассматривается как государство, с которым необходимо искать сближения и использовать его возможности для укрепления своей мощи.

Потребность спровоцировать мировой пожар во имя гегемонистских целей обусловила необходимость выдвижения теории о «неизбежности» третьей мировой войны. Проповедь войны и даже желательности ее стала неотъемлемой частью всей политической деятельности пекинских лидеров. Они открыто сделали ставку на то, чтобы превратить антисоветизм в орудие провоцирования больших и малых международных конфликтов, в инструмент борьбы против разрядки напряженности в мире. Вот почему внешнеполитическая линия Пекина чревата опасностью для народов всех государств независимо от их общественного строя. Сегодня внешняя политика Пекина вступает в новый, еще более враждебный и опасный для сил мира, демократии и социализма этап.

Путь вьетнамского народа к национальному и социальному освобождению

*Нгуен Кхань Тоан,
председатель Комитета общественных
наук СРВ*

Все передовое человечество с чувством огромного удовлетворения приветствовало появление в 1976 г. Социалистической Республики Вьетнам. Образование единого Вьетнама — форпоста социализма в Юго-Восточной Азии — явилось закономерным итогом многолетней самоотверженной борьбы вьетнамского народа за независимость, единство и территориальную целостность страны.

Вьетнамский народ прошел долгий исторический путь от феодального угнетения и засилья колонизаторов к национальному и социальному освобождению, от политического бесправия и отсталости к активности и единству действий широчайших народных масс, ставших хозяевами своей страны.

На этом пути вьетнамский народ принес тяжелые жертвы, но он наконец увидел Родину свободной и единой. Агрессоры были вынуждены признать свое поражение. В настоящее время Вьетнам вступает в новый этап социального экономического развития и вьетнамский народ под руководством своей марксистско-ленинской партии — Коммунистической партии Вьетнама — готов отдать все силы, чтобы превратить свою Родину в высокоразвитое социалистическое государство.

Героический вьетнамский народ на протяжении тысячелетней истории в самоотверженной борьбе против иностранных нашествий отстаивал свою национальную целостность и независимость.

В древние времена вьетнамская земля подвергалась агрессии со стороны соседей с севера — династии Тан, в средние века в страну вторгались с севера сунские и юаньско-монгольские орды, затем Вьетнам подвергался нападению войск династий Мин и Цин. Последние несколько десятилетий вьетнамский народ вел борьбу с японскими, французскими и, наконец, американскими империалистами, из которой он вышел победителем.

Никогда за всю многовековую историю Вьетнама его народ не поддавался панике, не терял присутствия духа и не склонялся перед врагами. Вьетнамский народ не мирился с марионетками, которых пытались сажать на трон чужеземные захватчики. И марионеток, и их хозяев ждала одна участь. Наш народ не хотел, чтобы ставленники северных феодалов, предатели Вьетнама решали его судьбу.

Проявляя героическую волю, вьетнамский народ боролся за свою независимость, свободу и национальную самостоятельность. Отстаивая свою государственность, самобытную культуру и искусство, он сумел за период своего четырехтысячелетнего существования противостоять жесточайшей ассимиляции.

Во II тысячелетии до н. э. на территории Вьетнама существовало государство Ванланг. В основном это была сельскохозяйственная цивилизация, хотя она и не создала таких грандиозных сооружений, какие принадлежат классическим древним культурам, существовавшим в долине Нила, в Междуречье, в Средиземноморье и т. д., явившимся преимущественно продуктом рабовладельческого способа производства, однако представляла собой источник пробуждения самосознания, крепкой и твердой жизнеспособности нации, которую не смогло уничтожить чужеземное иго, навязываемое завоевателями.

После тысячелетнего иностранного господства во Вьетнаме начиная с X в. создается сильное независимое феодальное государство — Дайвьет. Однако и в дальнейшем — в средние века — маленькая страна с богатыми природными ресурсами постоянно была объектом преступных воцелений чужеземных феодалов. Суровая историческая действительность убедила вьетнамцев, что защита своей родины — это прежде всего защита мира и счастья народа. Великие герои нации всегда считали это своим священным долгом. Так было в течение всей исторической эпохи протяженностью в 500—600 лет.

Вьетнамский народ пронес сквозь тысячелетия свою национальную самобытность, все то лучшее, что есть в национальных традициях и культуре. Об этом могут свидетельствовать примеры, взятые из вьетнамской литературы. Так, в выдающемся произведении — поэме «Киеу» — гениальный автор языком простого народа смог выразить вьетнамский народный дух даже в классических рамках китайской поэзии, господствовавшей при дворе в те времена. Таким образом, было создано немеркнущее в веках, в полной мере национальное произведение, глубоко народное по своему характеру.

Вьетнамский народ не раз поднимался на всенародную войну против чужеземных агрессоров.

Так, известно, что агрессия войск династии Цинь в III в. до н. э. потерпела позорное поражение. Вьетнамцы создали силы сопротивления агрессии, нападали по ночам из засад на войска Циней, вели упорную борьбу в течение десятилетий¹. Во II в. до н. э. весь народ поднялся на борьбу против войск Ханьской династии. Эту трехлетнюю борьбу возглавляли сестры Чынг.

За время своего тысячелетнего господства во Вьетнаме поработители, к какой бы династии они ни принадлежали, с большим трудом отражали нападения и подавляли восстания вьетнамцев. Эти восстания следовали одно за другим, возникали повсеместно, принимали общенародный характер, приводя к восстановлению национальной независимости. Пример тому — возникновение государства Вансуан в конце IV в., которое хотя и просуществовало недолго, но укрепило веру народа в возможность добиться освобождения, достичь полной победы.

Именно благодаря этому вьетнамцы под руководством Нго Куена и смогли в начале X в. навечно покончить с тысячелетним рабством.

Движущей силой этой борьбы был народ. За тысячи лет истории во вьетнамском народе, который постоянно был объектом агрессии со стороны жестоких врагов, выковывалась стойкость и удивительная жизненная сила, народ научился ценить независимость и свободу. Только обладая такими чертами характера, вьетнамский народ смог вынести все тяготы, выпавшие на его долю. Чем тяжелее были гнет и эксплуатация народа, тем дороже ему были независимость и свобода.

¹ История Вьетнама, т. 1. Ханой, 1976, стр. 73.

Классики марксизма давали высокую оценку различным формам борьбы против угнетателей, в частности восстанию рабов во главе со Спартаксом. Маркс и Энгельс показали историческое и политическое значение этого события. Ленин также говорил о том, что рабы, составившие, чтобы сбросить оковы рабства, уже завоевали половину свободы. Любовь к свободе и независимости берет начало с осознания народом своего права быть хозяином собственной страны, всех ценностей нации, собственной судьбы, всего, что создано народом. Это сознание в силу исторических условий послужило основополагающим фактором укрепления и защиты страны на протяжении всей истории. На этой почве развились замечательные патриотические традиции вьетнамского народа, давшие удивительную силу духу свободы и независимости. Как горный ручей, начинаясь от истоков, находит свой путь в море, так и дух свободы и независимости в итоге находит свое воплощение в дороге, ведущей к социализму и коммунизму.

Патриотизм вьетнамского народа — это подлинный патриотизм. В новых условиях он получил дальнейшее развитие и имеет определенную ценность. Ведь только обладая подлинным патриотизмом, можно последовательно умножать национальные богатства в соответствии с законами и потребностями национального освобождения нынешней эпохи. Борьба за свободу и независимость неразрывно связана с борьбой за социальное освобождение и социализм, подлинный патриотизм органично связывается с пролетарским интернационализмом, а революция в отдельной стране представляет собой как национальную, так и интернациональную задачу.

Среди славных традиций вьетнамского народа, возникших в ходе укрепления и защиты страны под знаменем борьбы за свободу и независимость, есть традиции, которые можно считать основополагающими. Эти традиции наша партия — авангард рабочего класса Вьетнама — развила дальше, придала им эпохальный масштаб.

Это прежде всего развитое в народе чувство хозяина своей страны. Вьетнамские коммунисты, руководимые президентом Хо Ши Мином, убедились в том, что картина эволюции человечества, нарисованная классиками марксизма, в основном подтверждается вьетнамской действительностью. История борьбы нашего народа против чужеземной агрессии или против реакционных режимов внутри страны имеет глубокие корни и свои истоки. Это в конечном счете и по сути дела была битва за выживание и против эксплуататорских классов.

Благодаря наличию во Вьетнаме объективных благоприятных предпосылок у вьетнамского народа издавна выработалось чувство хозяина своей страны, еще до того, как чужеземные агрессоры, стремясь поработить наш народ, совершили превосходящими силами крупномасштабное вторжение в нашу страну, и до того, как наш народ оказался под властью класса рабовладельцев или феодалов, вьетнамцы уже создали своими силами собственную культуру и имели сравнительно организованный уклад жизни. Это был объективный фактор, способствовавший возникновению у них чувства хозяина своей страны. Обладая этим чувством, вьетнамский народ хотя и не смог отразить первого крупного нашествия врагов, однако все же сумел сохранить свой национальный дух и стремление к независимости на протяжении десяти веков. Благодаря этому вьетнамская нация через тысячу лет нашла в себе достаточно сил, чтобы покончить с чужеземным игмом и предстала сильной нацией с четко выраженными национальными чертами. Вследствие этого чем сильнее был гнет, тем сильнее росло со-

противление народа и выше был его боевой дух, а народные выступления носили все более наступательный характер.

Другим важнейшим фактором является первостепенная роль народа. Народ — творец истории. Это положение исторического материализма — его жемчужина, высочайшее достижение человеческого разума. Скрытая тысячелетиями, когда существовали формации, построенные на эксплуатации человека человеком, эта истина появилась как луч солнца, когда конфликт между рабами и современными рабовладельцами достиг наивысшего накала, чреватого взрывом, в котором созрело понимание рабочим классом своей исторической миссии.

На протяжении десятков веков в узких и жестких рамках феодального общества с его образом жизни, способом производства, образом мышления и действий, связанных и ограниченных строгими консервативными формулами и порядками, происходил стихийный процесс осознания народом своей роли. В таких жестких условиях высшие ценности нации, естественно, выхолащивались. И напротив, когда обстоятельства менялись, когда начинались крупные прогрессивные изменения, то лучшие традиции нации при условии, что они получали развитие, не отставали от потребностей эпохи, становились значительной силой революции.

Нельзя говорить о том, что, например, период феодализма был для вьетнамского народа «легче», чем в других странах. Это не так. Но в силу объективных условий и особенно из-за того, что наша страна постоянно находилась под угрозой нападения, правящий класс независимо от своей воли для того, чтобы выжить, вынужден был опираться на народ. К тому же в дни страшных испытаний, когда судьба родины висела на волоске, господствующие классы не могли избежать размежевания. Из их среды появлялись талантливые люди, являвшиеся подлинными патриотами, глубоко понимавшими нужды и чаяния народа. Они осознавали огромную силу народных масс. Эти люди понимали свою связь с народом, действовали в духе объединения с народом против общего врага, за спасение родины. Все это было бесценным вкладом, имевшим решающее значение для полного разгрома войск монголо-юаньской династии в XIII в. и Минской династии в XV в.

Наиболее выдающимися историческими личностями средневековья, память о которых бережно хранит народ, были такие национальные герои, как Чан Хынг Дао и особенно Нгуен Чай.

Сплоченность и коллективизм, братская взаимопомощь, творческий дух и вера в победу — эти достоинства вьетнамского народа, которые он издавна вырабатывал и заботливо берег, воплотились в сияющие жемчужины вьетнамской народной литературы — поговорки, песни, стихи, напевы и т. д.

Монолитная сплоченность народных масс в период зависимости от северных соседей явилась основой для национального единства, что позволило Нго Куену вернуть стране независимость и суверенитет. В дальнейшем, чтобы преодолеть разобщенность и территориальную раздробленность страны — последствия длительного иностранного господства, — Динь Тхен Хоанг стремительно разгромил войска двенадцати феодалов, стремившихся занять место северных правителей и сохранить раздробленность Вьетнама. Восстановление территориальной целостности позволило Ле Дай Ханю сокрушить сунские войска, которые намеревались захватить молодую и еще слабую страну и навязать вновь господство северного соседа.

Победы Нго Куена, Динь Тьен Хоанга, Ле Дай Ханя явились звеньями одной цепи событий, которые привели к рождению сильного вьетнамского государства Дайвьет. Однако враги продолжали с вождеденшем смотреть на богатую вьетнамскую землю и искали повода для вторжения. Если они не были готовы в военном отношении, то прибегали к дипломатическим уловкам — направляли к нам послов, которые занимались шантажом, предъявляли ультиматумы, требовали от вьетнамских монархов уплаты дани их императору, предоставления дорог для передвижения войск, направляющихся на завоевание других стран, и т. п.

В критические моменты в жизни нации основные интересы правящего класса совпадали с интересами народа. Но как только дни испытаний проходили и войска захватчиков, заплатив дорогую цену за агрессивные планы, оставляли Вьетнам в покое на относительно продолжительное время, феодалы спешили прежде всего укрепить единоличное господство класса крупных помещиков, орудием которого были трон и бюрократический аппарат власти. Пропасть между крестьянством и аристократией с каждым днем углублялась.

Однако в период создания вьетнамского государства стране постоянно угрожали внешние враги и централизованная феодальная власть была исторической необходимостью. Но когда агрессия извне уже перестала непосредственно угрожать стране — не считая постоянных пограничных конфликтов и столкновений на Севере и Юге, имевших место во все времена, — монархия с высокой степенью централизации власти стала источником разногласий, запутанных конфликтов, гражданских войн, ослаблявших феодальные порядки. Враждующие клики феодалов непрерывно боролись друг с другом, узурпируя трон, захватывая и присваивая земли. Серьезные последствия этих действий для экономики, общественной жизни, культуры, общественного порядка ложились на плечи крестьянства, повсеместно вынуждая его восставать. С другой стороны, захваты земель привели к исчезновению единства и разрушению территориальной целостности страны. Следствием этого явилась утрата национальной независимости. Каждая клика феодалов, объявляя себя главенствующей в той или иной местности, стремясь приобрести «законные» позиции, искала внешней «помощи». Но «помощники» оказывались коварными и жестокими захватчиками (Ле Тиеу Тхонг просил о помощи Циней, Нгуен Ань обращался к Сиаму и французским колонизаторам).

Стоило только оказаться стране в тяжелом положении, правящая клика, раздираемая противоречиями, алчная, бессильная, разложившаяся, показала всю свою низменную, гнилую сущность. В то же время народ всегда демонстрировал свою сплоченность, особенно в период героического восстания Тэйшонов (1771—1802). Это восстание явилось кульминационным моментом двухвековой крестьянской войны, оно сокрушило феодальные клики, вышвырнуло из страны сиамских и маньчжуро-цинских интервентов, спасло национальную независимость и суверенитет, снова объединило страну.

В новейший период, когда феодальная аристократия сдалась и пошла на поводу французских колонизаторов, последние не только ликвидировали национальную независимость, но и разделили Индокитай на три части, навязав режим угнетения, эксплуатации и крайней жестокости. Бесчеловечное отношение колонизаторов к народу не только не сломало нашу нацию, но, наоборот, вызвало в ней глубокую ненависть к поработителям. Для вьетнамцев самой дорогой стала исти-

на, выраженная в словах: «Нет ничего дороже свободы и независимости», «Вьетнам един, вьетнамская нация едина».

С вступлением колонизаторов на землю Вьетнама национальное единство рождало различные патриотические движения, сменявшие друг друга, пока вьетнамская революция под руководством передовой пролетарской партии не превратилась в непобедимую силу и не смела колониальный режим, полностью изменив обстановку в стране и подтвердив на практике пророческие слова В. И. Ленина о пробуждении Азии, о том, что с начала XX в. Восток уже не играет пассивную роль и следует период, когда народы Востока участвуют в определении судеб мира. На базе слияния коммунистических кружков и течений, действовавших в стране, разделенной колонизаторами на три части, родилась коммунистическая партия как прекрасный символ национального единства. Сплоченность партии и национальное единство оказали сильнейшее воздействие на укрепление духа интернационализма, общим итогом чего было победоносное развитие революции. Укрепление и развитие национального единства вместе с укреплением и развитием интернациональной сплоченности явились характерной чертой вьетнамской революции и ярким достижением нашей партии, которая умело сочетала подлинный патриотизм с пролетарским интернационализмом.

Сплоченность является исключительно ценной традицией нашего народа, и большая заслуга нашей партии заключается в продолжении, укреплении и творческом развитии этой ценной традиции.

Оригинальность и творческое зерно этого успеха заключается в том, что она умело и органично сочетает обстановку в стране с международным положением, с тем чтобы воспитывать и укреплять, руководствуясь разумом и чувством, сплоченность нации наряду с интернациональной солидарностью.

Президент Хо Ши Мин говорил, что благодаря тесному сплочению, готовности душой и телом служить Родине наша партия объединила и организовала народные массы, руководила ими, вела народ от победы к победе. Наш вождь неоднократно подчеркивал, что сплоченность — одна из лучших традиций партии и что коммунисты как в центре, так и на местах должны беречь единство и целостность партии как зеницу ока.

Жизненная сила вьетнамцев стала неисчерпаемым источником творческой энергии, получившей мощное развитие в процессе поисков способов и средств, необходимых для защиты своего права на жизнь.

Ценность революции, той или иной, заключается в ее умении защитить себя. Она способна защитить себя только тогда, когда глубоко ее корни в народе. Революция свершается для освобождения народа. Но освобождение народа, как учит Ленин, является делом самого народа. Поэтому Президент Хо Ши Мин всегда призывал нас хранить верность партии и народу, которые позволяют решить любую задачу, преодолеть любую трудность, победить любого врага.

Из всех сил стремиться всю жизнь быть слугой народа, рядом с народом, учиться у народа, прислушиваться к голосу масс, быть для них примером в труде, в работе, в учебе и быту — этому постоянно учил революционные кадры Президент Хо Ши Мин.

Вьетнамская нация успешно защищала свою жизнь, в этом ее великая ценность.

Нации формируются на протяжении целых исторических эпох — сотни, а то и тысячи лет. Нация, если она не обладает развитым чувством самостоятельности, сознанием своей общности, либо исчезает

с арены истории, либо дробится на части, которые попадают в орбиту больших стран. Однако бывали случаи, когда крупная страна, превратившись в мощную империалистическую державу путем поглощения малых наций, в отдельные моменты не смогла избежать порабощения со стороны меньшей нации, находящейся на более низкой стадии развития.

Вьетнам избежал этой трагедии, но не по счастливой случайности, а благодаря своей неистребимой жизненной силе. Для созидания и защиты родины необходимо иметь материальную силу и духовную мощь. И это естественно.

Если нет минимальной материальной основы, то не так просто победить врага. Однако и в том случае, если есть по-настоящему достаточные материальные условия, но нет правильного курса, не хватает упорства и мужества, недостаточно твердым является сознание справедливости своего дела, и особенно если недостаточны сплоченность и единство в рядах борцов за независимость и свободу, то нет гарантии, что удастся победить только за счет преимуществ в материальном отношении. Этот вывод подтвержден историей.

И напротив, история знает немало случаев, когда порабощенные нации поднимались на борьбу и завоевывали свободу и независимость, будучи в материальном отношении гораздо слабее, чем их враги. Однако если народ тесно сплотится и преисполнится решимости, героизма и мужества, если его руководство имеет правильный курс, то он может одержать победу. Таким образом, духовная сила, компенсирующая отставание в материальном отношении, уравнивает соотношение сил.

В нынешнюю эпоху нашей нации пришлось противостоять очень сильным врагам, главарям империализма, которые не однажды на протяжении сотен лет покоряли и порабощали различные народы, не прошедшие капиталистическую стадию развития. Однако это отнюдь не поколебало решимость вьетнамского народа добиться свободы и независимости. Наша эпоха — это эпоха, когда пролетариат и угнетенные нации в едином порыве сплачивают свои силы на борьбу против общего врага — империализма.

Вьетнамская нация на протяжении веков, опираясь на свои силы, чувство патриотизма, героизм, сплоченность, творческий потенциал и трудолюбие, смогла бросить вызов и превзойти длительное владычество сил, враждебных праву наций на самоопределение. Однако эта драма происходила в исторических рамках протяженностью в несколько тысяч лет.

Естественно, что после каждой победы над врагом наш народ становился сильнее, чем прежде. Тем не менее это изменение соотношения сил по мере развития носило частный, а не эпохальный характер, оно напоминало соотношение сил двух противоборствующих сторон в одном бою. Пришел XIX в., и капитализм сокрушил все преграды старого мира, препятствовавшие его экспансии. Изнутри он поверг Бастилию. Во внешнем плане — пробил Великую китайскую стену. В этой обстановке ценностей Востока было недостаточно, чтобы победить в бою врага, чья мощь была создана на другой социальной основе. Вьетнамский народ стал добычей акул капиталистического Запада. Это был колониализм. Но можно ли исходя из этого сказать, что поражение Вьетнама от Франции и превращение его в колонию было предопределено? Отнюдь нет. Вьетнам мог бы и избежать поражения от Франции. Причины поражения историкам еще предстоит изучать. Но была одна совершенно очевидная причина, на которую указывают историки: «Перед лицом истории династия Нгуен Зя Лонгов должна

нести всю полноту ответственности за великое преступление: она позволила, чтобы имя страны вновь, после тысячи лет независимости, было стерто с карты мира войсками агрессора»².

Однако, потерпев поражение, вьетнамская нация осталась нацией непобежденной. Тот народ, который постоянно испытывает к своей земле, к своей нации чувство преданности и готов «пожертвовать всем, но никогда не стать рабом», не испугается врага, не станет перед ним на колени, не склонит головы под ярмом, какими бы «современными» ни были войска захватчиков, какое бы смертоносное оружие он ни применил, к каким бы разбойничьим уловкам ни прибегал. Нгуен Чунг Чык, патриот и вождь повстанцев в Намбо в 60-е годы XIX в., так ответил под дулами вражеских винтовок: «Только когда на нашей земле иссякнет трава, люди Юга прекратят бить людей с Запада»; а Чан Бинь Чонг 700 лет назад так ответил под мечом: «Пусть уж лучше погибнет Юг, чем мы попадем под господство королей Севера». Оба ответа имеют одно значение. В разные эпохи, в разных концах страны — один с берегов Красной реки, другой с берегов Меконга — два национальных героя разными словами выразили единый бессмертный дух вьетнамского народа — нет ничего дороже независимости и свободы, Вьетнам един, вьетнамский народ един во времени и пространстве.

Невзирая на трусливый императорский двор в Хюэ, позорно капитулировавший перед врагом, крестьяне от Севера до Юга вместе с истинными патриотами из высших слоев прежнего общества и образованными людьми, проникнутыми национальным духом, с огромным героизмом и безграничным самопожертвованием поднялись на борьбу против французов. В течение почти полувека, вплоть до первой мировой войны, упорная и героическая освободительная борьба вьетнамского народа под знаменем национальной независимости ярко продемонстрировала пробуждение народов Востока, предсказанное Лениным.

Русско-японская война и поражение царской России привели к революции 1905 г. Эта революция явилась предпосылкой и «генеральной репетицией» Октябрьской социалистической революции. Под влиянием этих перемен передовые патриотические силы Вьетнама, обладавшие способностью ясно, широко и глубоко анализировать обстановку, не могли не думать об извлечении уроков из опыта национально-освободительной борьбы за истекший период.

Первая искра, из которой впоследствии разгорелось революционное пламя, приведшее к победе, зародилась в среде наиболее передовой и проникательной части вьетнамских патриотов, обладавших последовательным революционным духом, во главе которых встал лучший сын вьетнамского народа, молодой вождь революции Хо Ши Мин, известный тогда под именем Нгуен Ай Куок. Горячее желание помочь своему народу привело Нгуен Ай Куока на Запад — родину современной цивилизации, выросшей на поте и крови сотен миллионов трудящихся и созданной их изнурительным трудом, в том числе и народами Востока. В поисках правильного ответа Хо Ши Мин сумел выйти за рамки господствовавших в Азии взглядов о ходе развития истории. Это было проявлением мужества, выражением решительного духа нации, никогда не покорявшейся врагу. Хо Ши Мин стал марксистом.

Изменения, происшедшие в обстановке как внутри страны, так и в мире, требовали соответствующего изменения ориентации национально-освободительного движения и не только в какой-то отдельно взятой

² История Вьетнама, т. 1, Изд-во «Кхоахок сахой», 1976, стр. 418.

стране, а национально-освободительного движения угнетенных наций в целом, которое на новом этапе истории — этапе империализма и социалистической революции — является одним из формирующих течений социалистической революции. Соединение этих двух течений есть условие победы революции.

Хотя во Вьетнаме в первые годы XX в. еще не сформировался многочисленный и однородный по своему составу рабочий класс, как в странах Запада, однако отряд промышленных рабочих уже существовал. В условиях колониальной страны классовая эксплуатация и национальное угнетение, принимавшие различные, исключительно бесчеловечные формы, тяжелым гнетом ложились на плечи рабочих.

В рабочем движении во Вьетнаме того времени борьба не только носила на себе характерные черты класса пролетариата — организованность, сплоченность, упорство в отстаивании каждодневных интересов, в улучшении условий труда, выступления против хозяев и жестоких надсмотрщиков, — но и была пронизана непреклонным национальным духом, ненавистью к захватчикам, что часто приводило к вооруженным восстаниям. Однако эта борьба в своем развитии смогла приобрести широкий и организованный характер только после образования коммунистической партии Индокитая, которая повела и привела вьетнамский народ к победе. Лозунг, выдвинутый Лениным в качестве боевого знамени новой эпохи «Пролетарии и угнетенные народы всего мира, соединяйтесь!», наша партия глубоко усвоила, восприняв последовательный ленинский революционный дух и сочетая его с требованиями этапа победоносного шествия социалистической революции в масштабах всего мира. Этот лозунг убедил рабочий класс и народ Вьетнама в том, что в освободительной борьбе наша нация не одинока, ее дело является неотъемлемой составной частью дела освобождения всего человечества, его значение возросло, и он превратился в фактор осуществления исторической миссии пролетариата и совпал со стремлением нашей нации сокрушить оковы империализма.

В своей борьбе вьетнамский народ исходил в первую очередь из своих возможностей и сил. Руководствуясь этим сознанием, он мог правильно и эффективно, с пользой для революционной борьбы своего народа использовать благоприятные условия, созданные революционной борьбой других народов.

В этом наша партия видела выполнение долга по отношению к нации и в то же время вклад в выполнение интернационального долга, а следовательно, и получение поддержки, помощи со стороны мирового революционного движения. Сила фронта мировой революции зиждется на мощи каждого, входящего в этот фронт. Поэтому прежде всего следует развивать революционный потенциал своей собственной нации (что отнюдь не означает отказ от какой-либо помощи извне, в том числе и от друзей), и лишь в этом случае можно внести вклад в развитие мировой революции, а развитие же мировой революции создает дополнительные благоприятные условия, придает новые силы освободительному движению нашего народа. Таким образом, работа в этом направлении есть воплощение в конкретных действиях пролетарского интернационализма. Друзья помогают нам, исходя из своих горячих революционных чувств, из боевой солидарности, во имя интересов вьетнамской революции, но вместе с тем и в интересах собственного революционного дела. Эти два интереса не идентичны, но они тесно связаны между собой чувством солидарности и взаимной поддержки.

В ленинском понимании суть пролетарского интернационализма состоит в том, что революция в каждой стране обязана оказывать помощь революции в других странах и в то же время имеет право на помощь со стороны революции в других странах. В этом контексте, естественно, исключены как иждивенчество, так и милости.

Уже с первых дней своего образования наша коммунистическая партия сумела объединить подавляющее большинство народа Вьетнама под знаменем национальной независимости и продвижения к социализму.

Следуя курсом сочетания борьбы за национальную независимость с борьбой за социализм, наша партия сумела мобилизовать и объединить силы социализма и традиционного патриотизма народа, поднять на борьбу широкие народные массы, всех патриотов. Она смогла соединить основные интересы народа — национальную независимость и социализм — с насущными целями эпохи, благодаря чему вьетнамская революция получила полную поддержку, солидарность и помощь всех сил мира, которые борются за социализм и национальную независимость, за демократию и мир. Вследствие объединения огромной мощи как внутри Вьетнама, так и на международной арене, созданной на базе правильной революционной линии, метода, вьетнамский народ, обладая небольшой территорией и населением, сумел победить крупные империалистические державы — Францию и США.

Победы вьетнамского народа, с одной стороны, явились вкладом в общее дело освобождения народов, а с другой (также и по этой причине) — содействовали привлечению симпатий, поддержки и помощи мирового революционного движения.

Всесторонняя и славная победа в войне сопротивления против агрессии США, за спасение Родины — это вместе с тем блистательный успех упорной и творческой борьбы нашей партии за укрепление международной сплоченности.

На протяжении минувших 30 лет вьетнамская революция активно содействовала ускорению поступательного развития истории и перехода к эпохе торжества социалистической революции во всемирном масштабе.

Одержав победу в войне сопротивления против американских агрессоров, Вьетнам продолжает строить социализм теперь уже в границах всей страны. Сегодня на своей земле, объединенной и свободной, вьетнамский народ, как никогда прежде, глубоко сознает, что национальная независимость и социализм едины.

Победа, одержанная вьетнамским народом, показала, что единственный путь, который ведет к подлинному национальному и социальному освобождению, — это путь Октябрьской революции, указанный Лениным: завоевание национальной независимости и продвижение вперед, по пути научного социализма.

20 лет Обществу советско-китайской дружбы

*О. Б. Рахманин,
зам. председателя Правления
Общества советско-китайской дружбы*

Исполнилось 20 лет Обществу советско-китайской дружбы. Это первое в нашей стране общество дружбы с народами зарубежных стран. Оно было создано советской общественностью с целью содействовать укреплению и развитию связей с общественностью Китайской Народной Республики, шире и полнее знакомить советских людей с революционной историей, богатой культурой и искусством Китая.

У колыбели революционной дружбы народов России и Китая стоял великий Ленин. Еще в 1900 г. в изданном В. И. Лениным первом номере «Искры» была помещена статья «Китайская война», в которой Владимир Ильич решительно встал на сторону китайского народа, указав на справедливый характер антиимпериалистического восстания ихэтуаней — «боксерского восстания». С горячим сочувствием следил В. И. Ленин за борьбой революционно-демократических сил мира с цинской монархией, с большой симпатией отзывался о руководителе этих сил докторе Сунь Ят-сене, которого он называл «демократом, полным благородства и героизма».

Состоявшаяся в январе 1912 г. в Праге под руководством В. И. Ленина VI Всероссийская конференция РСДРП приветствовала успехи революционного народа в Китае.

В. И. Ленин уделял большое внимание развитию китайской революции и борьбе китайских коммунистов. Теоретические работы В. И. Ленина по национально-колониальному вопросу, его советы коммунистам Востока, беседы с китайскими коммунистами в Коминтерне, такие ленинские работы, как «Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока», «Лучше меньше, да лучше», и другие осветили путь борьбы китайского народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция заложила основы дружбы между советским и китайским народами. Идеи Октября проникли в сознание и сердца китайских трудящихся.

Большая заслуга в пропаганде среди китайского народа правды о Советском Союзе принадлежит пионерам этого благородного дела — одному из основателей КПК профессору Ли Да-чжао, одному из руководителей КПК, крупному писателю-публицисту Цюй Цю-бо, писателю Лу Синю и другим видным прогрессивным деятелям Китая 20-х годов. Они первые в своих произведениях и статьях правдиво рассказали в Китае об Октябрьской революции, В. И. Ленине, о положении в СССР, повели борьбу с клеветой на советский народ.

Ли Да-чжао, приветствуя Великую Октябрьскую революцию, указывал на ее международное значение: «Отныне повсюду будут видны по-

бедные знамена большевизма и слышны триумфальные его песни. Прозвучал набат гуманизма. Взошла заря свободы. Будущий мир будет миром красного знамени». Он подчеркивал: «В пламени Октябрьской революции родилось рабоче-крестьянское государство и правительство. Это государство — родина, авангард и великий оплот рабочих и крестьян всего мира».

Советская Республика стала союзником и опорой китайского народа в борьбе против империалистического гнета. Советская Россия оказалась государством, которое первым установило отношения с тогда еще полуколониальным Китаем как равный с равным. Рабочие и крестьяне революционной России сразу же после победы Октября заявили о братской солидарности с трудящимися Китая. 25 июля 1919 г. возглавляемый Лениным Совет Народных Комиссаров РСФСР принял обращение к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая, в котором говорилось: «Мы несем народам освобождение от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат поработанные народы Востока, и в их числе в первую очередь китайский народ. Мы несем помощь не только нашим трудящимся классам, но и китайскому народу». Опубликование этого обращения было конкретным осуществлением ленинской внешней политики — принципиально новой политики в жизни народов.

Значение Великого Октября для судеб китайского народа понимали многие его передовые представители. Советские люди чтят память тех китайцев-интернационалистов, которые, волею судеб оказавшись в революционной России, вместе с народом молодой Советской Республики боролись в годы гражданской войны, проливали кровь и отдали свои жизни за утверждение советской власти.

Прогрессивные деятели Китая хорошо понимали значение дружбы и тесного союза с Советским Союзом. До конца своей жизни остался убежденным сторонником дружбы СССР и Китая доктор Сунь Ят-сен. Перед смертью, 11 марта 1925 г., обращаясь к членам ЦИК СССР, он писал: «Прощаясь с вами, дорогие товарищи, я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем свободном Китае друга и союзника, и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку»¹. Союз с Советской Россией Сунь Ят-сен считал одним из основополагающих принципов внешней политики Китая.

Победившая революционная Россия с самого начала оказалась связанной тысячами крепких, неразрывных нитей с освободительным движением в Китае. Несмотря на огромные внутренние трудности, советский народ постоянно оказывал всевозможную помощь и поддержку революционным силам Китая, рассматривая это как выполнение своего священного интернационального долга.

Советские общественные организации немало сделали для распространения знаний о Китае среди населения Советского Союза. История советско-китайских отношений знает много примеров искренних проявлений дружбы советского народа к Китаю.

В 1924—1927 гг. в Китае развернулись широкие революционные выступления, которые внутренняя реакция и иностранный империализм пытались сдерживать любыми средствами. В эти годы по инициативе советских профсоюзов в СССР возникло массовое движение «Руки

¹ «Правда», 14.III.1925.

прочь от Китая». Под этим же названием было создано общество, оказавшее китайским революционерам эффективную политическую и материальную помощь². Это явилось тогда огромной поддержкой со стороны советской общественности китайской революции.

Советские военные советники под руководством героя гражданской войны Блюхера, известного в Китае под именем «генерала Галина», участвовали в разработке военных операций Северного похода Национально-революционной армии, готовили ее военные кадры; советские люди собирали средства, на которые в Китай посылались оружие, боеприпасы, горючее. Советские военные советники и летчики-добровольцы участвовали плечом к плечу с китайскими военнослужащими в борьбе с милитаристами. Советский Союз поставлял в сражающийся Китай танки и самолеты, различное вооружение и боеприпасы, что помогло китайскому народу выдержать 8-летнюю войну с империалистической Японией. Советский Союз, его поддержка явились важным фактором в исторической победе, одержанной китайским народом в 1949 г., в его переходе на путь строительства социализма.

Победе китайского народа способствовали разгром гитлеровского фашизма и японского милитаризма, освобождение Советской Армией Северо-Востока страны и превращение этого наиболее развитого промышленного района в военно-революционную базу, сыгравшую огромную роль в победоносном завершении длительной борьбы китайского народа за свою свободу и независимость.

После создания Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. Советский Союз был первым государством, которое признало молодую республику и установило с ней дипломатические отношения.

Движимый чувством братской дружбы к китайскому народу, верностью принципам пролетарского интернационализма, Советский Союз сделал все от него зависящее в деле оказания помощи Китаю в восстании разрушенного длительными войнами народного хозяйства, в деле индустриализации и укрепления обороноспособности молодой Китайской Народной Республики, для укрепления ее международного положения.

На протяжении всей 60-летней истории нашей страны курс на укрепление дружбы и интернациональной солидарности с великим китайским народом всегда был незыблемым курсом Коммунистической партии Советского Союза, единодушно поддерживаемым советским народом, советской общественностью.

Чрезвычайно важным мероприятием для дальнейшего развития советско-китайских отношений явилось заключение в феврале 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, подписание соглашения о предоставлении Советским Союзом Китайской Народной Республике долгосрочного экономического кредита и других документов.

В основу договора положены ленинские принципы равноправия и взаимного уважения национальных интересов, братской взаимопомощи, невмешательства во внутренние дела друга, глубокая преданность делу пролетарского интернационализма. Даже Мао Цзэ-дун в свое время так оценивал значение этого договора: «Прочное единство Китая и СССР — двух великих держав — на основе Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи, прочное единство всего лагеря мира и демократии, а также глубокие симпатии миролюбивых народов мира к этому вели-

² «Известия», 6.IX.1924.

кому лагерю — все это положило конец гегемонии империализма над миром»³.

Незыблемые принципы взаимоотношений Советского Союза с КНР и другими социалистическими странами и необходимость дальнейшего развития дружбы и сотрудничества между странами социалистического лагеря были ярко подчеркнуты и вновь закреплены в Декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г.⁴, получившей единодушную поддержку правительства и общественности КНР, а также в Совместном советско-китайском заявлении от 18 января 1957 г.⁵.

Широкое сотрудничество и братская дружба между двумя государствами создавали богатые возможности и благоприятные условия для развития дружеских связей и деловых контактов и по общественной линии. С момента создания КНР такие связи между профсоюзными, комсомольскими, женскими, спортивными организациями, творческими союзами и т. д. из года в год расширялись. Эти многообразные контакты и связи по общественной линии хорошо дополняли межгосударственные и межпартийные отношения между СССР и КНР и являлись полезным вкладом в развитие дружбы народов двух стран.

Большой вклад в дело укрепления и развития дружеских контактов между советской и китайской общественностью внесло Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами, по линии которого на протяжении многих лет в Советский Союз приезжали, а в КНР выезжали виднейшие деятели китайской и советской культуры, герои освободительной борьбы китайского народа, ветераны КПК, первые герои труда КНР и другие представители общественности нового Китая.

Связи между советской и китайской общественностью стали более регулярными и глубокими после создания Общества советско-китайской дружбы, первого общества дружбы с народами зарубежных стран, созданного в Советском Союзе.

Проведение в Москве 29 октября 1957 г. учредительного собрания, единодушно принявшего решение о создании Общества советско-китайской дружбы, говорило об искреннем стремлении советского народа к всестороннему развитию и укреплению дружбы и сотрудничества с китайским народом.

Создание в Советском Союзе Общества советско-китайской дружбы было с глубоким удовлетворением воспринято общественностью Китая. Центральное Правление Общества китайско-советской дружбы направило в адрес учредительного собрания Общества советско-китайской дружбы телеграмму следующего содержания: «Китайский народ полностью понимает великое значение дружественного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом. Основанная на пролетарском интернационализме монолитная дружеская сплоченность народов Китая и Советского Союза является не только залогом процветания и могущества наших двух стран, но также надежным оплотом мира во всем мире. Создание Общества советско-китайской дружбы является убедительным доказательством того, что отношения дружественного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом крепнут и развиваются с каждым днем и будут способствовать дальнейшему укреплению сплоченности и дружбы между народами двух стран. Китайский народ горячо приветствует создание Общества советско-китайской дружбы. Да здравствует вечная и нерушимая дружба народов Китая и Советского Союза!»

³ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, т. 5, стр. 51 (на кит. яз.).

⁴ «Известия», 31.X.1956.

⁵ Там же, 19.I.1957.

Вскоре после создания ОСКД превратилось в представительную организацию советской общественности, в правление которого вошли видные государственные и общественные деятели нашей страны, передовики промышленности и сельского хозяйства, известные советские военачальники, ученые, писатели, художники, артисты. Отделения Общества были созданы в Украинской, Белорусской, Таджикской, Узбекской, Казахской, Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Киргизской ССР, в Приморском и Хабаровском краях, Ленинградской, Новосибирской, Читинской, Иркутской областях, в Риге, Уссурийске. В состав ОСКД на правах коллективных членов вошло более 400 крупнейших промышленных предприятий, колхозов и совхозов, высших и других учебных заведений и учреждений страны.

Свою работу по развитию дружеских контактов с общественностью Китая Общество советско-китайской дружбы в первые годы своего существования проводило в тесном сотрудничестве с Обществом китайско-советской дружбы, созданным в Китае после образования КНР и много сделавшим в первые годы существования Республики по ознакомлению общественности Китая с жизнью Советского Союза, по воспитанию чувств дружбы у китайского народа к советскому народу.

Важным этапом в развитии деятельности ОСКД, в укреплении его связей с Обществом китайско-советской дружбы было заключение 12 ноября 1959 г. Соглашения о сотрудничестве между Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Обществом советско-китайской дружбы и Обществом китайско-советской дружбы. Заключение этого соглашения содействовало установлению непосредственных контактов между отделениями ОСКД в республиках, краях, областях и отделениями ОКСД в провинциях Китая, между советскими и китайскими низовыми организациями, что создавало хорошую базу для дальнейшего развития и укрепления дружбы и сотрудничества между народами наших стран, для ознакомления китайской общественности с советской действительностью, с внешней политикой СССР, успехами советского народа во всех областях политической, экономической и культурной жизни.

За годы своего существования Общество советско-китайской дружбы проделало большую работу по ознакомлению советской общественности с различными сторонами жизни китайского народа, его древней историей и богатой культурой, борьбой против внутренних и внешних врагов, его успехами в социалистическом строительстве. Деятельность ОСКД содействовала также интернациональному воспитанию советского народа в духе дружбы к китайскому народу.

Большое внимание Общество уделяло организации в СССР мероприятий, посвященных юбилейным и знаменательным датам КНР, истории советско-китайского сотрудничества, памяти выдающихся деятелей культуры, науки и искусства Китая.

В связи с такими датами, как годовщина образования КНР, годовщина «Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНР», годовщина движения «4 Мая» и др., в Москве, в столицах союзных республик, в областях и городах, в которых имеются отделения Общества советско-китайской дружбы, проходили торжественные собрания и вечера советско-китайской дружбы, организовывались лекции и беседы о жизни и труде китайского народа, экспонировались фотовыставки. В этих мероприятиях принимали участие тысячи и тысячи советских людей.

Советским людям, много сделавшим для становления и развития экономики КНР, было приятно, что вклад Советского Союза, их коллек-

тивов в дело социалистического строительства КНР высоко оценивался тогда в Народном Китае. В свое время значение этой помощи признавали и китайские руководители. Так, например, Чжоу Энь-лай на VIII съезде КПК говорил: «В период восстановления народного хозяйства и в период первого пятилетнего плана развития народного хозяйства наша страна во всех областях получала огромную помощь со стороны Советского Союза...»

Знакома советскую общественность с жизнью китайского народа, его успехами в социалистическом строительстве, Общество советско-китайской дружбы с первых дней своего существования уделяло большое внимание лекционной работе, печати и радио. На страницах многих центральных и местных газет и журналов были опубликованы статьи и очерки членов Правления и активистов ОСКД. Многие активисты Общества, советские специалисты, работавшие в стране, а также ученые-китаеведы, побывавшие в Китае, не раз выступали перед советскими радиослушателями и читателями с рассказами об успехах КНР в деле социалистического строительства, о подлинных чувствах дружбы и симпатии, с которыми в Китае относились тогда к посланцам Страны Советов. Вводился ли в Китае в строй действующих Аньшаньский, Уханьский или Баотоуский металлургические комбинаты, вступали ли в строй первый в истории мост через Янцзы, новые цеха автозавода в Чанчунь, завода тяжелых станков в Ухани, тяжелого машиностроения в Фулаэрцзи, нефтеперерабатывающего завода в Ланьчжоу, тракторного завода в Лояне или другие предприятия, ставшие ключевыми в соответствующих отраслях промышленности Китая, Общество советско-китайской дружбы, его отделения направляли своим коллегам в Китай приветственные телеграммы, в которых радость по случаю роста экономической мощи братской страны сливалась с гордостью за свою Родину, свято выполняющую свой высокий интернациональный долг.

Общество в Москве и на местах провело большое количество вечеров, посвященных китайскому театру и его замечательным представителям. Москвичи хорошо помнят вечер, организованный Обществом советско-китайской дружбы в Московском музыкальном театре им. Станиславского и Немировича-Данченко, посвященный самобытной пекинской опере, в котором принял участие всемирно известный мастер китайской сцены Мэй Лань-фан. В Доме дружбы с народами зарубежных стран Общество принимало коллективы Ансамбля НОА Китая, китайского цирка, Центрального ансамбля песни и танца КНР, знаменитого Гуандунского ансамбля народных инструментов, коллектив Центрального экспериментального театра Пекина; организовывало встречу с известной китайской киноактрисой и солисткой гуандунской народной оперы Хун Сянь-ньюй и проводило другие мероприятия, посвященные самобытному китайскому искусству.

В деятельности ОСКД большое место занимали и такие формы работы, как организация выставок, отражающих различные стороны китайской действительности, демонстрация новых китайских фильмов. Общество неоднократно организовывало просмотры фильмов известного мастера советского документального фильма Р. Л. Кармена, посвященных участию советских летчиков в защите Уханя, выдающегося советского кинорежиссера С. А. Герасимова, совместно с китайским писателем Чжоу Ли-бо написавшего сценарий фильма «Освобожденный Китай». В Доме дружбы с народами зарубежных стран актив Общества познакомился с китайскими художественными фильмами «Не Эр», «Красный цветок на горах Тяньшаня» и другими. С фотовыставками «Наш друг Китай», «По берегам Янцзы», организованными ОСКД, по-

знакомились москвичи. В республиках Средней Азии демонстрировались фотовыставки «Ирригационное строительство в КНР», а в Грузинской и Азербайджанской ССР — фотовыставка «Литература и искусство КНР».

Важную роль в развитии и укреплении дружеских связей между советской и китайской общественностью играл обмен делегациями и специализированными туристскими группами. Члены делегаций имели неограниченные возможности для контактов и выступлений перед различными аудиториями советской общественности. Они могли ознакомиться с жизнью и трудом советского народа, его богатыми революционными традициями и убедиться в сплоченности советского народа вокруг КПСС и Советского правительства, искреннем стремлении советских людей к дружбе и сотрудничеству с китайским народом.

В составе делегаций и туристских групп Советский Союз посетили многие известные общественные деятели Китая, деятели культуры, передовики производства и сельского хозяйства. По линии Общества в СССР приезжали герои труда КНР, деятели молодежного и женского движения, руководители профсоюзов, ветераны партии, герои народно-освободительной борьбы китайского народа. В составе делегаций были писатель Мао Дунь, поэт Эми Сяо и многие другие представители китайской интеллигенции. Со словами «Мы увозим с собой на родину дружбу великого советского народа» покидала нашу страну делегация ОКСД во главе с министром просвещения КНР Хэ Вэем. Со словами благодарности за теплый прием уезжали на родину и другие китайские делегации, посетившие Советский Союз по приглашению Общества советско-китайской дружбы.

Важнейшим участком в деятельности Общества была работа с китайскими студентами и аспирантами, обучавшимися в вузах Советского Союза. Для китайских студентов и аспирантов устраивались вечера дружбы советской и китайской молодежи, экскурсии по памятным местам, организовывались кинопросмотры советских фильмов, посещение советских промышленных предприятий, встречи с передовиками производства, ветеранами партии, героями Великой Отечественной войны. Совместно с МГК ВЛКСМ Общество советско-китайской дружбы проводило собрания и вечера молодежи Москвы, посвященные годовщинам КНР и празднику китайской молодежи «Дню 4 мая».

Одним из важнейших каналов установления и развития дружеских связей между советской и китайской общественностью являлись связи между отделениями и коллективными членами Общества дружбы.

Многие предприятия и учебные заведения — коллективные члены ОКСД установили дружеские связи с соответствующими предприятиями и вузами в Китае. Были установлены дружеские связи и осуществлялись дружественные широкие контакты между Московским автозаводом им. Лихачева и Чанчуньским автозаводом, Ленинградским станкостроительным заводом им. Свердлова и Шанхайским станкостроительным заводом, Первым Ленинградским медицинским институтом и Первым Шанхайским медицинским институтом и многими другими советскими и китайскими организациями.

В первые годы после создания Общества советско-китайской дружбы большую помощь в деле пропаганды советской действительности в Китае и ознакомления советской общественности с жизнью китайского народа оказывало нашему обществу Общество китайско-советской дружбы.

История развития дружеских отношений между советским и китайским народами после победы Великой Октябрьской революции, неизмен-

ное сочувствие и всесторонняя помощь советского народа делу китайской революции, и особенно социалистическому строительству в КНР после победы революции, все больше и больше убеждали китайский народ в важности дружбы с СССР, пробуждали его интерес к всесторонним знаниям о Советском Союзе, к изучению советского опыта и затем активному использованию его в строительстве нового Китая. С другой стороны, Коммунистическая партия Китая, когда в ней преобладали интернационалистические силы, важным принципом своей программы считала пропаганду среди китайского народа идей дружбы Китая и СССР, подчеркивая, что Советское государство является другом и братом Китая. После образования КНР этот основной внешнеполитический курс, несмотря на скрытое противодействие националистов в КПК, был закреплен законодательными актами.

По инициативе учредительной группы 16 июля 1949 г. в Пекине состоялся массовый митинг представителей демократических партий, народных организаций, различных слоев населения Китая. На митинге от имени ЦК КПК выступили Чжу Дэ и Чжоу Энь-лай, а также лидеры демократических организаций Ли Цзи-шэнь, Шао Ли-цзы, Ли Дэ-цюань, Мао Дунь и др.

В своем выступлении Чжу Дэ подчеркнул значение Советского Союза и его помощи Китаю на различных этапах китайской революции. «Опыт 32 лет ясно показал, — говорил он, — что великая социалистическая страна — Советский Союз является самым близким и самым надежным другом китайского народа... Без Советского Союза, без победы антифашистских сил во второй мировой войне во главе с Советским Союзом и без беспрецедентного роста в течение последних четырех лет международного демократического лагеря мира, возглавляемого Советским Союзом, китайская революция не одержала бы теперь быстрой и великой победы, и закрепление победы, если бы даже таковая была одержана, было бы невозможным».

В заключение своей речи Чжу Дэ сформулировал цели будущего Общества: «Наша цель в создании Общества китайско-советской дружбы заключается в том, чтобы развивать и укреплять глубокую дружбу между двумя великими странами — Китаем и Советским Союзом, внедрять опыт Советского Союза во все области строительства и распространять его достижения в области науки и культуры среди народа по всей стране, идти вперед рука об руку с Советским Союзом и неуклонно бороться за прочный мир во всем мире и народную демократию под руководством Советского Союза»⁶.

На митинге был официально учрежден Подготовительный комитет по созданию ОКСД в составе 81 человека.

Учредительное собрание Всекитайского общества китайско-советской дружбы состоялось в Пекине 5 октября 1949 г., на четвертый день после образования Китайской Народной Республики. На собрании присутствовали 1500 делегатов и представителей различных общественных организаций из Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Цзинани, Тайшани, Ханькоу, Нанкина, Шэньяня, Харбина и других районов страны.

В работе собрания приняла участие советская делегация во главе с А. А. Фадеевым и поверенный в делах СССР в КНР С. Л. Тихвинский.

Созданное 5 октября 1949 г. ОКСД в течение первых 10 лет своего существования было фактически центром пропаганды в КНР Советского Союза, опыта советского государственного и хозяйственного строительства. Это была самая массовая общественная организация КНР с

⁶ «Правда», 21.VII.1949.

двухтысячным штатным аппаратом, имеющая 100 местных отделений почти во всех провинциях и крупных городах Китая. ОКСД регулярно проводило вечера и собрания, посвященные юбилейным датам Советского Союза, памяти выдающихся советских политических и общественных деятелей, деятелей культуры, науки и искусства. Оно активно распространяло в Китае материалы, рассказывающие о жизни и труде советского народа, успехах Советского Союза в коммунистическом строительстве, деятельности Общества советско-китайской дружбы. В целях оказания помощи Обществу китайско-советской дружбы в выполнении его благородной миссии в адрес Общества китайско-советской дружбы Общество советско-китайской дружбы регулярно направляло тысячи новинок общественно-политической, научно-популярной и художественной литературы, журналы, газеты, ноты, грампластинки.

В первое десятилетие КНР китайские руководители от имени КПК, правительства и китайского народа многократно заявляли о важности дружбы СССР и КНР. «Великий союз Китая и СССР, руководящей идеологией для которого являются марксизм-ленинизм и принципы пролетарского интернационализма и в основе которого лежит единство коренных интересов двух наших стран, — говорилось в телеграмме руководства КНР руководству Советского Союза в 1960 г., — представляет собой совершенно новую форму союзнических отношений пролетариата, взявшего власть в свои руки. Поэтому они являются нерушимыми братскими отношениями, и нет такой силы, которая могла бы разрушить их. Несбыточные, сумасбродные мечты врагов мира и социализма о расколе китайско-советского союза, расколе лагеря социализма никогда не осуществятся»⁷.

В связи с 10-й годовщиной образования КНР председатель Общества китайско-советской дружбы Сун Цин-лин писала: «Начиная с 1917 года — сначала в ходе нашей длительной борьбы, а затем и после завоевания нами победы — китайский народ счастлив пользоваться революционным товарищеским расположением советского народа, его великой Коммунистической партии и правительства. В бесчисленных случаях они оказывали нам огромную решающую помощь в истинном духе пролетарского интернационализма. Мы никогда не забудем, что в то время империалисты замыслили уничтожить наше государство. Без поддержки Советского Союза борьба китайского народа была бы еще более продолжительной и еще более тяжелой. Не удивительно поэтому, что мы питаем к советскому народу подлинно родственные чувства. У нас имеется объективное основание утверждать, что дружба между Советским Союзом и Китаем вечна и нерушима»⁸.

Высокие оценки роли Советского Союза, КПСС и их помощи Китаю, дававшиеся в свое время руководителями КНР, звучат сейчас суровым напоминанием.

Как уже указывалось, благородную роль в воспитании чувств дружбы и солидарности китайских людей к советскому народу, в ознакомлении с жизнью и трудом советского народа, успехами Советского Союза в коммунистическом строительстве на протяжении ряда лет играла массовая организация КНР — Общество китайско-советской дружбы. Однако с середины 60-х годов в результате маоистского курса, приведшего к ухудшению советско-китайских отношений в целом, Общество китайско-советской дружбы постепенно прекратило свою полезную деятельность. Силы, поддерживавшие маоистский курс, были заинтересованы

⁷ «Жэньминь жибао», 14.11.1960.

⁸ Сборник «Десять лет Китайской Народной Республики». Пекин, 1959, стр. 55—56.

в том, чтобы дружбу и сотрудничество между СССР и КНР сменить на отчужденность и даже вражду. Вся деятельность китайской пропаганды, включая прессу, радио и телевидение, стала направляться на разрушение традиционных китайско-советских отношений.

В противоположность этому Общество советско-китайской дружбы, руководствуясь неизменной и последовательной линией ЦК КПСС и Советского правительства на сохранение добрососедских и дружественных связей с китайским народом, ни на один год не прекращало своей работы.

В январе 1969 г. в Москве состоялась II Всесоюзная конференция Общества советско-китайской дружбы. В ее работе приняли участие представители общественности Москвы и отделений Общества советско-китайской дружбы из многих союзных республик, краев, областей и городов Советского Союза.

В единогласно принятом постановлении конференции говорилось: «Считать и впредь главной задачей общества содействие сохранению, укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Китайской Народной Республики. Широко знакомить советскую общественность с жизнью китайского народа, его историей и культурой».

Большое внимание в своей деятельности Общество советско-китайской дружбы уделяет проведению мероприятий, рассказывающих о том, как претворялась в жизнь ленинская политика Советского Союза в отношении Китая. Оно было организатором конференции «Великая Октябрьская социалистическая революция и Китай», посвященной 60-летию Великого Октября.

Руководствуясь неизменной линией КПСС на укрепление дружбы с китайским народом, Общество систематически проводит мероприятия, посвященные важнейшим событиям в жизни китайского народа и его борьбе за победу народной революции, отмечает юбилеи выдающихся организаторов национально-освободительного движения в Китае, китайских коммунистов-интернационалистов, всемирно известных деятелей китайской культуры и искусства, знаменательные даты из истории советско-китайской дружбы и сотрудничества.

Так, за последние годы Общество советско-китайской дружбы отметило 100-летие со дня рождения великого китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена, 50-летие Коммунистической партии Китая, 50-летие V съезда Коммунистической партии Китая, провело вечера, посвященные памяти выдающихся китайских коммунистов Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Пэн Бая и других.

Отдавая дань героическим подвигам трудящихся Китая в освободительной борьбе за победу народной революции, Общество организовывало мероприятия в связи с годовщинами наиболее значительных революционных выступлений китайского пролетариата, среди них — 50-летие начала Северного похода Национально-революционной армии Китая, полувековые юбилеи Шанхайского и Наньчанского восстаний, Кантонской коммуны.

Свидетельством глубокого уважения советской общественности к культуре великого народа является то, что за последние годы Общество советско-китайской дружбы провело большое количество вечеров, посвященных выдающимся деятелям китайской литературы, музыки, искусства, театра и кино: основоположнику современной китайской литературы Лу Синю, известным писателям Чжоу Ли-бо, Мао Дуню, Лао Шэ, классикам китайской литературы Хань Юю, Бо Цзюй-и, Ду Фу, Ли Бо, поэтам Инь Фу, Тао Юань-мину, видному композитору Не Эр, дра-

матургу Ба Цзиню, выдающемуся актеру Мэй Лань-фану и многим другим. Интерес у почитателей китайской литературы и искусства вызвали вечера, которые Общество советско-китайской дружбы посвятило китайской классической поэзии, китайской национальной живописи и театру.

Традиционными стали встречи ветеранов в Обществе советско-китайской дружбы. Эти встречи воскрешают немеркнущие страницы истории поистине братских отношений между нашими странами и народами. В этом юбилейном году Общество советско-китайской дружбы проводило вечера-встречи первых советских военных советников, направленных молодой Республикой Советов в Китай по просьбе Сунь Ят-сена и принимавших участие в разработке операций Северного похода и подготовке военных кадров. Помощи Советского Союза Китаю в освобождении Маньчжурии и создании маньчжурской революционной базы была посвящена организованная Обществом встреча ветеранов Советских Вооруженных Сил — участников боев против милитаристской Японии.

Во встречах советских специалистов, принимавших участие в восстановлении народного хозяйства и становлении основ социалистической экономики КНР, принимают участие рабочие и инженеры промышленных предприятий, некогда много сделавших для создания и развития различных отраслей китайской промышленности, подъема сельского хозяйства, развития народного образования, науки и культуры. Эти встречи рассказывают о том, как на практике осуществляется курс КПСС и Советского правительства на развитие и укрепление дружбы с китайским народом, какое участие в претворении в жизнь этого курса принимают широкие круги советской общественности.

* * *

Советский Союз, руководствуясь стремлением сохранить дружбу с китайским народом, неоднократно выступал с предложениями о развитии межгосударственных отношений, о контактах между представителями СССР и КНР на самом высоком государственном уровне, о заключении различных соглашений, направленных на нормализацию отношений между двумя странами. Советский Союз выдвигал конкретные предложения о расширении взаимных торгово-экономических отношений, о налаживании сотрудничества между академиями наук, об осуществлении контактов в области здравоохранения и спорта, о восстановлении связей между обществами дружбы и т. д.

На XXV съезде КПСС, в дни празднования 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции вновь был подтвержден принципиальный курс нашей партии и страны в отношении Китая.

Товарищ Л. И. Брежнев неоднократно подчеркивал, что Советский Союз стремился и стремится к улучшению отношений с Китаем — это наш последовательный курс. В отношении Китая, как и других стран, СССР твердо придерживается принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы и готов нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования. В отношениях между СССР и КНР нет таких вопросов, которые нельзя было бы решить в духе добрососедства. В этом направлении Советский Союз будет действовать и впредь. Дело будет зависеть от того, какую позицию займет КНР.

Еще одно свидетельство антисоциалистической сущности маоизма

*Е. А. Коновалов,
доктор экономических наук,
В. Ф. Феоктистов,
кандидат философских наук,
А. Г. Яковлев,
кандидат экономических наук*

XI съезд КПК, состоявшийся в Пекине в августе 1977 г., показал, что нынешнее руководство Китая стремится сохранить маоизм в качестве руководящей идеологии партии и государства и призывает следовать установкам Мао Цзэ-дуна по идеологическим, политическим, организационным и экономическим вопросам. Политический отчет Председателя ЦК КПК Хуа Го-фэна, другие документы съезда пронизаны безудержным восхвалением «идей» и деятельности Мао Цзэ-дуна. «Маоцзэдуновские идеи» объявлены «новейшим достоянием теоретической сокровищницы марксизма-ленинизма», «мощным идейным оружием народов мира», «самым ценным наследством», оставленным Мао Цзэ-дуном «нашей эпохе».

Одним из мероприятий, призванных закрепить за маоизмом место руководящей официальной идеологии и на будущее, явилось издание в апреле 1977 г. пятого тома «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна.

Детальный анализ официальных комментариев пекинской печати к пятому тому показывает, что данное издание связано с очередным кризисом внутри китайского руководства после смерти Мао Цзэ-дуна. В пекинской печати отмечается, что выход в свет этого тома — «результат разгрома антипартийной «четверки», которая якобы выступала против издания работ Мао Цзэ-дуна в виде собрания сочинений, всячески саботировала эту работу; в противовес ей, как сообщало агентство Синьхуа 14 апреля 1977 г., «ЦК во главе с Хуа Го-фэном усилил работу по редактированию пятого тома» и организовал его выпуск «в ударном порядке».

О том, какова позиция «четверки» в интерпретации маоизма, из печати трудно получить верное представление. О позиции же нынешнего руководства можно достаточно полно судить прежде всего по тому, что отобрано из идейного наследия Мао Цзэ-дуна, а также по тем купюрам, которые сделаны в ходе «редактирования» издания. Такой анализ, как нам представляется, может пролить определенный свет на характер и сущность курса нынешнего китайского руководства.

В пятый том включено 70 произведений Мао Цзэ-дуна периода с сентября 1949 г. по ноябрь 1957 г., из них 46 публикуются впервые. В сборник не вошли 42 выступления Мао Цзэ-дуна, публиковавшиеся ранее в открытой китайской печати и в хунвэйбиновском сборнике «Да здравствуют идеи Мао Цзэ-дуна!».

Все произведения Мао Цзэ-дуна сгруппированы по трем периодам: восстановление народного хозяйства, аграрная реформа и движение

за сопротивление Америке и оказание помощи Корее (сентябрь 1949 г. — 1952 г.), выработка генеральной линии КПК в переходный период (1953 г. — август 1956 г.), работы и выступления после VIII съезда КПК (сентябрь 1956 г. — ноябрь 1957 г.). Тем не менее все они объединены общим заглавием: работы «периода социалистической революции и социалистического строительства». И это представляется не случайным: издание должно, по мысли его организаторов, показать, будто Мао Цзэ-дун впервые в истории марксизма разработал и осуществил на практике теорию строительства социализма «в новых исторических условиях».

Общезвестно, что 1949—1957 гг. были периодом успешного осуществления в КНР демократических и социалистических преобразований, проводившихся Компартией Китая в целом на основе марксистско-ленинской теории научного социализма, благодаря чему в Китае действительно были заложены первоначальные основы социализма. Эти успехи были достигнуты вопреки «идеям» и политике Мао Цзэ-дуна. Кстати, сам Мао Цзэ-дун в закрытых выступлениях, например в 1958 г., говорил о том, что с 1949 г. (и особенно с 1952 г.) до 1958 г. в Китае якобы осуществлялась «ревизионистская линия», что в этот период были сделаны уступки «буржуазной идеологии» и «буржуазному стилю», в городах «не был изжит чанкайшистский дух» и Китай «окунулся в буржуазное зловоние»¹. Однако нынешние издатели сочинений Мао Цзэ-дуна в явном противоречии с поздними заявлениями самого Мао пытаются представить дело таким образом, что якобы и этот первоначальный период развития КНР явился воплощением на практике «идей» и «линии» Мао Цзэ-дуна. Цели, которые они преследуют подобной фальсификацией, совершенно очевидны: подкрепить свой тезис об «идеях» Мао как основе всех успехов китайского народа в строительстве социализма конкретным историческим материалом. А поскольку такого материала в истории КНР периода после 1957 г., когда «идеи» Мао Цзэ-дуна лежали в основе политики КПК, найти невозможно, нынешние издатели сочинений Мао пытаются приписать этим «идеям» те действительные успехи, которые были достигнуты в КНР в области экономики, политики и культуры в первые восемь лет ее существования вопреки «идеям» и курсу Мао Цзэ-дуна.

Для доказательства этого тезиса нынешние «редакторы» сочинений Мао Цзэ-дуна произвели выборочное издание его работ. Причем они использовали то обстоятельство, что в этот первый, восьмилетний период существования КНР Мао Цзэ-дун был вынужден считаться с общей доминирующей тенденцией в политике КПК, находившейся в целом в русле теории и практики научного социализма и учитывавшей опыт социалистического строительства в СССР и других социалистических странах, и лавировать, двурушничать, приспосабливаться к этой тенденции. В это время Мао Цзэ-дун выступал подчас с правильными положениями, делая вид, что он поддерживает курс КПК на строительство социализма, на дружбу и сплоченность с Советским Союзом и лагерем социализма в целом. Одновременно он исподволь готовил последующую ревизию марксистско-ленинской генеральной линии КПК и замену ее своей, волюнтаристско-шовинистической программой, что также нашло отражение в его выступлениях этого периода. Все это и явилось причиной того, что нынешнее руководство Китая сопроводило выход в свет нового тома сочинений Мао Цзэ-дуна большим количеством официальных комментариев, разъясняющих, как следует пони-

¹ Выступление Мао Цзэ-дуна на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ (август 1958 г.). — Да здравствуют идеи Мао Цзэ-дуна! Пекин, 1967.

мать ту или иную работу или выступление Мао Цзэ-дуна. Комментарии призваны, следовательно, «снять» оставшуюся противоречивость отдельных выступлений Мао этого периода и в то же время так расставить в них акценты, чтобы все выступления Мао Цзэ-дуна вписались в последующие маоистские «генеральную» и «основную» линии, которые были сформулированы Мао Цзэ-дуном в 1958 и 1962 гг.

Фальсификацию истории КПК и КНР в 1949—1957 гг. и позиции Мао Цзэ-дуна по коренным вопросам внутренней и внешней политики КПК преследовало и исключение из сборника значительного числа выступлений Мао Цзэ-дуна (в общей сложности 42) этого периода. Эти выступления можно разбить на две большие группы — выступления, посвященные советско-китайским отношениям и внешней политике КНР, и выступления, затрагивающие вопросы внутренней жизни страны, главным образом проблемы сущности и характера социалистических преобразований в Китае.

В выступлениях первой группы, не вошедших в пятый том сочинений, Мао Цзэ-дун в позитивном плане оценивал политику Советского Союза, КПСС в деле оказания всесторонней помощи Китаю в революции и социалистическом строительстве, в деле укрепления сплоченности социалистического лагеря, международного коммунистического движения, борьбы за мир, против поджигателей войны. В этих выступлениях Мао Цзэ-дун подчеркивал необходимость и дальше крепить дружбу с Советским Союзом, заявляя, что опыт социалистического строительства в Советском Союзе «станет примером для строительства нового Китая»². Знаменательно в этой связи отсутствие в сборнике речи Мао Цзэ-дуна на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР в ноябре 1957 г., где он отмечал историческое значение XX съезда КПСС. Поскольку эти положения Мао Цзэ-дуна явно противоречат его более поздним высказываниям (начиная с апреля 1956 г.), в которых он подвергал нападкам XX съезд КПСС и вообще опыт Советского Союза в строительстве социализма, они не были включены «редакторами» в новый сборник сочинений Мао Цзэ-дуна.

Вторая группа выступлений Мао Цзэ-дуна, не вошедшая в пятый том, касается вопросов внутренней политики КПК, главным образом оценки характера социальных преобразований в КНР и сущности переходного периода. В ряде выступлений Мао Цзэ-дун заявлял в то время о завершении после 1956 г. в основном классовый борьбу, о том, что «через 3 года социалистическая революция будет в основном завершена в масштабах всей страны»³.

Это положение явно противоречит позднейшим заявлениям Мао Цзэ-дуна о необходимости развертывания «классовой борьбы» в течение всего периода социализма.

Не включены в новый том сочинений Мао Цзэ-дуна и те его выступления, где он признавал заслуги Маркса и Ленина в разработке теоретических вопросов социалистического преобразования деревни и заявлял о том, что кооперирование сельского хозяйства не является «новым делом» и «новой теорией», что «Маркс говорил об этом еще 100 с лишним лет назад» и что «в России сделали это уже 30 с лишним лет назад...»⁴. Эти положения Мао Цзэ-дуна противоречат тезису нынешней

² Речь при отъезде из Москвы. — «Известия», 18.11.1950.

³ Выступление Мао Цзэ-дуна на Верховном государственном совещании. — «Народный Китай», 1956, № 4.

⁴ Мао Цзэ-дун. Выступление на совещании по вопросу об интеллигенции, созванном ЦК КПК 20 января 1956 г. — Да здравствуют идеи Мао Цзэ-дуна!

пекинской пропаганды о «вкладе» Мао Цзэ-дуна в разработку теории социализма в целом и теории социалистических преобразований сельского хозяйства в частности.

Таким образом, при отборе сочинений Мао Цзэ-дуна периода 1949—1957 гг. составители сборника стремились как бы «очистить» Мао от тех заявлений, которые он был вынужден делать в то время, считаясь с реальным положением дел и доминирующей тенденцией в политике КПК. Другими словами, Мао Цзэ-дун 50-х годов изображается редакторами пятого тома его сочинений с позиции маоцзэдуновской «линии» 60—70-х годов, когда он стал открыто проводить свой шовинистический антисоветский курс. Этим организаторы издания пытаются отвести от самого Мао Цзэ-дуна обвинение в двурушничестве, бороться с которым он так ревностно призывал в последние годы своей жизни.

Рассмотрим основные «идеи» Мао Цзэ-дуна, которые организаторы издания разделяют и стремятся навязать партии и народу.

Материалы подобраны, а комментарии «сработаны» таким образом, что через весь том красной нитью проходит мысль о необходимости классовой борьбы с «врагами» революции, борьбы против «буржуазии» и «ее ангелов внутри партии». Организаторы издания хотят показать, что эта мысль впервые была высказана в «Резолюции» Мао Цзэ-дуна на внутривнутрипартийном документе от 6 июня 1952 г., где он указал, что «главным противоречием в Китае» после свержения класса помещиков и бюрократической буржуазии «стало противоречие между рабочим классом и национальной буржуазией»⁵. Это правильное в принципе для переходного периода положение «развито» затем в других работах Мао Цзэ-дуна до его концепции о необходимости продолжать классовую борьбу при социализме вплоть до построения коммунизма. Хотя в законченном виде эта концепция была сформулирована Мао Цзэ-дуном в выступлении на X пленуме ЦК КПК в 1962 г., тем не менее ее истоки можно найти и в более ранних работах Мао Цзэ-дуна, включенных в пятый том его сочинений, в частности в его выступлении на совещании секретарей парткомов провинций, городов и автономных районов в январе 1957 г., текст которого ранее не публиковался. В этом выступлении Мао Цзэ-дун заявлял: «Все в обществе представляет собой единство противоположностей. Само социалистическое общество тоже есть единство противоположностей, в нем наблюдается единство противоположностей внутри народа и единство противоположностей между нами и нашими врагами... в обществе все еще существуют противоположные классы, противоположные люди и противоположные мнения».

Этой же задаче — обоснованию маоистской концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата», то есть необходимости непримиримой «классовой борьбы» при социализме, — подчинены включенные в том другие работы Мао, в частности его доклад «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (февраль 1957 г.). В нем Мао Цзэ-дун предпринял попытки теоретически обосновать открытую ревизию генеральной линии КПК в переходный период и решений VIII съезда КПК (1956), выдвинув антимарксистскую, субъективистскую концепцию существования в социалистическом обществе «двух типов» неодинаковых по своему характеру противоречий — так называемых противоречий «между нами и нашими врагами» и «противоречий внутри народа». Смысл этих рассуждений Мао Цзэ-дуна сводился к тому, чтобы представить социализм обществом, в котором все

⁵ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 5, Пекин, 1977, стр. 65 (на кит. яз.). Далее сноски даются по тексту.

еще существуют антагонистические классы — буржуазия и пролетариат, борьба которых является характерной чертой, содержанием социалистического этапа развития человеческого общества. Профанация марксистского классового подхода к вопросу о характере противоречий в социалистическом обществе, произвольное отнесение социальных групп и классов к категориям «народ» и «враги», содержащиеся в этом докладе, открывали дорогу последующему субъективизму и волюнтаризму в социальной политике, служили теоретическим обоснованием политических репрессий маонистов против сторонников научного социализма.

Тезис Мао Цзэ-дуна о существовании антагонистических классов при социализме и необходимости и в этих новых условиях вести «классовую борьбу» против якобы сохранившейся буржуазии являлся прямой ревизией решений VIII съезда КПК, заявившего о победе социализма в экономическом строе КНР и завершении в основном классовой борьбы в стране.

В пятый том включено также большое количество работ Мао по вопросу об интеллигенции и ее перевоспитании. Эти работы, выдержанные в духе маонистской концепции «буржуазной сущности» интеллигенции, выступают своего рода обоснованием будущих политических гонений на деятелей науки, литературы и искусства.

Значительное место в томе занимают работы Мао, посвященные необходимости «борьбы с буржуазной идеологией» как в китайском обществе, так и в партии (критика взглядов Бо И-бо, Ху Фэна, Лян Шу-мина, выступления о курсе «ста цветов» и др.). Публикация всех этих работ явно рассчитана на то, чтобы показать «преемственность» и «закономерность» последующей маонистской политики «классовой борьбы» с различного рода «буржуазными элементами» и «буржуазией». Не случайным поэтому представляется включение в том большого числа материалов, связанных с «подавлением контрреволюции». Смысл включения такого рода «трудов» в пятый том, по-видимому, связан с современной внутривластной обстановкой в стране и выявляет намерение нынешнего руководства КПК широко использовать провокации и террористические методы для подавления своих политических противников, используя для этого «указание» покойного «кормчего».

Следующий важный аспект «идей» Мао, представленных в новом томе его сочинений, — оценка генеральной линии КПК в переходный период. В том включены отдельные высказывания Мао в духе генеральной линии КПК 1953 г. Так, в пятый том был помещен отрывок из речи Мао Цзэ-дуна на заседании Политбюро ЦК КПК 15 июня 1953 г., где он «критикует правоуклонистские ошибки» Лю Шао-ци и в общем правильно излагает основные положения генеральной линии КПК в переходный период. «Генеральная линия и основные задачи КПК в переходный период, — говорил Мао, — заключаются в том, чтобы в 10—15-летний или несколько более продолжительный период времени в основном завершить индустриализацию страны и социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли. Эта генеральная линия является маяком, освещающим все виды нашей работы. Не нужно отходить от этой генеральной линии, ибо отход от нее вызовет ошибки «левого» или правого уклона» (стр. 51). Как уже отмечалось, подобная позиция Мао Цзэ-дуна объясняется его тактикой лавирования и приспособления к доминировавшей в тот период тенденции в политике КПК — тенденции на развитие социалистической революции в основном на базе теории научного коммунизма. Нынешние же «редакторы» тома изображают дело таким образом, что Мао Цзэ-дун не только

разделял положения генеральной линии 1953 г., но и даже защищал ее от «ошибок» правого и «левого» уклонов.

С целью показать Мао Цзэ-дуна творцом линии КПК на всех этапах социалистического строительства, «редакторы» включили в сборник речь Мао Цзэ-дуна на III пленуме ЦК КПК 9 октября 1957 г., в которой он возобновил свои попытки навязать КПК свой волюнтаристский курс — строить социализм по принципу «больше, быстрее, лучше, экономнее». Таким образом, от генеральной линии КПК (1953) протягивается нить к маоцзэдуновской политике «трех красных знамен», которая, таким образом, предстает как якобы ее дальнейшее развитие, несмотря на их полную противоположность.

Тенденциозность отбора работ Мао проявила себя и в вопросе об отношении к VIII съезду КПК. В пятый том включены лишь те выступления Мао, в которых он касался вопроса о VIII съезде КПК до его созыва (например, «Доклад о десяти важнейших взаимоотношениях» 25 апреля 1956 г., «Выступление Мао Цзэ-дуна на первом заседании подготовительного совещания VIII съезда КПК» 30 августа 1956 г.). Если в первом докладе Мао Цзэ-дун в целом еще пытался навязать партии свою концепцию экономического и социально-политического развития Китая, то во втором выступлении, учтя отрицательное отношение в руководстве КПК в целом к этому курсу, он пошел на временные уступки и, ограничившись общими фразами о необходимости «успешно провести» предстоящий съезд, сосредоточил свое внимание на вопросе о составе будущего ЦК.

Подобная позиция составителей тома преследует цель принизить значение VIII съезда КПК, его решений и изобразить Мао Цзэ-дуна творцом той линии КПК в первые 8 лет существования КНР, которая привела к значительным успехам в экономическом и социально-политическом развитии Китая. Другими словами, Мао Цзэ-дуну «отдается» не только период с 1958 г. (как это было раньше), но и весь предшествующий, успешный этап развития КНР. При этом дело изображается таким образом, будто Мао Цзэ-дун якобы с самого начала разрабатывал генеральную линию КПК на переходный период и что эта линия затем закономерно «переросла» в маоцзэдуновский курс «трех красных знамен», то есть в ту новую генеральную линию, которая была навязана им КПК в 1958 г. и шла вразрез с прежней генеральной линией 1953 г. и решениями VIII съезда КПК.

Весьма значительное место в томе занимают работы, посвященные экономическим вопросам. Часть из них публиковалась ранее, другая — публикуется впервые, тексты же нескольких важнейших работ отличаются от известных публикаций 50—60 годов. К числу значительно видоизмененных работ относится работа «О десяти важнейших взаимоотношениях» (25 апреля 1956 г.). В комментарии к ней «редакторы» тома подчеркивают, что в этой работе Мао Цзэ-дун, «приводя в качестве отрицательного примера опыт СССР, обобщил опыт нашей страны... выдвинул основные положения курса построения социализма по принципу больше, быстрее, лучше и экономнее» (стр. 267). Таким образом, акценты работы расставлены на критике недостатков и ошибок, выявившихся якобы в последнее время в процессе строительства социализма в Советском Союзе, и, во-вторых, на отходе от прежней генеральной линии строительства социализма в Китае на переходный период.

В работе принижается колоссальный опыт Советского Союза и ряда стран Восточной Европы в деле экономического строительства, выпячиваются отдельные недостатки и трудности второстепенного порядка. В то же время восхваляются те скромные результаты, которые были до-

стигнуты в восстановлении экономики страны, и прежде всего в области сельского хозяйства. Так, автор безапелляционно заявляет, что, «постоянно держа под прицелом сельское хозяйство, развивая его, мы должным образом обеспечили себя зерном и сырьем, необходимыми для развития промышленности» (стр. 268). Это заключение было неправильным и в тот период, когда была произнесена речь, оно остается принципиально непригодным и к сегодняшнему дню КНР.

В другом разделе работы «О десяти важнейших взаимоотношениях» в новой редакции проводятся параллели между оборонной мощью КНР и Советского Союза. «В результате сопротивления американской агрессии и оказания помощи Кореи и нескольких лет упорядочения и обучения наша армия усилилась и стала могущественнее советской Красной Армии кануна второй мировой войны» (стр. 271). Тут же автор уповает на дальнейшее развитие современных видов вооружения, прежде всего на производство сверхзвуковой атомной бомбы. «У нас должно быть не только больше самолетов и пушек, но и должна быть атомная бомба. Без нее нам не обойтись, если в современном мире мы не хотим дать себя в обиду» (там же). Мао призывает «желать от всей души иметь атомную бомбу», обсудить вопросы стратегического курса на Военном Совете (стр. 272).

Переходя к вопросу о взаимоотношениях между государством и трудящимися, Мао останавливается вскользь на «частной ошибке», допущенной в 1954 г. при осуществлении политики в отношении крестьянства, когда, несмотря на неурожай, вызванный наводнениями, государство все же закупило у крестьян зерна на 3,5 млн. т «больше положенного» (стр. 273). Это вызвало недовольство крестьян, что потребовало пересмотра политики закупок. Однако известно, что в последующие годы, особенно с созданием народных коммун, система закупок и налогов в КНР ужесточалась, приходя во все большее несоответствие с подлинными интересами китайского крестьянства. И тем не менее Мао Цзэ-дун в условиях нерешенности коренных вопросов союза рабочего класса и крестьянства в Китае, в условиях грубейших нарушений отношений между государствами и крестьянами, которые допускались в Китае, все же пытается противопоставить «правильную» политику в своей стране той, которая проводилась в Советском Союзе. Совершенно надуманными выглядят его упоминания о сокращении «ножниц» цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, политике эквивалентного обмена, которая осуществлялась в Китае якобы в интересах крестьянства.

В целом нынешняя редакция труда Мао Цзэ-дуна «О десяти важнейших взаимоотношениях» имеет целью опорочить весь опыт Советского Союза в деле социалистического строительства, оправдать крупные просчеты в экономической политике КНР (в том числе и грядущего «большого скачка»), возвеличить «самобытный» путь социалистического строительства в Китае под знаменами маоизма.

Значительная часть экономических работ Мао посвящена вопросам аграрной политики и кооперирования сельского хозяйства. Основной смысл всех публикуемых в томе работ заключается в том, чтобы убедить читателя, что Мао Цзэ-дун якобы прозорливо усмотрел, что в середине 50-х годов «по всей стране назревает новый подъем массового социалистического движения в деревне» (стр. 168). По мнению Мао, это движение охватывает не только 500-миллионное сельское население, но и имеет огромное международное значение. Это был период, когда только лишь развернулось кооперативное движение, были созданы сотни тысяч производственных кооперативов. В это время основная задача

заклучалась в укреплении существующих кооперативов, в выявлении и закреплении преимуществ кооперативного строя, в постепенном превращении кооперативов полусоциалистического типа в кооперативы высшего типа. Мао же в этих условиях вел борьбу против «скептиков» внутри партии, которые якобы сомневались в возможности нового бурного подъема кооперативного движения в масштабах всей страны. Мао Цзэ-дун уповал на активность крестьян, их особую сознательность при вступлении в кооперативы. Данная работа должна была послужить отправным пунктом в движении за искусственное подталкивание кооперирования в деревне, а в партии — в движении по борьбе с «правым уклоном», «когда некоторые товарищи напуганы появлением нескольких сот тысяч мелких кооперативов» (стр. 175).

При анализе соответствующих работ Мао Цзэ-дуна обращает на себя внимание тот факт, что автор не приводит темпы кооперирования и темпы технических преобразований в деревне в должное и необходимое соответствие. Согласно установкам Мао, «период технических преобразований в области сельского хозяйства будет несколько продолжительнее периода социальных преобразований», «потребуется 4—5 пятилеток, то есть приблизительно 20—25 лет». Однако, как показала практика, темп социальных преобразований в КНР был резко взвинчен, а сроки подведения материально-технической базы под коллективное хозяйство в настоящее время отодвинуты в соответствии с программой модернизации сельского хозяйства до конца нынешнего столетия.

Следующим моментом, широко освещенным в пятом томе работ Мао Цзэ-дуна, является вопрос о перспективах экономического развития Китая. Составители и редакторы тома попытались представить высказывания Мао по этим вопросам таким образом, чтобы затушевать его авантюристические проекты догнать передовые страны в течение ближайших нескольких лет, и, наоборот, на первый план выставили цитаты из работ, где он подходит к срокам «догнать и перегнать» более острожно. Судя по опубликованному тексту речи на первом заседании подготовительного совещания VIII съезда КПК, он заявил: «У Китая нет оснований не догнать США, в противном случае у него нет гордости, и он не такой великий» (стр. 296). «Нам надо 50—60 лет, и тогда мы обязательно догоним» (там же). «Если Китай через 50—60 лет не сможет перегнать США, то какой же у него будет престиж? Тогда нужно будет выгнать его с земного шара. Поэтому перегнать Америку не только возможно, но и абсолютно необходимо, во что бы то ни стало необходимо. Если не делать этого, то наша китайская нация будет недостойна всех наций мира, наш вклад в развитие человечества будет небольшим» (там же). Через это и другие высказывания Мао Цзэ-дуна⁶ протягивается нить к последующим его заявлениям о «престиже» нации, о «большом вкладе Китая в историю человечества». Амбициозный и великодержавный их характер проявился в наибольшей мере с проведением политики «большого скачка» и «культурной революции».

Анализ документов по экономическим вопросам, опубликованных в пятом томе «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна, показывает заметную эволюцию его взглядов на коренные проблемы социалистического строительства в сторону авантюристического забегания вперед, недоучета объективных условий страны, поспешания богатейшего между-

⁶ Например, в статье «Обстановка летом 1957 г.» (июль 1957 г.) Мао несколько скорректировал сроки решения экономической задачи — «догнать и перегнать США»: «Задача будет состоять в подготовке к тому, чтобы с помощью 8—10 пятилетних планов догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки в экономическом отношении».

народного опыта Советского Союза и других социалистических стран в области экономического строительства. С другой стороны, и в этой сфере Мао Цзэ-дун проявил себя как человек, о котором судят не по его речам, статьям, комментариям, а прежде всего по его делам. Практика маоизма с конца 50-х годов приходит сплошь и рядом в полное противоречие со многими высказываниями, помещенными в пятом томе «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна.

Вопросы мировой политики, международного положения КНР, китайско-советских отношений. Из помещенных в томе работ лишь примерно треть так или иначе касается международных проблем, да и то крайне бегло. Чаще всего Мао ограничивается одной-двумя фразами самого общего порядка или, напротив, затрагивает какой-либо конкретный факт международной жизни. Практически ни в одной из работ не содержится сколько-нибудь систематического анализа международного положения КНР или каких-либо крупных международных проблем. «Советская тема» является доминирующей в сумме затронутых в томе внешнеполитических вопросов.

Произведения отобраны для тома таким образом, чтобы выпятить именно те суждения Мао по этим вопросам, которые прямо подводят к основным положениям маоистской внешнеполитической доктрины, оформившейся в период после 1957 г.

В частности, ссылаясь на обстановку, возникшую на Ближнем Востоке в связи с Суэцким кризисом (1956), Мао Цзэ-дун подчеркивает, что «главным местом, куда тянутся щупальца империализма, является Азия и Африка», что этот конфликт якобы дает «представление о том, где находится центр борьбы, идущей в мире» (стр. 341). Что касается действительного центра этой борьбы, главного противоречия современности, то Мао походя замечает: «Конечно, противоречие между империализмом и социалистическими странами остается очень сильным» (стр. 341. — «Выступление на совещании секретарей парткомов провинций, городов и автономных районов», январь 1957 г.).

Именно от этих рассуждений тянется прямая нить к концепции «промежуточных зон» и к «научному положению о трех мирах», то есть к тем положениям, которые составили, так сказать, «общетеоретическую» основу враждебной международным силам мира и социализма внешней политики КНР в 60—70-е годы.

Тезис о неотвратимости мировой войны и о том, что война — не такое уж плохое и страшное дело, тезис, по существу оказавшийся в центре маоистской пропаганды в 60—70-е годы, также достаточно четко просматривается в работах Мао, включенных в том. В таких произведениях, как «Атомной бомбой не запугать китайский народ» (25 января 1955 г.), «Американский империализм — это бумажный тигр» (14 июля 1956 г.), «Все реакционеры — бумажные тигры» (ноябрь 1957 г.), а также в упоминавшемся выступлении на совещании секретарей парткомов провинций, городов и автономных районов (январь 1957 г.) Мао вновь и вновь призывает не бояться военной схватки с империализмом, ибо «империализм боится нас намного больше». Он настойчиво подчеркивает, что агрессивная природа империализма не изменилась и что он способен развязать войну. При этом Мао лишь глухо упоминает о росте антивоенных сил и о смертельной опасности войны для империализма, опасности, которую Запад вынужден учитывать. В работе «Великая победа в борьбе против американской агрессии, за оказание помощи Кореи и предстоящие задачи» (12 сентября 1953 г.) как бы предвосхищаются последующие рассуждения Мао о том, что мировая война в худшем случае приведет к гибели половины человечества.

В этой работе Мао акцентирует внимание на том факте, что трехлетнее участие Китая в корейской войне обошлось ему дешево, что «было потрачено не так уж много средств» — «меньше годового налога от промышленности и торговли» (стр. 104). Вдохновленный этими подсчетами, он тут же заявил, что Китай готов воевать против американского империализма, если того желает последний.

Два или три замечания Мао о борьбе за мир как задаче КНР, сделанные им во включенных в пятый том работах начала 50-х годов, по существу, дезавуируются содержащимися в более поздних работах рассуждениями о «диалектической взаимосвязи и взаимопроникновении» войны и мира, из чего опять-таки следует, что война не только не беда, но благо, ибо она, дескать, в конечном счете приведет к гибели империализма.

В томе содержатся положения, которые в совокупности четко выражают мысль о том, что Китай выдвигается как, по существу, авангардная, «самая правильная» сила мировой революции. В связи с войной в Корее Мао прямо сделал заявку на роль Китая в качестве защитника народов Востока. В «Приказе китайским народным добровольцам» (8 октября 1950 г.) ясно указано, что их посылают в бой, «имея в виду защиту интересов корейского, китайского и всех народов Востока» (стр. 32). В контексте этих слов совершенно определенную окраску получает тот факт, что ни в одной включенной в том работе, касающейся успехов борьбы против американской агрессии в Корее, Мао ни словом не обмолвился о роли международных социалистических сил в достижении этих успехов. Роль указанных сил не упоминается даже в работе «Великая победа в борьбе против американской агрессии, за оказание помощи Корее и предстоящие задачи» (12 сентября 1953 г.), в которой Мао довольно пространно анализирует причины успешного отражения империалистической интервенции против КНДР. Среди этих причин он упоминает лишь героизм и сплоченность корейского и китайского народов, а также органические слабости, присущие такому военному противнику, как империализм.

Начав в июне 1950 г. с разговоров о том, что в Китае многие не понимают все величие победы китайской революции и что поэтому «надо и в партии и в массах вести широкую пропаганду громадного значения победы китайского народа» (стр. 21), Мао в дальнейшем изображал дело так, что в Китае или все делается лучше, чем в других странах социализма, или в Китае точно знают, как сделать лучше. Отсюда следовало, что Пекин просто обязан наставлять других на путь истины, на китайский путь. Причем под «другими» с самого начала подразумевался главным образом Советский Союз. Если в открытой работе «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (27 февраля 1957 г.) Мао лицемерно провозглашал: «В каждой социалистической стране и в каждой коммунистической партии обстановка неодинакова, поэтому мы вовсе не считаем, что они обязаны или должны применять китайские методы» (стр. 394), то в январе того же года в закрытом выступлении на совещании секретарей парткомов провинций, городов и автономных районов он настаивал на необходимости навязывания тех же самых «китайских методов» Советскому Союзу и как раз из-за того, что между странами есть различия. «Их способ мышления и образ действий, исторические традиции и привычки не совпадают с нашими, — говорил он на этом совещании. — Поэтому в отношении Советского Союза и следует вести работу» (стр. 344).

Подборка работ в томе такова, что из нее ясно следует, насколько ничтожно, с точки зрения Мао, было значение международных социа-

листических и других революционных сил в победе китайской революции и в строительстве социализма в Китае. В открывающей том речи «Китайский народ встал во весь рост» Мао оценил роль этих сил в судьбах народного Китая лишь в том смысле, что сплочение с СССР и другими странами социалистического лагеря необходимо для того, «чтобы не оказаться изолированными в борьбе за сохранение плодов победы народной революции и против попыток внутренних и внешних врагов возродить старый строй» (стр. 6). Что же касается всестороннего сотрудничества с социалистическими странами и их братской помощи Китаю, получивших самый широкий размах именно в 1949—1957 гг., то о них в томе вообще не говорится, хотя известно немало работ, в которых Мао затрагивал эту тему.

Так сказать, «советский сюжет», вопросы китайско-советских отношений в целом поданы в томе исключительно как предыстория открытой борьбы против КПСС и СССР, начатой Мао Цзэ-дуном на рубеже 50—60-х годов. Призывы к сплочению с СССР, к изучению советского опыта буквально тонут в бесконечных указаниях на некие «негативные» аспекты советской практики, в постоянных оговорках по поводу необходимости исходить в решении вопросов из собственного опыта, отбирать из любого иностранного опыта только хорошее и лучшее. Как правило, в работах Мао, отобранных для тома, не говорится, что хорошее надо перенимать у СССР. В них автор отделяется по этому поводу самыми общими фразами. Зато он конкретно и местами пространно толкует о том, что в СССР якобы плохо.

Типичным образчиком «отстаивания» Мао Цзэ-дуном необходимости «старательно изучать передовой опыт Советского Союза и других братских стран» является, в частности, приводимый ниже абзац работы «Быть поборниками продвижения революции вперед» (9 октября 1957 г.): «Опыт строительства в Советском Союзе является довольно полным. Так называемая «полнота» должна включать в себя и совершенные ошибки... Мы ратуем за учебу у Советского Союза после критики догматизма, поэтому это не опасно» (стр. 473). Из помещенных в томе работ больше всего о советско-китайских отношениях и «негативных аспектах» советского опыта говорится в работе «О десяти важнейших взаимоотношениях» (25 апреля 1956 г.). Он заявляет, что в СССР якобы «плохо согласуют интересы государства, коллективов и личности, «сильно ущемляют крестьян» и т. д. Наконец, Мао дает понять, что русские — это шовинисты по двум причинам: во-первых, Россия была империалистической страной, а во-вторых, «там впоследствии произошла Октябрьская революция». «Многие советские люди весьма чванятся этим, задирают нос» (стр. 287), а посему в отношениях с Советским Союзом Китаю приходится отстаивать свое достоинство и права, а также вообще свою правоту. В январе 1957 г. на совещании секретарей парткомов, провинций, городов и автономных районов Мао уже вполне определенно указал, как нужно вести дела с СССР: «С ними нужно разговаривать, не выбирая выражений» (стр. 344), «если они будут так же упорствовать в дальнейшем, то в один прекрасный день мы им выложим все» (стр. 345). И тут же Мао призывает к осторожности в развертывании критики СССР, говорит, что «нужно все же учиться у Советского Союза» (там же).

В результате подобного «уравновешивания» критики СССР и признания его достоинств у читателя, особенно у китайского, должно сложиться убеждение, что резкое ухудшение советско-китайских отношений, изменение их характера после 1957 г. есть исключительно следствием позиции советской стороны. Таким образом, читателю тома внуша-

ется мысль, что Мао, во-первых, раньше всех увидел опасность «ревизионистского перерождения» СССР, а во-вторых, всемерно старался предотвратить эту опасность.

Составители тома сделали все, чтобы свести до минимума противоречивость позиций Мао, а точнее говоря, чтобы скрыть его явное двурушничество и лицемерие, элементарную недобросовестность его так называемого «научного анализа». Все эти качества Мао как политика и «теоретика» особенно ясно видны в его подходе к международным проблемам, прежде всего к отношениям КНР с СССР. И не случайно, что в том не вошли многие широкоизвестные работы Мао, в которых он вполне объективно отмечал всемирно-историческую роль СССР и писал о братском отношении к Китаю, об отсутствии причин для взаимного недовольства.

Здесь не будет лишним процитировать некоторые места хотя бы только из двух не вошедших в том работ Мао, относящихся к концу 1949 г. и концу 1957 г. Вот что он, например, говорил по прибытии в Москву 16 декабря 1949 г.: «Между великими народами Китая и Советского Союза существует глубокая и прочная дружба. После Октябрьской социалистической революции советское правительство... первым аннулировало неравноправные договоры в отношении Китая, существовавшие во время царской России. Почти в течение 30 лет советский народ и советское правительство неоднократно оказывали помощь делу освобождения китайского народа. Эта братская дружба со стороны советского народа и советского правительства, которой удостоился китайский народ в дни тяжелых испытаний, никогда не будет забыта»⁷. Включение в том только этой части речи Мао во многом раскрыло бы читателю, например, надуманность территориальных притязаний к СССР, с которыми выступил сам же «кормчий» в 1964 г., «ылаясь на «неравноправные» договоры царской России с Цинской империей.

Выступая на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 г., Мао говорил: «Совершенно ясно, что если после Октябрьской революции пролетарские революционеры разных стран будут игнорировать или же не будут серьезно изучать опыт русской революции, не будут серьезно изучать опыт диктатуры пролетариата и социалистического строительства в Советском Союзе, а также если они не будут аналитически и творчески применять этот опыт в соответствии с конкретными условиями своей страны, то они не смогут усвоить ленинизма, являющегося новым этапом в развитии марксизма, не смогут правильно решить проблемы революции и строительства в своей стране. В равной мере ясно и то, что после Октябрьской революции правительство любой страны, если оно откажется жить в дружбе с Советским Союзом, лишь нанесет ущерб подлинным интересам народа своей страны... В успехах советских людей народы всех стран мира с каждым днем все яснее видят свое будущее... Мы считаем, что усиление сплоченности социалистических стран во главе с Советским Союзом является священным интернациональным долгом всех социалистических государств»⁸.

Будь это выступление Мао, оценивающее всемирно-историческую роль СССР не только в ретроспективе, но и в перспективе, помещено в томе, оно, несомненно, даже у воспитанного в духе антисоветизма молодого китайского читателя вызвало бы вопрос: «А не нанес ли председа-

⁷ «Известия», 17.XII.1949.

⁸ «Известия», 7.XI.1957.

тель Мао ущерб подлинным интересам народа своей страны, отказавшись жить в дружбе с Советским Союзом?»

Анализ как присутствующих в томе работ, так и не включенных в него убеждает, что его составители, стремясь с помощью целенаправленного отбора работ представить его и творцом «подлинно революционной, социалистической внешней политики», для которой характерен антисоветизм, сознательное культивирование трений между социалистическими государствами. «По-моему, трения необходимы всегда». — резюмировал Мао свои позиции, в частности по поводу советско-китайских отношений (стр. 344. — «Выступление на совещании секретарей парткомов провинций, городов и автономных районов», январь 1957 г.)..

Об оценке 5-го тома «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна официальной пекинской пропагандой.

Через все официальные комментарии к пятому тому «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна проходит тезис о том, что Мао Цзэ-дун впервые в истории марксизма якобы разработал и осуществил на практике теорию строительства социализма «в новых исторических условиях». Официальные материалы назойливо подчеркивают исключительность «идей Мао» этого восьмилетнего периода после образования КНР, которые он «впоследствии, особенно в ходе великой пролетарской культурной революции», лишь «дополнял и развивал».

Оценивая характер этих «блестящих идей», китайское руководство на сей раз с большей настойчивостью преподносит их как всеохватывающую марксистскую теорию. В этой связи говорится о «вкладе в теоретическую сокровищницу марксизма» по всем трем составляющим его частям — философии, политической экономии и научному коммунизму. Причем особый упор делается на то, что по своему конкретному содержанию это — «теория социализма», теория «социалистической революции и социалистического строительства».

В официальных комментариях к пятому тому сочинений Мао эти «важнейшие», «блестящие» и, наконец, «новые идеи» в обобщенном виде названы «законом развития социалистического общества» и великой теорией продолжения революции при диктатуре пролетариата», открытие и создание которых представляет якобы конкретный вклад Мао Цзэ-дуна «в теоретическую сокровищницу марксизма». Подобная оценка содержания пятого тома «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна со стороны нынешнего китайского руководства является по своему характеру и сущности прямой апологетикой маоизма. Причем на первый план выдвигаются и берутся в качестве идейно-теоретической основы курса КНР те «идеи», которые были сформулированы Мао Цзэ-дуном в свое время в качестве идеологического орудия борьбы за пересмотр генеральной линии ЦКК на построение социализма в КНР на принципах теории научного коммунизма и замены ее «особым курсом», суть которого составляла волюнтаристская программа «трех красных знамен» — внутри страны и великодержавный шовинизм и гегемонизм — на международной арене. Это как раз те «идеи», которые по своему конкретному содержанию представляют извращения учения о социализме и которые использовались Мао Цзэ-дуном в свое время в борьбе против марксизма-ленинизма как в Китае, так и на международной арене.

Особое место в комментариях пекинской печати занимает вопрос о сущности социализма и характере «классовых противоречий» в социалистическом обществе. Пекинская печать называет эти проблемы «новым вопросом», вставшим в 1956 г. перед китайской революцией и

«долгое время не находившим правильного ответа в международном коммунистическом движении»⁹. Это вопрос о том, «существуют ли классы и классовая борьба при социализме», «нужно ли продолжать социалистическую революцию и как ее продолжать» после завершения социалистических преобразований в области средств производства.

Пекинская печать пытается доказать, что только Мао Цзэ-дуну принадлежит заслуга теоретической разработки этого «нового вопроса»; поскольку Маркс и Энгельс «не имели опыта победы пролетарской революции, такой вопрос еще не вставал конкретно перед ними». Что же касается В. И. Ленина, то он «умер слишком рано, ему не пришлось своими глазами видеть завершение социалистического преобразования собственности на средства производства, и поэтому он не смог дать четкого и конкретного решения этого вопроса»¹⁰.

Именно эту задачу, по заявлениям нынешнего пекинского руководства, якобы и решил Мао Цзэ-дун, который «впервые в истории международного коммунистического движения дал научный ответ на вышеуказанный важный вопрос, затрагивающий историческую судьбу диктатуры пролетариата, и создал великую теорию продолжения революции при диктатуре пролетариата»¹¹. Таким образом, нынешнее китайское руководство пытается не просто поставить Мао Цзэ-дуна в один ряд с Марксом, Энгельсом и Лениным в исторической последовательности, но и приписать ему, и только ему, якобы правильное научно-теоретическое решение вопроса о характере социальных отношений при социализме.

Суть этой «новой», «великой теории» Мао Цзэ-дуна сводится к отрицанию социализма как первой фазы качественно новой, коммунистической формации и выражается его известной формулой о том, что «главным противоречием в социалистическом обществе является противоречие между пролетариатом и буржуазией, между социалистическим и капиталистическим путями». Отсюда и необходимость «продолжения революции» при социализме, которая обуславливается тем, что это «главное противоречие» в социалистическом обществе по-прежнему носит характер классовой борьбы. Таким образом, «продолжение революции» конкретно выступает как продолжение «классовой борьбы».

Особое место в этой «классовой борьбе» пекинская официальная печать отводит борьбе против «буржуазии в партии». При этом она подчеркивает тезис Мао Цзэ-дуна о том, что «главная опасность реставрации капитализма исходит от внутрипартийных каппутистов... Враги внутри крепости являются опаснейшими врагами»¹². Все это свидетельствует о том, что важнейшим компонентом теории «продолжения революции при диктатуре пролетариата» нынешнее китайское руководство выдвигает курс на продолжение внутрипартийной борьбы. В качестве непосредственного объекта борьбы на данный момент названа «четверка».

Касаясь внешнеполитических «идей Мао», официальная пекинская печать в первую очередь подчеркивает антисоветский аспект маоизма. «Одна из великих заслуг председателя Мао Цзэ-дуна, — пишет «Жэньминь жибао», — состоит в том, что он... вел борьбу против современного ревизионизма, центром которого являются советские ревизионисты, и в теоретическом отношении нанес им сокрушительный удар»¹³.

⁹ «Жэньминь жибао», 1.V.1977.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Исходя из этого, главная задача в области внешней политики сформулирована следующим образом: «Мы непременно должны следовать заветам председателя Мао Цзэ-дуна и довести до конца борьбу против советского социал-империализма»¹⁴. В обоснование важности этой «задачи» приводятся маонистские измышления о «трагедии реставрации капитализма» в СССР. Этими же измышлениями пекинская печать пытается оправдать и негативный курс в отношении других стран социализма, утверждая, что «в международном коммунистическом движении произошла важная перемена: Советский Союз переродился в социал-империализм, социалистический лагерь перестал существовать»¹⁵.

Общая цель внешнеполитического курса сформулирована нынешним китайским руководством также в откровенно антисоветском духе: «Объединяться со всеми силами в мире, с которыми можно объединиться, и выступать против гегемонизма двух сверхдержав — Советского Союза и США»¹⁶. В качестве идейно-теоретической основы этого курса указывается на «научный анализ», сделанный Мао Цзэ-дуном относительно «трех миров», суть которого, как известно, заключается в подмене классового подхода к явлениям международной жизни геополитикой, гегемонизмом и воинствующим антисоветизмом.

* * *

Анализ содержания пятого тома «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна и официальных комментариев к нему свидетельствует о стремлении нынешнего китайского руководства утвердить маонизм и на будущее в качестве официальной идеологии и политики КПК и КНР, представив его в то же время качественно новым, высшим этапом в развитии марксизма.

Новый том сочинений Мао Цзэ-дуна — еще одно доказательство антимарксистского, антисоциалистического характера маонизма, представляющего собой идеологию и политику, принципиально враждебную теории и практике научного коммунизма.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Три десятилетия индийско-советского сотрудничества

Девендра Каушик (Индия)

Тридцать лет назад Индия и Советский Союз установили дипломатические отношения и начали — постепенно и осмотрительно — продвижение по тому пути, который можно охарактеризовать как процесс достижения взаимопонимания. Им не потребовалось много времени, чтобы заложить прочную и реальную основу для сотрудничества в различных областях. Уже к началу 1955 г. оба государства начали первый опыт в области экономического сотрудничества, и Советский Союз приступил к строительству крупнейшего сталелитейного завода в Бхилаи.

Современная история едва ли дает другой такой пример свободного и успешного развития в течение длительного периода, охватывающего три десятилетия, сотрудничества между великими странами с принципиально различными социально-политическими системами, как сотрудничество Индии и СССР. Очевидно, что это нельзя рассматривать как случайность. Величественное здание индийско-советского сотрудничества, которое возводилось в течение многих лет, покоится на надежной и прочной основе. Его фундаментом является общая борьба против империализма, за национальную независимость и социальный прогресс.

Важной особенностью советской внешней политики всегда была ее антиимпериалистическая направленность. Ленин был не только вождем победоносной Октябрьской социалистической революции, но и страстным борцом за национальную независимость. Уже первый изданный им декрет касался самоопределения наций, круг которых не был ограничен лишь пределами Европы, как это имело место при провозглашении этого принципа Вильсоном в его программе из 14 пунктов. Октябрьская революция оказала большое, многостороннее влияние на борьбу индийского народа за независимость, несмотря на значительные идеологические отличия, существовавшие между двумя движениями. Она внесла вклад в активизацию борьбы за решение национальных проблем Индии и способствовала расширению социальной базы этой борьбы.

Советский Союз не мог принять непосредственное участие в освобождении Индии от британского господства, но нельзя отрицать того факта, что Октябрьская революция пробила первую брешь в цитадели империализма и что победа советского оружия над фашизмом и возникновение мирового содружества социалистических стран создали объективные условия для завоевания свободы Индией и другими афро-азиатскими странами.

Глубокая убежденность в антиимпериалистическом характере Советской власти определяла дружеские чувства индийского народа и его

национального вождя к Советскому государству. Этот антиимпериалистический характер политики СССР был отмечен Джавахарлалом Неру еще в 1928 году, когда он, выступая перед студентами в Калькутте, сказал, что СССР «является ныне самым большим противником империализма, и его отношение к народам Востока всегда было справедливым и великодушным»¹.

Однако несмотря на прочные исторически обусловленные корни индийско-советского сотрудничества, после достижения Индией независимости установление дипломатических отношений между Индией и СССР не повлекло за собой немедленного развития тесных экономических и культурных связей. Обеим сторонам понадобилось некоторое время для уяснения объективных общих принципов, на основе которых возможно установление тесного сотрудничества. По оценке видного индийского государственного и общественного деятеля К. П. С. Менона, отношения между Индией и Советским Союзом можно разделить на две фазы. Начало второй фазы индо-советских связей, по его мнению, относится к 1955 г. Фактически началом перехода от одной фазы к другой можно считать конец 1952 г. — начало 1953 г.

7 сентября 1946 г., выступая в качестве заместителя премьер-министра Временного правительства Индии на пресс-конференции, Дж. Неру заявил, что политика его правительства преследует цель установления дружественных отношений с обеими великими державами — Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. От имени своей страны он приветствовал Советский Союз следующими словами: «Мы приветствуем другую великую державу современного мира — Советский Союз, который также несет огромную ответственность за судьбы мира. Она является нашим соседом в Азии, и нам неизбежно предстоит предпринять совместные шаги при решении многих общих задач и поддерживать широкие связи друг с другом»².

На Конференции по проблемам взаимоотношений азиатских стран, состоявшейся в Нью-Дели в марте — апреле 1946 г., которая поддержала призыв Неру к народам Азии «встречаться, держаться вместе и двигаться к прогрессу вместе», присутствовало 14 делегатов из среднеазиатских республик Советского Союза. Открывая конференцию, Джавахарлал Неру приветствовал гостей из СССР как «посланцев советских республик Азии, опыт которых может нас многому научить»³.

По существу, индийско-советское сотрудничество начало осуществляться на неофициальном уровне еще до фактического установления дипломатических отношений между Нью-Дели и Москвой. Так, делегация в составе четырех ученых во главе с академиком В. П. Волгиным в декабре 1946 г. приняла участие в сессии Индийского научного конгресса. В интервью, данном газете «Известия», Волгин сказал, что визит в Индию оставил у советских ученых огромное впечатление. «Все, с кем мы встречались в Индии, — отметил Волгин, — проявляли живой интерес к достижениям Советского Союза и живейшую радость по поводу приезда представителей советской культуры»⁴.

Индия установила дипломатические отношения с Советским Союзом 13 апреля 1947 г. Коммюнике, в котором сообщалось об обмене послами между двумя государствами, содержало следующие знамена-

¹ J. Bright (ed.). Before and After Independence: a Collection of the Important Speeches of Jawaharlal Nehru. 1922—1950. New Delhi, 1950, p. 66.

² «The Statesman», 8.IX.1946.

³ Jawaharlal Nehru's Speeches. Delhi, 1949, Vol. 1, p. 300.

⁴ «Известия», 2.II.1947.

тельные слова: «Стремясь сохранить и еще более укрепить дружественные отношения, существующие между Индией и Советским Союзом, правительства Индии и СССР решили обменяться дипломатическими представительствами на уровне посольств»⁵.

Установление дипломатических отношений между Индией и Советским Союзом получило благоприятный отклик в печати обеих стран. Газета «Хиндустан таймс» 15 апреля 1947 г. приветствовала этот шаг, предпринятый в интересах «обмена точной информацией», и выразила надежду, что «в недалеком будущем будет достигнута договоренность о подготовке индийских научных кадров в России, а также будут организованы кратковременные поездки в Индию советских специалистов для консультирования правительств штатов и центрального правительства относительно возможности применения русского опыта при решении Индией своих экономических проблем». Неру, который был министром иностранных дел во Временном правительстве, еще раньше, за месяц до установления дипломатических отношений между СССР и Индией, заявил, что он рассчитывает «направить экономическую миссию в Россию в целях изучения опыта выполнения русского пятилетнего плана сразу же после обмена дипломатическими представительствами»⁶. Советский еженедельник «Новое время» 18 апреля 1947 г. приветствовал установление дипломатических отношений между Индией и Советским Союзом как событие «международного значения», свидетельство «дружеских чувств, которые народы двух стран питают друг к другу», и знак того, что «Индия начинает осуществлять проведение независимой политики».

Между Советским Союзом и Индией в 1948, 1949 и 1951 гг. были заключены торговые договоры, согласно которым в обмен на поставки советской пшеницы из Индии в СССР экспортировались чай, табак, джут и другие сырьевые товары. Все же объем торговли между двумя странами оставался в этот период незначительным. В 1953 г. объем индийско-советской торговли составлял 8,1 млн. рупий. В 1952 г. Индия была одной из 42 стран, принимавших участие в работе Международной экономической конференции, которая проводилась в Москве. Участие Советского Союза в Международной промышленной выставке, проходившей в Нью-Дели в том же году, дало индийцам возможность познакомиться с успехами СССР в области промышленности. Советский павильон привлек большое количество посетителей. Таким образом, к 1952—1953 гг. стало очевидным стремление обеих сторон к установлению торговых отношений в широком масштабе.

Контакты между Индией и Советским Союзом, начало которым было положено в 1946 г. на Парижской мирной конференции, получили дальнейшее развитие на конференции в Сан-Франциско, где Индия придерживалась независимой позиции, особенно по колониальному вопросу. По таким вопросам, как опека, военные базы на подопечных территориях, расовая дискриминация и т. д., делегации СССР и Индии часто голосовали совместно. В речи на приеме в честь индийской делегации советский министр иностранных дел с удовлетворением отметил, что надежды на то, что «подлинный голос Индии» будет поднят в защиту «дела прогресса», «полностью оправдались». В Сан-Франциско Советский Союз решительно отстаивал принцип полной независимости поработанных колониальных народов и выступал за принятие радиальной программы по опеке, в то время как США отстаивали принцип

⁵ «The Hindustan Times», 14.IV.1947.

⁶ «The Statesman», 15.III.1947.

«самоуправления». Джавахарлал Неру дал высокую оценку позиции, занятой Советским Союзом, и отметил «некоторое разочарование в Индии в отношении американской концепции свободы». Даже в этот период, когда отношения между СССР и Индией не были особенно тесными, имели место плодотворное сотрудничество и взаимопонимание между ними в Организации Объединенных Наций, в особенности в вопросах, касающихся вступления КНР в члены ООН и осуждения политики апартеида, проводимой Южной Африкой.

В июле 1953 г. СССР объявил о своем решении оказать финансовую помощь по Расширенной программе технической помощи развивающимся государствам, проводимой в рамках ООН. На заседании Экономической комиссии для Азии и Дальнего Востока в феврале 1954 г. советский представитель сообщил о готовности своей страны предоставить помощь народам Азии без «каких-либо политических условий». Перспектива такой помощи была особенно притягательной для Индии, которая планировала создание тяжелой промышленности в государственном секторе. В сентябре 1954 г. начались переговоры о предоставлении советской помощи на строительство сталелитейного завода. В феврале 1955 г. было подписано соглашение о строительстве завода в Бхилаи, в штате Мадхья-Прадеш.

Советское предложение оказало своего рода «катализирующее» воздействие на Англию, хотя оно не смогло повлиять на решение США не предоставлять помощь строительству сталелитейных предприятий в государственном секторе. Завод в Бхилаи рассматривался как самое эффективное сталелитейное предприятие Индии в государственном секторе. Как отметил английский экономист П. Элдридж, он «со всей возможной наглядностью продемонстрировал влияние русской промышленной мощи и эффективности»⁷.

В 1953 г. началось резкое расширение культурных связей между Индией и Советским Союзом. В июне этого года министр здравоохранения Р. А. Каур посетила Москву по приглашению Советского правительства. Индира Ганди в течение двух месяцев совершала поездку по различным районам Советского Союза. Тогда же посетила СССР и делегация индийских женщин, которой также был оказан теплый прием. Только за полтора года (середина 1953 — начало 1955 г.) СССР посетили 14 различных делегаций из Индии. В Советском Союзе начали широко демонстрироваться индийские фильмы.

В 1954 г. Индия совместно с Китаем выдвинула программу панчашила — пять принципов мирного сосуществования. «Правда» в редакционной статье отмечала в связи с этим, что принятие этих важных принципов как азиатскими, так и другими странами уменьшит возможность войны, будет способствовать уменьшению напряженности в мире и укреплению международного сотрудничества. В феврале 1956 г. Верховный Совет СССР принял декларацию, в которой содержался призыв распространить на весь остальной мир пять принципов, на которых Китай и Индия строили свои отношения с другими странами.

К февралю 1955 г. в индийско-советских отношениях засияло яркое солнце дружбы. Была достигнута новая ступень взаимопонимания в отношении будущего сотрудничества между ними в целях обеспечения мира во всем мире и взаимного процветания. Второй визит Джавахарлала Неру в СССР (впервые в качестве премьер-министра Индии) в июне 1955 г. положил начало новой стадии индийско-советского сотрудничества. Этот визит и ответные визиты советских руководителей

⁷ P. J. Eldridge. The Politics of Foreign Aid in India. Delhi. 1969, p. 142.

в Индию подтвердили наличие доброй воли с обеих сторон, что было подготовлено всем ходом развития отношений между Индией и Советским Союзом за предшествовавшие два года.

Совместное коммюнике, опубликованное по завершении визита Дж. Неру в СССР, еще раз подтвердило разделенные обеими странами принципы панча шила и выражало их стремление к дальнейшему развитию культурного и экономического сотрудничества.

К середине 50-х годов за Индией прочно утвердилась репутация страны, проводящей независимую внешнюю политику. Миротворительный внешнеполитический курс неприсоединения, проводимый Индией, имел антиимпериалистическую направленность и давал ей возможность препятствовать проискам неокolonнализма и укреплять свою независимость, развивая сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами. XX съезд КПСС выразил восхищение вкладом Индии в дело сохранения и укрепления мира во всем мире и в борьбу народов за национальную независимость. Все более сердечные, отмеченные духом сотрудничества отношения с СССР стали к тому времени краеугольным камнем внешней политики Индии.

Политика Советского Союза, настаивавшего на привлечении Индии к дискуссиям великих держав по жизненным проблемам Азии и разоружения, получила новое развитие в период после 1955 г. Во время кризиса на Ближнем Востоке в июле 1958 г., возникшего в результате высадки английских и американских войск в Иордании и Ливане после революции в Ираке, Председатель Совета Министров СССР 19 июля направил послания главам правительств четырех государств — США, Великобритании, Франции и Индии с предложением немедленно провести совещание с главой Советского правительства для принятия мер к окончанию конфликта. Советский Союз также предлагал привлечь Индию к участию в конференции руководителей стран «большой четверки» по разоружению, которая, по его инициативе, должна была быть проведена в конце 1958 г. Главным образом благодаря позиции Советского Союза состав Комитета по разоружению, учрежденного Генеральной Ассамблеей ООН, был расширен за счет 8 нейтральных стран, включая Индию.

Растущая мощь Советского Союза и мирового социалистического содружества, с одной стороны, возрождение Индии и успехи, достигнутые ее прогрессивными и демократическими силами в конце шестидесятых и начале семидесятых годов, — с другой, а также значительное продвижение в области укрепления отношений между двумя странами привели к подъему их сотрудничества на новый и более высокий уровень. Этот период характеризовался непрерывным процессом продвижения освободившихся стран Азии и Африки к независимому развитию и радикальным социально-экономическим преобразованиям в интересах масс. В Программе мира, принятой XXIV съездом КПСС в марте 1971 г., отмечалось усиление процесса социально-политических изменений в странах Азии и Африки в результате борьбы прогрессивных сил этих государств против империализма и внутренней реакции и подчеркивалось важнейшее значение успехов, одержанных этими силами в ряде стран.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии 30 марта 1971 г. говорил: «...борьба против сил реакции, против ставленников империализма идет повсюду, и в некоторых странах прогрессивные силы уже добились серьезных завоеваний. Достаточно напомнить, скажем, о таких событиях, как недавняя национализация в Индии крупных банков и внушительная победа над

правыми силами на последних выборах в Народную палату индийского парламента. Это свидетельствует о том, что народные массы этой страны решительно выступают против реакционных проимпериалистических сил, за осуществление земельной реформы и других социально-экономических преобразований, за политику мира и дружбы на международной арене»⁸.

Индийско-советский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, подписанный в Нью-Дели 9 августа 1971 г., подвел юридическую основу под традиционные дружеские отношения и быстро развивающееся сотрудничество между двумя странами и поднял их на новую и более высокую ступень. В преамбуле Договора обе стороны подтвердили свою верность «принципам мирного сосуществования и сотрудничества между государствами с различными политическими и социальными системами» и свою «решимость твердо следовать целям и принципам Устава ООН». В статье 4 Договора отмечается уважение, проявляемое Индией по отношению к миролюбивой политике СССР, направленной на укрепление «дружбы и сотрудничества со всеми странами», и уважение, с которым СССР относится к проводимой Индией политике неприсоединения, являющейся «важным фактором сохранения всеобщего мира и международной безопасности и уменьшения напряженности в мире». Статья 8 Договора обязывает обе подписавшие его стороны не «вступать, или участвовать, в какие-либо военные союзы, направленные против другой стороны». Каждая сторона должна воздерживаться от нападения на другую сторону и также не допускать использования своей территории против другой стороны. Статья 9 налагает на обе договаривающиеся стороны обязательства, согласно которым они не должны оказывать какую-либо помощь третьей стороне, находящейся в состоянии вооруженного конфликта с другой стороной. В случае, если какая-либо из сторон подвергнется «нападению или угрозе его», обе стороны должны начать «взаимные консультации» с целью «устранения подобной угрозы и принятия соответствующих эффективных мер для обеспечения мира и безопасности своих стран».

Заключение Договора между Индией и Советским Союзом явилось естественным результатом идентичности в целом позиций обеих сторон по проблемам безопасности, мира и развития между ними в течение ряда лет экономических и культурных связей на этой основе. По существу, заключение Договора — это логичный итог всей истории бесконфликтных и равных отношений, существовавших между двумя соседними государствами с 1947 г. Договор лишь официально закрепил существующие дружеские связи и сотрудничество между ними и открыл перспективы для дальнейшего развития и укрепления взаимоотношений в будущем.

* * *

Начиная с 1955 г., когда было подписано первое Индийско-советское соглашение об экономическом сотрудничестве, в соответствии с которым Советский Союз должен был оказать помощь в сооружении сталелитейного завода в Бхилае, экономическое и техническое сотрудничество между двумя странами продолжало всесторонне развиваться. Строительство Бхилайского сталелитейного завода было завершено к 1959 г. Этот завод не только сыграл важную роль в удовлетворении внутренних нужд страны, он также внес вклад в расширение индийского экспорта. В январе 1965 г. Советский Союз подписал соглашение о

⁸ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 19.

предоставлении кредита на сумму 1667 млн. рупий на сооружение еще одного сталелитейного завода в Бокаро.

Лишь после длительных и бесплодных переговоров с Великобританией, Японией, Западной Германией и Соединенными Штатами было наконец достигнуто соглашение с Советским Союзом в январе 1965 г. США требовали, чтобы строительство завода осуществлялось полностью под их наблюдением, затем в течение 10 лет завод находился бы под их управлением и лишь потом был передан Индии. Содержавшиеся в докладе Клея возражения против оказания Соединенными Штатами помощи в осуществлении проектов строительства государственных промышленных предприятий, которые являлись бы конкурентами существующих частных предприятий, и исключение палатой представителей Конгресса США в августе 1963 г. Бокаро из числа объектов, получавших ассигнования по программе помощи зарубежным странам, привели к тому, что правительство Индии официально отказалось от своего обращения за помощью к США. Завод тяжелого машиностроения, построенный в Ранчи при содействии Советского Союза, должен был поставлять почти 60% оборудования, необходимого для завода в Бокаро, что, таким образом, вело к экономии страной большого количества иностранной валюты.

Наряду со строительством сталелитейных предприятий советская финансовая и техническая помощь сыграла значительную роль в осуществлении ряда других важных промышленных и энергетических проектов. За десятилетие, истекшее после подписания первого соглашения в феврале 1955 г., Советский Союз предоставил кредиты на сооружение завода тяжелого машиностроения в Ранчи, угольной шахты в Корба и теплоэлектростанции в Нейвели (1957), фармацевтического предприятия в Хайдерабаде, электростанции в Сингараули, завода точных инструментов в Котахе, теплоэлектростанции в Корба, нефтеочистительного завода в Барауни, завода тяжелого электрического оборудования в Хардваре (1959), нефтеочистительного завода в Койяли, гидроэлектростанции на правом берегу реки Бхакра, углеобогатительного завода в Катхара и нефтепромыслов в Анклешваре и Камбее (1961). Таким образом, Советский Союз оказал Индии широкое содействие в создании основ ее тяжелой индустрии. Советская помощь индийской нефтяной промышленности позволила стране выдержать нажим со стороны западных нефтяных монополий и сэкономить большое количество иностранной валюты. На промышленных предприятиях, построенных с помощью Советского Союза, производится 30% индийской стали, 35 — нефти, 25 — электроэнергии, 60 — тяжелого электрооборудования и 80% изделий тяжелого машиностроения⁹.

Период с 1955 по 1965 г. характеризуется также быстрым развитием индийско-советской торговли. После торгового соглашения, подписанного в декабре 1953 года и явившегося основой для расширения торговли между Индией и Советским Союзом, было заключено еще два соглашения — в ноябре 1958 г. и в июне 1963 г. Торговый оборот между двумя странами возрос с 10,6 млн. руб. в 1955 г. до 362,9 млн. руб. в 1965 г. Пятилетним торговым соглашением, которое Индия и Советский Союз заключили 26 декабря 1970 г., предусматривалось увеличение торгового оборота в следующие пять лет еще на 75%.

Индийско-советское сотрудничество распространяется также и на область сельского хозяйства. В этой сфере оно начало осуществляться

⁹ K. N. Aiyar. Indo-Soviet Economic Relations: a Review. A Paper Presented at the Seminar on Indo-Soviet Relations, New Delhi, 8.XI.1970.

с 1955 г., когда СССР передал в дар Индии сельскохозяйственные машины и оборудование для организации образцовой государственной сельскохозяйственной фермы в Суратгархе, в Раджастане. К 1976 г. было образовано еще четыре таких государственных фермы, оборудование для которых поступило в дар от Советского Союза. Эти фермы служат образцами интенсивного ведения сельского хозяйства на научной основе. В них выращиваются высокоурожайные сорта пшеницы, риса, хлопка и других сельскохозяйственных культур, а также разводятся высокопродуктивные породы скота и птицы.

Советский Союз оказал Индии ценную помощь в подготовке технических кадров. Обучение осуществлялось в широких масштабах во время сооружения и ввода в эксплуатацию предприятий, оно велось также в специальных центрах по подготовке кадров, которые были организованы при многих стройках. Таким путем Советский Союз подготовил около 50 000 индийских специалистов и квалифицированных рабочих. Кроме того, более 4000 индийских специалистов прошли обучение в СССР.

Индийско-советское экономическое и техническое сотрудничество основывается на оплате полученных от СССР кредитов в рупиях, то есть поставками товаров, производимых в Индии. Это обстоятельство способствовало быстрому росту торговли между двумя странами. Объем торговли между Индией и Советским Союзом с 1953 г., когда было подписано первое торговое соглашение и Советский Союз стал одним из главных торговых партнеров Индии, возрос во много раз.

С развитием индийской промышленности в структуре индийско-советской торговли произошли коренные изменения. Такие традиционные предметы индийского экспорта, как чай, кофе, пряности, шерсть, кожа, изделия из джута и т. п., утратили свое доминирующее значение, зато постоянно возрастают закупки Советским Союзом изделий индийской промышленности. В 1960 г. доля готовой продукции промышленности и полуфабрикатов составляла около одной четверти индийского экспорта в Советский Союз. В семидесятых годах она возросла до половины экспорта. Советский Союз первым начал закупать в Индии такие товары, как обувь, шерстяные изделия, готовая одежда и другие предметы массового потребления. Таким образом, индийско-советские сотрудничество и торговля способствовали росту не только тяжелой индустрии Индии, но и ряда отраслей ее легкой промышленности. Недавно Советский Союз начал также импортировать из Индии продукцию ряда технических отраслей промышленности, например, хирургические инструменты, гаражное оборудование, кабель, аккумуляторы и т. п. Исследования, осуществленные Резервным банком Индии и Индийским институтом внешней торговли, показали, что торговля Индии с Советским Союзом осуществляется в значительно более благоприятных условиях, чем с западными странами.

Можно отметить некоторые специфические черты индийско-советского экономического сотрудничества. Оно сыграло важную роль в образовании государственного сектора экономики страны и внесло значительный вклад в развитие основных отраслей тяжелой промышленности, без которых невозможна индустриализация страны. Экономические отношения Индии с СССР и другими социалистическими странами, для экономики которых характерны быстрые темпы роста, в значительной степени способствовали ограждению Индии от отрицательных последствий неустойчивости производства в капиталистическом мире. Успешное экономическое сотрудничество между Советским Союзом и Индией также укрепило позиции последней в развитии ее

отношений с капиталистическими странами. В частности, капиталистические страны были вынуждены увеличить размеры предоставляемых ей кредитов при значительном уменьшении процентных ставок, а также частично изменить жесткие условия их использования. Таким образом, индийско-советское экономическое сотрудничество укрепило независимость Индии как прямым, так и косвенным образом.

Заслуживает также внимания та роль, которую сыграли промышленные предприятия, построенные в Индии при помощи СССР, в развитии отсталых районов и в освоении их природных ресурсов, равно как и в обеспечении равномерного распределения производительных сил в стране. Сооружение такого промышленного объекта, как Бхилайский сталелитейный завод в штате Мадхья-Прадеш, — яркий пример благотворного влияния, оказываемого промышленным предприятием на развитие отсталого ранее района. Большой металлургический комплекс национального значения концентрирует вокруг себя промышленные центры районного значения и способствует росту мелких и средних местных предприятий, а также интенсификации и специализации сельскохозяйственного производства благодаря увеличению выработки энергии, расширению транспортной сети и коммуникаций. Промышленные предприятия, построенные в Индии при содействии Советского Союза, внесли ощутимый вклад в национальный бюджет и фонды капиталовложений. В 1957—1975 гг. из общей суммы чистого дохода 1800 млн. рупий, полученной Центральным правительством от неведомственных промышленных предприятий, на долю построенных с помощью СССР промышленных объектов пришлось около 800 млн. рупий¹⁰.

Визит Л. И. Брежнева в Нью-Дели в ноябре 1973 г. явился важной вехой в развитии индийско-советских отношений. «Вся страна приветствовала Л. И. Брежнева как верного и испытанного друга», — писала в редакционной статье ведущая ежедневная газета «Таймс оф Индия» о визите советского руководителя. Газета выражала сожаление, что он не успел посетить другие крупные города, кроме столицы, и, таким образом, лично убедиться, «с каким уважением относятся к Советскому Союзу во всей нашей стране»¹¹. Подписанные во время визита Л. И. Брежнева в 1973 г. Соглашение и совместная индийско-советская Декларация наглядно свидетельствуют об успехе, достигнутом в деле претворения в жизнь тех новых перспектив укрепления индийско-советского сотрудничества, которые открыл в 1971 г. индийско-советский Договор о дружбе.

Соглашение о развитии экономического сотрудничества и торговли между СССР и Индией в ближайшие 15 лет, которое было заключено во время визита Л. И. Брежнева, предусматривает сотрудничество в таких разнообразных областях, как черная и цветная металлургия, поисково-изыскательные работы, добыча и очистка нефти, добыча природного газа, угля и других природных ископаемых, энергетика, химическая промышленность, сельское хозяйство, наука и техника, а также в области подготовки кадров. Соглашением предусматривается расширение мощности предприятий, построенных при помощи Советского Союза, а также сооружение новых объектов. Так, мощность заводов в Бхилаи и Бокаро будет увеличена соответственно до 7 и 10 млн. т стали в год. Производство листовой стали в Бхилаи и Бокаро будет

¹⁰ V. K. Koptevsky. Scope of Indo-Soviet Economic Cooperation. — "The National Herald", 18.IV.1977.

¹¹ «The Times of India», 26.XI.1973.

иметь большое значение для индийского судостроения, оборонной промышленности, машиностроения и других важных отраслей индустрии. Ожидается, что к моменту завершения текущего индийского пятилетнего плана эти два завода будут давать 8 млн. т стали из 17,5 млн. т, которые намечено производить в 1978—1979 гг.

Соглашением 1973 г. предусматривается также строительство крупнейшего нефтеочистительного завода в Матхура — самого большого завода этого типа в Индии, рассчитанного на переработку 6 млн. т сырой нефти ежегодно. В области цветной металлургии Соглашение предусматривает создание меднообогатительного комплекса в Маланджханде. С пуском этих предприятий будет сделан большой шаг по пути к уменьшению существующей зависимости страны от импорта цветных металлов. Советский Союз также предоставляет помощь в сооружении метрополитена в Калькутте. Л. И. Брежнев призвал к развитию новых форм экономического сотрудничества между двумя странами, которое основывалось бы на кооперации и разделении труда между СССР и Индией, на взаимодополнении их экономических потенциалов.

Индийско-советское сотрудничество, таким образом, приобрело долговременные перспективы и распространилось также и на сферу планирования. В ноябре 1973 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Госпланом СССР и Плановой комиссией Индии. Оно предусматривает обмен опытом и информацией в области планирования и экономического прогнозирования, а также в области планирования поставок различных материалов. Координацию действий по выполнению соглашений об экономическом сотрудничестве осуществляет межправительственная индийско-советская Комиссия по экономическому, научному и техническому сотрудничеству.

Совместная индийско-советская Декларация 1973 г., подписанная по завершении визита Л. И. Брежнева в Нью-Дели, наметила основные направления сотрудничества между двумя странами на международной арене. По своему значению этот документ можно сравнить только с Договором 1971 г. В этом документе Индия и Советский Союз не только подчеркнули необходимость ликвидации остатков колониализма, неоколониализма и расизма, но также подтвердили право народов «на осуществление прогрессивных социально-экономических преобразований» и заявили о своей поддержке «всех правительств, борющихся против сил реакции и империализма». Обе стороны также подтвердили свою «готовность принять участие на равной основе со всеми заинтересованными государствами в поисках благоприятного решения вопроса о превращении Индийского океана в зону мира».

В Декларации подчеркивалось особое значение, которое оба государства придают развитию взаимовыгодного сотрудничества и укреплению мира и стабильности в Азии посредством общих усилий всех стран этого континента. В ней были подтверждены принципы, на которых должны основываться отношения между всеми государствами, а именно: отказ от применения силы, уважение суверенитета и нерушимости границ, невмешательство во внутренние дела и широкое развитие экономического и другого сотрудничества на базе равноправия и взаимной выгоды¹². В Декларации было также объявлено о договоренности обеих сторон принять меры к тому, чтобы обеспечить к 1980 г. рост объема советско-индийской торговли в полтора—два раза.

Во время ответного визита И. Ганди в СССР в июне 1976 г. руко-

¹² «Правда», 1.XII.1973.

водители обеих стран с удовлетворением отметили, что Соглашение об экономическом сотрудничестве в различных областях успешно претворяется в жизнь. Они также обменялись мнениями по вопросу о дальнейшем углублении и расширении этого сотрудничества. В совместной Декларации о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между Индией и СССР была вновь подтверждена «решимость двух стран всемерно укреплять индийско-советскую дружбу, представляющую ценное достижение народов обеих стран»¹³. Обе стороны выразили большую заинтересованность в поисках новых сфер и новых форм сотрудничества в целях обеспечения роста торговли — задачи, поставленной в Декларации 1973 г. Они также приняли решение расширить свое сотрудничество в области помощи экономическому развитию стран «третьего мира». Как Индия, так и Советский Союз объявили о своей поддержке стремления народов района Индийского океана не допустить размещения там иностранных военных баз. Они также подтвердили свою готовность принять участие вместе со всеми заинтересованными государствами в поисках решения вопроса о превращении Индийского океана в зону мира.

Индия и Советский Союз выразили единодушное мнение о том, что отказ от применения или угрозы применения силы для решения спорных проблем между государствами должен стать нормой международной жизни, и обратились с призывом ко всем государствам способствовать принятию мер, направленных на заключение всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях. Они также подтвердили свою «готовность содействовать перестройке международных экономических отношений на равноправной основе, принимая во внимание законные права развивающихся стран распоряжаться своим национальным богатством и их стремление поднять уровень социально-экономического и культурного развития своих народов». Обе стороны призвали к ликвидации дискриминации и других препятствий на пути развития международной торговли, к устранению неравенства и эксплуатации в области международных экономических отношений¹⁴.

Смена правительства в Нью-Дели вызвала поток спекуляций о том, что это неблагоприятно скажется на отношениях между Индией и СССР. Однако глубокая доброжелательность индийской общественности к Советскому Союзу и признательность за дружбу, прошедшую испытание временем во многих критических ситуациях в жизни Индии, способствовали тому, что патриотически настроенное руководство Джаната парти проявило большой реализм и положительно откликнулось на проявленную Москвой заинтересованность в сохранении дружеских отношений с Индией. Индийская печать также была настроена в пользу позитивного подхода к отношениям между Индией и СССР. «Таймс оф Индия» в редакционной статье 1 апреля 1977 г. писала, что не следует «преуменьшать значение для нашей страны крепкой и прочной дружбы с Москвой». «Эти узы сослужили нам добрую службу, и они прошли испытание временем. Они заслуживают того, чтобы их сохраняли и укрепляли», — продолжала газета.

Визит министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Нью-Дели 25—27 апреля 1977 г. нанес ощутимый удар по расчетам тех, кто ставил под вопрос индийско-советскую дружбу и сотрудничество. Министр иностранных дел Индии А. Ваджапайи подтвердил неизменность курса индийской внешней политики. В речи на завтраке, устроенном в

¹³ «The Times of India», 14.VI.1976.

¹⁴ Ibid.

честь высокого советского гостя, А. Ваджпай дал высокую оценку индийско-советской дружбе, назвав ее «постоянным фактором в деле сохранения мира и устойчивости в Азии и во всем мире»¹⁵. А. А. Громыко использовал первую же возможность, чтобы заверить все заинтересованные стороны в том, что дружба между Индией и СССР не «направлена против интересов третьей страны», а А. Ваджпай в свою очередь подчеркнул большое значение индийско-советского Договора. В совместном Коммюнике, опубликованном по завершении визита, выражалась решимость обеих стран «продолжать курс на дальнейшее укрепление равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в духе индийско-советского Договора»¹⁶.

Визит премьер-министра М. Десаи в СССР (21—26 октября 1977 г.) вновь подтвердил, что у отношений между Индией и Советским Союзом хорошие перспективы. «В процессе их развития, — подчеркнул Л. И. Брежнев, — формируется и крепнет глубокая, основанная на взаимном уважении и взаимном доверии дружба между народами двух великих стран — Советского Союза и Индии. И мы уверены: дружбе этой жить века!»¹⁷. В совместной советско-индийской Декларации стороны подчеркнули, что дружба между Советским Союзом и Индией «выдержала испытание временем, не подвержена конъюнктурным соображениям и служит важным фактором дела мира и стабильности в Азии и во всем мире»¹⁸. В ходе переговоров на высшем уровне Советский Союз и Индия вновь торжественно заявили «о своей решимости и дальше укреплять дружбу и сотрудничество, которые выражают интересы обоих народов и служат делу международного согласия и взаимопонимания». Советский Союз и Индия видят в укреплении советско-индийских отношений, в развитии взаимовыгодного сотрудничества между всеми азиатскими государствами реальный путь к укреплению безопасности в Азии, к ликвидации существующих здесь очагов напряженности.

Обе страны демонстрируют решимость и дальше укреплять сотрудничество во взаимных интересах. Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, подписанное во время пребывания А. А. Громыко в Нью-Дели, предусматривает оказание Индии помощи в расширении сталелитейной промышленности, сооружении цементных, медеплавильных и алюминиевых заводов и нефтеочистительных предприятий. Одновременно было подписано индийско-советское Соглашение о взаимном товарообороте на 1977 г.

Недавнее индийско-советское соглашение о поставке 1 млн. т сырой нефти из СССР в обмен на индийский чугун в слитках и изделия из стали внесло оживление в индийско-советские торговые отношения. Новое торговое соглашение, включающее сырую нефть в номенклатуру товарообмена, позволяет говорить о реальной возможности удвоения объема индийско-советской торговли между 1975—1980 гг. Благодаря этому Индия сэкономит иностранную валюту на сумму 850 млн. рупий, а также обеспечит реализацию своей сталелитейной продукции, сбыт которой в настоящее время испытывает затруднения. Значительным достижением является также особое внимание, которое уделяется в новом Соглашении нетрадиционным предметам индийского экспорта, включая продукцию промышленных объектов, построенных при содействии Со-

¹⁵ «The Times of India», 27.IV.1977.

¹⁶ «The National Herald», 28.IV.1977.

¹⁷ «Правда», 22.X.1977.

¹⁸ «Правда», 27.X.1977.

ветского Союза. Наряду с этим приобретает конкретные формы и сотрудничество в области производства между Индией и СССР в третьих странах. Подписаны контракты на сумму около 330 млн. рупий на поставку индийского оборудования, производимого на сталелитейных и металлургических предприятиях, которые были построены с советской помощью, в такие страны, как Куба, Турция и Болгария. Ожидается, что подобные контракты будут заключены также с Ираном, Ираком, Ливией, Алжиром и Нигерией.

В соответствии с Соглашением 1973 г. неуклонно развивается индийско-советское сотрудничество в области науки, техники и культуры. Ярким свидетельством роста научного сотрудничества между двумя странами явился запуск сконструированного в Индии спутника Ариабата. Он был выведен на орбиту при помощи советской ракеты с советского космодрома 19 апреля 1975 г. Индия и Советский Союз подписали соглашение о запуске в 1977—1978 гг. второго индийского спутника с помощью советской ракеты-носителя. Среди других заметных достижений в области индийско-советского культурного и научного сотрудничества можно отметить советскую помощь в развитии системы технического образования в Индии, организацию при советском содействии Индийского института технологии в Бомбее и Регионального технологического института в Варрангале, в штате Андхра-Прадеш, совместное производство фильмов, создание учебников, создание программ радио- и телепередач, а также различного рода контакты между учебными заведениями двух стран. К настоящему времени успешно завершено четырнадцать программ культурного обмена. С организацией в 1972 г. индийско-советской совместной комиссии состояние двусторонних отношений периодически обсуждается и регулярно разрабатываются программы их расширения.

Соглашение о научном сотрудничестве, подписанное в феврале 1975 г., предусматривает объединение усилий в исследованиях важных научных проблем в таких областях, как геология, ядерная физика, астрофизика, геофизика, агробиология, генетика и физическая химия. Объединенная индийско-советская комиссия по сотрудничеству в области социальных наук на своем первом заседании в мае 1975 г. составила программу сотрудничества в таких областях, как социология, история, география, этнография, философия и право. Программой предусматривается проведение симпозиумов и публикация итогов совместных исследований. На заседании Комиссии, которое состоялось в апреле 1977 г. в Нью-Дели, была разработана новая программа сотрудничества в этих областях. Предпринимаются шаги по дальнейшему развитию индийско-советских культурных связей посредством объединенных усилий как государственных, так и общественных организаций, например, Индийского общества культурной связи с СССР и Общества советско-индийской дружбы.

По мере экономического развития обеих стран, их научно-технического прогресса разрабатываются новые, более эффективные формы советско-индийского сотрудничества. В ходе визита премьер-министра М. Десаи в Советский Союз стороны условились разработать в 1978 г. долгосрочную программу взаимовыгодного экономического сотрудничества в развитии важных отраслей индийской экономики и двусторонней торговли. Достигнута и договоренность относительно деятельности групп экспертов по изучению перспектив советско-индийского сотрудничества в области черной и цветной металлургии, нефтяной и угольной промышленности, сельского хозяйства, ирригации и т. д., а также сотрудничества в оказании содействия экономическому развитию треть-

их стран. Уже в ближайшее время стороны определяют перспективы сотрудничества на компенсационной основе в строительстве в Индии глиноземного завода. Правительства обеих стран выражают удовлетворение прогрессом в работе Межправительственной советско-индийской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

* * *

«Идея необходимости и плодотворности советско-индийской дружбы глубоко проникла в сознание миллионов людей и в Индии, и в Советском Союзе. В этом — самая прочная основа дальнейшего успешного развития наших отношений», — сказал Л. И. Брежнев в речи на совместном заседании палат парламента Индии 29 ноября 1973 г. Советский руководитель раскрыл, в чем заключается сила индийско-советского сотрудничества, из чего явственно видна ложность заявлений противников этого сотрудничества, которые неоднократно предрекали его сокращение. Индийско-советское сотрудничество в области экономики, науки и техники сыграло важную роль в борьбе нашей страны за возможность крепко стоять на ногах, за независимое экономическое развитие. В свою очередь активное участие Индии в деле сохранения мира и индийско-советское сотрудничество имели большое значение для борьбы Советского Союза за претворение в жизнь своей миролюбивой политики.

Индийско-советское сотрудничество также играет важную роль в развитии регионального сотрудничества в Азии — прочной основы будущей системы коллективной безопасности в Азии. Так, Ирак поставляет Индии сырую нефть из нефтяных месторождений в Северной Румейла, разработка которых производилась с помощью Советского Союза, и эта нефть затем проходит обработку на нефтеочистительном заводе в Матхура, опять-таки построенном при содействии СССР. Большинство оборудования, которое находится в распоряжении индийской Комиссии по добыче нефти и природного газа и которое применяется при разведке нефти в Ираке и Иране, было создано на предприятиях, построенных с советской помощью. Расширение Исфаганского сталелитейного завода в Иране при советском содействии привело к увеличению иранского спроса на индийскую железную руду. Можно ожидать, что после нормализации отношений между Исламабадом и Нью-Дели предприятия, построенные в Индии с советской помощью, такие, как Корпорация тяжелого машиностроения в Ранчи и предприятия тяжелого электрооборудования в Бхопале и Хардваре, смогут оснастить всем необходимым оборудованием промышленные объекты, создаваемые сейчас в Пакистане с помощью Советского Союза. Региональное экономическое и торговое сотрудничество занимает важное место в планах Москвы по обеспечению прочного мира и безопасности на насыщенной конфликтами Азиатском континенте посредством коллективных усилий всех государств, здесь расположенных. Можно вспомнить, что премьер-министр Советского Союза А. Н. Косыгин во время своей поездки по странам Южной Азии в мае 1969 года выдвинул предложение о региональном сотрудничестве между Индией, Пакистаном, Афганистаном, Ираном и СССР. В своей речи 30 мая 1969 г. в Исламабаде А. Н. Косыгин сказал: «Мы хотели бы видеть Пакистан, Афганистан, Индию и другие государства этого района развивающими отношения дружбы и конструктивного сотрудничества. Со своей стороны Советский Союз будет делать все, чтобы способствовать этому»¹⁹.

¹⁹ «Правда», 31.V.1969.

Тридцать лет назад Индия и Советский Союз вступили на путь сотрудничества, причем вначале взаимные контакты носили нерегулярный характер. В 1977 г., когда Советский Союз праздновал 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, а Индия отмечала 30-летие завоевания независимости, обе страны осуществляли в самых различных сферах тесное и широкое сотрудничество, основой которого служит Договор о мире, дружбе и сотрудничестве.

Тем же, кого смущает простое упоминание об «особом» характере индийско-советских отношений, следует лишь напомнить разъяснение этого термина, сделанное Л. И. Брежневым во время его визита в Нью-Дели в ноябре 1973 г. в речи на обеде в честь премьер-министра Республики Индии. Л. И. Брежнев сказал: «Этот особый характер состоит и в давних традициях дружбы, и в развитых формах сотрудничества. Он состоит и в том — я хотел бы это подчеркнуть, — что узы дружбы, которые связывают наши страны, не отгораживают нас от остальной части человечества, а способствуют умножению нашего позитивного вклада в общее дело оздоровления всей мировой обстановки»²⁰.

Индийско-советское сотрудничество надежно служит не только интересам обеих стран, но также является важным фактором укрепления мира, безопасности и стабильности в Азии и во всем мире.

²⁰ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4. М., 1974, стр. 388—389.

Важный этап в развитии советско-японской торговли

В. Б. Спандарьян,

кандидат экономических наук

В августе 1976 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Крыму делегацию Федерации экономических организаций Японии. Эта встреча имела огромное значение для определения путей дальнейшего развития советско-японских экономических связей.

В июне 1977 г., отвечая на вопросы главного редактора газеты «Асахи» С. Хата, Леонид Ильич Брежнев сказал: «Я с удовлетворением вспоминаю о деловой беседе в августе прошлого года в Крыму с делегацией федерации экономических организаций Японии во главе с президентом г-ном Тосио Доко. С нашей стороны тогда был высказан ряд предложений, направленных на дальнейшее развитие экономических связей между Советским Союзом и Японией».

Среди этих предложений было пожелание о заключении нового долгосрочного соглашения о товарообороте и платежах между СССР и Японией и о проведении очередного, 7-го совещания Советско-японского и Японо-советского комитетов экономического сотрудничества. Сейчас оба эти предложения реализованы, что позволяет рассчитывать на дальнейший рост торговли и расширение взаимовыгодного экономического сотрудничества между СССР и Японией.

* * *

Соглашение о товарообороте и платежах между СССР и Японией было подписано 30 мая 1977 г. в Токио. Это новое пятилетнее соглашение подписали министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев и министр иностранных дел Японии И. Хатояма.

Переход к осуществлению взаимных поставок товаров на основе пятилетних соглашений, совпадающих по срокам с периодом действия пятилетних планов развития народного хозяйства СССР, явился важным этапом в развитии советско-японской торговли. Заключение таких соглашений содействовало расширению товарооборота между обеими странами на стабильной и долгосрочной основе.

Начиная с 1961 г. наша торговля с Японией практически удваивалась каждые пять лет. Так, по первому пятилетнему соглашению (1966—1970) объем взаимных поставок товаров составил 2,6 млрд. руб. против 1,3 млрд. руб. в 1961—1965 гг. По второму пятилетнему соглашению (1971—1975) товарооборот составил уже 6,1 млрд. руб., то есть увеличился в 2,3 раза.

Тенденция к неуклонному росту советско-японской торговли заложена и в новом соглашении о товарообороте и платежах в 1976—

1980 гг. По оценкам, опубликованным в советской печати, объем взаимных поставок по этому соглашению должен составить, как минимум, 10 млрд. руб., то есть возрасти более чем в 1,6 раза по сравнению с предшествующим пятилетием.

Ход выполнения соглашения в 1976 г. и I квартале 1977 г. дает основание предположить, что фактический объем взаимных поставок превысит эту оценку. Так, в 1976 г. — первом году действия нового пятилетнего соглашения, товарооборот превысил 2,1 млрд. руб. За 9 месяцев 1977 г. товарооборот с Японией составил 1736 млн. руб. против 1433 млн. руб. на соответствующий период прошлого года¹.

Неуклонный рост советско-японской торговли в периоды действия пятилетних соглашений о товарообороте и платежах обусловлен прежде всего осуществлением наряду с обычным обменом товарами все возрастающих поставок по генеральным соглашениям об экономическом сотрудничестве между советскими организациями и японскими фирмами в развитии ряда отраслей народного хозяйства в восточных районах СССР, в том числе в развитии лесной промышленности Дальнего Востока, в строительстве порта Восточный в бухте Врангеля, в разработке месторождений угля в Южной Якутии, разведке газа в Якутии.

Поставки товаров по этим соглашениям, носящим компенсационный характер, приобретают все более значительный удельный вес в советско-японской торговле, придают экономическим связям между нами странами долгосрочный стабильный характер.

Значительному росту товарооборота содействуют также все возрастающие поставки из Японии в СССР комплектного оборудования, в частности для предприятий химической промышленности, осуществляемые на основе банковских кредитов.

Характерно, что в экспорте японского оборудования в СССР в 1976 г., на который приходилось около трети стоимости всего нашего импорта из Японии, 40% падает на поставки по генеральным соглашениям об экономическом сотрудничестве и 20% — на поставку комплектного оборудования.

Повышается также удельный вес советских товаров, поставляемых в Японию в порядке компенсации по упомянутым генеральным соглашениям, в частности лесных материалов. Однако в соответствии с этими соглашениями компенсационные поставки из СССР в Японию получают наибольшее развитие в следующем пятилетии.

Поставки товаров по генеральным соглашениям об экономическом сотрудничестве и закупки комплектного оборудования в счет банковских кредитов будут в основном определять объем и номенклатуру советско-японского товарооборота и по новому пятилетнему соглашению в 1976—1980 гг.

В результате высоких темпов роста товарооборота, особенно на основе пятилетних соглашений, СССР и Япония стали крупными торговыми партнерами. В последние годы Япония занимает 8—9 место во внешнеторговом обороте СССР (2—3 место среди капиталистических стран), а Советский Союз прочно вошел в число наиболее крупных торговых контрагентов Японии. Так, в 1976 г. СССР, по данным японской статистики, занял 10 место во внешнеторговом обороте Японии и первое место среди социалистических стран, торгующих с Японией.

Однако достигнутые результаты в развитии советско-японской торговли далеко не исчерпывают огромные потенциальные возможности

¹ См. приложение к журналу «Внешняя торговля», 1977, № 12.

расширения товарооборота между СССР и Японией на основе долгосрочного и крупномасштабного экономического сотрудничества, в направлении которого пока сделаны лишь первые шаги.

Советский Союз и Япония являются высокоразвитыми в экономическом отношении государствами, структура их внешней торговли позволяет осуществлять взаимовыгодный обмен товарами, а географическая близость быстро развивающихся районов Сибири и Дальнего Востока СССР и Японии делает экономическое сотрудничество между обеими странами весьма эффективным и перспективным.

Как известно, с советской стороны неоднократно подчеркивались возможность и целесообразность выработки долговременной программы экономического сотрудничества между СССР и Японией на 10—20 лет, главным образом за счет более интенсивного использования ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Об этом шла речь на беседе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с делегацией Японии во главе с Т. Доко в августе 1976 г., эта проблема была вновь затронута в ответах Л. И. Брежнева на вопросы главного редактора газеты «Асахи», опубликованных в «Правде» 7 июня 1977 г.

Деловые круги Японии проявляют огромный интерес к развитию торговли и экономического сотрудничества с СССР.

«На мой взгляд, — заявил председатель Федерации экономических организаций Японии Т. Доко, — для плодотворного расширения двустороннего экономического и научно-технического сотрудничества у нас есть все предпосылки. Судите сами: Советский Союз с его огромным промышленно-экономическим потенциалом и 260-миллионным населением, с одной стороны, и Япония — также высокоразвитое государство со 110-миллионным населением — с другой»².

Точка зрения советской стороны по этому вопросу была четко изложена в беседах министра внешней торговли СССР Н. С. Патоличева во время его недавнего визита в Японию.

«Советскими внешнеторговыми организациями и японскими компаниями, — отмечал министр Н. С. Патоличев в беседе с корреспондентом «Известий», — уже к сегодняшнему дню накоплен определенный опыт делового сотрудничества в разработке некоторых видов природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. В состоявшихся в Токио беседах с государственными и политическими деятелями Японии, с лидерами ее делового мира нам, членам советской делегации, неоднократно доводилось слышать самые позитивные оценки сотрудничества подобного рода. Думается, что новые шаги в этом направлении могли бы способствовать еще большему повышению эффективности двусторонних экономических связей»³.

В советско-японской торговле в результате выполнения пятилетних соглашений сложилась стабильная структура поставок товаров, отражающая взаимодополняемость народного хозяйства СССР и экономики Японии.

Основными статьями советского экспорта в Японию являются сырьевые товары, топливо и промышленные материалы, жизненно необходимые для японской экономики. В этой связи уместно напомнить, что экономика Японии почти полностью зависит от импорта топлива, сырья и продовольствия. Наряду с этим постепенно расширяется экспорт в Японию советских машин и оборудования, а также лицензий

² «Литературная газета», 29.VI.1977.

³ «Известия», 2.VI.1977.

и технологии, отражающих научно-технические достижения Советского Союза.

«...Советский Союз, — заявил в интервью корреспонденту «Правды» председатель торгово-промышленной палаты Японии С. Нагано, — это не только поставщик природных ресурсов, в которых нуждается Япония, но и промышленно развитая страна, что обуславливает наши взаимные связи в различных областях науки и техники. Наряду с сырьевыми товарами мы получаем в Советском Союзе и оборудование и технические знания»⁴.

За период действия второго пятилетнего соглашения о товарообороте и платежах (1971—1975) в Японию было поставлено советских товаров примерно на 3 млрд. руб., в том числе: деловая древесина, хлопок (в волокне), каменный уголь (в основном для коксования), нефть и нефтепродукты, железная руда, алюминий (вторичный), калийные соли, морепродукты, а также значительные количества других важных для японской экономики товаров⁵.

За этот же период в Японию поставлялись станки, суда на подводных крыльях, вертолеты, газовые турбины и некоторые другие виды оборудования, а также запроданы лицензии в области технологии непрерывной разливки стали, охлаждения доменных печей, способов сухого тушения кокса и другие.

По данным японской таможенной статистики, в 1975 г., то есть в последнем году действия второго пятилетнего соглашения, поставки из Советского Союза ряда важных товаров занимали видное место в японском импорте. Так, СССР занял первое место (в стоимостном выражении) в японском импорте цветных и других металлов, второе место — в импорте хлопка, леса, калийных удобрений, цинка; третье место — в импорте стального лома, хромовой руды и никеля, четвертое место — в японском импорте свежей рыбы, угля и мазута.

Доля советских поставок в импорте Японии в 1976 г., по данным японской статистики, составила (в количественном выражении) по деловой древесине — 18%, хлопку — 17,5, калийным солям — 24, вторичному алюминию — 73, палладию — 35, родию — 44, стальному лому — 12, китовому мясу — 50, хлопковым семенам — 60%.

По новому соглашению о товарообороте и платежах экспорт советских товаров в 1976—1980 гг. составит, по оценкам, около 5 млрд. руб., то есть возрастет более чем в 1,6 раза. При этом наиболее существенно возрастут поставки товаров в счет генеральных соглашений об экономическом сотрудничестве (лесоматериалы и коксующийся уголь). Структура нашего экспорта в Японию в основном останется прежней, однако следует отметить тенденцию к возрастанию удельного веса переработанного сырья и материалов, а также машин и оборудования.

Вместе с тем в текущей пятилетке путем реализации генеральных соглашений об экономическом сотрудничестве будет заложена основа для существенного расширения экспорта в Японию южнокитских коксующихся углей.

В нашем импорте из Японии наибольший удельный вес занимают машины и оборудование, включая комплектные заводы, и продукция черной металлургии (прокат черных металлов, стальные трубы и др.). На две эти товарные группы приходится по стоимости свыше двух тре-

⁴ «Правда», 8.I.1976.

⁵ См. статистические сборники «Внешняя торговля СССР» за соответствующий период.

тей всего импорта из Японии. Крупными статьями советских закупок являются товары народного потребления, сырье для их производства (свыше 10% стоимости импорта) и различные химикаты.

В 1971—1975 гг., то есть в период действия второго пятилетнего соглашения о товарообороте и платежах, из Японии было импортировано товаров на общую сумму свыше 3 млрд. руб., в том числе машин и оборудования более чем на 1 млрд. руб., продукции черной металлургии также на сумму свыше 1 млрд. руб. (в том числе 2,6 млн. т проката черных металлов и 820 тыс. т труб), химикатов — почти на 200 млн. руб., а также значительные количества синтетических и искусственных волокон и пряжи, тканей, трикотажных и швейных изделий и других товаров народного потребления⁶.

Советский Союз стал крупным рынком для сбыта многих видов продукции ряда важных отраслей японской экономики, в том числе таких, как машиностроение, особенно химическое, черная металлургия, текстильная промышленность.

По данным японской таможенной статистики, в начале текущего пятилетия, то есть в 1976 г., Советский Союз занял:

первое место по объему закупок в Японии экскаваторов, специальных автомашин, арматуры, труб из специальных сталей и бесшовных стальных труб, пряжи искусственного шелка и шерстяной, трикотажных тканей;

второе место по закупкам готовой одежды и трикотажных изделий, обуви, пластических материалов и смол, гнутых профилей проката, белой жести, специальных сталей, погрузочного оборудования, сельскохозяйственных машин, мощных грузовых автомашин;

третье место в японском экспорте стальных труб, стального троса, кабельных изделий, металлорежущих станков, строительного и горнорудного оборудования, электроизмерительных и контрольных инструментов, железнодорожного подвижного состава для острова Сахалин;

Советский Союз стал четвертым по значению для Японии рынком сбыта (в целом) экспортной продукции черной металлургии, общего машиностроения и текстильных изделий.

В новой пятилетке, охватываемой соглашением о товарообороте и платежах между СССР и Японией в 1976—1980 гг., значение советского рынка для экспорта продукции все более широкого круга отраслей японской промышленности будет возрастать.

По данным японской статистики, в 1976/77 финансовом году Советский Союз вышел на четвертое место в экспорте Японии в целом (по стоимости закупок).

Однако значение советского рынка для Японии заключается не только в возрастании объемов и номенклатуры поставок в СССР японских товаров, но также и в его надежности и стабильности, что особенно ярко проявляется в годы экономических кризисов, охватывающих капиталистические страны, и в том числе Японию.

«В 1975 г. Япония переживала глубокий спад в деловой активности. В том же году экспорт в Советский Союз составил 1,6 млрд. долл. Когда японская промышленность находится в состоянии спада, она не может себе позволить отказаться от больших заказов Советского Союза», — это красноречивое признание опубликовано в японском журнале «Бизнес Джэпэн» в ноябре 1976 г.

Новое соглашение о товарообороте и платежах между СССР и Япо-

⁶ По данным статистических сборников «Внешняя торговля СССР» за соответствующие годы.

нией открывает большие возможности для расширения экспорта продукции многих ведущих отраслей японской промышленности. Затянувшийся спад в экономике Японии лишь усиливает для нее значение огромного, надежного и стабильного советского рынка.

В счет нового соглашения уже размещены крупные советские заказы, в том числе на комплектное оборудование для заводов и комплектных установок по производству аммиака, заводов для производства сложных удобрений, газобензиновых заводов, завода по производству хлоропренового каучука. Успешно ведутся переговоры о размещении заказов для ряда крупных промышленных объектов. Все это наряду с закупками оборудования, материалов и товаров по действующим генеральным соглашениям об экономическом сотрудничестве предопределяет рост объема и расширение номенклатуры японских поставок в СССР в 1976—1980 гг., вносит элемент стабильности в развитие ряда ведущих отраслей японской экономики, содействует повышению занятости японских трудящихся. Достаточно упомянуть, что, по данным японских экономистов, заказ на комплектное оборудование для завода по производству аммиака выполняют около 800 крупных, средних и небольших японских фирм.

Таким образом, новое соглашение о товарообороте и платежах между СССР и Японией закрепляет большой положительный опыт, накопленный в ходе развития советско-японской торговли, и создает хорошие возможности для дальнейшего развития экономического сотрудничества между обеими странами на долгосрочной и крупномасштабной основе.

Одновременно с подписанием соглашения о товарообороте и платежах в 1976—1980 гг. в Токио состоялся обмен письмами по развитию прибрежной торговли в эти же годы. Эта торговля имеет особое значение для обмена товарами и установления непосредственных контактов между дальневосточными районами СССР и северо-восточными районами Японии. Контрагентами всесоюзной конторы «Дальинторг», специально созданной для осуществления этих операций, является более чем 100 небольших и средних фирм, торговых кооперативов и ассоциаций Японии.

В период с 1963 г., когда начала осуществляться прибрежная торговля, ее объем возрос более чем в 30 раз и превысил в 1976 г. 43 млн. руб. По новому соглашению объем взаимных поставок товаров по прибрежной торговле должен в 1980 г. превысить 56 млн. руб., при сбалансированности экспорта и импорта.

Основными товарами, поставляемыми в Японию по линии В/О «Дальинторг», являются лес и лесоматериалы, рыба и морепродукты, уголь, минеральное сырье. При этом постепенно расширяется номенклатура товаров за счет продукции местной промышленности и заготовительных организаций. В Японии закупаются различные товары народного потребления, промысловое снаряжение, некоторые промышленные материалы и оборудование для нужд Дальнего Востока.

Помимо определенного экономического эффекта, прибрежная торговля является хорошим средством укрепления дружественных связей и взаимопонимания между прилегающими районами СССР и Японии.

Японские деловые и официальные круги в основном весьма положительно восприняли заключение нового пятилетнего торгового соглашения между СССР и Японией. В беседе с министром Н. С. Патолличевым премьер-министр Японии Т. Фукуда «выразил удовлетворение последовательным ходом развития торговли и экономического сотрудниче-

ства между двумя странами»⁷. Министр иностранных дел И. Хатояма выразил надежду, что «новое соглашение проложит путь для дальнейшего развития японо-советских отношений»⁸.

Заключение соглашения о товарообороте и платежах между СССР и Японией в 1976—1980 гг. явилось важным этапом в реализации тех огромных возможностей, которые заложены в развитии экономического сотрудничества между обеими странами при наличии доброй воли с обеих сторон.

Другим важным этапом в этом направлении явилось седьмое совещание Советско-японского и Японо-советского комитетов экономического сотрудничества, состоявшееся в Токио 12—16 сентября 1977 г. Совещание было весьма представительным по своему составу.

Советскую делегацию возглавил председатель Советско-японского комитета экономического сотрудничества, первый заместитель министра внешней торговли И. Ф. Семичастнов. В состав делегации вошли председатель президиума Торгово-промышленной палаты СССР Б. А. Борисов, заместитель председателя Госплана СССР Н. Н. Иноземцев, заместители министров лесной и деревообрабатывающей промышленности, морского флота, транспортного строительства, геологии, целлюлозно-бумажной промышленности, угольной промышленности, руководящие работники Госплана СССР, Государственного комитета по науке и технике, Госснаба СССР, Министерства внешней торговли, Министерства иностранных дел СССР и ряда других министерств и ведомств.

Весьма представительную и многочисленную японскую делегацию возглавил С. Нагано — председатель Торгово-промышленной палаты Японии и сопредседатель Японо-советского комитета экономического сотрудничества. В состав японской делегации вошли президент Федерации экономических организаций Т. Доко и такие видные представители делового мира Японии, как Х. Андзай, И. Иваса, Х. Имадзато, Х. Макита, Ф. Танака, Х. Есияма, Р. Каваи, К. Ясуи, К. Идэмицу, Т. Мория и многие другие, а также руководящие сотрудники министерств иностранных дел, финансов, внешней торговли и промышленности, транспорта и Экспортно-импортного банка Японии.

Большое значение, которое стороны придавали совещанию, было подчеркнуто также и тем обстоятельством, что на его открытии с приветственными речами выступили посол СССР в Японии Д. С. Полянский и министр иностранных дел Японии И. Хатояма. Главу советской делегации приняли премьер-министр Японии Т. Фукуда, министр иностранных дел И. Хатояма, министр внешней торговли и промышленности Т. Танака.

Японские деловые и общественно-политические круги придавали седьмому советско-японскому экономическому совещанию большое значение не только потому, что они проявляют значительный интерес к развитию экономического сотрудничества с СССР, особенно в условиях затянувшегося спада в экономике Японии, но и по той причине, что это совещание, по их мнению, должно было сыграть положительную роль в деле общего улучшения советско-японских отношений.

«Наша страна в целом придерживается следующей основной позиции, — писала газета «Никкан когё симбун», — сотрудничество в разработке природных ресурсов между СССР и Японией необходимо, и,

⁷ «Майинти симбун», 28.V.1977.

⁸ «Japan Times», 31.V.1977.

⁹ «Никкан когё симбун», 12.IX.1977.

конкретно говоря, было бы желательно продвигать его, исходя из промышленной структуры Японии»⁹.

Влиятельная японская газета «Майнити» отмечала, что совещание «послужит делу развития японо-советских отношений», и призвала «шаг за шагом накапливать фактические результаты сотрудничества в разработке ресурсов»¹⁰.

Совещание обсудило два основных вопроса — о ходе реализации действующих генеральных соглашений об экономическом сотрудничестве и о дальнейших перспективах экономического сотрудничества между СССР и Японией на долгосрочной и крупномасштабной основе.

По первому вопросу был отмечен успешный ход реализации действующих генеральных соглашений о сотрудничестве в строительстве порта Восточный в бухте Врангеля, в разработке лесных ресурсов Дальнего Востока, в освоении Южно-Якутского угольного бассейна, в проведении геологоразведочных работ на якутских газовых месторождениях, а также обсуждены вопросы научно-технического сотрудничества между соответствующими советскими организациями и японскими компаниями.

Как отметил на совещании глава японской делегации С. Нагано, «сотрудничество в области освоения ресурсов Сибири осуществляется в целом успешно». Эта оценка была конкретизирована в докладах советских и японских представителей в подкомитетах, где обсуждался ход реализации отдельных проектов.

Успешно завершается выполнение Генерального соглашения о сотрудничестве в строительстве морского порта в бухте Врангеля, подписанного 18 декабря 1970 г.

В 1971 г. начались проектные и дноуглубительные работы в бухте, а в декабре 1973 г. первый лесной причал принял и обработал первое судно. В начале 1974 г. был открыт новый порт, получивший название Восточный. В последующие годы одновременно с производством грузовых операций продолжалось строительство других объектов порта.

В 1975 г. был введен в действие комплекс по перегрузке технологической щепы производительностью 800 тыс. т в год. В 1976 г. был сдан в эксплуатацию контейнерный терминал на 120 тыс. контейнеров международного стандарта в год. В 1978 г. планируется ввод комплекса по перегрузке угля мощностью 5 млн. т в год и будет завершено строительство первой очереди порта Восточный.

Предусмотренный Генеральным соглашением кредит в сумме 80 млн. долл. практически использован на оплату японского оборудования и материалов, поставленных для строительства порта.

В 1976 г. через порт Восточный было пропущено 1,4 млн. т экспортно-импортных и транзитных грузов, в том числе 124 тыс. контейнеров, главным образом с транзитными японскими грузами, по кратчайшему пути в Европу через Сибирь.

Представитель японской стороны г-н Хори, отмечая активные усилия обеих сторон в реализации Генерального соглашения о сотрудничестве в строительстве порта Восточный, подчеркнул, что этот порт является «мостом для развития торгово-экономических отношений между СССР и Японией».

Успешный ход выполнения второго Генерального соглашения о сотрудничестве в разработке лесных ресурсов Дальнего Востока, подписанного 30 июля 1974 г., отмечали в своих выступлениях как советский, так и японский представители.

¹⁰ «Майнити», 12.IX.1977.

«Успешное осуществление этого проекта,— отметил К. Каваи,— обеспечивает стабильное снабжение японской стороны лесными ресурсами и вносит соответствующий вклад в освоение и разработку лесных ресурсов советского Дальнего Востока, осуществляемые в соответствии с плановой экономикой СССР... Эта торговля приносит большую пользу для японо-советского сотрудничества, осуществляемого на основе взаимной выгоды».

Объем поставок советской деловой древесины и пиломатериалов в Японию по второму Генеральному соглашению составит в период 1975—1979 гг. около 18 млн. м³ против 8 млн. м³ по первому Генеральному соглашению (1969—1974), а экспорт японских товаров в СССР по новому соглашению должен по стоимости увеличиться в 3 раза.

В течение 1975—1976 гг. в Японию в счет этого соглашения было поставлено 5,2 млн. м³ деловой древесины, а с поставкой в 1977 г. продано 3,5 млн. м³ леса. В счет предоставленного японской стороной кредита на сумму 550 млн. долл. закуплено машин и оборудования, судов, промышленных материалов и товаров народного потребления почти на 400 млн. долл.

На заседаниях подкомитета обсуждались конкретные меры, направленные на обеспечение выполнения соглашения, в частности по использованию остатка кредита и решению отдельных вопросов, регулирующих поставки леса в счет указанного соглашения.

Генеральное соглашение о сотрудничестве в разработке южноякутских углей от 26 июня 1974 г. также выполняется нормально.

Строительство железной дороги Бам—Тында—Беркакит, связывающей Южно-Якутское угольное месторождение с действующей Транссибирской магистралью и строящейся Байкало-Амурской магистралью, осуществляется с опережением плана. Выполнен большой объем подготовительных, строительного-монтажных и вскрышных работ по Южно-Якутскому угольному комплексу. В 1977 и 1978 гг. будут возрастать капитальные вложения и объем строительных работ с тем, чтобы обеспечить ввод в эксплуатацию Нюренгринского угольного разреза мощностью 13 млн. т угля в год, в том числе 9 млн. т коксующихся углей.

Совещание с удовлетворением отметило успешный ход геологоразведочных работ на Якутском газовом месторождении. Как известно, соглашение о сотрудничестве по этому объекту носит трехсторонний характер, так как в его осуществлении участвуют советские организации, японские и американские компании.

Большой интерес на совещании вызвало обсуждение вопроса о перспективах развития экономического сотрудничества между СССР и Японией.

Глава японской делегации С. Нагано в специальном выступлении изложил концепцию японской стороны в этом вопросе. Он подчеркнул, что опыт работы Советско-японского и Японо-советского комитетов дает положительный ответ на вопрос о возможности экономического сотрудничества стран с различными социальными системами. Это сотрудничество, по заявлению С. Нагано, опирается на богатейшие ресурсы Сибири и Дальнего Востока СССР, взаимодополняемость экономики обеих стран и их географическую близость, а также на поддержку и понимание со стороны как японского, так и советского народов.

Отметив депрессивное состояние японской экономики и возрастающую зависимость Японии от поставок сырья, и особенно энергоносителей, Нагано подчеркнул, что в этой связи для Японии первостепенное

значение приобретает сотрудничество с СССР в развитии сырьевых и энергетических ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Сотрудничество с СССР в разработке коксующихся углей, нефти и газа, по заявлению Нагано, укрепляет и расширяет дружеские отношения между нашими странами и приведет к осуществлению еще более крупномасштабных проектов, о которых говорил Л. И. Брежнев в беседе с Т. Доко.

С японской стороны был проявлен большой интерес к докладу заместителя председателя Госплана СССР Н. Н. Иноземцева о перспективах развития экономики Сибири и Дальнего Востока.

В этом докладе были обрисованы основные направления развития восточных районов СССР в соответствии с десятым пятилетним планом развития народного хозяйства и перспективой на более длительный период.

При этом было подчеркнuto, что Советский Союз может и будет развивать богатейшие ресурсы Сибири и Дальнего Востока своими силами, но что вместе с тем имеются объективные предпосылки и взаимная заинтересованность обеих стран — СССР и Японии — для углубления экономического сотрудничества между ними на долгосрочной и крупномасштабной основе.

В результате обсуждения на совещании было достигнуто принципиальное согласие сторон начать рассмотрение вопросов, связанных с заключением третьего Генерального соглашения по лесу (сотрудничество в разработке лесных ресурсов Дальнего Востока и районов, прилегающих к трассе БАМ, в строительстве Амурского и Хабаровского целлюлозно-бумажных комбинатов, в техническом переоснащении Сахалинских целлюлозно-бумажных предприятий, в строительстве контейнерных терминалов в порту Восточном и других советских портах Дальнего Востока), а также с дальнейшим расширением научно-технического сотрудничества.

Таким образом, на седьмом совещании Советско-японского и Японо-советского комитетов экономического сотрудничества был не только рассмотрен ход выполнения действующих Генеральных соглашений об экономическом сотрудничестве, но и намечены дальнейшие конкретные пути развития этого сотрудничества на долгосрочной и крупномасштабной основе в свете основных положений, изложенных Леонидом Ильичом Брежневым в беседе с делегацией Федерации экономических организаций Японии.

«Совещание, — указано в совместном коммюнике, — с глубоким удовлетворением отметило оценку, которая была дана деятельности Советско-японского и Японо-советского комитетов экономического сотрудничества на встрече Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с делегацией «Кэйданрэн» во главе с Т. Доко в Крыму в августе 1976 г. Эта встреча явилась важным стимулом для дальнейшего развития советско-японских экономических и торговых отношений».

Стороны договорились провести очередное совещание Советско-японского и Японо-советского комитетов экономического сотрудничества в Советском Союзе в удобное для них время.

Ход и результаты седьмого советско-японского экономического совещания широко комментировались в японской прессе. Газета «Асахи» в передовой статье отмечала, что за годы своей деятельности комитеты разработали семь совместных крупномасштабных проектов японо-советского экономического сотрудничества и что на этой основе произошло значительное увеличение товарооборота Японии с Советским Со-

юзом. В этой связи газета подчеркнула важность «дальнейшего упрочения сотрудничества двух стран на основе откровенных дискуссий».

Выражая удовлетворение итогами совещания, газета «Санкэй симбун» указывала, что «позитивный подход обеих сторон к экономическому сотрудничеству окажет благоприятное влияние и на дальнейшее развитие японо-советских отношений в целом» и что «сотрудничество с Советским Союзом в освоении Сибири является делом весьма желательным с точки зрения развития японской экономики. Именно поэтому на состоявшемся совещании деловые круги нашей страны заняли позитивную позицию... Совещание экономических комитетов обеих стран открывает светлые перспективы дальнейшему развитию японо-советских отношений. Мы выражаем надежду, что на этой основе японо-советское экономическое сотрудничество получит новый стимул для своего развития»¹¹.

Даже такая консервативная газета, как «Джэпэн Таймс» в редакционной статье отмечала: «Совместное коммюнике, опубликованное в конце совещания, свидетельствует, что обе стороны подтвердили свою долговременную заинтересованность в продвижении сотрудничества в развитии природных ресурсов в Советском Союзе». Далее газета констатировала: «Фактическое положение вещей заключается в том, что экономические связи между обеими странами постоянно расширялись в последнее десятилетие. Двусторонняя торговля достигла 3,4 млрд. долл. в год, удвоившись за десять лет. При этом половина указанного товарооборота приходится на совместные проекты».

Успех седьмого совещания Советско-японского и Японо-советского комитетов экономического сотрудничества явился прежде всего результатом того, что в основе развития торгово-экономических отношений между двумя соседними странами — СССР и Японией — лежат не временные, преходящие соображения, а такой постоянный фактор, как взаимная выгода сторон. Подлинные национальные интересы Японии настоятельно требуют развивать экономическое сотрудничество с Советским Союзом на долгосрочной и крупномасштабной основе, в интересах укрепления ее экономики и добрососедских отношений с дружественным и миролюбивым Советским Союзом.

Было бы, однако, неправильным не учитывать того, что как в самой Японии, так и за ее пределами есть силы, которые стремятся не допустить широкого развития советско-японского экономического сотрудничества, понимая, что развитие такого сотрудничества является наиболее широкой основой для упрочения мира и добрососедства между СССР и Японией.

Нет нужды вступать в полемику с противниками развития широких деловых связей Японии с СССР, так как сама практика успешного развития торговли и экономического сотрудничества является лучшим ответом на домыслы антисоветских кругов в Японии и их вдохновителей извне.

В органе японских деловых кругов журнале «Бизнес Джэпэн» в ноябре 1976 г. опровергаются доводы противников развития торгово-экономических связей с СССР.

«Практически для Японии было бы невозможно, — указывается в журнале, — ограничить экономические отношения с Советским Союзом — соседним государством, построить свои отношения с ним лишь на основе обычного торгового обмена товарами. Что касается Японии, страдающей от нехватки сырья, то совершенно очевидно, что она долж-

¹¹ «Правда», 20.IX.1977.

на экспорттировать оборудование и технологию, концентрированные результаты людского труда и диверсифицировать свои источники сырья для того, чтобы обеспечить долгосрочное стабильное снабжение. Общеизвестно, что чем меньше расстояние, тем выше экономическая эффективность транспортировки. Из этого со всей очевидностью следует, что аргументы против участия Японии в развитии Сибири на самом деле оказываются несостоятельными».

«Совершенно естественно, — подчеркивал далее журнал, — что Япония должна быть впереди в экономическом сотрудничестве с СССР по сравнению с западными странами из-за ее географической близости, и Япония, конечно, будет вовлечена в сотрудничество по развитию Сибири и советского Дальнего Востока». Журнал призывает Японию решать эту проблему самостоятельно, исходя из своего положения и собственных интересов.

Нельзя пройти и мимо того обстоятельства, что стремление Советского Союза к развитию взаимовыгодной торговли и широкого делового сотрудничества с Японией пытаются иногда изобразить как особую заинтересованность в этом советской стороны и даже чуть ли не «зависимость» планов развития Сибири и Дальнего Востока от «участия» в их осуществлении Японии.

Уместно в этой связи напомнить слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в его ответах на вопросы главного редактора газеты «Асахи»:

«Я не хотел бы, чтобы у читателей вашей газеты создалось впечатление, что Советский Союз своими силами не сможет освоить богатейшие ресурсы Сибири и Дальнего Востока. Совершенно очевидно, и это показывает вся история нашего государства, что мы имеем все возможности справиться с этой задачей. Сотрудничество же с другими государствами используется нами лишь для ускорения осуществления наших планов по развитию этих районов. Не знаю, насколько отвечают интересам Японии раздающиеся там иногда голоса не в пользу широкого делового сотрудничества с Советским Союзом»¹².

Следует также отметить, что в ряде важных аспектов развития экономического сотрудничества с Советским Союзом Япония все еще отстает от других капиталистических стран, что снижает конкурентоспособность японских фирм на советском рынке.

Так, Япония до сих пор не имеет с Советским Союзом соглашения о принципах экономического сотрудничества по типу уже действующих и хорошо оправдавших себя на практике подобных соглашений СССР с Финляндией, Францией, Италией, Англией и рядом других западноевропейских стран, а также с Канадой. Как известно, такие соглашения предусматривают широкое экономическое, промышленное и научно-техническое сотрудничество на долгосрочной основе, создают наиболее благоприятные условия для заключения конкретных соглашений между советскими организациями и фирмами соответствующих стран, оптимально сочетая государственную поддержку с инициативой деловых кругов.

Япония отстает от многих других развитых капиталистических стран по условиям финансирования экспорта своего оборудования, в том числе и комплектного, на советский рынок.

Есть все основания полагать, что здравый подход, основанный на учете подлинных интересов Японии, позволит преодолеть препятствия,

¹² «Правда», 7.VI.1977.

выдвигаемые на пути широкого развития экономического сотрудничества с Советским Союзом.

Отвечая на вопрос корреспондента «Литературной газеты» относительно позиции японских деловых кругов по вопросу расширения экономического сотрудничества между Японией и СССР, председатель Федерации экономических организаций Японии Тосио Доко заявил:

«С уверенностью могу сказать — большинство представителей делового мира Японии не меняет своей позиции в этом вопросе. Мы заинтересованы в долговременном сотрудничестве за счет интенсивного использования ресурсов Сибири и Дальнего Востока... В целом же деловой мир Японии положительно относится к идее дальнейшего укрепления и расширения экономического сотрудничества с Советским Союзом. Хочу еще раз подчеркнуть: наши страны — соседи, поэтому такое сотрудничество в наших общих интересах»¹³.

Для развития взаимовыгодного и широкого делового сотрудничества между СССР и Японией есть все необходимые предпосылки. Заключение нового долгосрочного соглашения о товарообороте и платежах между СССР и Японией и успешное проведение седьмого совещания Советско-японского и Японо-советского комитетов экономического сотрудничества является ясным тому подтверждением.

¹³ «Литературная газета», 29.VI.1977.

Борьба рабочего класса Японии против господства монополий

*В. Н. Хлынов,
кандидат экономических наук*

Важным знамением нашего времени является практически не утихающая борьба широких трудящихся масс индустриально развитых стран капитала против господства монополий. Представляя собой непримиримую классовую борьбу, она образует один из трех главных потоков единого мирового революционного процесса, обуславливающих углубление общего кризиса капитализма и наносящих удар за ударом по устоям капиталистического строя, основанного на эксплуатации многомиллионных масс людей труда горсткой магнатов капитала. В авангарде этой всеохватывающей антимонополистической борьбы, носящей крайне ожесточенный характер, идет рабочий класс капиталистических стран — самая революционная сила современного буржуазного общества.

Особенно широкий размах приобрели в последние годы антимонополистические выступления пролетариата в ведущих капиталистических странах — цитаделях империализма. Непосредственной причиной постоянно потрясающих эти страны мощных классовых бурь является непрекращающийся рост недовольства широких трудящихся масс, и прежде всего рабочего класса, антинародной политикой монополий, постоянным стремлением последних преодолеть усугубляющиеся социально-экономические трудности за счет трудовых слоев населения. Особенно ярко это проявилось в годы последнего экономического кризиса (1973—1975), глубоко потрясшего весь капиталистический мир и прежде всего главные страны капитала.

Отмечая факт усиления антимонополистической борьбы рабочего класса развитых капиталистических стран как реакцию пролетариата на попытки монополий переложить всю тяжесть усиливающейся нестабильности капитализма на плечи трудящихся, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXV съезду подчеркнул: «Рабочий класс отвечает на это по-пролетарски, усилением борьбы против крупного капитала — главного виновника социальных бедствий. Забастовочная борьба, в которой участвуют самые различные слои трудового населения, достигла наивысшего в последние десятилетия уровня. Возросли сила и авторитет рабочего класса, поднялась его роль как авангарда в борьбе за интересы трудящихся, подлинные интересы нации»¹.

Этот важный вывод, представляющий собой дальнейшее творческое развитие марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы, целиком и полностью относится и к сегодняшней Японии, занимающей

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 28—29.

одно из первых мест среди развитых капиталистических государств по размаху и накалу анtimoнополистических выступлений трудящихся.

С середины 50-х годов, ознаменовавших собой начало научно-технической революции на японской почве, в Японии наблюдается быстрый рост рядов рабочего класса. С 1955 по 1975 гг. численность японского пролетариата выросла почти в два раза и превысила 34 млн. человек. В результате резко повысилась его доля в составе самодеятельного, или экономически активного, населения страны. Если в 1955 г. эта доля не достигала и половины (44,1%), то в 1975 г. она составила уже почти две трети (64,1%) всего указанного населения². Другими словами, в социальной структуре Японии произошел серьезнейший качественный сдвиг: рабочий класс превратился в самый многочисленный класс современного японского общества.

Процесс пролетаризации трудящихся масс Японии продолжается и сегодня, его развитие ведет к появлению все новых отрядов пролетариата, втянутых в систему капиталистической эксплуатации, опровергая тем самым измышления японской буржуазной пропаганды об «исчезновении» пролетариата и «превращении» рабочих и служащих в неких «равных производителей», о «затухании» классовых противоречий и классовой борьбы в современном японском обществе.

Реальная действительность свидетельствует о том, что борьба рабочего класса Японии против антинародной политики монополий, в защиту классовых интересов трудящихся приобретает все более широкий размах и массовый характер. Наиболее ярким подтверждением этого служит значительный и неуклонный рост забастовочного движения японского пролетариата в последние десятилетия.

Приводимые подсчеты, основанные на данных официальной японской статистики, учитывают далеко не все классовые столкновения

Таблица

Динамика забастовочной борьбы японского пролетариата в послевоенные годы *

	Годы				
	1945—1954	1955—1964	1965—1974	Итого за 30 лет 1945—1974	1965—1974 в % к 1945—1954
Общее количество организованных выступлений трудящихся	12 613	19 358	61 789	93 760	490,4
Общее число участников (тыс. человек)	33 541	66 762	124 617	224 920	378,7
В том числе забастовок:					
кол-во забастовок (12 и более часов)	4 942	9 848	23 994	38 784	489,7
число участников (тыс. человек)	9 832	12 272	17 200	39 324	175,5

* Подсчитано по: Нихон токэй нэнкан. Токио, 1949, стр. 726—727; 1953, стр. 330—331; 1957, стр. 348—349; 1965, стр. 416; 1966, стр. 413; 1971, стр. 79—80; Родо токэй ёран. Токио, 1969, стр. 212; Родо токэй тэса гэнпо (Исследовательский ежемесячник статистики по труду). Токио, июнь 1975, стр. 48.

² Подсчитано по: Нихон токэй нэнкан, 1957 (Ежегодник японской статистики, 1957). Токио, 1957, стр. 46, 53; Сёва 50 нэн кокусэй тэса (Общенациональная перепись населения, 1975). Токио, 1976, стр. 220; Кэйдзай токэй нэмпо, 1975 (Ежегодник экономической статистики, 1975). Токио, 1976, стр. 265; Родо токэй ёран, 1976 (Обзор статистики по вопросам труда, 1976). Токио, 1976, стр. 24.

труда и капитала, но даже они говорят о грандиозности масштабов антимонополистической борьбы. Согласно этим подсчетам, за указанное послевоенное тридцатилетие в Японии состоялось около 94 тыс. организованных выступлений пролетариата, в которых приняло участие почти 225 млн. трудящихся. Около 39 тыс. выступлений представляли собой серьезные забастовки, длившиеся по 12 и более часов каждая. Общее число их участников составило почти 40 млн. человек. Речь идет, таким образом, о поистине грандиозном размахе борьбы японских трудящихся против засилья и гнета монополий. Ежегодное число участников этой борьбы исчисляется не тысячами и даже не сотнями тысяч, а миллионами человек, причем происходит неуклонный и значительный рост числа как самих выступлений, так и их участников. Высоким накалом забастовочной борьбы характеризовались 1975—1977 гг.

Важную роль в борьбе рабочего класса Японии против господства монополий играют политические партии японского пролетариата в лице КПЯ и СПЯ. Наряду с японскими профсоюзами левого направления они являются вдохновителями и организаторами антимонополистических выступлений трудящихся, авангардом борьбы демократических сил страны против засилья и гнета монополий. Несмотря на крайне сложные условия внутривнутриполитической деятельности, они ведут неустанную повседневную борьбу за усиление своего влияния среди широких масс японских трудящихся, за отрыв их от монополий и привлечение на сторону рабочего класса.

Ярким показателем роста влияния политических партий пролетариата среди широких трудящихся масс страны является заметное укрепление в последние годы их позиций в местных органах власти. Так, в 1971—1975 гг. в результате широкого сотрудничества КПЯ и СПЯ с японскими профсоюзами, а также с другими демократическими организациями в различные местные органы власти избрано несколько тысяч представителей политических партий пролетариата. К началу 1975 г. общее число депутатов Коммунистической и Социалистической партий Японии в местных органах власти достигло 6,5 тыс. человек. Среди них — 1 губернатор префектуры, 17 мэров городов, 512 депутатов префектуральных собраний, 2262 депутата городских собраний, 2321 член городских и сельских муниципалитетов и т. д. Весьма показательным фактом является тот факт, что три важнейших административных, культурных и промышленных центра страны — Токио, Осака и Киото, подавляющее большинство населения которых составляет пролетариат, уже в течение нескольких лет возглавляются совместными кандидатами политических партий рабочего класса и других демократических сил. По состоянию на начало 1977 г. представители левых сил Японии возглавляют местную администрацию на территории, где проживает почти $\frac{2}{5}$ всего населения страны.

Определенным показателем усиления влияния КПЯ и СПЯ среди широких трудящихся масс страны в известной степени может служить и рост числа избирателей, голосующих за эти партии во время всеобщих выборов в наиболее представительную нижнюю палату японского парламента. Несмотря на то что за последние двадцать лет доля голосующих за обе партии не меняется и составляет около $\frac{1}{3}$ всех голосов избирателей, абсолютное число голосующих за КПЯ и СПЯ неуклонно растет. Так, на последних выборах в декабре 1976 г. обе партии собрали более 17,5 млн., или 31,1%, всех голосов избирателей. Во время февральских выборов 1955 г. за СПЯ и КПЯ голосовало немногим более 11,5 млн. человек (31,2% всех избирателей). Таким образом, за период с 1955 по 1976 гг. абсолютное число избирателей, го-

лосующих за партии рабочего класса, выросло более чем в 1,5 раза. Особенно заметный вклад в этот рост внесла Коммунистическая партия Японии. За указанный период времени число голосующих за нее избирателей увеличилось более чем в 8,4 раза.

Неуклонный рост числа избирателей, голосующих за партии рабочего класса, говорит о том, что все более широкие слои японских трудящихся возлагают на них свои надежды. Это становится особенно ощутимым на фоне довольно значительного относительного, а в результате последних выборов и абсолютного сокращения числа избирателей, голосующих за пряхящую Либерально-демократическую партию, представляющую интересы монополий. Если на февральских выборах 1955 г. за ЛДП голосовало почти $\frac{2}{3}$ (63,2%) всех избирателей, то на последних выборах в декабре 1976 г. она получила лишь немногим более $\frac{2}{5}$ (41,8%) всех голосов. По сравнению с предыдущими выборами, состоявшимися в декабре 1972 г., почти на 1 млн. человек уменьшилось и абсолютное число голосующих за партию «денежного мешка».

Рост влияния и авторитета политических партий рабочего класса Японии среди широких трудящихся масс страны создает благоприятные перспективы для дальнейшего усиления и развития всей антимонополистической борьбы. Он расширяет возможности поддержки этой борьбы парламентскими методами, способствует достижению все более широкого и прочного единства действий различных отрядов японского пролетариата и, в конечном счете, созданию мощного общенационального фронта борьбы всех сил японской демократии против монополий.

Позитивное влияние на расширение масштабов антимонополистической борьбы рабочего класса Японии оказывает непрерывный рост числа членов японских профсоюзов, составляющих организованную и в большинстве наиболее сознательную часть японского пролетариата. Лишь за два последних десятилетия (1955—1976) число членов японских профсоюзов увеличилось почти вдвое и превысило 12,5 млн. человек, что составило 33,7% всего количества наемных работников³.

Несмотря на то что степень организованности японского пролетариата еще недостаточно высока, сам факт непрерывного и столь значительного роста числа членов японских профсоюзов имеет крайне важное значение, так как свидетельствует о расширении масштабов профсоюзного движения. Это в свою очередь ведет к повышению роли японских профсоюзов, особенно левого направления, в борьбе трудящихся масс против монополий.

Организационно сегодняшнее профсоюзное движение Японии представлено четырьмя национальными профцентрами. Это — Генеральный совет профсоюзов Японии (Сохэ), созданный в июле 1950 г. и объединяющий около 4,6 млн. человек, или 36,6% всех организованных трудящихся; Всеяпонская конфедерация труда (Домэй), созданная в ноябре 1964 г. и объединяющая 2,2 млн. человек, или 17,7% всех организованных трудящихся; Совет связи независимых профсоюзов (Тюрицу рорэн), созданный в сентябре 1956 г. и объединяющий более 1,3 млн. человек, или 10,8% всех организованных трудящихся, и Конгресс производственных профсоюзов (Синсанбэцу), созданный в декабре 1949 г. и объединяющий 66 тыс. человек, или 0,5% всех организованных трудящихся. Наряду с указанными профцентрами в стране существует ряд профсоюзов и профсоюзных федераций, не входя-

³ Родо токэй ёран, 1977. Токно, 1977, стр. 210.

щих в центры и объединяющих в своих рядах около 4,7 млн. человек, или 37,5% всех организованных трудящихся⁴.

Левое крыло профсоюзного движения представляют Сохё и Тюрицу рорэн, которые с первых дней своего существования последовательно выступают в защиту классовых интересов трудящихся.

Ряд японских профсоюзов придерживается правореформистского направления. Основу их образуют профсоюзы, входящие в Домэй. Лидеры этого профцентра стоят на позициях сотрудничества труда и капитала и всячески пытаются удержать рядовых членов профсоюза от участия в забастовочной борьбе, а также в других совместных выступлениях японского пролетариата.

Сохё и Тюрицу рорэн объединяют около половины (47,4%) всех организованных рабочих и служащих. Они являются главной силой всех крупнейших антимонополистических выступлений пролетариата. Авторитет этих профцентров среди трудящихся масс непрерывно растет. В последние годы под влиянием Сохё и Тюрицу рорэн в организуемую ими борьбу включается все больше членов так называемых нейтральных профсоюзов и профсоюзных федераций, не входящих в профцентры, но объединяющих более трети всех организованных рабочих и служащих и являющихся, таким образом, мощным резервом усиления антимонополистических выступлений трудящихся. Весьма характерно, что участниками таких выступлений все чаще становятся отдельные профсоюзы, входящие в Домэй, на долю которых приходится почти пятая часть всех организованных в профсоюзы рабочих и служащих.

Включение в антимонополистическую борьбу все новых отрядов рабочего класса и повышение роли левых профсоюзов в этой борьбе придают ей все более широкий размах и острый классовый характер.

Борьба рабочего класса Японии против господства монополий ведется по трем основным направлениям: за улучшение условий жизни и труда широких трудящихся масс страны; в защиту демократических завоеваний трудящихся и основ демократии; за мир, против опасности возникновения новой мировой войны. В практике классовых битв эти три направления тесно переплетаются друг с другом и превращаются в единый мощный поток борьбы против антинародной политики монополий, не отвечающей подлинным интересам японской нации. Такое переплетение объясняется тем, что характер и масштабы социально-экономических и политических проблем, порождаемых сегодня всевластием монополий, требуют сочетания всех форм антимонополистической борьбы, превращения последней в борьбу против господства монополистического капитала в целом.

Борьба рабочего класса Японии за улучшение условий жизни и труда широких трудящихся масс страны охватывает широкий круг проблем и осуществляется самыми разнообразными методами.

Одним из главных требований, выдвигаемых большинством рабочего класса Японии и, в частности, профсоюзами, стоящими на последовательных классовых позициях, является прекращение антинародной, подчиненной диктату Соединенных Штатов финансово-экономической политики правительства и политики развития японской экономики в интересах монополий за счет нещадной эксплуатации наемного труда. Большое значение придается в связи с этим необходимости облегчения налогового бремени трудящихся, сокращения военных расходов и повышения расходов на социальные нужды. Левые профсоюзы высту-

⁴ Там же, стр. 209. (Данные на июнь 1976 г.)

пают за национализацию важнейших отраслей хозяйства, включая денежно-финансовую систему, электроэнергетическую, угольную и нефтеперерабатывающую промышленность, а также всех средств связи. Чрезвычайно важное значение имеют и такие требования, как прекращение инфляции, введение более высоких прогрессивных налогов на монополии, обуздание роста цен на продукты питания, предметы первой необходимости и услуги, предотвращение отрицательных последствий капиталистической индустриализации в виде загрязнения окружающей среды, прекращение капиталистической «рационализации производства», массовых увольнений, снижения заработной платы, интенсификации труда, меры для предотвращения массовых случаев производственного травматизма и профессиональных заболеваний, ликвидация системы дискриминации временных рабочих. Ведя борьбу за осуществление этих требований, рабочий класс добивается обеспечения полной занятости и увеличения пособий по вынужденной безработице, резкого повышения заработной платы, введения в стране единого гарантированного минимума последней, всеобщей 40-часовой рабочей недели с двумя выходными днями, равной оплаты за равный труд. Серьезное внимание уделяется необходимости коренного улучшения систем социального страхования и медицинского обслуживания трудящихся, а также жилищных условий трудовых слоев населения.

Многие из этих требований были сформулированы еще в первых программных документах Сохё, принятых его учредительным съездом, в частности в «Основных принципах» и «Принципах действия»⁵. В последующие годы они получили свое развитие в ежегодных «Курсах действия Сохё»⁶. Рожденные жизнью и корректируемые ею в ходе упорных классовых битв труда с капиталом, эти требования поддерживаются все более широкими слоями японских трудящихся и практически превращаются в общие требования антимонополистических выступлений всего рабочего класса.

Диапазон методов, с помощью которых ведется борьба за улучшение условий жизни и труда, весьма широк: от мирных переговоров с предпринимателями до грандиозных всеобщих забастовок.

В начальной стадии борьбы японские профсоюзы, играющие в ней важную роль, как правило, прибегают к переговорам с администрацией компании, предприятия или учреждения. Во время этих переговоров, носящих многоступенчатый характер, руководство профсоюзов выдвигает требования трудящихся и ставит перед администрацией сроки их удовлетворения. Если к установленному дню требования не удовлетворяются, профсоюзы в качестве предварительных мер давления на администрацию проводят в рабочее время серию митингов и демонстраций. Если и это не дает результатов, они прибегают к различным методам забастовочных действий. При этом учитываются конкретные условия борьбы, место и время ее проведения.

Помимо всеобщих и общепрофессиональных забастовок, сопровождающихся полным прекращением работы и наносящих наиболее мощные удары по монополиям, рабочий класс Японии применяет и другие, не менее эффективные методы забастовочных действий.

К числу таких методов относятся так называемые «частичные» и «шахматные» забастовки, которые проводятся не на всем предприятии, а лишь на отдельных, самых важных участках производства. В отли-

⁵ Сохё — ва каку татакау (Так борется Сохё). Токно, 1963.

⁶ Сохё тэйки тайкай соккироку (Стенограммы очередных съездов Сохё). Токно, 1951—1977.

чие от «частичных», которые проводятся в одном заранее определенном месте, «шахматные» забастовки в зависимости от конкретной обстановки, подобно шахматным фигурам, перемещаются с одного на другой, наиболее важный и уязвимый в данный момент, участок производства.

Действенным методом забастовочной борьбы является коллективный отказ от сверхурочных работ и выполнения срочных заказов, в которых в данный момент заинтересованы предприниматели. Этот метод, срывая составленный предпринимателями график работ, ставит последних в тяжелое положение, заставляет их нарушать свои обязательства перед заказчиком, выплачивать ему неустойку и т. д.

Таким же эффективным методом забастовочных действий служит коллективный уход в отпуск. Пользуясь правом на ежегодный отпуск, который предприниматель, согласно существующему трудовому законодательству, обязан предоставить работнику в удобное для последнего время, бастующие используют это право одновременно и тем самым серьезно оголяют производство. К такому методу забастовочной борьбы прибегает от половины до $\frac{2}{3}$ всех рабочих и служащих того или иного предприятия или учреждения. Однако нередко в результате применения этого метода на предприятии или в учреждении не остается ни одного работника.

Довольно действенными являются так называемые «сидячие забастовки». В большинстве случаев с целью оказать непосредственное давление на хозяев монополий и правительство они проводятся перед административными зданиями компаний, предприятий и учреждений. В японской столице они организуются, как правило, перед министерством труда. Бастующие, сидя перед входом в здание, скандируют свои требования. Тут же в знак солидарности с забастовщиками проводятся массовые митинги и демонстрации, организуемые профсоюзом и поддерживаемыми его отрядами пролетариата.

Крайне важным и эффективным методом забастовочных действий является так называемая «борьба, не противоречащая закону», или «работа строго по правилам». Тактически этот метод сводится к следующему. Скрупулезно соблюдая многочисленные правила и инструкции о ведении работ, бастующие используют самые незначительные отклонения от этих правил для срыва нормальной деятельности предприятия или учреждения. Согласно инструкции, например, даже еле заметная трещина в окне вагона скорого поезда позволяет машинисту задержать рейс до тех пор, пока неисправность не будет устранена. Найти подобного рода неисправности не представляет особого труда. Используя их в качестве предлога для замедления темпов или для прекращения работы, участники «борьбы, не противоречащей закону», формально не объявляя забастовки, фактически серьезно парализуют нормальную работу предприятия. Особенно часто к этому методу забастовочной борьбы прибегают работники государственных и общественных предприятий и учреждений, которые в законодательном порядке лишены права на забастовку.

В середине 50-х гг. в японском рабочем движении по инициативе Сохё родился новый чрезвычайно эффективный метод пролетарской борьбы: так называемые весенние наступления труда — ежегодные совместные выступления различных отрядов рабочего класса с выдвижением самого широкого круга требований, включая и политические. Как правило, они длятся с начала февраля по конец мая и сочетают в себе все вышеуказанные методы борьбы. Главной целью весенних атак труда является повышение заработной платы. Первая из них

потрясла страну более двадцати лет назад, в 1955 г. С тех пор эти совместные выступления пролетариата превратились в традицию. Значительно выросло число их участников. Если в первом весеннем выступлении принимало участие всего 8 отраслевых профсоюзов Сохё, объединявших 700 тыс. человек, то с середины 60-х годов в них ежегодно участвует более 170 профсоюзов, в том числе члены Сохё, Тюрицу рорэн и многих нейтральных профобъединений. Ежегодное число участников этих массовых выступлений труда достигает 8—10 млн. человек. Для руководства ими и координации действий в стране каждый раз создается Совместный комитет весенней борьбы (Сюнтोकётоинкай). В последние годы под влиянием этой борьбы аналогичные параллельные кампании за повышение заработной платы проводят и многие члены профсоюзов, входящих в реформистский профцентр Домэй⁷.

Важное место в борьбе рабочего класса Японии за улучшение условий жизни и труда занимают также совместные осенние выступления профсоюзов левого и нейтрального направлений. Они ежегодно потрясают страну в ноябре—декабре. Как и в весенней борьбе, основную силу осенних атак труда формируют профсоюзы Сохё и Тюрицу рорэн. Центральным требованием осенней борьбы является выплата единовременных новогодних пособий. Однако, как и во время весенних наступлений труда, в ходе этой борьбы выдвигаются и другие важнейшие требования трудящихся.

В настоящее время в Японии развернулось очередное, 24-е совместное весеннее наступление труда. Непосредственное участие в нем принимают около 9 млн. рабочих и служащих. Как и в предыдущие годы, одна волна мощных антимонополистических выступлений сменяется другой. В борьбу, накал которой нарастает с каждым днем, включаются все новые профсоюзы. Наряду с основным и главным требованием о значительном повышении заработной платы (на 15%) участники весенней борьбы текущего, 1978 г. особенно важное значение придают борьбе за удовлетворение таких насущных сегодня для трудящихся требований, как обеспечение полной занятости и коренное улучшение системы социального страхования. Одновременно они добиваются решения и всех других, в том числе общедемократических и политических, задач, стоящих перед рабочим классом и трудящимися массами страны.

Важным направлением общей борьбы рабочего класса Японии против господства монополий является борьба в защиту демократических завоеваний трудящихся и основ демократии. Своим острием она направлена против непрекращающихся попыток японской реакции узурпировать основные демократические права и свободы трудящихся масс, завоеванные ими в первые послевоенные годы, подорвать и в конечном итоге ликвидировать существующие ныне в стране основы демократического порядка.

Уже в течение многих лет японский пролетариат решительно выступает, в частности, против явных намерений реакционных сил пересмотреть ныне действующую конституцию, которая предоставляет японским трудящимся основные демократические права и свободы, включая свободу слова, собраний, демонстраций, право на труд, образование и т. п.⁸.

⁷ См. Е. Кодзума. Сюнто. Соно рэкиси то кадай (Весенняя борьба. История и проблемы). Токио, 1965, стр. 10; Нихон родося ундо си (Рабочее движение Японии, т. 6). Токио, 1975, стр. 342 и далее.

⁸ Подробнее об этом см. И. А. Латышев. Конституционный вопрос в послевоенной Японии. М., 1959, стр. 67—114.

Большую роль в защите основ демократии играют имеющие довольно длительную историю последовательные выступления японского пролетариата против планов реакции ввести в стране антидемократическую избирательную систему, которая создала бы значительные преимущества для правящей Либерально-демократической партии, представляющей интересы и находящейся на службе монополистического капитала.

Важной составной частью борьбы рабочего класса в защиту демократии является широко развернувшееся движение за демократизацию системы народного образования, против милитаризации последнего, за воспитание подрастающего поколения в демократическом духе, за запрещение дискриминации в зависимости от социального положения.

Выступая за демократический путь развития нации, японский пролетариат решительно требует запрещения в стране ультраправых и фашистских организаций, ведет борьбу против возрождения национализма, против реакционных планов введения в стране антидемократических порядков полицейского государства, за демократизацию центральных и местных органов власти.

Ни на день не прекращается борьба за отмену всех реакционных законов и ликвидацию органов подавления. С особой решимостью японский пролетариат добивается, в частности, аннулирования двух наиболее реакционных законов — закона о предотвращении подрывной деятельности и закона о запрещении всеобщих забастовок, введенных в начале 50-х годов, несмотря на массовые протесты трудящихся. Направленные против рабочего и демократического движения страны, они наносят серьезный удар по основам демократии.

Наконец чрезвычайно упорный характер носит многолетняя борьба рабочего класса за возвращение права на забастовку работникам государственных и общественных предприятий и учреждений, лишением этого права в законодательном порядке на основании специального антирабочего закона — так называемой «черной инструкции № 201», которая была введена в силу еще в 1948 г., во времена американской оккупации. Это требование пролетариата выдвигается практически в ходе всех выступлений трудящихся в качестве одного из важнейших.

Движение в защиту демократических завоеваний трудящихся и основ демократии, как и борьба за улучшение условий жизни и труда, имеет самые разнообразные формы. Требования рабочего класса в защиту демократических порядков выдвигаются как в ходе забастовочных выступлений пролетариата, особенно во время совместных весенних атак труда, так и в ходе специально организуемых для этого массовых митингов, демонстраций, собраний, съездов, симпозиумов, кампаний по сбору подписей и т. п.

3 мая 1977 г., в день 30-летия принятия ныне действующей японской конституции, по всей стране состоялись массовые митинги и демонстрации в защиту ее демократического характера. Проведенные Советом связи демократических организаций по предотвращению пересмотра конституции, они преследовали цель противостоять усилившимся попыткам реакции выхолостить демократический дух из основного закона страны. В Токио, в зале «Хибия» в этот день состоялся митинг, в котором приняло участие более 2,5 тыс. представителей различных демократических организаций, включая японские профсоюзы. Выступивший на митинге председатель Президиума ЦК КПЯ К. Миямото призвал рабочий класс и трудящиеся массы страны к

дальнейшему усилению борьбы в защиту демократических завоеваний и основ демократии.

Важным направлением общей борьбы рабочего класса Японии против господства монополий является движение за мир, против опасности возникновения новой мировой войны. Будучи неотъемлемой составной частью мощного всемирного движения за мир и разрядку международной напряженности, оно охватывает самый широкий круг вопросов и самые жгучие проблемы современности. Вместе с тем оно является движением за подлинную независимость Японии, за мирный, демократический путь развития японской нации.

В течение многих лет японский пролетариат не прекращает упорной, поистине героической борьбы за ликвидацию японо-американского «договора безопасности» — военно-политического союза американского империализма и японской реакции, угрожающего безопасности как самой Японии, так и соседних с ней стран. Рабочий класс решительно требует ликвидации на японской территории американских военных баз, вывода из Японии всех американских войск, подлинного возвращения Окинавы, недопущения размещения на территории страны американского атомного и термоядерного оружия, прекращения захода в японские порты американских атомных подводных лодок и кораблей.

Протестуя против участия Японии в каких бы то ни было военных блоках, японский рабочий класс выступает за развитие дружественных отношений со всеми странами мира, за мирное сосуществование государств с различным социальным строем. Особенно важное значение придается в связи с этим борьбе за запрещение термоядерного оружия, всеобщее и полное разоружение, превращение района Азии и Тихого океана в безъядерную зону.

Решительно выступая против всех агрессивных планов и действий международного империализма, рабочий класс Японии требует от японского правительства прекратить наращивание сил так называемых «войск самообороны», представляющих собой на деле костяк возрожденной в нарушение конституции японской армии, положить конец политике попустительства возрождению японского милитаризма, политике неокOLONиализма. Чрезвычайно важное значение имеет в связи с этим борьба японского пролетариата против попыток реакции ликвидировать 9-ю статью японской конституции, провозглашающую отказ Японии от войны как средства разрешения международных споров и запрещающую ей создавать вооруженные силы.

Выступления рабочего класса Японии за мир, против опасности новой мировой войны не прекращаются ни на один день. Буквально ежедневно в стране проводятся мероприятия, организуемые сторонниками мира. Массовые митинги и демонстрации, шествия и марши мира, дни единых действий и мемориальные даты, конференции и симпозиумы, сбор подписей и петиций, специальные выставки и собрания — таков далеко не полный перечень форм борьбы японского пролетариата в защиту мира. Многие из этих форм приобрели традиционный характер.

Ежегодно в конце февраля — начале марта трудовая Япония отмечает так называемый «День Бикини» (1 марта 1954 г.) — день памяти жертв испытаний американской термоядерной бомбы в районе атолла того же названия. В 1977 г. демократические силы страны, в том числе и японские профсоюзы, отметили 23-ю годовщину этой трагедии массовыми митингами и демонстрациями, участники которых решительно требовали прекратить гонку вооружений и запретить

термоядерное оружие. Широкий размах приобрели выступления японских трудящихся и в нынешнем году.

Каждый год под лозунгами борьбы за мир трудовая Япония широко отмечает международный день солидарности трудящихся — 1 Мая. В последние годы в первомайских выступлениях принимают совместное участие все четыре японских профцентра — Сохё, Тюрицу рорэн, Домэй и Синсанбэцу. В 1977 г. они провели очередной, 48-й японский Первомай под лозунгом «Объединим ряды трудового народа в защиту жизни, прав и мира!» Непосредственное участие в первомайских митингах и демонстрациях, охвативших 1 132 населенных пункта страны, приняли около 7 млн. человек⁹.

Уже более 30 лет подряд, ежегодно 6 и 9 августа, силы японской демократии, в авангарде которых идет рабочий класс Японии, проводят широкие антивоенные выступления в связи с варварскими актами недалекого прошлого — американскими атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. В 1977 г., в дни 32-й годовщины этих трагических событий, унесших жизни 370 тыс. японцев, выступления приняли особенно мощный размах и массовый характер. Это объясняется тем, что после довольно длительного раскола в японском движении за мир, японские сторонники мира объединили свои ряды и выступили единым фронтом. Накануне мемориальных дат в стране состоялись традиционные марши мира, прошедшие по дорогам подавляющего большинства японских префектур и завершившиеся в Хиросиме и Нагасаки. Чрезвычайно важное значение имела также состоявшаяся с 3 по 6 августа 1977 г. в Хиросиме Международная конференция против атомной и водородной бомбы. В ее работе приняло участие около 5 тыс. делегатов, включая 138 делегатов из 36 стран мира. Участники конференции решили превратить начавшийся с 6 августа 1977 г. год в «год действий за уничтожение термоядерного оружия и мобилизации мирового общественного мнения на достижение этой цели». В порядке подготовки к специальной сессии ООН по вопросам разоружения, которая должна состояться в текущем 1978 г., в принятой конференцией резолюции предлагается осуществить ряд важных международных мероприятий, включая проведение широкой международной кампании по сбору подписей за полное запрещение термоядерного оружия, организацию массовых антивоенных митингов и демонстраций, проведение 1 марта 1978 г. — в 24-ю годовщину «Дня Бикини» — Международного дня единых действий за уничтожение термоядерного оружия.

Весомый вклад в общую борьбу за мир, против опасности возникновения новой мировой войны вносят ежегодные антивоенные выступления японских трудящихся, проводимые по инициативе Сохё с 1966 г. в День единых антивоенных действий (21 октября). В отдельные годы такие выступления проводятся не только в Японии, но и в ряде других стран мира. В Японии в этот день проходят массовые митинги и демонстрации, в которых принимают участие представители самых различных демократических организаций. В 1977 г. такие выступления, организованные КПЯ, СПЯ и Сохё, состоялись более чем в 500 населенных пунктах страны.

Большое значение для дальнейшего усиления борьбы за мир имела Всеяпонская конференция за запрещение ядерного оружия, ликвидацию японо-американского «договора безопасности», в защиту мира и демократии, состоявшаяся в Токио 12—13 ноября 1977 г. Она была

⁹ «Sohyo News», 15.VI.1977.

организована совместными усилиями 31 демократической организации страны, включая японские профсоюзы. В работе этого представительного форума японских сторонников мира участвовало 1 213 делегатов и активистов, представлявших все демократические силы Японии. Активное участие в ней приняли японские коммунисты. В Декларации, выражающей решимость участников конференции усилить борьбу за мир, против опасности возникновения новой мировой войны, подчеркивается: «Мы полны решимости высоко нести знамя борьбы за ликвидацию японо-американского «договора безопасности», за неприкосновенность и нейтралитет Японии, в защиту суверенитета и обеспечения безопасности страны, в защиту подлинных интересов народа и мира в Азии»¹⁰.

В ходе ожесточенной анtimoнополистической борьбы рабочий класс Японии сталкивается с серьезными трудностями как объективного, так и субъективного порядка.

Объективные трудности порождаются целенаправленной антирабочей политикой монополий и, в частности, непрекращающимися попытками последних расколоть ряды рабочего класса, воспрепятствовать единству его действий на классовой пролетарской основе. Для этого мобилируются все силы внутренних и международных раскольников пролетариата, широко используется антирабочее законодательство, практикуются подкупы неустойчивых профсоюзных руководителей, применяются шантаж и насилие по отношению к лидерам и активистам рабочего класса, а также другие завуалированные и открытые методы подавления рабочего движения.

Не менее серьезные трудности связаны с рядом факторов, присутствующих самому рабочему движению. Главным из них является наличие в нем соглашательского течения, которое особенно заметно проявляется в профсоюзном движении страны. Явно негативную роль играет и своеобразная структура японских профсоюзов, которые построены не по производственному признаку, а по принципу «на каждом предприятии — свой профсоюз». Существующие отраслевые профобъединения, как правило, представляют собой лишь координирующие органы. Их влияние на первичные организации недостаточно сильно. Все это тормозит единство действий профсоюзов как в общенациональном масштабе, так и в рамках отдельных отраслевых объединений, как при организации общей анtimoнополистической борьбы, так и во время выступлений рабочего класса по отдельным конкретным вопросам. Отсюда вытекает и другой, не менее серьезный негативный момент: наличие чрезмерного множества профсоюзов. В середине 1976 г. число их превысило 70 тыс.¹¹.

Наличие столь огромного количества профсоюзов, подавляющее большинство которых представляет собой карликовые профсоюзные группы, создает серьезные трудности в рабочем движении с точки зрения организации широких единых действий даже среди организованной части пролетариата. Наконец, существенным внутренним недостатком рабочего движения Японии, создающим серьезные трудности в организации массовых выступлений трудящихся, как уже отмечалось, является недостаточно высокая степень организованности японского пролетариата.

Существование указанных трудностей не может не снижать эффективности борьбы рабочего класса Японии против господства монопо-

¹⁰ «Japan Press Service Bulletin». 19.XI.1977.

¹¹ Родо токэй ёран, 1977. Токио, 1977, стр. 210.

лий. Однако, несмотря на эти трудности, она приносит важные положительные результаты.

Факты свидетельствуют, в частности, о том, что именно в результате борьбы рабочий класс Японии добился определенного улучшения условий жизни и труда. Несмотря на то что эти улучшения далеко не соответствуют современному уровню развития производительных сил, они имеют крайне важное значение, так как воодушевляют японский пролетариат на дальнейшее усиление общей антимонополистической борьбы.

Чрезвычайно важным конкретным результатом борьбы за улучшение условий жизни и труда является, в частности, то, что японскому пролетариату в ходе совместных весенних атак труда и других антимонополистических выступлений удалось добиться довольно существенного повышения номинальной заработной платы. Несмотря на то что значительная часть указанного повышения зарплаты постоянно «съедается» непрекращающимся ростом потребительских цен, сам факт такого роста имеет большое значение. Он усиливает веру рабочего класса в возможность победы над монополиями в борьбе за удовлетворение других насущных требований трудящихся.

Определенный успех принесла также борьба против капиталистической «рационализации» производства. В последние годы такие ведущие отряды японского пролетариата, как железнодорожники, металлурги, электромашиностроители, связисты, и другие неоднократно рывали планы монополий, направленные на усиление интенсивности руда и массовые увольнения. Особенно показательны в этом отношении достижения японских железнодорожников. Благодаря их упорной борьбе, поддержанной другими отрядами рабочего класса, администрация государственных железных дорог уже в течение многих лет не может полностью осуществить свои планы увольнения 165 тыс. работников.

Первый важный успех достигнут в борьбе за коренное улучшение социального страхования трудящихся. Он проявился, в частности, в том, что 16 января 1976 г. японское правительство под давлением левых профсоюзов после многолетних проволочек приняло решение ратифицировать Конвенцию № 102 Международной Организации Труда (МОТ), предусматривающую установление в стране гарантированных минимальных стандартов социального обеспечения¹². Это вынуждает правящие круги Японии предпринять конкретные шаги по улучшению ныне действующего внутреннего законодательства в этой области.

Довольно значительными успехами ознаменовалась также борьба японского пролетариата против пагубного воздействия капиталистической индустриализации на окружающую среду. Под давлением рабочего и демократического движения правящие круги Японии были вынуждены принять ряд специальных законов, направленных на предотвращение дальнейшего обострения этой серьезной общенациональной проблемы. В стране создано специальное Управление по защите окружающей среды. Несмотря на то что практическое применение принятых законов наталкивается на серьезные трудности, они имеют крайне важное значение, так как создают солидную правовую основу для широкого развития этой борьбы. Используя эти законы, японский рабочий класс в начале 70-х годов добился успехов в борьбе за привлечение к ответственности непосредственных виновников отравления

¹² «The Japan Times», 17.1.1976.

окружающей среды. Первой серьезной победой трудовой Японии явилось вынесение в июне 1971 г. районным судом префектуры Тояма обвинительного приговора компании «Мицуи кодзан». Она была признана виновной в распространении страшной неизлечимой болезни «нтай-нтай», повлекшей за собой гибель многих людей. Впервые в истории борьбы рабочего класса против монополистического капитала законодательный орган страны под давлением демократической общественности вынужден был встать на сторону трудящихся. Аналогичные победы были одержаны рабочим и демократическим движением также в сентябре 1971 г. в борьбе с компанией «Сёва дэнко» по делу жертв не менее опасной болезни «минимата» и в июле 1972 г. по делу жертв «астмы Ёккаити», распространителями которой явились шесть крупнейших монополистических компаний¹³.

Первыми конкретными результатами ознаменовалась также борьба в защиту демократических прав и свобод и, в частности, за возвращение работникам государственных и общественных предприятий и учреждений права на забастовку. Еще в 1966 г. под давлением рабочего и демократического движения японское правительство вынуждено было ратифицировать 87-ю конвенцию МОТ, предусматривающую гарантию прав трудящихся на объединение в профсоюзы, коллективные переговоры и забастовки. Несмотря на то что ратификация этой конвенции пока не привела к соответствующему изменению внутреннего трудового законодательства, и в частности к отмене антирабочих законов, она явилась первой важной победой рабочего класса Японии в борьбе за возвращение права на забастовку работникам государственных и общественных предприятий и учреждений, подняв ее на новую, более высокую ступень. Ратификация указанной конвенции заметно ослабила позиции монополий и усилила позиции рабочего класса в этой упорной борьбе. В начале 70-х годов она увенчалась важным конкретным результатом. В августе 1971 г. под давлением трудовой Японии окружной суд префектуры Сага вынес решение об отмене дисциплинарных взысканий, наложенных на членов местного отделения профсоюза учителей за участие в забастовочной борьбе против увольнений своих товарищей и замораживания заработной платы, к которой они прибегали еще в начале 1957 г. Центральный печатный орган ЦК КПЯ газета «Акахата» охарактеризовала это судебное решение как эпохальное событие, которое открыло путь от «прекращения уголовных преследований» к «прекращению административных взысканий». «Эта победа, — подчеркивала газета, — представляет собой большой шаг вперед в борьбе за полное отвоевание права на забастовку работников государственных и общественных предприятий и учреждений»¹⁴.

Весьма ощутимы и результаты борьбы рабочего класса Японии за мир, против угрозы возникновения новой мировой войны. Одним из важнейших конкретных результатов этой борьбы является, в частности, тот факт, что японский пролетариат вместе со всеми демократическими силами страны уже в течение многих лет противостоит непрекращающимся и из года в год усиливающимся попыткам реакции ликвидировать 9-ю мирную статью японской конституции и тем самым открыть путь к широкой и беспрепятственной милитаризации Японии, к возрождению японского милитаризма. Ограниченные масштабы милитаризации и сравнительно медленный рост милитаристских тенден-

¹³ «The Japan Times», 28.IX.1971, 8.X.1972; «The Daily Yomiuri», 25.VII.1972.

¹⁴ «Акахата», 11.VIII.1971.

ций в современной Японии объясняются прежде всего именно мощным размахом борьбы рабочего класса и демократических сил страны за мир, против угрозы возникновения новой мировой войны. Этим во многом объясняется и характер общего внешнеполитического курса японских правящих кругов, которые в своих взаимоотношениях с некапиталистическими странами, и прежде всего с миром социализма, вынуждены осуществлять политику установления и развития нормальных, добрососедских отношений, политику мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Современная мировая обстановка, и в частности новый этап международного рабочего движения, открытый победой Великого Октября, создает для этого самые благоприятные условия. В докладе товарища Л. И. Брежнева на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, подчеркивается: «Строительство социализма в СССР, а затем и в других странах способствовало росту политической зрелости пролетариата в странах капитала. Повысилась организованность его рядов. Сложилась сила, призванная сыграть великую роль в истории, — международное коммунистическое движение. Расширился фронт союзников пролетариата по борьбе против господства монополий, за демократию и социализм»¹⁵.

Сегодня в Японии, как и во всех других развитых капиталистических странах, растет стремление масс к коренным переменам. Добиться таких перемен можно лишь путем дальнейшего усиления борьбы против господства монополий. Опираясь на накопленный опыт, укрепляя сотрудничество с другими демократическими силами страны, а также с международным рабочим и демократическим движением, рабочий класс Японии идет в авангарде этой борьбы — борьбы за подлинные интересы японской нации.

¹⁵ Л. И. Брежнев. Великий Октябрь и прогресс человечества. М., 1977, стр. 23.

Как заселялись прибрежные острова Северо-Восточной Азии

К. Е. Черевко,

кандидат филологических наук

В последние годы некоторые зарубежные буржуазные ученые публикуют монографии и статьи, в которых превратно истолковывается история заселения и освоения прибрежных островов Дальневосточного региона.

В таких работах активно проводится мысль о том, что первоначальными жителями островов южной части Охотского моря и Северной Японии были айны, потомки которых до настоящего времени проживают в этой части страны и входят в состав ее населения¹, и что предки современных народов советского Дальнего Востока (нивхи, ороки и др.) стали переселяться на острова Охотского моря значительно позднее, лишь начиная с XVII в. в связи с появлением в Приамурье русских переселенцев².

Как же обстояло дело на самом деле?

На эту проблему проливают свет вышедшие в последние годы работы как советских (А. П. Окладников, Р. С. Василевский, А. П. Деревянко, В. Е. Ларичев, Р. В. Козырева, В. А. Голубев и др.), так и зарубежных археологов (в частности, японских и американских: О. Баба, Т. Сэридава, К. Хаяси, В. Сампэй, М. Ёсидзакэ, Х. Бэфу, Ч. Чарда, В. Морлана, В. Лафлина и др.).

Сейчас доказано многочисленными фактами, что уже в мезолите и в поздний период докерамических культур (13—10 тыс. лет до н. э.) на острове Хоккайдо и в северной части острова Хонсю употреблялись такие ударные каменные орудия, как резцы из пластин, получившие в Приангарье, в районе истоков реки Лены, название верхоленских, и клиновидные резцы, называемые гобийскими по месту их первой находки акад. А. П. Окладниковым в пустыне Гоби.

Сопоставление культуры пластин в мезолите с культурами докерамического периода как в рассматриваемом регионе, так и на Азиат-

¹ См. напр., Такэдзо Ёсида. Дзохо Мацуура Такэсиро (Дополнительные материалы о Такэсиро Мацуура). Токио, 1966. стр. 264.

² Там же.

ском материке (Камчатка, Приморье, Забайкалье, Восточная Монголия)³, свидетельствует о том, что ее носителями были выходцы из степных районов Центральной Азии. Здесь в начале II тыс. до н. э. происходило смешение древних европеоидов, носителей окуневской культуры (Хакасия, Западная Тува и Западная Монголия), с монголоидами (Восточная Монголия, Внутренняя Монголия и др.), причем, судя по керамике, в свете новых открытий, миграция европеоидов на восток в эпоху неолита и бронзы (середина I тысячелетия до н. э.) достигает, по меньшей мере, Внутренней Монголии⁴.

Не противоречат закону постоянной динамики границ расовых ареалов и закону постоянства самих этих ареалов данные недавних находок в погребениях на стоянке Онкороманай (Северный Хоккайдо) и аналогичной Сусуйской стоянке (на острове Сахалин), где обитали носители более поздней охотской (палеоазиатской, древниивхской, в своей основе) культуры (I тыс. лет до н. э.)⁵, которые по антропометрическим данным (строение черепа и т. п.) занимают промежуточное положение между древними европеоидами с массивными черепами, сильным подбородком и резкими чертами лица — носителями андроновской и афанасьевской культур Прибайкалья (1500—1200 лет до н. э.), с одной стороны, и айнами, нивхами и протояпонцами, с другой⁶.

Что касается Курильских островов, в особенности их южной группы, то в находимом здесь каменном инвентаре преобладают черты, общие с неолитической культурой Сахалина, Приморья, западного побережья Охотского моря и Камчатки, а в керамике — ряд черт, общих с неолитом Японских островов, хотя южное влияние периода среднего дзёмона (2,5—1,5 тыс. лет до н. э.) на его заключительном этапе и на начальном этапе позднего дзёмона (1500—500 лет до н. э.) не являлось определяющим⁷.

До носителей охотской культуры, в конце II — начале I тыс. до н. э., здесь обитали представители другой неолитической культуры, у которых черты древних жителей степной зоны континентальной Азии, в том числе и европеоидов, были выражены более отчетливо⁸.

В отличие от ориентации скелетов в захоронениях головой на восток у древних айнов на юге Хоккайдо⁹, так же как и у палеонивхов и обитателей указанной зоны Азии, включая Забайкалье, костяки в захоронениях Онкороманай и Моёро на Севере Хоккайдо ориентированы головой на Запад¹⁰. Из этого следует, что население Северной Японии и островов южной части Охотского моря до заселения его древними нивхами сложилось в результате смешения упомянутых древних обитателей внутренних районов континентальной Азии и населения австралоидного происхождения, которое в процессе своего продвижения на север, в этот регион, смешивалось с тихоокеанскими монголоидами.

³ См. Р. С. Василевский. Древние культуры Тихоокеанского севера. Новосибирск, 1973, стр. 41—45.

⁴ См. В. П. Алексеев. В поисках предков. М., 1972, стр. 241—244.

⁵ См. Р. С. Василевский. Указ. соч., стр. 191, 194—196, 203, 209; Хидэо Фудзимото. Кита-но хака (Северные погребения). Токио, 1971, стр. 212—213.

⁶ См. Х. Фудзимото. Айну-но хака (Айнские погребения). Токио, 1974, стр. 212—213, 238—239.

⁷ См. Р. С. Василевский. Указ. соч., стр. 174—175.

⁸ См. Х. Фудзимото. Айну-но хака..., стр. 213; Р. С. Василевский. Указ. соч., стр. 194.

⁹ См. Х. Фудзимото. Кита-но хака..., стр. 212.

¹⁰ См. А. П. Окладников. Олень Золотые Рога. М. — Л., 1964, стр. 171; В. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 232—233; Х. Фудзимото. Кита-но хака..., стр. 214—215.

Именно этим объясняется, в частности, тот факт, что у айнов сохранились «европеоидные признаки в строении лица и в пальцевых и ладонных узорах»¹¹.

О фактах проникновения европеоидов в Восточную Азию свидетельствуют памятники позднего периода эпохи бронзового века — наскальные изображения людей (в частности, напоминающих юношей из Кносского дворца на острове Крит), животных, предметов культа (солнечная колесница с изображением горного козла, двойная секира крито-микенского типа, молот скандинавского типа, шлемы, как у античных воинов) в монгольских степях (Хобдо-Сомон и др.).

О такого рода рисунках-петроглифах акад. А. П. Окладников писал: «Их оставил, очевидно, в глубокой древности, скорее всего в бронзовом веке, какой-то один народ или народы с родственной, единой в своей основе культурой, заселявшие огромный пояс центральноазиатских пустынь и степей от Памира до Хингана. Вероятно, это были древние индоевропейцы».

О наличии у айнов некоторых существенных признаков, характерных для европеоидов, свидетельствует также их расовый биохимический индекс (соотношение групп крови)¹².

В дальнейшем на население Сахалина, Курильских островов, Хоккайдо и Северного Хонсю оказала значительное влияние охотская культура, принесенная сюда коренными обитателями северо-восточной части континентальной Азии. Одно из характерных подтверждений этого влияния — упоминавшееся выше положение тел в погребениях Северной Японии с ориентацией головой на Запад¹³.

«Охотская культура возникла на основе культуры древнего Сахалина и, видимо, северной части Хоккайдо (в прошлом — остров Курильской гряды. — К. Ч.), — пишет на основании данных, полученных при своих раскопках на Южном Сахалине, советский археолог Р. В. Козырева. — На каких-то начальных стадиях своего развития она испытала влияние культур эскимосского круга. Но это касалось лишь подосновы ее развития. С самого начала она не была связана с культурами юга, культурами типа дзёмон, и с самого начала у нее были связи с материковыми культурами Приморья и особенно Приамурья»¹⁴.

По данным Р. В. Козыревой, Южный Сахалин был заселен племенами с высокой культурой, типичной для материковых районов Дальнего Востока в середине II тыс. до н. э., а Северный Сахалин — племенами, у которых связи с материковыми районами в области материальной культуры не только преобладали, но и были единственными¹⁵.

Такие же связи с населением Азиатского материка установлены и в отношении носителей охотской культуры на Курильских островах вплоть до южной части полуострова Камчатка¹⁶.

В конце I тыс. до н. э. на Курильских островах появляется керамика охотского типа, что свидетельствует о новой волне переселения из

¹¹ В. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 135.

¹² См. Сусуму Оио. Нихонго-но рэмэй (Становление японского языка). — «Гэндай-но экусунири», 1966, № 1, стр. 134—135.

¹³ См. Х. Фудзимото. Указ. соч., стр. 214—215.

¹⁴ Р. В. Козырева. Древний Сахалин. Л., 1967, стр. 87; см. также К. Сакураи. Указ. соч., стр. 86.

¹⁵ См. там же, стр. 111.

¹⁶ См. М. В. Воробьев. Древняя Япония. М., 1958, стр. 96—97, 100.

северной части континентальной Азии морских охотников и рыболовов, которые широко использовали каменные и костяные орудия¹⁷.

Открытия последних лет подтвердили основную мысль автора о тесных связях с материком Азии раннего населения этого района, в особенности носителей охотской культуры, хотя и значительно изменили представления о времени его первоначального заселения носителями пластинчатой техники, отнеся его к VI—VIII тыс. до н. э. (стоянки на реке Имчи на Северном Сахалине VI—VIII тыс. до н. э. и на реке Большой Такой на Южном Сахалине VIII тыс. до н. э.)¹⁸.

Находки японскими учеными в 1976 г. в Такаидокоро (район Токио) на острове Хонсю пластинчатых рубящих шлифовальных орудий (2,5 тыс. лет до н. э.), ножевидных пластин и двулезвийных наконечников каменных стрел «сибирского типа» (2,8 тыс. лет до н. э.) подтвердили гипотезу советских ученых о том, что «заселение это, по-видимому, произошло в самом начале голоцена (возможное, даже раньше) и было связано с той миграционной волной с материка, которая на рубеже плейстоцена-голоцена достигла острова Хоккайдо»¹⁹. При этом нужно учитывать, что 12 тыс. лет назад уровень моря здесь был ниже современного и острова этого района соединялись перешейками²⁰.

Недавние исследования американского ученого К. Тёрнера показали, что по строению зубов, хорошо сохраняющих признаки расы, айны, древние обитатели этих островов, относятся к тому же типу, что и древние монголоиды. На основе этих исследований К. Тёрнер выдвинул предположение, что на рубеже III и II тыс. до н. э. пришельцы с Азиатского материка, создав на юге Японии свою колонию, начали вытеснять палеоайнов, населявших тогда Японию, в северные районы и что влияние переселенцев с материка особенно усилилось здесь накануне наступления нашей эры²¹.

В орнаментах представителей охотской (точнее — южноохотской) культуры даже на севере острова Хоккайдо прослеживается явное влияние аборигенов Нижнего Амура, предков современных нивхов и нанайцев²², а в орудиях промысла — сходство с аналогичными орудиями арктических монголоидов (эскимосов и других выходцев с Азиатского материка), возникшее, как полагают многие ученые, под влиянием материальной культуры населения южных районов распространения охотской культуры вследствие аналогичных условий охоты и рыболовства²³.

Судя по археологическим данным, носители этой культуры вначале сосуществовали с предками современных айнов — носителями «культуры рельефного орнамента» («сацумон бунка»), в частности на острове Хоккайдо, в районе Токоро, а затем, по-видимому, были вытеснены последними в районы Сахалина и Курил²⁴.

Этот процесс нашел свое отражение в эпосе айнов острова Хоккай-

¹⁷ См. М. В. Воробьев. Указ. соч., стр. 96—97, 100, 100—102.

¹⁸ См. Р. С. Василевский, В. А. Голубев. Древние поселения на Сахалине. Новосибирск, 1976, стр. 12, 14—15.

¹⁹ См. Кёкасё-о куцугаэсу Такаидокоро гэндзин (Первобытный человек из Такаидокоро, опровергающий учебники). — «Сюкан посуто», сентябрь 1976, стр. 174.

²⁰ Р. С. Василевский, В. А. Голубев. Указ. соч., стр. 15.

²¹ См. В. Rensberger. Studies of Teeth Link Japanese of Influx of Chinese In 200 B. C. — "New York Times", September 8, 1976.

²² См. А. П. Окладников. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, стр. 64; Р. В. Козырева. Указ. соч., стр. 52.

²³ См. там же, стр. 85.

²⁴ См. К. Сакураи. Указ. соч., стр. 85—87.

до — в легенде о коропоккуру (коропоккуру-камуи)²⁵, рассказывающей о том, что предками айну были низкорослые люди племени коропоккуру (букв. «обитающие под листьями гигантского лопуха-белокопытника» или обитающие внизу, под землей, то есть в землянках)²⁶.

Для носителей южноохотской культуры, населявших районы от Приморья до юга Камчатки и северной Японии, весьма характерно сооружение землянок, в которых они жили зимой²⁷.

Вопрос о конкретной этнической принадлежности первоначальных обитателей Сахалина и Курильских островов является весьма сложным и до конца не разрешенным.

При рассмотрении этой проблемы обращает на себя внимание существование в японском языке этнонима «ёкусю» (по-китайски — «воцзюй») для обозначения палеоазиатского племени охотников и рыболовов, судя по китайским хроникам, обитавшего, начиная со II—III вв. до н. э. в районе, прилегающем к южному Приморью²⁸. Д. М. Позднеев пишет, что общее название района Сахалина, Курил и острова Хоккайдо — «Эдзо» через «Эссо» (от «Ёссо», «Йэссо». — К. Ч.) восходит к этнониму «ёкусю» — общему названию неазиатских племен этого района²⁹.

Имеются сведения, что айнский топоним острова Сахалин — «Крапту» (отсюда позднейшее название — «Крафто» и современное японское название — «Карафуту») представляет собой модификацию древнего не-айнского и не-японского термина «краптуникур» (букв. «живущие внизу», то есть в землянках), который употреблялся для обозначения неайнского населения южной части острова³⁰.

Как уже упоминалось, на острове Хоккайдо айны называли этих обитателей землянок «коропоккуру» или «коробоккуру»³¹. На Сахалине у них было другое название, по-видимому более древнее, — «тончи», или «тонци» (по мнению японских ученых, это — сокращение от «тонцикомуй» или «тончи-комуй», то есть «духи-предки тонци». — К. Ч.). Отсюда происходит японский этноним «цутигумо» (букв. «укрывающиеся в земле», то есть обитатели землянок)³².

Айны, отождествляя коропоккуру с племенем тончи, называют их

²⁵ См. Т. Ёсида. Сюн Мацуура Такэсиро (Наследие Т. Мацуура), т. 2. Токио, 1964, стр. 261.

²⁶ См. К. Сакураи. Указ. соч., стр. 37.

²⁷ См. Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. — Л., 1950, т. II, стр. 23—24; Н. Н. Диков. Указ. соч., стр. 230; К. Сакураи. Указ. соч., стр. 71—72.

²⁸ См. Дзицудзо Тамура. Ёкусю (воцзюй). — Сэкай дайхякка дэнтэн (Всемирная энциклопедия). Токио, 1968, т. 22, стр. 468.

²⁹ См. Д. Позднеев. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к матерку Азии и России, т. II, ч. I. Токио, 1909, стр. 5.

³⁰ См. Б. П. Полевой. Сахалин в истории России (Середина XVII — начало XIX вв.). — Автореф. канд. дис. Л., 1970, стр. 20.

³¹ См. М. В. Воробьев. Указ. соч., стр. 102; Б. О. Пилсудский. Указ. соч., стр. 10; Кадзуо Морн. Мост коропоккуру (перевод с японского К. Черевко и Б. Бейко). М., 1963, стр. 2, 34.

³² См. Н. И. Конрад. Япония. Народ и государство. Пг., 1923, стр. 11.

Известно, что древнеяпонское «у» соответствует позднему «о» (см., например, топоним Нусиро-Носиро в кн. «Ихон рэкинси» (История Японии), т. 3. Токио, 1963, стр. 154), «и» представляет собой эпентезу (вставку), которая употреблялась айнами для благозвучия (см. Б. О. Пилсудский. Указ. соч., стр. 5), и что конечное «и» в камун/комун (с чередованием а — о) могло выпадать (ср. айнские «камун» и «камун») (см. Н. И. Сыромятников. Семантические компоненты родственных корней в японском языке. Вопросы семантики, тезисы докладов. АН СССР, Институт востоковедения, Москва, 1971, стр. 190, 192).

также «тончи-сэкуру» (букв. «люди, обитающие в землянках») ³³ или «тонцикуру» (букв. «люди, обжигающие землю, то есть гончары»). В связи с этим заслуживает упоминания, что первоначальные обитатели Сахалина, Курил и Хоккайдо славились производством глиняной посуды и что эту традицию айны сохранить не сумели ³⁴.

Ссылаясь на мнение некоторых японских ученых о возможной преемственности между племенами цутигумо и тончи, возводимых ими к коропоккуру, акад. Н. И. Конрад писал, что к IV веку японцы и айны вытеснили их в северо-восточные районы Японии или ассимилировали, но что сведения об этом периоде их обитания в центральных и восточных районах острова Кюсю, на юге и северо-востоке острова Хонсю сохраняются в японских исторических памятниках вплоть до X в. ³⁵. Н. И. Конрад делает вывод, что «цутигумо если и не были предшественниками древних японцев, то, во всяком случае, их первыми современниками» ³⁶, и что первые обитатели и самой Японии являются более древними, чем айны ³⁷.

В японском памятнике VIII в. «Хитати Фудоки» («Этногеографическое описание провинции Хитати» ³⁸) указывается, что слово цутигумо — это местное, то есть не исконно японское название древнего племени обитателей землянок ³⁹. Это племя оказало существенное влияние не только на материальную культуру японцев, но и на характер японского языка, что проявилось в видоизменении характера системы гласных, в которой появились звуки среднего ряда, отсутствующие в айнском языке ⁴⁰.

По нашему мнению, отождествление племени цутигумо в одних случаях с малайским племенем кумасо, обитавшим в западных районах Японии, в других — с предками японцев, жившими в ее центральных районах, или с эбису (предками айнов), населявшими северо-восток Японских островов ⁴¹, объясняется упомянутым выше активным процессом ассимиляции и вытеснения этих коренных жителей на север, в направлении Сахалина и Курильских островов, который имел место в период формирования японского раннефеодального государства в III—IV вв.

В историческом памятнике VIII в. «Хидзэн фудоки» говорится о том, что цутигумо обитали также на островах Гото, расположенных на путях миграции населения Корейского полуострова на Японские острова ⁴². Это обстоятельство позволяет, на наш взгляд, связывать появление на островах Японского и Охотского морей первого пласта аборигенов с миграцией палеоазиатских племен, обитавших в прибрежных районах Корейского полуострова, Приморья и Приамурья, происходившей не только северным, но и южным путем.

Древние обитатели Сахалина, Курильских и Японских островов —

³³ См. Итиро Явата. Коропоккуру. — Сэкай дайхякка дзитэн (Всемирная энциклопедия), т. 9. Токио, 1967, стр. 172.

³⁴ Д. Позднеев. Указ. соч., стр. 28—30.

³⁵ См. Н. И. Конрад. Указ. соч., стр. 9.

³⁶ См. Н. И. Конрад. Указ. соч., стр. 9.

³⁷ См. Н. И. Конрад. Указ. соч., стр. 13; Кодзики тайсэй (Компендиум исследований «Записки о делах древности»), т. 6. Токио, 1967, стр. 211—212, Т. 3, Токио, 1968, стр. 245; Nihongi. London, 1956, V. 1, p. 129, 192—195, 198.

³⁸ Северо-восточная часть острова Хонсю.

³⁹ См. Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн). — Памятники письменности народов Востока, XXIII. М., 1969, стр. 37.

⁴⁰ Сусуму Оно. Нихонго-но кигэн. (Происхождение японского языка.) Токио, 1957, стр. 199—200.

⁴¹ См. Н. И. Конрад. Указ. соч., стр. 10—11.

⁴² См. Древние фудоки., стр. 136—139.

палеоазиаты (цутигумо, ительмены и другие), айны, малайско-полинезийские племена (кумасо, хаято), вступая между собой в связи, представляли в определенном смысле тесную культурную общность, один из центров которой находился в низовьях реки Амур⁴³.

Ф. Ф. Буссе и Б. О. Пилсудский⁴⁴ связывают доайнское население острова Сахалина тончи с племенем обитателей землянок илоу (илэу) — охотников и рыболовов, родственников по языку воцзюй (ёкусосо)⁴⁵, ссылаясь на то, что в хрониках поздней династии Хань (25 г. — 220 г. н. э.) «Хоуханьшу» они рассматриваются как потомки народа сушэнь⁴⁶, который обитал в Приморье.

В связи с этим заслуживает внимания концепция, согласно которой племена сушэнь (XII—III вв. до н. э.) «были поглощены пришельцами, являвшимися предками тунгусо-маньчжуров (точнее, тунгусов. — К. Ч.), коренными обитателями южной половины Прибайкалья»⁴⁷. Это произошло, в соответствии с данной концепцией, в результате ассимиляции в III—IV вв. н. э. аборигенных племен, родственников по языку илоу, воцзюй и уцзи, тунгусскими племенами мохэ⁴⁸.

В VI—VII вв. эти племена распространили свое влияние на большой район от Приморья и Приамурья до Хоккайдо включительно и островов у северо-западных берегов острова Хонсю. Кикудзиро Исии в 1930 г. писал, что «недавно на острове Хоккайдо нашли в городе Отару высеченную на скале надпись на языке сушэнь⁴⁹, которая гласит: «Наша победа простерлась до сих мест»⁵⁰. Комментируя эту надпись, К. Исии добавляет: «Очевидно, сушэнь (в японизированном китайском произношении — сюкусин, а в исконно японском мисихасэ), то есть мохэ⁵¹, проникли в этот период на остров Хоккайдо вплоть до его центральных районов»⁵². В 544 г. они пришли на остров Садо и поселились на берегах залива Сэгава (Сэнагава)⁵³.

В 658 г. и в 660 г. Абэ-но Хирафу возглавлял экспедиции против этих племен на острове Хоккайдо⁵⁴. В 676 г. группа мохэ прибыла в Японию в качестве сопровождающих посла корейского государства Силла, а в 696 г. с дарами от своего племени — парчой, шелком, секирами и т. п.⁵⁵. В 720 г. к мохэ было направлено посольство во главе с Курао Морокими для изучения их нравов и обычаев, которое обратило внимание на то, что зимой они живут в глубоких землянках, отличающихся от землянок айнов и других народов Сахалина и Приамурья⁵⁶.

В иллюстрированной «Истории Японии», подготовленной Обществом изучения истории Японии (Нихон киндай рэкиси кэнкюкай)

⁴³ См. А. П. Окладников. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, стр. 62—63.

⁴⁴ См. Б. О. Пилсудский. Указ. соч., стр. 16.

⁴⁵ См. Иакинф (Бичурин). Указ. соч., стр. 23—24, где говорится: «Илэу есть древнее царство Сушэнь».

⁴⁶ В. С. Стариков. Тунгусо-маньчжурские народы. — Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965, стр. 673.

⁴⁷ В. С. Стариков. Указ. соч., стр. 673.

⁴⁸ См. В. С. Стариков. Указ. соч., стр. 673; Масао Го. Маккацу (Мохэ). — Сэкай дайхякка дзэнтэн (Всемирная энциклопедия). Токно, 1968, стр. 25—26.

⁴⁹ Так по традиции японцы продолжали называть потомков сушэней — мохэ. См. Д. Позднеев. Указ. соч., т. II, ч. 1, стр. 3.

⁵⁰ К. Исии. Гайко ёряку (Дипломатические комментарии). Токно, 1930, стр. 3.

⁵¹ К. Исии. Указ. соч., стр. 3.

⁵² См. Nihongi, L., 1956, v. II, p. 58—59.

⁵³ Ibid., p. 257, 260, 263, 265.

⁵⁴ Ibid., p. 335.

⁵⁵ Ibid., p. 420.

⁵⁶ См. Д. Позднеев. Указ. соч., т. II, ч. 1, стр. 12.

в 1963 г., говорится: «Хирафу, как сообщается, через Акита и Нусиро (Носиро), расположенные на территории современной префектуры Акита (на северо-западе острова Хонсю. — К. Ч.), достиг лежащей еще дальше (к северу) страны мисихасэ (мохэ. — К. Ч.). Эта страна, как считают некоторые, была расположена на территории современного Приморского края Советского Союза, но нам представляется, что он не дошел до Приморья, а дошел только до района острова Хоккайдо»⁵⁷. При этом, возможно, на самом деле он смог продвинуться лишь до северо-восточной части острова Хонсю, где начинались расселения непокоренных айнов.

Судя по орнаментам, характерным для потомков мохэ, проживающих на территории советского Дальнего Востока, например нанайцев⁵⁸, их прародителями были палеоазиатские племена Приамурья и Приморья, являвшиеся также предками обитающих в этом районе нивхов. То же самое, очевидно, можно сказать и об обитателях Сахалина и Приамурья — ороках, орочах и ульчах.

М. В. Крюков и Н. Н. Чебоксаров считают, что наибольшее сходство с неолитическими рыболовами и охотниками на морского зверя обнаруживают на северо-востоке Азии отнюдь не маньчжурские народности (точнее, тунгусо-маньчжурские — нанайцы, ульчи, орочи и сунгарийские гольды. — К. Ч.), но соседние с ними нивхи (гиляки), говорящие на совершенно особом палеоазиатском языке⁵⁹.

«Во II—I тысячелетии до н. э. палеоазиаты, возможно, родственные позднейшим нивхам низовья Амура и Сахалина, обитали на территории Приамурья и Манчжурии, — указывают М. В. Крюков и Н. Н. Чебоксаров. — Впоследствии тунгусы, расселясь на восток из области своего первоначального формирования, частично оттеснили палеоазиатов на Север, частично же ассимилировали их. Современные китайские ученые связывают с палеоазиатами этнические группы «восточных и», упоминаемых в источниках III в. до н. э. — III в. н. э.»⁶⁰.

Судя по айнскому эпосу «Юкар», в VIII в. после пятивековой борьбы айны вытеснили почти всех нивхов с острова Сахалина⁶¹, за исключением небольшой группы, проживающей до сих пор в долине реки Поронай на востоке острова⁶², которая, вероятно, дольше сохраняла связи с палеоазиатским населением материка, чем доайнское население этого района.

В эпосе айнов говорится о том, что они после ожесточенных сражений одержали решительную победу над племенами рэфун-кур, или рэпун-кур (букв. «люди морских просторов»), или сокращенно — рэфун, рэпун («кур» — аффикс со значением «люди»). В свою очередь «рэфун» представляет собой сокращение от «никрэфун» (нивхи) — варианта сохранившегося до нашего времени произношения, айнского этнонима сахалинских «морских» нивхов «никфун»⁶³ (по-нивхски — «них-

⁵⁷ Нихон рэкиси (История Японии). Токио, 1963, стр. 154.

⁵⁸ См. А. П. Окладников. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, стр. 67.

⁵⁹ См. М. В. Крюков, Н. Н. Чебоксаров. Древнее расселение человека. — Народы Восточной Азии. М.-Л., 1965, стр. 73.

⁶⁰ М. В. Крюков и Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., стр. 73.

⁶¹ См. Киёхико Цубои. Указ. соч., стр. 47; Нихонго-но рэкиси (история японского языка), т. 7, Токио, 1965, стр. 395.

⁶² См. Кэн Хаттори. Гирякудзоку (Нивхи). — Сэкай дайхякка дзитэн (Всемирная энциклопедия), т. 6. Токио, 1967, стр. 341.

⁶³ См. Т. Есида. Дзохо Мацуура Такэсиро (Дополнительные материалы Т. Мацуура). Токио, 1966, стр. 316—317; К. Хаттори. Указ. соч., стр. 342.

вун») ⁶⁴, отличающегося от этнонима материковых нивхов (сумэрэн-кур). В айнских преданиях говорится о том, что они ушли в море на север ⁶⁵. Интересно, что с племенами рэфун-кур айны отождествляли, быть может, в силу их культурно-этнического родства, также присоединившихся к нивхам на заключительном этапе сопротивления пришельцев с юга племени мохэ — потомков палеоазиатов сушэнь ⁶⁶.

Интересно, что своих предшественников айны называют также курумусэ ⁶⁷, что соответствует айнскому (и древнему японскому) названию южной части Камчатки ⁶⁸, которая считалась у них островом, и прилегающих к ней островов, в том числе Курильских ⁶⁹. (На юге Камчатки жили, помимо камчадалов, курильцы, то есть камчадалы, смешанные с айнами.) ⁷⁰

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что на юге Камчатки, вблизи Курильского озера, в 1960 г. советские археологи обнаружили землянки, в которых их обитатели жили до начала XVII в. ⁷¹. Такие же землянки были обнаружены ранее японцами на Курильских островах ⁷². Известно, что типологически сходная с нивхской материальная культура характерна для алеутов, арктических монголоидов, обитавших в прошлом в северо-восточной части Азиатского материка ⁷³, а также на расположенных неподалеку от восточных берегов Камчатки Командорских островах ⁷⁴. Этим можно объяснить, почему айны называют алеутов тончи ⁷⁵, а алеуты в свою очередь считают, что в места своего обитания их предки пришли с Запада ⁷⁶.

Возможно, что эти более поздние аборигены-палеоазиаты, землянки которых отличались от айнских тем, что они были меньше, но глубже ⁷⁷, сохраняли в основных чертах указанную характерную особенность быта своих предшественников.

В 1955 г. в Поронайском районе острова Сахалина были произведены раскопки землянок, в которых, по сведениям айнов, обитали тончи. Были обнаружены лодка нивхского типа, каменные орудия, глиняная посуда и другие предметы носителей охотской культуры ⁷⁸. Предки нивхов оказали влияние на антропологический облик пришедших в XV в. на Сахалин неоайнов ⁷⁹. Общие для них особенности отправления религиозного культа, по-видимому, восходят к древним айнам, поселившимся в этом районе задолго до нашей эры ⁸⁰.

⁶⁴ См. Киёхико Цубои. Указ. соч., стр. 341.

⁶⁵ См. Р. В. Козырева. Древний Сахалин. Л., 1967, стр. 117—118.

⁶⁶ См. Т. Есида. Сюи Мацуура Такэсиро (Наследие Т. Мацуура). Токио, 1966, стр. 261.

⁶⁷ См. там же.

⁶⁸ См. Хоппо рёдо-но кисо тисики (Основные сведения о северных территориях). Токио, 1968, стр. 4.

⁶⁹ См. Хоппо рёдо (Северные территории). Саппоро, 1969, стр. 9.

⁷⁰ См. там же, стр. 10.

⁷¹ См. Н. Н. Диков. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969, стр. 230.

⁷² Киёхико Цубои. Указ. соч., стр. 71.

⁷³ См. М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958, стр. 120; Н. Н. Диков. Указ. соч., стр. 209—210.

⁷⁴ См. Н. Н. Диков. Указ. соч., стр. 99—100, 208, 212.

⁷⁵ См. Б. О. Пилсудский. Указ. соч., стр. 124.

⁷⁶ См. там же, стр. 5.

⁷⁷ Р. В. Козырева. Указ. соч., стр. 113.

⁷⁸ См. М. Г. Левин. Этническая антропология Японии. М., 1971, стр. 258—259.

⁷⁹ См. там же, стр. 195.

⁸⁰ См. С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев, Ч. М. Таксамн. Этнокультурные связи коренных народов прибрежной северо-восточной Азии. — «Этническая история народов Азии», М., 1972, стр. 93.

Отмечая, что на культуру айнов Северной Японии, Сахалина и Курил серьезное влияние было оказано со стороны народов Восточной Сибири, японский исследователь Сусуму Оно обращает внимание на общность зооантропоморфных изображений на нивхских и айнских бронзовых сосудах — медведя, филина, орла, ястреба, коршуна и других животных и птиц с лицом человека. По-видимому, этот орнамент был заимствован айнами от нивхов, а последними (через тунгусов) у урало-алтайских народностей Урала и Западной Сибири, у которых он сохранился до наших дней⁸¹. Очевидно, у тех же нивхов было заимствовано и айнское городище «тяси», совпадающее по своим конструктивным особенностям с русским городищем, заимствованным у тех же народностей Урала и Западной Сибири⁸².

Английский ученый Г. Сэнсом относит нивхов, наряду с айнами, к потомкам неолитического населения, проживавшего и в более южных районах, на территории Японии, но считает, что его палеоазиатские расовые признаки были представлены не столь ярко, как айнские⁸³.

Имея в виду нивхов нижнего Амура и Сахалина, а также различные тунгусо-маньчжурские народности СССР, Н. Н. Чебоксаров пишет следующее: «Главную хозяйственную роль у всех перечисленных народов издавна играло рыболовство. Ловили главным образом лососевых запором. На морских берегах был местами развит зверобойный промысел (тюлени, моржи)... Жилищами служили землянки или полуземлянки, часто со входом через дымовое отверстие, а также наземные (иногда свайные) деревянные постройки четырехугольного плана с высокими, двух- или четырехскатными крышами из коры, драни или досок... Многие особенности рассматриваемого хозяйственно-культурного типа проникли (вероятно, через нивхов) также к аймам, продвигавшимся на север и видоизменяющимся в связи с этим свои культурно-бытовые навыки, сложившиеся в более мягкой климатической обстановке южной части Японии»⁸⁴.

Таким образом, если наиболее древними культурами Сахалина, Курил и Хоккайдо, к которым можно относить культуру айнов, являются неолитические культуры дзёмон (VI—V тысячелетие до н. э.) и протодзёмон (IV—I тысячелетие до н. э.), то древнейшие культуры этих районов, характерные для доайнского населения, представляют собой палеолитические культуры (до XII тысячелетия до н. э.) и мезолитические культуры (XII—VIII тысячелетия до н. э.), типологически однородные с культурой обитателей Приморья, Камчатки и Алеутских островов.

Из приведенных выше археологических, этнографических, исторических и лингвистических данных можно сделать вывод, что остров Сахалин и Курильские острова так же, как и Приморье, Приамурье и северная Япония, были заселены палеолитическими и мезолитическими племенами, родственными современным приамурским и сахалинским нивхам, племенам, составляющим первичный аборигенный пласт в формировании таких тунгусо-маньчжурских народностей советского Дальнего Востока, как нанайцы, ороки, эвенки, орочи, ульчи, негидальцы

⁸¹ См. Сусуму Оно. Нихонго-но кигэи (Происхождение японского языка). Токио, 1957, стр. 33.

⁸² См. Намио Эгами. Айну-но тяси то Росиа-но городзиситэ (Айнское тяси и русское городище). — «Миндзокугаку кэнкю», 1949, № 3, стр. 2.

⁸³ См. G. Sansom. Japan. A Short Cultural History. L., 1962, p. 4.

⁸⁴ Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии. — Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965, стр. 95.

и т. п., а также отчасти ительменам, эскимосам и алеутам — коренным жителям Камчатки, Чукотки и прилегающих к ним островов, открытых русскими мореплавателями. Это были, по-видимому, племена воцзюй (ёкусю, или йэссо, позднее — эдзо), илоу, сушэнь (позднее — мохэ), древние нивхи и тончи (или тончи-комуи — потомки цутигумо, или, быть может, точикомо) и древние эскимосы.

Эти племена — носители южноохотской культуры — к моменту появления на Сахалине и Курилах айнов при всем их разнообразии составляли, на наш взгляд, не только различающуюся лишь в своих локальных вариантах большую культурную, но и этническую общность, один из центров которой находился в нижнем течении реки Амур⁸⁵. Таким образом, исходя из приведенных данных, можно прийти к выводу о правомерности распространения понятия культурно-этнической группы, употребляемого акад. А. П. Окладниковым применительно к народам Дальнего Востока⁸⁶, на более крупные группы населения этого региона.

Это позволяет также сделать вывод, что представители материковой палеоазиатской культурно-этнической общности являются исконными жителями островов Охотского моря, и тем самым опровергнуть выдвигаемую зарубежной буржуазной историографией и органами массовой пропаганды концепцию их исконной принадлежности к проживающим в настоящее время только в Японии айнам.

⁸⁵ См. А. П. Окладников. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, стр. 63.

⁸⁶ См. там же.

БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

Отто Браун — коммунист-интернационалист

Предисловие

45 лет назад, осенью 1932 г., в разгар ожесточенных классовых битв в Китае, в Шанхай, где в то время в подполье, в условиях жесточайшего террора и преследований, находился боевой штаб китайской революции — Центральный Комитет Коммунистической партии Китая, — прибыл коммунист-интернационалист, представитель германского рабочего класса Браун Отто (он же Вагнер Карл, Ли Дэ и Хуа Фу), чтобы лично принять участие в вооруженной борьбе китайского пролетариата и крестьянства за новый и свободный Китай.

Борьба китайского пролетариата и крестьянства за национальное и социальное освобождение была близка и дорога трудящимся и эксплуатируемым всего мира. Рабочий класс различных стран и его авангард — коммунистические и рабочие партии — с огромным вниманием следили за героической борьбой китайских трудящихся, активно выступали в поддержку и защиту китайской революции в форме широких массовых кампаний против военных и политических мероприятий империалистических держав, против империалистического раздела Китая и империалистической интервенции в Китае.

Боевой штаб международного рабочего и коммунистического движения — III Коммунистический Интернационал, основателем которого был Владимир Ильич Ленин, был вдохновителем и организатором защиты и оказания помощи китайской революции. В своих решениях он неоднократно подчеркивал, что одной из главных международных задач коммунистического движения является активная поддержка и защита китайской революции. История показала, что эта поддержка со стороны международного рабочего класса и коммунистического движения явилась одним из решающих условий успешной борьбы китайского пролетариата и крестьянства за свое национальное и социальное освобождение.

Отто Браун принадлежал к тем коммунистам, которые выполняли сложнейшие и труднейшие задания по оказанию интернациональной помощи своим братьям по классу. Он был направлен в Китай Исполнительным Комитетом Коминтерна по просьбе китайских коммунистов в качестве военного советника при ЦК КПК. Отто Браун прибыл в Китай в трудные для китайской революции годы. Гоминьдановская реакция, возглавляемая Чан Кай-ши, пыталась с помощью империалистических держав ликвидировать завоевания китайской революции, организуя один за другим «карательные походы» против китайских советских районов — революционных опорных баз, против рабоче-крестьянской Красной армии.

Как представитель немецкого рабочего класса и коммунист-интернационалист, Отто Браун сражался на революционной стороне баррикад классовой борьбы в Китае, тогда как многочисленная группа немецких военных советников во главе с фон Зеектом (фон Сектом), направленная в Китай по просьбе гоминьдановского правительства Чан Кай-ши, по поручению империалистов стояла по другую сторону баррикад, чтобы потопить в крови революционное движение китайских рабочих и крестьян.

В начале 1933 г. руководство ЦК КПК переезжает из Шанхая в столицу Центрального советского района г. Жуйцзин провинции Цзянси. Вслед за ними нелегально, преодолевая многочисленные гоминьдановские кордоны, скрываясь под настилом в лодке, осенью 1933 г. прибывает туда и Отто Браун. Находясь в Центральном советском районе, Отто Браун принимает активное участие в руководстве военными действиями китайской Красной армии. Он разъезжает по фронтам боевых действий, участвует в разработке военно-оперативных планов и в подготовке военных кадров.

Исключительная заслуга принадлежит Отто Брауну в организации и налаживании учебного процесса в первой военной академии и военно-научной работе в китайской Красной армии. Военная академия стала кузницей подготовки военно-политических кадров китайской Красной армии и распространителем военно-научных знаний, основанных на марксистском методе и опыте военной академии Красной Армии Советского Союза, которую Отто Браун окончил перед поездкой в Китай. Отто Браун внес значи-

тельный вклад в дело непосредственной разработки военной стратегии и тактики китайской Красной армии. Вместе с войсками 1-го фронта китайской Красной армии в труднейших условиях он совершил героический Северо-Западный поход в 1934—1935 гг. протяженностью свыше 10 тыс. км из провинции Цзянси через 11 других провинций в северную часть провинции Шэньси. В северной Шэньси он обучал основам военной тактики командиров китайской народной армии в Антияпонской военно-политической академии («Канда»), которые героически сражались против японских захватчиков в 1937—1945 гг.

На протяжении семи с лишним лет Отто Браун, выполняя свой интернациональный долг, находился в самой гуще революционных событий в Китае. Принципиальный марксист-ленинец, Отто Браун завоевал большой авторитет среди истинных китайских коммунистов, всех тех, кто искренне боролся за победу народной революции в Китае.

Характеризуя Ли Дэ (то есть Отто Брауна), американский журналист и писатель, так называемый американский друг Мао Цзэ-дуна, Эдгар Сноу писал: «Ли Дэ был, несомненно, исключительно талантливым военным тактиком и стратегом. Он отличился в рядах германской армии во время первой мировой войны, а позднее был командиром Красной Армии в России и учился в первой академии Красной Армии в Москве. Поскольку он был немцем, красные с вниманием прислушивались также к его анализу стратегии и тактики, которую немецкие советники рекомендовали генералиссимусу Чан Кай-ши. Последующие события подтвердили правильность такого отношения. Когда нанкинские генералы нашли некоторые работы Ли Дэ, в которых он объяснял их тактику, они с удивлением признали, что он в точности превосходил каждый этап их наступления... И кстати, личное мужество и стоический героизм человека, перенесшего суровые испытания Великого похода (то есть Северо-Западного похода. — А. Т.), гораздо более тяжелые для иностранца, чем для китайца, должны вызвать восхищение людей любых политических убеждений, и эти качества останутся вызовом кабинетным революционерам всех стран мира»¹.

Германская фашистская разведка в Китае, информируя в 1936 г. свой центр в Берлине о нахождении в Баоане (северная Шэньси) немца под псевдонимом Ли Дэ и о его роли в китайской Красной армии, подчеркивала, что гоминьдановские генералы позднее очень удивлялись, когда им в руки попали докладные записки Ли Дэ, относящиеся к тому (то есть цзянсийскому. — А. Т.) периоду. Как правило, он предугадывал все их мероприятия и соответствующими маневрами приводил их к поражению. А один из гоминьдановских генералов, указывается далее в сообщении, считает Ли Дэ «военным мозгом КПК».

В серии своих статей «От Шанхая до Яньани», которые были опубликованы в ГДР в 1969 г. в еженедельнике «Хорицонт» (перевод их с немецкого был опубликован в СССР в том же году в журнале «За рубежом»), а затем в книге «Китайские записки 1932—1939», изданной в ГДР в 1973 г. (в СССР перевод этой книги был опубликован в 1974 г.), Отто Браун довольно подробно изложил, в какой сложнейшей и труднейшей обстановке он выполнял свой интернациональный долг. В своих статьях и особенно в книге «Китайские записки» он правдиво показывает важный этап китайской революции, объясняет целый ряд факторов, которые привели к появлению чуждого марксизму-ленинизму маоизма, разоблачает маоистскую фальсификацию истории КПК и китайской революции и показывает приемы, методы и тактику Мао Цзэ-дуна на пути к узурпации власти в армии и партии.

До того как Отто Браун оказался в Китае, он прошел славный и героический путь революционной борьбы в рядах германского рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии Германии. В 1917 г. в семнадцатилетнем возрасте, в дни Великой Октябрьской социалистической революции в России, Отто Браун установил контакт с оппозиционной группой социал-демократической молодежи Германии, а в декабре 1918 г. вступает в только что созданный в Баварии Союз «Свободной социалистической молодежи» (совместная молодежная организация независимых социал-демократов и Союза «Спартак», который стал предтечей германского комсомола).

Этому предшествовало трудное и горькое детство сироты (отец умер, когда Отто не было и одного года), с 6 до 13 лет пребывание в деревенском католическом сиротском доме, затем учеба в учительской семинарии, куда Отто был направлен как лучший ученик, удостоенный стипендии. В 1917 г. он был мобилизован на так называемую трудовую повинность и работал в качестве чернорабочего и батрака, а в 1918 г. был призван на действительную военную службу и отправлен на австрийско-итальянский фронт. После демобилизации из армии в конце 1918 г. в связи с окончанием первой мировой войны Отто Браун вновь поступает учиться в учительскую семинарию в Мюнхене и весной 1919 г. получает диплом учителя, но без права преподавания в школах ввиду политической неблагонадежности. Тяжелые впечатления юности и страшные события первой мировой войны заставили Отто Брауна принять решение — посвятить всю свою жизнь борьбе против несправедливых войн и социального угнетения. В апреле

¹ E. S n o w. Red Star Over China. N. Y., 1961, p. 419—420.

1919 г. он вступает в Коммунистическую партию Германии (КПГ) и принимает активное участие в деятельности Баварской Советской Республики в качестве представителя революционной молодежи. Во главе революционной молодежи с оружием в руках он защищает Баварскую Советскую Республику на баррикадах Мюнхена до последней минуты. После падения Баварской Советской Республики последовали работа в подполье, первый арест и заключение в тюрьму. Освободившись из тюрьмы, молодой учитель становится профессиональным революционером, видным и авторитетным партийным работником. В 1920—1921 гг. он работает в Гамбурге, принимает активное участие в мартовских боях рабочих в 1921 г. в Средней Германии. Потом в течение 6 лет работает в аппарате ЦК КПГ и в качестве партийного руководителя в Тюрингии. В 1923 г. он учился в партийной школе КПГ. Четыре раза немецкая буржуазная реакция бросала Отто Брауна в тюрьму: в 1919, 1921, 1922 и 1926 гг. Мюнхенская реакция объявила его вне закона. Его преследовали руководитель немецких путчистов Капп и глава китайской реакции Чан Кай-ши. Японская тайная полиция разыскивала его, публикуя объявления. Годами он боролся нелегально и нередко был вынужден менять свои документы и местожительство. Но ничто не могло сломить его. Его всегда отличали неутомимый боевой дух, твердость революционных принципов и стойкость, мужество, высокая дисциплина и самоотверженность.

Ниже мы приводим воспоминания Отто Брауна об одном из эпизодов его бурной революционной жизни — о дерзком сенсационном побеге из знаменитой Моабитской тюрьмы среди белого дня в 1928 г., чтобы «поднять на ноги весь Берлин, вовлечь даже самых пассивных рабочих в борьбу за амнистию политзаключенным и против предательского поведения социал-демократии». Этот эпизод как нельзя лучше характеризует негнбимого революционера, пламенного коммуниста-интернационалиста, ныне покойного Отто Брауна. Он умер в августе 1974 г.

В статье, посвященной памяти Отто Брауна, известный писатель ГДР Юлиус Мадер писал: «Отто Браун боролся по поручению своего класса на двух континентах. Как специалист военного дела и военный теоретик, как преподаватель марксистско-ленинской теории, писатель, переводчик, редактор, ученый и преподаватель, он выполнял разнообразнейшие задачи, которые поручала ему партия. Его можно было увидеть в крупных классовых битвах, в тюрьмах классового противника и в кабинетах ученых... В 27 лет он вынужден был бежать из фашистской Германии. Почти 30 лет спустя он вернулся в ГДР и все свои силы поставил на службу делу построения социализма в первом рабоче-крестьянском государстве на немецкой земле. Как научный сотрудник Института марксизма-ленинизма и Института общественных наук при ЦК СЕПГ и как военно-политический пропагандист, он внес важный вклад в марксистско-ленинское воспитание молодого поколения, особенно в подготовку научных кадров в области общественных наук. С 1961 по 1963 г. он был первым секретарем Союза писателей ГДР. В одном из своих писем товарищ Отто Браун писал: «Всю жизнь я прожил в партии и с партией и хотел бы делать это дело до конца». Этому своему высшему жизненному принципу товарищ Отто Браун остался верен до последнего своего дыхания. За огромные заслуги в революционном деле рабочего класса партия и государство наградили его орденом Карла Маркса².

Отто Браун был искренним и верным другом Советского Союза. «...Отношение к Советскому Союзу, — писал он, — по моему глубокому убеждению, было и остается мерилом подлинной революционности каждого коммуниста, к какой бы национальности он ни принадлежал и в каких бы обстоятельствах ни находился. Этим я руководствовался и в Китае, неизменно защищая интересы советского народа, воплощенные в политике Советского правительства, как я их понимал, в тяжелейших условиях и полной изоляции. И я горжусь тем, что это испытание выдержал»³.

А. С. Титов

² «Horizont», 1974, № 38, стр. 29.

³ Отто Браун. Китайские записки (1932—1939). М., 1974, стр. 352.

МОАБИТ

Отто Браун

Полтора года в предварительном заключении

20-го сентября 1926 года, сидя с товарищем в одном из берлинских кафе, я инстинктивно почувствовал, что за нами следят. Я тихо шепнул об этом своему товарищу. Мы быстро и незаметно выбрались на улицу и уже собрались навести лыжи, как вдруг словно из-под земли перед нами выросло несколько коренастых субъектов. Такие фигуры мне уже приходилось встречать в политическом отделении берлинского полицей-президиума*.

— Стой! Уголовная полиция! — отрекомендовался один из них.

— Следуйте за нами, в противном случае мы вынуждены будем пустить в ход оружие!

— Ваши документы!

— Не касаться карманов!

На близлежащем вокзале конвой был усилен несколькими чинами вокзального караула, и мы двинулись в полицей-президиум, где я предстал перед уголовным комиссаром Геллером.

Я пробыл три дня под гостеприимным крылышком социал-демократического полицей-президента**.

В камере, куда меня посадили, еле помещались нары да скамья. От двери до окна не было даже пресловутых, полагающихся по закону шести шагов. О пище и говорить не приходится. Утром и вечером выдавалась порция хлеба, в два раза меньше и черствее той порции, которая отпускалась потом, в следственной тюрьме. К ней на «завтрак» добавлялась мутная, желтоватая жидкость, носившая название кофе, а на обед — полная миска похлебки неопределенного вкуса, которую я уже на третий день не мог брать в рот, несмотря на голод.

Допросы были краткие и носили довольно бурный характер.

Когда меня доставили в полицей-президиум, я отказался дать о себе сведения, желая выиграть время и предоставить оставшимся на воле товарищам возможность укрыть в надежном месте партийные материалы и пр. Это вызвало град отборных ругательств по моему адресу и обвинения в государственной измене, шпионаже, организации шпионского центра, подкупе чиновников, в том, что я «красный генерал». Несколько полицейских агентов бросились искать мою нелегальную квартиру.

Эта история не доставила мне ничего, кроме удовольствия. Ибо теперь я сообщил, как обстоит дело, о чем приблизительно может знать полиция и чего она не знает. И я твердо решил не проронить ни одного необдуманного слова.

Второй допрос был еще короче и закончился с большим треском. Он произошел через два дня. Не имело больше смысла скрывать свое настоящее имя. Когда я назвал себя, комиссар и его свора агентов, находившихся в комнате, неожиданно вспомнили, что я вовсе не являюсь для них незнакомцем. Из архива они раздобыли карточку с моим прежним именем, относившуюся к 1921 г., мои старые фотографические снимки, документы. И так как я тот раз позволил себе, к досаде врагов Советской России, очистить бюро одного белогвардейского агента в Берлине да провести за нос полицию и суд, то теперь послышалась еще более яростная ругань, с такими комплиментами в придачу, как «бандит» и «разбойник». На этот раз у меня больше не было охоты молчать. И я в свою очередь стал высказывать не совсем лестные отзывы об уголовной полиции. Неизвестно, чем кончились бы эти «презрения», не принялись ли бы переубеждать меня при помощи резиновых плеток и рукояток револьверов, если бы задержавшие меня агенты не шепнули комиссару, что он имеет дело с одним из наиболее влиятельных и видных представителей компартии. Комиссар ограничился тем, что вытолкнул меня собственноручно из комнаты и приказал двум полицейским отвести меня в камеру. Как сейчас, помню его напутственные слова:

— Вы настоящий фанатик! С вами невозможно договориться!

* Главное полицейское управление в Берлине.

** Начальник полиции.

В последнем отношении он был вполне прав.

На следующий день меня привели к следователю. Это был старый судейский чиновник, настоящая развалина. К нему приводили политзаключенных только для формы, прежде чем отправить их в следственную тюрьму. Допрос, от которого зависели мое освобождение или отправка в тюрьму, продолжался десять секунд.

— Секретарь, огласите анкету!

— Подтверждаете сведения?

— Подтверждаю.

— Вы отказались от показаний?

— Отказался.

— Будет дан судебный ордер на ваше дальнейшее задержание. Подпишитесь.

Формальности были соблюдены. Но полицейский аппарат и тут дал маху. Меня продержали после этого свыше часа в передней следователя, и я смог узнать, кто из моих близких разделяет мою участь. Их было с полдюжины, в том числе моя жена, Ольга Бенарио. Несмотря на строгий запрет, нам удалось обменяться некоторыми необходимыми сведениями и условиться, как держать себя. Это свидание было последним, после чего мы не виделись около года.

В тот же вечер тюремный автомобиль доставил меня в следственную тюрьму Моабит.

* * *

Моабит считается одной из новейших и лучших тюрем Германии. Друзья очередного министра юстиции или буржуазные журналисты, которым не показывают провинциальных тюрем и лишь возят до поры до времени в Моабит, чтобы продемонстрировать перед ними гуманность классовой юстиции, рассыпаются потом в похвальных отзывах. Моабит представляет собой мощное, широко раскинувшееся здание, в форме пятиконечной звезды, пять его корпусов из красного кирпича расходятся из центра в разные стороны. Они опоясаны стеной в пять метров вышиной; к ней со всех сторон примыкают караульные помещения. В строгом геометрическом порядке тянутся ряды окон с железными решетками.

Тотчас же по прибытии в Моабит я почувствовал, какой меня ожидает режим. Угрюмые физиономии, старый, знакомый тон прусских фельдфебелей. И длинные, лишенные света подвальные коридоры, на которые выходят двери одиночек. Камера, однако, показалась мне уютной после пребывания в полицей-президиуме. Ее можно было назвать чистой после грязи и насекомых полицейской камеры; между столом и койкой можно было сделать шесть шагов, и даже имелся электрический свет, позволявший по вечерам час-другой заняться чтением. Но что читать? Библия и книга псалмов, это обязательное украшение каждой камеры, не могли идти в счет, а кроме них раз в неделю выдавалась какая-нибудь потрепанная старая книга. Только через несколько месяцев мне удалось получать книги с воли и, благодаря содействию тюремного учителя, пользоваться более подходящей литературой из особого отделения тюремной библиотеки.

В первый же день на меня ободряюще подействовала крупная надпись, красовавшаяся над складным столом: «Что посеешь, то пожнешь» — истина, которой я от всей души пожелал осуществиться.

Первые недели и месяцы я провел в полном одиночестве. Мне не хотелось писать своим друзьям на волю, чтобы не причинить им неприятностей. Жена моя также сидела в тюрьме. К следователю меня не водили. Тюремного священника, явившегося ко мне с визитом, я выгнал из камеры, не дав ему закончить елейную назидательную тираду. Никаких свиданий, никакой смены впечатлений, без книг, без передач, без курева. Даже не разрешали тратить деньги, отобранные при аресте.

В продолжение 18 месяцев мои дни проходили по следующему распорядку: в 7-м часу раздавался пронзительный звонок — подъем. Спустя 10 минут надзиратель открывал камеру. К этому времени заключенный должен был одеться и умыться, подмести камеру и стоять у дверей с пустым кувшином. Через четверть часа — завтрак. Кусок черствого и очень часто пригорелого хлеба, суррогат кофе, единственным качеством которого было то, что он был теплый. До половины двенадцатого камера оставалась закрытой, за исключением предусмотренной уставом получасовой прогулки во дворе. Затем второй звонок возвещал обед. Монотонной чередой день за днем перемежались картофельный суп, морковный суп, суп с капустой, с фасолью, с чечевицей, с горохом. Все они были приблизительно одного вкуса. Раз или два в неделю — кусочек мяса или рыбы. После обеда нас снова запирали до 5 часов вечера, затем стук больших котлов и звонок возвещали ужин, состоявший снова из кусочка черствого хлеба с миской водянистой похлебки, кружкой чая или «кофе», селедки или кусочка сыра. Иногда на обед или ужин давался даже картофель, о качестве которого шла дискуссия даже в буржуазной прессе, ибо его потребление грозило массовыми заболеваниями среди заключенных. В церковные праздники, на пасху и рождество, давался более или менее сносный обед из двух блюд с явной целью возбудить религиозные чувства в среде заключенных.

В продолжение пяти недель, с конца октября до середины декабря 1926 г., мне поневоле представлялась возможность изучить быт и жизнь уголовных заключенных. Мне пришлось отсиживать шестимесячный остаток от приговора 1921 г., и только в конце года удалось добиться перевода на политический режим.

За эти пять недель мое времяпрепровождение, за исключением перерыва на еду, получасовой прогулки во дворе и часового перерыва в работе, состояло в том, что я нанизывал маленькие бусы на проволоку. Каждый день — по 200—250 кусков проволоки, на каждый кусок — по 30—50 бусинок, в зависимости от их величины. Это составляло около 10 000 однообразных движений, вдевание проволоки в отверстие бус при искусственном свете (днем в камере настолько темно, что работать без лампы невозможно) и пересчитывание бус. Единственное разнообразие состояло в том, что иногда на одну и ту же проволоку нужно было нанизывать бусины различной величины. Но здесь требовалось большое напряжение внимания и совершенно нельзя было подумать о чем-либо постороннем.

За пять недель я заработал около 2 марок, то есть около 1 рубля. Правда, должен признаться, что я не особенно налегал на работу и «производил» ровно столько, сколько нужно было, чтобы не нарваться на дисциплинарные взыскания. Зарплата по существующей в Моабите инструкции составляла 12—16 пфеннигов (6—8 коп.) в день.

Для моего больного зрения эта работа была очень вредна. Помощник начальника тюрьмы, к которому я обратился по этому поводу, пожал плечами и ответил, что другой работы не имеется. Впоследствии, когда было получено распоряжение о моем переводе на политический режим и когда в мою защиту выступило несколько партийных товарищей с крупными именами, этот же субъект пожаловал в мою камеру, учтиво осведомился о моем здоровье и моих пожеланиях и выразил готовность предоставить мне все льготы, какие только не идут вразрез с общей тюремной инструкцией. Эти заявления о готовности пойти мне навстречу, исходившие от тюремного начальства и следователя, сопровождалось лицемерными вздохами. Вспоминаю один разговор с помощником начальника тюрьмы.

— Как может «Роте фане» писать всегда такую неправду о Моабите? Вчера она снова напечатала статью, в которой говорилось о дурном обращении с заключенными.

— Вероятно, у нее имеются основания так писать.

— Помилуйте, г-н Браун! Вот вы, например, — разве вы можете жаловаться на дурное обращение?

Или же разговор с Фоггом, пресловутым следователем Верховного суда:

— Я прекрасно знаю, что «Роте фане» не прекратит своих выпадов против меня. Не смогли бы вы передать своим коллегам, что я лишь выполняю свой долг и охотно готов сделать все, что только совместимо с моим долгом?

Никчемная болтовня, свидетельствующая лишь о страхе перед пролетарским общественным мнением.

Вообще, этот г-н Фогт! Маленький, с розовыми щечками, лощеный и гладко выбритый человек! У него свои выработанные методы. Когда он видит, что заключенный держится робко и неуверенно, он старается его запугать и выжать из него показания. В таких случаях он грубо пускает в ход угрозу лишения или обещание льгот, затягивает допросы до бесконечности и пользуется всякими другими приемами, чтобы добиться своей цели. Но когда он чувствует, что перед ним стойкий и непреклонный противник, то готовящийся к прыжку хищник превращается в чрезвычайно любезного, светского человека. Он разрешает все льготы, какие только допускаются законом, а допрос принимает характер учливой беседы. Только минутами г-н Фогт показывает свои ослиные копыта — когда он замечает, что напрасно теряет порох. Но в особенную ярость приходит он, когда почувствует, что не он допрашивает заключенного, а, наоборот, последний выведывает у него сведения, составляющие содержание следственных материалов. В таких случаях г-н Фогт прибегает к последнему средству — к пытке одиночным заключением. Мне мое поведение на допросе стоило 18 месяцев одиночки.

Г-н Фогт очень предупредительно согласовывал со мной протоколы моего допроса, чтобы не вышло недоразумений и чтобы я не отказался подписать эти протоколы. Но вместе с тем он непрерывно делал себе разные отметки неофициального характера, которые, как показало множество процессов моих товарищей о государственной измене, служили материалом для неожиданных выступлений лжесвидетелей.

Мучительно медленно проходили месяцы. Постепенно восстанавливал я связь с волей. Жена моя была выпущена из тюрьмы, у нас установилась периодическая переписка, и каждые две недели я получал от нее и от «Красной помощи» посылки с продуктами, табаком, книгами и пр. В первый год моей отсидки я виделся несколько раз со своим защитником. Но я сам просил его воздержаться от посещения. Во-первых, ему было категорически предложено говорить только о деле, во-вторых, при на-

ших свиданиях вечно торчал г-н Фогт, насторожив уши и стараясь уловить хоть одно компрометирующее слово.

Свидания я имел только с одним товарищем — представительницей «Красной помощи», которая навещала меня каждые 4—6 недель и делилась со мной политическими новостями.

Постепенно я стал присматриваться к своему тюремному окружению. Разумеется, мне было строжайше запрещено вступать в беседу с другими заключенными и обращаться с какими-либо посторонними вопросами к тюремным служащим. Но это запрещение и связанные с ним дисциплинарные наказания: лишение некоторых льгот, карцер — могли устроить только новичка. Больше всего развлечений доставляла прогулка. Двор, в котором мы «гуляли», представлял собой треугольник, две стороны которого составляли стены тюремных корпусов, а третью — тюремная ограда. Выходила на прогулку партия человек в 35; заставляли ходить по кругу на расстоянии нескольких метров друг от друга, поднимая голову. За порядком следили два надзирателя. При открытии камер и возвращении с прогулки в коридорах и на лестнице стояло несколько надзирателей. Но все эти меры, равно как и грозные приказы, не могли воспрепятствовать беседам и взаимным передачам.

Заключенному, который долгие месяцы и годы замурован в камере, ничто в мире не может помешать использовать всякую возможность для борьбы с одиночеством.

Я не представлял исключения из этого правила и ухитрялся часто выслушивать рассказы своих сотоварищей по Моабиту. Я услышал здесь преинтересные истории от сутенеров, взломщиков несгораемых касс, убийц и др. Заключенные разделялись на две категории: к первой относились профессиональные преступники, для которых освобождение из тюрьмы являлось лишь возможностью для возобновления старой профессии. Они строили планы побега и проявляли невероятно близкое знакомство с буржуазным уголовным кодексом. К вопросам политики они не обнаруживали никакого интереса. От организованного пролетариата они восприняли лишь одно — объединение в своего рода организации материальной и юридической помощи. С работой некоторых подобных организаций я подробно познакомился со слов сутенеров и грабителей.

Ко второй категории, категории случайных преступников, относилось 90% обитателей Моабита. Они, в особенности молодежь, проявляли необычайный интерес к социальным вопросам, которые неизменно сводились к вопросам политическим. Они расспрашивали про Советский Союз, его социальные учреждения, про охрану молодежи. Не раз случалось, что они возвращали мне буржуазную газету, которую мне удавалось им передать, и требовали «Роте фане».

Большинство заключенных сильно страдало от режима одиночного заключения. Нужно иметь в виду, что сплошь и рядом это были люди без всяких средств, они были не в состоянии получать книги и газеты. Кроме того, почти в каждом из них жила смутная мысль, что не они совершили преступление против общества, а сами являются жертвами существующего общественного строя.

Насколько сравнительно легко удавалось говорить с уголовными заключенными и производить с ними «обменные операции», настолько трудно было поддерживать связь с политзаключенными. Как правило, политзаключенные были размещены далеко друг от друга, попеременно с уголовными. Но из-за того, что нас было чересчур много, это правило нельзя было осуществлять полностью. К тому же тюремная администрация дала особо строгие инструкции в отношении нас всему персоналу.

Несмотря на все эти трудности, мы не падали духом. Использовались всякие возможности и придумывались всякие предлоги, чтобы в перерыве между работой познакомиться друг с другом. В любой момент попадалось несколько политических. Путем невинных вопросов, обращенных к надзирателям, я узнавал, где размещены политические. Во время прогулки мы старались незаметно менять наши места, чтобы очутиться друг около друга. Задержишься на месте — развязался шнурок ботинка, выйдешь из рядов, чтобы сказать что-нибудь надзирателю или заявить, что не в силах больше ходить, — таковы те отдельные военные хитрости, на которые мы пускались.

Главное было — установить связь с товарищем, дальнейшее было не так сложно. Мы информировали друг друга о событиях на воле, снабжали папиросами и продуктами и, что важнее всего, последними газетами. «Роте фане», которую я потом стал получать, так долго путешествовала по рукам, что я однажды чуть не влип, когда надзиратель выразил недоумение, почему я возвращаю только буржуазные газеты. Администрация вела учет всем возвращаемым газетам.

Эти проявления солидарности и взаимная поддержка политзаключенных придавали нам новые запасы бодрости. Мне самому раза два-три удалось таким путем вести товарищей из уныния, в которое они впали. Трудно поверить, как могут в таком положении помочь несколько слов, газета или немного табаку.

С течением времени мне удалось наладить получение книг политического содержания. С одной стороны, это дало мне возможность пополнить свой собственный по-

литический багаж, с другой — я смог снабжать коммунистической литературой своих товарищей по тюрьме, политических и уголовных. Но попытка переслать на волю написанные мною работы не удалась из-за цензуры. От следователя Фогта я получил краткий ответ: «Ваша работа от... числа переслана верховному прокурору вследствие ее противозаконного содержания».

После этой неудачной попытки я отказался от такого способа пересылки моих рукописей.

Кроме чтения книг и газет, общения с сотоварищами по тюрьме и редких свиданий с представительницей «Красной помощи», еще одно напоминало нам о происходящей на воле пролетарской борьбе. Это было эхо выступлений и демонстраций компартии и союза красных фронтовиков. Видеть их мы, разумеется, не могли, но слышали очень часто. В ответ на приветствия и возгласы «Красный фронт», слышавшиеся из рупоров демонстрантов перед тюрьмой и громом отдававшиеся в окнах и тюремных дворах, раздавались возгласы не только политзаключенных, но и других обитателей тюрьмы. В особенности ярко вспоминаю я празднование десятилетия Октябрьской революции, вечер 7 ноября 1927 г. Еще за несколько недель до наступления этого дня мы почувствовали в тюрьме его приближение. Заключенные и тюремные служащие все чаще и чаще стали спрашивать у меня об СССР и беседовать на общие политические темы. «Роте фане» в продолжение нескольких месяцев печатала материалы об Октябрьской революции. Правда, ножницы и черная краска цензора стали заметнее действовать.

Настал вечер 7 ноября. Уже был роздан ужин, состоявший из водянистого супа, уже начало смеркаться, как до моего уха донесся отдаленный, знакомый гул приближающейся демонстрации. Звуки оркестра и отрывки революционных песен смешивались с возгласами и мерным шагом массы. Они приближались все ближе и ближе! Шествие пересекло ближайшую улицу, песни и возгласы стали явственнее и громче, и слышно было, как группы людей остановились у тюремной стены. Зазвучали рупоры, послышался глухой рокот мужских голосов, крики работниц. Перед каждым возгласом — трубный сигнал.

— Свободу политзаключенным!

И троекратным эхом откликалась толпа:

— Свободу! Свободу! Свободу!

— Мы требуем амнистии!

— Да здравствует СССР! Долой Эберта — Гинденбурга!

В камерах началось движение. Зазвенели стекла, надзиратели бросились в коридоры, гремя ключами.

И вдруг, исполняемый большим оркестром, загремел победный «Интернационал». Тысячи голосов подхватили его на улице. И над тюремным двором раздалось пение не только политзаключенных — десятки уголовных доказали, что и они знают слова и мотив революционного гимна и также возлагают на него свои надежды.

Тюремные служащие вербуются из старых солдат, бывших унтер-офицеров кайзерской армии или рейхсвера. Они разделяются приблизительно на три группы.

К первой группе относятся высшие и средние чины — начальник со своими помощниками, священники, инспектора, командный состав конвойной команды. Это либо фашисты, либо реакционеры до мозга костей. Не они должны заботиться о заключенных, а, наоборот, заключенные существуют для них. Никаких признаков понимания и человеческого отношения, если не считать казенного выполнения инструкций, никаких помыслов об облегчении положения. Для этих людей существуют только устав и люди для применения этого устава. Я слышал, что среди этого сорта чиновников иногда попадают люди, а не машины. Но мне лично не привелось убедиться в существовании подобного рода исключений.

Низшие служащие распадаются на две категории. К первой относятся те, которым во что бы то ни стало хочется выслужиться, и они образуют кадры шпионов, которые доносят не только на заключенных, но и на своих же коллег. Я сам был свидетелем того, как один надзиратель донес на своего сослуживца, что тот дал мне газету. Другой тип из той же категории, богобоязненный баптист, взялся отравлять мое существование. Он написал огромный доклад на меня о том, что я обменялся несколькими словами с одним из сотоварищей во время перерыва в работе.

Третья категория состоит из тех низших служащих, которые рассматривают свою службу в тюрьме, как не весьма приятный кусок хлеба, и стараются, по мере возможности, не отягощать жизнь заключенных. Этим людям приходится довольно туго в германском тюремном аппарате. Поэтому они боязливы, недоверчивы и чрезвычайно осторожны в своем общении с заключенными. И все же за те полтора года, которые я пробыл в тюрьме, многие из них приходили в мою камеру за политической информацией. Я, конечно, использовал всякую возможность, чтобы распропагандировать их. В 1927 году мне на помощь пришло одно весьма благоприятное обстоятельство — прения в парламенте по поводу жалованья низшим и

средним чиновникам. Все чаще и чаще мои посетители уверяли меня, что теперь они, наконец, убеждаются, что только коммунисты защищают их интересы. Разумеется, эти люди были еще далеки от коммунизма или даже от сочувствия коммунизму. Но все же можно сказать, что этим была пробита брешь в реакционном мировоззрении тюремного персонала.

* * *

Осенью 1927 г. окончилось наконец предварительное следствие по моему делу. Но о назначении его к слушанию еще не было речи. Все же для меня наступило известное облегчение, мой защитник мог теперь видаться со мной без посторонних, и моей жене было предоставлено право постоянных свиданий.

Никогда не забуду того утра, когда меня вызвали к следователю и я неожиданно увидел Ольгу. Она явилась с огромным букетом цветов. Говорить нам пришлось очень мало из-за присутствия г-на Фогта. Но встреча эта доставила мне много радости и влила бодрость для дальнейших испытаний.

Растущая кампания за амнистию, проводимая компартией и «Красной помощью», усилила также надежды на освобождение. Этим надеждам суждено было вскоре осуществиться, только не тем путем, каким я себе представлял.

Побег

Ожесточенная борьба, которую проводили компартия и «Красная помощь» за амнистию пролетарским политзаключенным, достигла высшего напряжения к весне 1928 года. Мой защитник, принимавший активное участие в этой кампании, надеялся, что закон об амнистии будет принят рейхстагом еще до роспуска последнего. Эти ожидания амнистии получили твердую почву, в особенности после того как весной 1928 года было достигнуто компромиссное соглашение между коммунистами, социал-демократами и буржуазными партиями. Разочарование и возмущение политзаключенных и всего рабочего класса было безмерно, когда стало известно, что социал-демократическая парламентская фракция предательски отреклась от этого соглашения и содействовала провалу законопроекта об амнистии своим голосованием против него на пленарном заседании рейхстага.

В тот момент и зародилась мысль о моем «насильственном» освобождении из тюрьмы. Несколько смелых молодых рабочих собрались с Ольгой Бенарио и стали бсуждать, как бы вырвать меня на свободу.

Хотя я с первой же минуты после своего ареста подумывал о побеге, я не знал точно, в чем состоит их план. После тщательного ознакомления со всей обстановкой я пришел к выводу, что без посторонней помощи ничего не выйдет, нельзя бежать из тюрьмы или во время конвоирования. Случай, происшедший в феврале 1928 года, показал мне, насколько сильна была охрана. Я потребовал, чтобы меня доставили в гражданский суд, на что имелось разрешение следователя. Обычно заключенного сопровождают два надзирателя. Можно себе представить мое удивление, когда, очутившись утром в тюремной конторе, я застал там конвой из четырех надзирателей во главе с комиссаром уголовной полиции. На бешено мчавшемся тюремном автомобиле я был доставлен в суд. Мы проехали, не останавливаясь, в ворота, открытые по предварительному телефонному предупреждению. Оттуда меня отвели в подвальный этаж. На тротуаре и в коридоре дежурило по два полицейских. Когда меня проводили к судье, было устроено оцепление из десятка полицейских. Председателю суда пришлось разъяснить не в меру усердному комиссару, что заседание суда происходит при открытых дверях и что нельзя преграждать публике вход в судебный зал.

Разумеется, Ольга и ее сотоварищи знали, как строго меня охраняют. При выработке плана освобождения приходилось считаться с этими трудностями. Нам помог случай. Господин Фогт нашел нужным лично присутствовать при моих свиданиях с Ольгой. Поэтому мы с ней встречались не в том помещении, где обычно происходили свидания заключенных, а в камере следователя, находившейся в той части здания, куда имела доступ публика. Туда нас доставили через длинный коридор подвального этажа, разделенный рядом железных дверей.

Нужно было совершить нападение среди бела дня, застать врасплох охрану и постараться пробежать несколько сот метров, которые отделяют от улицы, пока не начнется погоня. Этот план имел и то преимущество, что носил сенсационный характер и мог поднять на ноги весь Берлин, вовлечь даже самых пассивных рабочих в борьбу за амнистию политзаключенным и против предательского поведения социал-демократии.

* * *

11-го апреля 1928 года рано утром меня повели к следователю. Мы начали беседовать с Ольгой, когда в соседнюю комнату явилось шестеро прилично одетых мужчин и вежливо заявили стоявшему у дверей дежурному, что им нужно погово-

рить со следователем. Секретарь, замещавший следователя при нашем свидании с Ольгой, выглянул было на шум, как вдруг раздался крик.

— Руки вверх!

Дальнейшее продолжалось несколько секунд. Я инстинктом понял, в чем дело, перескочил через барьер, промчался с Ольгой через обе комнаты, в которых происходила рукопашная, и мы очутились в коридоре — я впереди, Ольга за мной.

Одному из чиновников все же удалось испустить истерический крик:

— На помощь! На помощь! Нападение!

Почти в тот же миг послышались пронзительные тревожные свистки, изо всех комнат и коридоров выбежали чиновники, адвокаты и публика, поднялась суматоха. Никто не знал, в чем дело.

Тем временем за нами бросились бежать наши товарищи. Ольга и я впереди, они за нами, а позади всех с поднятым револьвером тов. Филипп. Дежурный, стоявший у решетки, отдававшей коридор от комнат следователей, отлетел в сторону. У главного входа, где караул как раз окончил свою возню с замками, мы свернули в боковой выход и очутились на улице.

За нами слышались свистки, крики, топот бегущих. Товарищ Филипп, защищавший нас с тыла, отвлек на себя внимание благодаря своему револьверу, отстал и попался в руки преследователей.

Свободен! Но преследуемый и травимый, как ни один убийца. Верховная прокуратура объявила награду в 5000 марок за арест меня и Ольги. Социал-демократический президент полиции Берлина Цергибель срочно выпустил и расклеил на всех афишных тумбах, вокзалах и пограничных пунктах большие плакаты с нашими фотографиями и описанием примет, желая спекулировать на людской алчности. В ход был пущен весь огромный полицейский аппарат. Сотни агентов уголовной полиции в продолжение нескольких недель рыскали по всем дорогам.

Буржуазия захлебывалась от злобы. Ее печать называла нас бандитами и метала громы и молнии против «разбойничьих методов политической борьбы». Все газеты перещеголяя социал-демократический «Форвертс», начавший яростную кампанию клеветы в трогательном единстве с буржуазным вице-президентом полиции Берлина.

«Освобожденный коммунист — это шпион!» — сообщил «Форвертс» своим удивленным читателям. Почему? Потому что я, с ведома и согласия своей партии, скрыл в июне 1921 г. свою принадлежность к компартии и выдал себя за националиста, чтобы обмануть классовый суд и спасти несколько привлеченных по одному делу со мной рабочих от долголетней каторги.

Но рабочий класс ни на секунду не поверил этим клеветническим выпадам. Все открыто ликовало. В этом дерзком акте рабочие видели возрождение революционных традиций прошлого. Он заразил их боевым духом в происходившей в это время избирательной борьбе и прежде всего побудил их с возросшей энергией поднять голоса в защиту политзаключенных.

Всеобщее сочувствие и одобрение моего побега охватило также и мелкобуржуазные круги. Это сочувствие выросло еще больше, когда стало известно, что револьверы моих освободителей были не заряжены и что сотня полицейских и агентов уголовной полиции капитулировала перед двумя незаряженными револьверами. То, что мне пришлось просидеть полтора года без суда, обратило всеобщее возмущение против классовой юстиции и ее злоучастного представителя, г-на Фогта.

Весь Берлин смеялся над одураченной полицией, это принудило редакцию «Форвертса» и больших «демократических» газет прекратить начатую против нас травлю.

Одна пацифистская газета весьма ярко выразила это в следующих словах: «...на этот счет не может быть двух мнений: рабочие, освободившие коммуниста Брауна из Моабита, не только показали прекрасную технику, но и действовали в высшей степени благородно, несмотря на явное нарушение закона. За это мы можем им пожать руки, и прежде всего той храброй женщине, которая не захотела оставить своего друга в беде и смело пошла на риск. Рабочий Филипп, единственный из арестованных, достоин всяческого уважения за преданность своим товарищам. Здесь речь идет о понятиях, которые выше всяких параграфов, о проявлении величайшей товарищеской преданности. Долг полиции — разыскивать бежавших. Но широкие народные круги следят за ее работой и желают ей от всей души провала в ее стараниях...»

Этому пожеланию суждено было сбыться. Несмотря на все свои старания, полиция ничего не успела. Одна неудача следовала за другой.

Прежде всего состоялось совещание на месте «преступления»; оно пришло к выводу, что стоит перед загадкой. Затем последовали растерянные обращения за содействием к населению, открыто стоявшему на нашей стороне. Полиция запрашивала сведения о двух грузовиках, направившихся в день моего побега в Среднюю Гер-

манию. Через несколько часов начали задерживать все автомобили, выезжавшие из Берлина. В то время, как шли поиски в Средней Германии, на морском побережье был арестован какой-то актер, находившийся там на гастролях. Его грех состоял в том, что его дедушка носил фамилию Браун.

По чьему-то доносу в Берлине был оцеплен целый квартал и арестовали 17-летнего гимназиста, который направлялся в школу с папкой в руках; за ним был задержан 52-летний обыватель, которого пришлось после всего пережитого в полицейском участке отправить прямо в больницу.

Не успели опровергнуть слух об аресте на границе с Чехословакией одного из участников моего побега, как не менее усердная австрийская полиция телеграфировала о моем аресте в Вене. Затем германское министерство иностранных дел возбудило ходатайство о моей выдаче перед французскими властями в Марселе, через тамошнего генерального консула Германии. Ибо ловкая германская полиция узнала, что я арестован в Марселе.

В то время как в Берлине, по всей стране и даже за границей происходили аресты десятков Отто Браунов, мы с Ольгой скрывались в одном из берлинских рабочих предместий. Мне доставляло дьявольское наслаждение читать ежедневно в утренних газетах ложные сообщения полиции.

Причину провала полиции очень легко объяснить. Ей казалось, что она охотится за уголовным преступником. Она шарила по всяким углам, устроила слежку за родными, за моими друзьями детства, не имея никакого представления о моих настоящих друзьях, спекулировала на алчности и пр. При этом она совершенно упустила из виду, что 5000 марок — ничто для тех, кто рисковал своей свободой и жизнью, и что я, Ольга и мои освободители находимся под защитой неподкупной солидарности всего трудящегося населения Берлина. Было ясно, что подобные расчеты должны были кончиться крахом.

Солидарность населения носила не только пассивный характер, она выражалась не только в отказе от всякой помощи полицейским розыскам, она приняла весьма активный характер. Социал-демократические рабочие открыто издевались над своим партийным органом «Форвертсом» и выражали готовность укрывать нас. На предприятиях и массовых собраниях принимались резолюции, в которых выражалась солидарность с нами. Плакаты с нашими портретами срывались каждую ночь. Для ликвидации этих плакатов образовались даже группы социал-демократической рабочей молодежи. Под влиянием негодующего бурного протеста против развешивания объявлений о награде за нашу поимку и под громкие возгласы одобрения публики владельцы кинотеатров принуждены были снять с экрана наши портреты.

Побыв день-другой на квартире у одного рабочего, мы переселялись к другому. Всюду нам оказывали трогательный прием. Рабочие только смеялись, говоря о 5000 марок, которые им сулили объявления на улицах. Все как один категорически отказывались брать с нас плату за еду.

С особенным удовольствием вспоминаю случай, имевший место перед моим отъездом из Берлина. У моих хозяев была 10-летняя девочка, которой меня выдали за дальнего родственника. Однажды, вернувшись из школы, она обратилась ко мне с лукавым видом:

— Дядя Пауль, почему ты не идешь гулять?

— Не хочется. Я устал.

— Но когда ты пойдешь гулять, ты увидишь кучу интересных вещей.

— Что именно?

— Там висят большие плакаты с портретами. Если поймать двух людей, можно получить 5000 марок.

Я чуть было не смутился.

— Знаешь, один портрет очень похож на тебя.

— Плохо дело, — подумал я и спросил: — Ты об этом сказала кому-нибудь в школе?

Девочка посмотрела на меня с возмущенным видом.

— О таких вещах не говорят. Я знаю, что делать.

Тут я не выдержал и рассмеялся. Я вспомнил про шпиков и полицейских, бродивших кругом. Как могли добиться они успеха, когда даже в детях рабочих так сильно сознание солидарности!

Но все же полиция может отметить один свой успех. Она установила, что г-н Фогт отсутствовал во время нападения. И г-н Фогт, оскандалившийся следователь, смертельный враг всех германских революционных рабочих, получил по заслугам — ему пришлось уйти в отставку.

А мы продержались еще около месяца в рабочих жилищах Берлина и, уловив первую возможность, перебрались через границу. Сложным путем, о подробностях которого лучше теперь не рассказывать, мы добрались до отечества всех трудящихся, в красную Россию, которая стала теперь нашей родиной.

С другой стороны, усиление влияния буддизма и даосизма привело к определенному сокращению воздействия конфуцианства на мировоззрение людей той эпохи, что в свою очередь сказалось на уменьшении влияния конфуцианской эстетики с ее рационализмом и прикладным морально-дидактическим подходом к искусству. Благодаря этому эстетическая мысль получила большую свободу, чем прежде, а круг ее интересов значительно расширился.

Особенно большое значение приобрели в то время проблемы общественной роли художественного творчества, вопросы стиля, формы и содержания, критериев оценки поэзии и живописи. Безусловно, крупнейшим литературным критиком конца V — начала VI вв. в Китае был Лю Се, создавший стройную систему взглядов на литературу и сделавший крупный вклад в развитие китайской эстетической мысли.

Лю Се родился в современной провинции Шаньдун в 465 г. (затем семья переехала в город Чжэньцзян провинции Цзянсу). Отец Лю Се умер рано, растила и воспитывала ребенка одна мать. Вся жизнь Лю Се прожил в бедности, занимаясь литературным трудом.

В то время буддийские монастыри были центрами духовной культуры, с ними было тесно связано развитие религиозной литературы и живописи, издательского и библиотечного дела. В одном из таких монастырей нашел себе пристанище и Лю Се. Он занимался редактированием и подготовкой к изданию буддийских сутр. Под конец жизни влияние буддизма на Лю Се стало так велико, что он обратился к императору У (династия Лян) за разрешением перейти в буддийскую веру. Получив это разрешение, Лю Се принял буддизм и сделался монахом в том самом монастыре, где он работал над изданием буддийских сутр. Вскоре Лю Се умер. Это произошло в 522 г.

Годы жизни Лю Се приходятся на царствование династий Ци (479—501) и Лян (502—556). Хотя свой основной труд «Литературная мысль и резные драконы» Лю Се написал сравнительно молодым, во время царствования династии Ци, историки причислили его деятельность к периоду династии Лян, в связи с чем биография Лю Се содержится в «Истории династии Лян». Кроме того, биографические сведения о Лю Се находятся в последней, пятидесятой главе его труда.

В данной работе мы коснемся лишь некоторых эстетических проблем, затронутых Лю Се. Однако следует хотя бы перечислить те эстетические и литературно-критические вопросы, которые так или иначе были поставлены в «Литературной мысли и резных драконах».

Лю Се начинает книгу с главы «Относительно дао» («Юань дао»), в которой ставит проблему происхождения литературы. В главах «Цин цай», «Фын гу», «Жун цай» и других им рассматривается вопрос взаимоотношения формы и содержания в литературном творчестве. Теория творческого замысла освещается Лю Се в главе «Шэнь сы». Особенно много внимания Лю Се уделит в своем труде проблемам жанров и стилей, которым посвящено большинство глав книги. Вопросы стилистики изложены в главах «Фу хой», «Лянь цзы», «Шэнь люй». Лю Се интересовался законами развития литературы (главы «Тун бьянь», «Ши сюй»), проблемами отношения писателя и эпохи (глава «Ши сюй»), взаимосвязи литературы и морального лица ее творцов, чисто литературно-критическими проблемами (глава «Чжи ин»), связью художественной литературы с конфуцианской классической ортодоксией и многими другими вопросами.

Труд Лю Се представляет собой самое большое глубокое литературно-критическое и эстетическое сочинение в истории старой китайской литературной критики. Он впитал в себя многие литературно-критические и эстетические взгляды предшествовавших эпох, на нем заметно влияние как конфуцианской, так и даосской эстетической мысли.

Особенностью труда Лю Се по сравнению с аналогичными литературно-критическими сочинениями прошлого является не только его объем (50 глав), но прежде всего то, что он гораздо шире по своему содержанию прежних литературно-критических работ, ограниченных главным образом двумя темами — литература (вэнь) и писатель.

Лю Се был хорошо знаком с классической конфуцианской литературой — «Книгой песен», трудами Конфуция и Мэн-цзы, знал сочинения Лао-цзы и Чжуан-цзы. На тексте книги Лю Се прослеживается влияние «Трактата о классической литературе» («Дянь лунь лунь вэнь») Цао Пэя (187—226), «Оды о литературе» («Вэнь фу») Лу Цзи (261—303), а также других сочинений периода становления китайской литературно-критической мысли.

Китайская литературная критика до Лю Се никогда не ставила себе столь грандиозной задачи — проследить важнейшие проблемы литературы с начала до конца, или, говоря образным языком Лю Се, — «от листьев до корней».

Лю Се блестяще справился с поставленной задачей, обнаружив тонкий и пронзительный ум. Его труд включает в себя историю литературы и ее теорию, ярко отражает эстетические взгляды как самого Лю Се, так и в определенной мере его эпохи. Недаром исследователи называют Лю Се «критиком из критиков».

Вопрос о происхождении литературного творчества ставился китайской эстетической мыслью до Лю Се неоднократно, и всякий раз литература — «вэнь» — выводилась в конечном счете из природы. Лю Се, несомненно, был знаком с этими концепциями, из которых ему, по-видимому, особенно была близка теория происхождения «вэнь», изло-

женная в комментариях к «Книге перемен». Однако он жил в эпоху, когда значительным было влияние даосизма, поэтому «вэнь» у Лю Се имеет некоторые черты, присущие даосизму, тем не менее вся концепция развития природы вплоть до появления человека, научившегося говорить — благодаря чему «вэнь стала ясной», — носит на себе печать конфуцианства.

Следует иметь в виду, что китайские мыслители того времени ставили различные литературоведческие и эстетические проблемы в специфической национальной форме, часто используя неустановившуюся терминологию, что вызывает большие трудности при чтении, истолковании и переводе. Это замечание может быть в полной мере отнесено и к сочинению Лю Се «Литературная мысль и резные драконы».

Китайские мыслители, высказывавшиеся по вопросам эстетики, уже с древних времен затрагивали проблемы формы и содержания, однако на протяжении очень длительного времени эти категории выражались различными нероглифическими знаками в зависимости от оттенка их понимания каждым мыслителем. Лю Се также касается вопросов отношения формы и содержания (главы «Цин цай», «Фын гу», «Жун цай», «Фу хой»). В главе «Цин цай» под словом «цин» (чувство) подразумевается содержание произведения, а под словом «цай» — литературные стилистические украшения, то есть форма. Лю Се утверждает, что форма произведения, его внешние стилистические особенности определяются содержанием, которое он делает равнозначным понятию «чувство». Однако Лю Се отмечает, что форма сама по себе не пассивна в отношении содержания, она обладает внутренней силой и в свою очередь оказывает на содержание воздействие, которое он выражает понятием «ши», утверждая, что «стилистические особенности создают «ши»». Поясняя свою мысль, он приводит в качестве примеров «Ши цзин», летопись «Чунью», «Лисао» и другие прозаические и поэтические произведения древности, в которых, по его мнению, форма оказывает влияние на содержание. Лю Се считает, что неверно избранная писателем форма не позволяет выявить полноту содержания. Хотя свои наблюдения над связью формы и содержания Лю Се излагает очень лаконично, тем не менее его взгляды в этой области глубоки и интересны.

Среди эстетических категорий, встречающихся в «Литературной мысли и резных драконах» Лю Се, серьезное место принадлежит категориям «фын» и «гу», разработке которых посвящена 28-я глава сочинения. Выражение «фын-гу» встречается в разных местах главы как единый термин и расчлененно. Современные китайские исследователи потратили немало усилий для выяснения этимологии толкования понятия «фын-гу», однако до настоящего времени между ними нет единства в его понимании.

«Фын» в дословном переводе означает «ветер». Лю Се вкладывает в этот термин очень глубокое содержание. Из текста книги следует, что понятие «фын» связано с другим, широкоизвестным в китайской философии и эстетике понятием «ци», означающим некую подвижную материальную субстанцию природы. Причем существование подвижного текучего «ци» определяет возникновение «ветра» («фын»). Без «ци» и его движения нет «фын», которое, таким образом, есть выражение движущегося «ци» в искусстве.

Учение Лю Се о «фын» возникло на основе эмоциональной теории творчества. Произведение литературы лишь тогда обладает качеством «фын», когда оно полно чувств, ибо чувства заключают в себе «фын». «Чувства содержат в себе «фын» так же, как внешние видимые формы охватывают собой «ци», — читаем мы в главе «Фын гу». Следовательно, «фын» с точки зрения литературы выражается в живости и одухотворенности изображения, причем последнее достигается прежде всего с помощью чувств. «Глубоко проникающие в «фын» должны отчетливо описывать настроение и чувства», — писал Лю Се. Однако мир чувств неотделим от мира идей, поэтому «фын» включает в себя и идейную сторону литературного произведения. Лю Се указывает, что чистота «фын» в литературе обеспечивается лишь при наличии чувств и идей. Он приходит к заключению, что только при четком изображении чувств произведение обретает живость и подвижность, становится одухотворенным. Мысли и чувства передаются в свою очередь с помощью языка, который должен меняться в зависимости от чувств, им выражаемых. Поэтому понятие языка и его интонации также включается в «фын».

Следовательно, «фын» — сложная оценочная эстетическая категория, охватывающая содержание в плане его эмоционального заряда, свойств живости и подвижности, а также языковых интонаций.

Слово «гу» означает костяк. В применении же к литературному произведению «гу» истолковывается Лю Се как «сила» (ли), богатство языка и содержания, изложенного в известном порядке, по определенному плану. Художественность литературного произведения возникает в том случае, если его язык — сильный, прямой и точный, ибо в этом случае содержание будет также сильным, прямым. «Художественное слово имеет такое же отношение к «гу», как человеческое тело к костяку», — написано в главе «Фын-гу». Иными словами, «гу» в языке — это то, без чего художественное слово становится аморфным и теряет свою выразительность. Таким образом, «гу», также как и «фын», подразумевает содержание и средство его выражения — язык, но уже не с точки зрения живости и подвижности, а с позиций силы выражения, правильности и равномерности.

Нам думается, что при толковании понятия «фын-гу» целесообразно вспомнить соответствующее ему, но более распространенное в китайском литературоведении понятие «ци-ли». Кстати, сам Лю Се наряду с термином «фын-гу» использует в том же смысле и термин «ци-ли» (См. главу «Гуи бянь»).

Лю Се считал, что для литературного произведения «фын» и «гу» важны в одинаковой мере, поэтому он говорил, что их значение для литературы подобно значению двух крыльев для птицы. Если в произведении есть «фын», но нет «гу», это значит, что написано оно живо, но бессодержательно, если же есть «гу», но нет «фын», то произведение имеет содержание, однако лишено живой силы и одухотворенности, или, говоря другими словами, чувства жизни.

Китайская эстетика V—VI вв. сделала чувство жизни важнейшей эстетической мерой прекрасного. С еще большей силой, чем Лю Се, требование чувства жизни от художественного произведения выразил современник Лю Се, крупный теоретик живописи и художник Се Хэ, создавший знаменитые «Шесть законов китайской живописи». Се Хэ в своем труде «Критические заметки о древней живописи» («Гу хуа пин лу»), созданном незадолго до 500 г., то есть вскоре после появления «Литературной мысли и резных драконов», выдвинул в качестве важнейшего критерия прекрасного в живописном искусстве «ци юнь шэн дун», что также означает требование отражения в искусстве живописи жизненной силы «ци» и движения, или, говоря по-иному, выражает чувство жизни. Очень интересное совпадение терминологии в обоих сочинениях. У Лю Се «фын», как мы видели, истолковывается через «ци», Се Хэ также говорит о «ци» в своем сочинении. Понятие «фын» Лю Се дополняет понятием «гу». Се Хэ во втором законе живописи также говорит о костяке «гу», понимая в данном случае под «гу» такое владение кистью, которое придает силу контуру. Из этого следует, что категория «фын-гу» в литературной критике того времени имеет близкую себе параллель в теории живописи — «ци-гу». Причем и теория литературы, и теория живописи исходят из одного эстетического начала — чувства жизни, силы, эмоционального богатства как важнейших критериев произведения искусства.

Характерно, что понятие «фын-гу» у Лю Се не затрагивает чисто стилистическую сторону литературы, то есть те ее качества, которые обозначались понятием «вэнь-цай». Лю Се пишет, что произведение литературы, которое имеет внешние стилистические достоинства, но не в достаточной мере обладает «фын-гу», подобно фазану, одетому в красивое оперение, но летающему низко и недалеко.

В «Литературной мысли и резных драконах» Лю Се выступает против таких художественных произведений, которые «пышны стилистическими украшениями и бедны чувством» (глава «Цин цай»). Он считает, что художественные достоинства и стилистические приемы тесно связаны с содержанием произведения, его эмоциональной стороной, поэтому в главе «Ли цэ» он утверждает: «Сердце порождает художественный язык литературы».

Произведение литературы, имеющее «фын-гу», но лишненное стилистических достоинств, Лю Се сравнивает с соколом, парящим высоко в небе благодаря своему крепкому костяку и отважному духу. Этим сравнением Лю Се говорит, что «фын-гу» в литературном произведении он ставит выше всяких стилистических красот. То произведение, в котором в равной мере есть и «фын-гу», и стилистические достоинства «вэнь-цай», Лю Се сопоставляет с прекрасной мифической птицей Фынхуан.

Лю Се против чрезмерного увлечения стилистическими красотами, ибо, по его мнению, это ведет к потере свежести и силы литературного творчества, делает произведение вялым, «неспособным к полету». Отсутствие или недостаточное выражение «фын-гу» в произведении влияет на сами стилистические его достоинства, которые без «фын-гу» блекнут и теряют силу. Идеальное литературное произведение должно иметь и «фын-гу», и «вэнь-цай».

Лю Се утверждает, что такое произведение можно создать, лишь беря для творчества в качестве образца труды классической конфуцианской литературы. Здесь мы подходим к вопросу об отношении Лю Се к конфуцианской классике и его взглядам на роль традиций в литературном творчестве. Для Лю Се, как впрочем, и для всех китайских мыслителей и теоретиков прошлого, Конфуций — непререкаемый авторитет. В последней главе своего труда Лю Се рассказывает о том, как он однажды увидел себя во сне, шедшим с красным обрядовым сосудом в руках вслед за Конфуцием, и как, проснувшись, чрезвычайно радовался этому сну. «За всю историю человечества никогда еще не было столь мудрого человека, как Конфуций!» — почтительно восклицает Лю Се в этой главе.

Лю Се замечает, что если бы до него не было талантливых комментаторов, то он посвятил бы свою жизнь лишь составлению комментариев к конфуцианским классическим сочинениям. Он далее пишет о том, что самое лучшее, что можно сделать для разъяснения взглядов конфуцианских мудрецов, это посвятить себя комментированию их сочинений. Однако в связи с тем что предшествовавшие комментаторы проделали уже большую и хорошую работу, ему, Лю Се, осталось лишь заниматься художественной литературой, которую он рассматривает тем не менее всего лишь как ветвь канонических

конфуцианских сочинений. Лю Се пишет, что время отодвинуло последующие поколения от эпохи классиков слишком далеко, поэтому и стиль художественной литературы постепенно снизился и отошел от классического, что и побудило его взяться за кисть и написать свой труд.

В работе над сочинением «Литературная мысль и резные драконы» Лю Се использовал в качестве образца труды конфуцианских мудрецов древности. Ссылаясь на различные высказывания Конфуция, Лю Се рассматривает его как высший авторитет при вынесении суждения о функциях литературных форм, сводимых конфуцианством к функциям политическим и моральным. Лю Се считал, что классические конфуцианские труды полностью раскрывают сущность литературы и ее незываемые принципы. Лю Се считал, что эти труды написаны с глубоким чувством, без какой-либо примеси искусственности, они правдивы, чисты по форме, просты, немногословны и красивы без излишеств. Он утверждал, что если писатель в своем труде будет опираться на конфуцианские каноны, то его работа приобретет качества, свойственные классическим трудам конфуцианцев.

Вслед за Конфуцием Лю Се разделяет утилитарный взгляд на поэтическое творчество и литературу в целом, но в эстетических и литературоведческих взглядах Лю Се есть один важный момент, отличный от традиционного конфуцианского понимания. Известно, что конфуцианская эстетика в целом была весьма равнодушна к чисто художественным достоинствам литературных произведений. Правда, сам Конфуций не отворачивался от прекрасного в искусстве, хотя и ставил это прекрасное ниже добродетельного. Однако большинство учеников и последователей Конфуция, по-видимому, недооценивали красоту литературы, предпочитая выражаемое ею моральное совершенство.

Хотя Лю Се также подчеркивал значение полезности и этической содержательности литературы, его основной интерес был обращен к прекрасному в ней. Этот интерес раскрывается Лю Се в самом названии его труда, ибо он имеет в виду такую литературу, которая стремится к прекрасной художественной форме и одновременно содержательна и эмоциональна. Недаром во второй части названия сочинения Лю Се литература сопоставляется с вырезанными из дерева прекрасными драконами, то есть дается известный в китайском искусстве образ, использованный здесь как символ определенной красоты в литературном творчестве. Название книги Лю Се возникло, с одной стороны, под влиянием Чжуан-цзы, а с другой — литературной группы Цзоу Ши, стиль которой сравнивали с резными драконами.

Однако Лю Се был против украшательства, столь не свойственного строгому и простому стилю древних конфуцианских канонов. Он был против такой красоты, которая походила бы на украшение поверх естественной окраски оперения птицы или ярко вышитого платка. Лю Се — за красоту умеренную и естественную. В главе «Куа ши», которая специально посвящена роли украшения в стилистике, он требует, чтобы «украшения были умеренны, а красота не фальшива». Для Лю Се красота литературы — это прежде всего красота ее языка. При этом он считает, ссылаясь на Мэн-цзы, отрицавшего вредность для идей известных языковых преувеличений, что литературе не следует бояться украшений и преувеличений, ибо, по его мнению, литература должна создавать красивые словесные формы, способные глубоко тронуть чувства человека. Но красивый язык, по Лю Се, — это отнюдь не изощренный, поверхностный и фальшивый язык тех писателей, которые стремятся поразить читателя необычностью и новизной. Такой язык, как подчеркивает Лю Се, уводит литературу все дальше от ее основы и в конце концов может привести ее на ошибочный путь.

Лю Се высоко ценит художественность искусства. Он различает художественность трех видов: художественность изобразительной формы, выражаемую цветом; художественность звуковую, выражаемую музыкой, и эмоциональную художественность, определяемую человеческими чувствами.

Однако понятие художественности у Лю Се в основном ограничивается художественной формой, которую он называет словом «вэнь» (то есть так же, как и художественную литературу). С понятием «вэнь» как художественной формой в китайской конфуцианской эстетике тесно связывается понятие «чжи», означающее некое первородное содержание произведения, независимое от его идейно-моральной стороны и художественности. Этому содержанию «чжи» Лю Се подчиняет художественность. В главе «Цин цай» он пишет, что художественность «вэнь» полагается на «чжи» и что «чжи» в свою очередь необходимо «вэнь». Определив отношение «вэнь» и «чжи», Лю Се далее приходит к выводу, что эти две категории в свою очередь находятся в зависимости от чувств писателя, то есть придает исключительно большое значение эмоциональной основе художественного творчества.

Касаясь вопроса об эмоциональной роли литературы, Лю Се опять возвращается на позиции традиционной конфуцианской эстетической мысли, уделявшей большое внимание роли чувств в искусстве. Лю Се считает, что внутренние чувства писателя в конечном счете и определяют литературную форму и красоту языка. Отсюда следует его вывод о чувствах как основе литературных образов. Если эмоциональная основа произведения достаточна, то в процессе творчества возникает и необходимая языковая материальная ткань.

Свое отношение к поэтическому творчеству предшествовавших эпох Лю Се определяет в зависимости от степени эмоциональности этого творчества. Он с большой похвалой отзывается о поэтах древности прежде всего потому, что их творчество определялось чувствами, в то время как более поздние поэты (например, ханьские, писавшие стихи в жанре «фу») подгоняли чувства под литературные формы.

Таким образом, Лю Се утверждает, что литературная форма возникает как результат эмоционального состояния поэта. Настаивая на важности искреннего чувства для литературы, Лю Се одновременно отмечает и необходимость его соответствующего литературного выражения, то есть передачи его в определенной литературной форме. Отсюда Лю Се выступает против трафаретности форм, ибо старые, примелькавшиеся формы не могут выразить новых чувств, возникающих в человеке «в зависимости от смены времен года», как он выразился.

Указывая на важность правдивых чувств писателя, Лю Се проявляет склонность к естественности и непосредственности литературного творчества. Поскольку для Лю Се лучший образец естественности — сама природа (здесь нельзя не видеть воздействия эстетики даосизма), постольку он призывает следовать природе и не идти против нее, ибо отказ от следования природе ведет к истощению духовных сил человека. В конечном счете именно влияние природы вызывает в человеке естественные чувства, которые и определяют литературную форму творчества.

Выше мы отметили, с каким уважением относился Лю Се к сочинениям классического конфуцианства и его традициям, однако на основании этого было бы неправильно утверждать, что взгляды Лю Се были консервативны. Отдавая на словах необходимую дань конфуцианскому традиционализму (а иначе и не могло быть в его эпоху), Лю Се фактически находился с традиционализмом в резком противоречии. Об этом свидетельствует его тезис о развитии литературы в соответствии с потребностями времени. Он указывает, что литературное творчество изменяется в соответствии с новой эпохой, наделяющей литературу новыми качествами и дающей писателю свежий и новый подход к действительности (глава «Тун бьянь»).

Призывая почитать конфуцианских классиков, Лю Се одновременно выступает против преклонения перед древностью и осуждает типичную для конфуцианства недооценку современной эпохи. В этом нельзя не видеть прямого влияния на Лю Се взглядов Ван Чуна, с творчеством которого он был хорошо знаком, а также позднего даосизма. В «Литературной мысли и резных драконах» имеются прямые ссылки на сочинения Ван Чуна.

Отдав дань уважения конфуцианским авторитетам в первой части своего сочинения, Лю Се в дальнейшем все более отходит от канонических требований конфуцианства, посвящая вторую половину «Литературной мысли и резных драконов» разбору чисто литературных проблем. Интересно, что лишь только один из определенных им восьми литературных стилей имеет отношение к каноническим конфуцианским сочинениям — «Книге истории» и «Книге песен». Поэтому, говоря об отношении Лю Се к конфуцианской традиции, нельзя не согласиться с выводом, что во взглядах Лю Се традиция играет точно такую же роль, как любой другой литературный элемент.

В истории китайской эстетической мысли важное место занимает проблема творческого процесса в искусстве, поскольку именно в теории творчества чаще всего утверждались новые взгляды. Создавая свою теорию творчества, каждый мыслитель был не столько связан конфуцианской традицией, как это было в других вопросах, а руководствовался прежде всего своим личным творческим опытом.

Большинство мыслителей, следуя за древними китайскими философами, подчеркивали, что в творчестве необходимы данное природой дарование и тяжелый труд, учеба и эрудиция. Лю Се в этом отношении не составлял исключения — он требовал от писателя и того и другого. Мы уже видели, что для Лю Се творчество — эмоциональный процесс. Конфуцианская эстетика задолго до Лю Се пришла к выводу, что музыка и поэзия представляют собой результат эмоционального возбуждения человека под воздействием внешних обстоятельств. Лю Се заимствовал этот вывод. В главе «Мин ши» он пишет о том, что «человек обладает чувствами, которые возбуждаются от соприкосновения с вещами». Повторив в главе «У сэ» эту же мысль, Лю Се развивает ее в следующем направлении: «Художественное слово возникает на основании чувства». Таким образом, Лю Се считает, что эмоциональная жизнь писателя имеет свое основание во внешнем мире вещей, а его творческие достижения в свою очередь основываются на эмоциональной жизни. Поскольку чувства человека столь важны для творчества, постольку и сам человек в глазах Лю Се приобретал особую ценность, он для Лю Се «душа неба и земли», «лучшее, что есть в пяти элементах мира» (глава «Юань дао»). Однако, по мнению Лю Се, художественное творчество не ограничивается лишь чувствами, оно требует и работы человеческого разума. Отмечая в главе «Цин цай», что «чувства представляют собой основу литературы», он далее указывает на то, что в результате движения чувств формируется слово, но чтобы это слово стало явлением литературы, требуется «движение разума» (глава «Тун син»).

Если литературное произведение возникает на основе чувств, подсказанных автору теми или иными обстоятельствами, оно, как считает Лю Се, будет отвечать законам художественного творчества. Когда же чувства, выраженные в произведении, не основаны на реальных событиях, а созданы писателем для литературы, такое произведение не вызовет у читателя слез, оно оставит его холодным, поскольку сердце писателя не испытывало горькую муку, и он, хотя и изобразил богатство чувств, однако не выразил всей глубины «душевной правды» (главы «Цин цай», «Ай дяо»). В главе «Шэнь сы» Лю Се вскользь касается проблемы соотношения эмоционального богатства внутреннего мира писателя с его талантом. Он указывает, что чем богаче мир чувств, возникающий в человеке под воздействием его сближения с природой, тем больше проявляется и его талант. «Когда поднимаешься на горы, чувства переполняются горами, когда смотришь на море, рассудок до краев полон морем, вместе со стремительным полетом ветра и облаков проявится и то, насколько велик мой талант».

Лю Се рассматривает вопрос о таланте писателя также в главе «Фын гу». Он выражает убеждение, что писатель не может стать гением, ибо им нужно родиться. Однако гениальность, как бы она ни была важна сама по себе, составляет лишь половину дела, другая половина зависит от опыта писателя и его образованности. Писатель может надеяться избежать бедности в выражении своих мыслей только при условии, если он накопит богатый опыт и будет широко знаком с литературой.

Для своей эпохи Лю Се выдвинул интересную и глубокую концепцию литературы. Прежде всего он утверждал, что литература не только развивается во времени, но что это развитие имеет свои закономерности, которые можно установить путем сопоставления различных явлений. Изучая историю китайской литературы, Лю Се пришел к выводу, что литература развивается и по форме, и по содержанию от простого к сложному. Развитие литературы происходит циклично и непрерывно, а ее достоинства со временем все более возрастают и обновляются. Лю Се подчеркивает необходимость изменения литературы в зависимости от времени, причем эти изменения связаны с характером эпохи. «Изменения литературы зависят от характера эпохи, ее расцвет и упадок связан с изменением эпохи», — утверждает Лю Се в главе «Ши сюй». Жизненность и сила литературы, согласно Лю Се, также представляют собой показатель постоянных изменений, которые в ней происходят. Лю Се требовал от писателя самобытности и непохожести на других в творчестве. Он, например, резко критиковал оды — «цыфу» — ханьских поэтов (Сыма Сян-жу, Ян Сюна, Мэй Шэня, Чжан Хэна и др.) за однообразие.

Лю Се дал глубокое изложение принципов литературной критики своей эпохи. Он требовал от критика широкого знакомства с литературой и чувства ценности ее, способности ощутить в слове подлинные эмоции писателя, считал, что, лишь умея проникнуть в духовный мир писателя, критик может определить эстетическую ценность произведения. Лю Се был убежден, что критик должен судить о литературе невзирая на авторитеты. Отсюда он делал вывод о том, что критик не должен переоценивать древних писателей, авторитет которых очень высок, и недооценивать своих современников. В качестве критерия оценки литературных произведений Лю Се выдвигает к их творцу следующие требования: талант, данный природой, полнота чувств, стиль, отвечающий требованиям художественности языка, моральная убежденность и сложившаяся система взглядов на жизнь, глубокие всесторонние знания и т. д.

От художественного литературного произведения Лю Се требовал эмоциональности, которая бы составляла его дух, отражения реальных явлений, что дало бы произведению костяк, образцового языка, который бы составил плоть произведения и его музыкальность.

Рассматривая относительную важность этих элементов, Лю Се обнаруживает хорошее чувство баланса между ними. В его представлении эмоциональность, красота языковой формы и полнота чувственного содержания уравновешивают друг друга.

Однако прекрасное у Лю Се — это прежде всего естественное. Критерии этого прекрасного Лю Се вслед за даоской эстетикой находил в природе. «Траве, деревьям и большим цветам, — говорил он, — не требуется удивительное искусство мастеров парчи».

В эстетике Ван Чуна, завершившего развитие древней китайской эстетической мысли, было выдвинуто требование правдивости («ши») в искусстве, которую Ван Чун истолковывал как прекрасное, но прекрасное простое и естественное, близкое к природе. Эту идею правдивости мы находим и у Лю Се. «Опирайся на чувства и стремись к правдивости», — пишет Лю Се в главе «Цин цай». Нам думается, что известное совпадение эстетических идеалов Лю Се и Ван Чуна отнюдь не случайно, хотя здесь может идти речь не столько о влиянии, сколько о единых эстетических и литературно-критических позициях, определенных борьбой против литературы пышной, нарядной, но пустой и бедной чувствами, за литературу содержательную, эмоционально богатую, прекрасную, но простую и естественную. Поэтому название труда Лю Се «Вэнь синь дяо лун» можно было бы перевести на русский язык более точно как «Литература, написанная сердцем, и прекрасная, как резные драконы».

Страницы давней дружбы

(Тема Вьетнама в русской литературе XIX века)

Н. И. Никулин,

доктор филологических наук

В наше время стали обычными контакты между писателями СССР и СРВ, взаимные визиты и встречи. Для советских писателей тема Вьетнама, который символизирует мужество и непреклонность в борьбе за независимость и национальное освобождение, стала близкой и знакомой. Пожалуй, ни об одной другой стране в СССР за эти годы не было написано так много и с такой горячей симпатией, как о Вьетнаме. В 1973 г. в Москве вышли в свет две книги, которые подводят итог этой литературной работы в поддержку справедливой борьбы вьетнамского народа: в книге «Вьетнам в борьбе» собраны произведения писателей СССР и других социалистических стран о Вьетнаме, а объемистый том, названный «Солидарность», — литературно-художественный сборник, в котором объединены очерки, стихи, пьесы 47 советских авторов, посвященные Вьетнаму, — дает представление о том, как волнует советскую литературную общественность судьба братского вьетнамского народа, о том, как глубоко вошла эта тема в советскую литературу, в творчество писателей, создающих свои произведения на многих языках народов СССР. Хочется подчеркнуть взаимный характер этого стремления наших писателей рассказать своим читателям о жизни народов наших стран: в СРВ опубликовано немало очерков и стихов вьетнамских писателей об СССР. В 1973 г. некоторые из них были переведены и изданы у нас в сборнике «Твоим именем...». Все это характеризует литературные контакты наших народов в эпоху социалистического развития.

В предшествующие периоды характер и интенсивность контактов были качественно иными. Проникновение темы Востока, создание образа человека того или иного народа Азии, той или иной страны Востока в литературах Европы, в том числе в русской литературе XIX в., явилось конкретным проявлением процесса, охарактеризованного К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» как формирование из местных и национальных литератур литературы всемирной; ее образование рассматривалось основоположниками марксизма-ленинизма как закономерность, возникающая в период буржуазного развития. Всеобщность взаимосвязей как материальной, так и духовной жизни нации приводит, в частности, к расширению тематического диапазона литератур Запада и Востока, расширению идейно-эстетического кругозора писателей и поэтов. Нгуен Чыонг То, вьетнамский реформатор середины XIX в., упоминает о русском царе-реформаторе Петре I почти одновременно с тем, как русский писатель К. М. Станюкович пишет свои очерки о Вьетнаме «Французы в Кохинхине» (1864). Возможно, что дальнейшие разыскания внесут поправки в нынешние представления, но, по-видимому, можно считать, что Станюкович — это первый из выдающихся русских писателей, писавших о Вьетнаме.

Прежде чем сравнительно подробно рассказать о вьетнамской теме в творчестве Станюковича, мне хотелось бы кратко остановиться на нескольких русских авторах, писавших о Вьетнаме в конце XIX — начале XX в. Несомненно, что их было больше, чем мне удалось обнаружить, однако в определенном смысле приводимые ниже примеры типичны.

Юго-Восточная Азия, в том числе Вьетнам, представлялись художественному сознанию ряда писателей Запада в конце XIX в. как некий экзотический край, полный диковинных, невиданных зверей, растений, с необычными людьми, странным укладом жизни. Такой взгляд был характерен для создателя французского так называемого колониального романа Пьера Лоти. Дань подобному взгляду отдала и русская литература, в частности в лице поэта Н. Гумилева. Его уход в экзотику Африки, стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии был формой неприятия мешанской узости миро-созерцания. В сборнике «Фарфоровый павильон» (1918) Н. Гумилев создал в некоторых стихах идеализированную картину жизни патриархального общества Вьетнама, сумев передать чувство гармонии природы и человека, очевидно возникшее под влиянием знакомства с лирикой в литературах стран Дальнего Востока.

Экзотическое восприятие Вьетнама характерно также для записок русского писателя В. В. Крестовского, который побывал в Сайгоне летом 1880 г., совершая кругосветное плавание. Это всего лишь туристические впечатления, рассказы о необычном, что видел путешественник в Сайгоне (ароматный жук, ящерицы, ползающие по стенам и т. д.), изложенные в главе книги «В дальних водах и странах», вышедшей в собрании сочинений В. В. Крестовского (т. VI) в 1899 г. Он не сумел увидеть народной жизни, но не выказал по отношению к населению тогдашней колонии какого-либо пренебрежения, которое было очень обычным для европейских журналистов в то время.

В качестве курьезного эпизода следует отметить, что русские уральские казаки в поисках некоей райской «земли обетованной» Беловодии приезжали морем в Сайгон в конце XIX в. Это осталось бы эпизодом, не заслуживающим внимания, если бы участник поездки Г. Т. Хохлов не написал книгу «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство» (1903), напечатанную при содействии В. Г. Короленко, который предпослал книге свое предисловие. Главное повествование простого крестьянина имеет свою прелесть. Стиль книги подкупает непосредственностью. «Мы обрадовались. Думаем себе, что достигли до Беловодии...»¹, — писал Г. Т. Хохлов о своих впечатлениях от Сайгона, который поначалу казаки приняли за рай, долго искали в нем православные церкви, но так и не нашли. В книге запечатлены небольшие уличные сценки Сайгона того времени, проникнутые дружелюбным отношением к простым людям.

Но очевидно, что в истории дружбы русского и вьетнамского народов особое место должно быть отведено выдающемуся писателю-демократу К. М. Станюковичу, которому довелось побывать во Вьетнаме в 1863 г., в трудное для вьетнамского народа время борьбы за национальную независимость против колониальных завоевателей. Советские люди могут с полным основанием гордиться своим замечательным земляком: Константин Станюкович, тогда двадцатилетний русский моряк, оказавшийся волею случая во Вьетнаме в ту грозную для вьетнамского народа годину, сумел прийти к ясному пониманию происходивших событий, он заклеймил позором колониальную разбой, явился выразителем взглядов передовых слоев русского общества того времени, сочувствовавших антиколониальной борьбе народов.

К. М. Станюкович (1842—1903) был одним из тех прогрессивных писателей второй половины XIX в., общественно-политические и эстетические взгляды которых сформировались под влиянием освободительного движения в России в период падения крепостного права. Под воздействием передовых идей эпохи Станюкович еще в юношеские годы отказался от привилегий касты, к которой он, сын адмирала русского флота, принадлежал по рождению и воспитанию, и связал свою судьбу с демократическим лагерем; он стал последователем русской революционной демократии 1860-х годов и вместе с передовыми людьми своего времени выступал против царизма, деспотии, насилия.

Станюкович известен как писатель, обличавший пороки буржуазно-помещичьего общества, как автор замечательных рассказов о моряках. За связь с революционной эмиграцией и за деятельность, направленную против царского правительства, Станюкович был арестован в апреле 1884 г. и после годичного тюремного заключения отправлен в Сибирь, где находился до 1888 г. Террор не сломил свободолюбивого духа писателя-демократа, и он, несмотря на гонения и преследования, остался верен своим идеалам.

Пребыванию Станюковича во Вьетнаме предшествовали события, имевшие определяющее значение для всей его личной и писательской судьбы. Отец будущего писателя (его окружающие за глаза звали «грозным адмиралом»), человек деспотического характера, определил Станюковича в морской корпус (училище), но сын тянулся к литературному поприщу и решил уйти с морской службы в университет. Однако «грозный адмирал» распорядился отправить юношу в море, чтобы «выбить дурь из головы» и исправить сына, «зараженного вредными идеями». В конце 1860 г. Станюкович ушел в кругосветное плавание. До 1863 г. он плывал на различных судах русской тихоокеанской эскадры, посетил многие страны. Находясь в плавании, будущий писатель не оставлял литературных занятий, он писал очерки и заметки о виденном и услышанном, а впоследствии использовал все это в качестве основы для своих морских рассказов и автобиографической повести «Вокруг света на „Коршуне“» (1895), в которой обобщил впечатления, вынесенные из кругосветного плавания.

По приказу командира эскадры адмирала А. А. Попова, Станюкович был направлен в Сайгон, о чем сам писатель сообщал 27 января 1863 г.: «Накануне снятия с якоря из Сингапура, чтоб идти в Калькутту, адмирал Попов призвал меня и объявил, что посылает с депешами в Сайгон...»

Жизненный материал, наблюдения и размышления, почерпнутые во время этой поездки, изложены были в очерках «Французы в Кохинхине», опубликованных во 2 и 3 номерах «Морского сборника» за 1864 г. В среде русского морского офицерства тогда были более распространены передовые веяния, чем среди офицеров сухопутной

¹ Г. Т. Хохлов. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». Спб., 1903, стр. 76.

армии, поэтому появление очерков Станюковича именно в «Морском сборнике» закономерно.

Молодой писатель явно тяготел к реалистическому изображению жизни. Человек, ненавидевший феодально-крепостнические порядки царской России, он с сочувствием писал о тяжелом положении вьетнамского крестьянства, замученного поборами. Отдавая должное мужеству вьетнамского народа, Станюкович отмечал, что «национальная гордость», «привязанность к месту родины»² и есть причины, «довольно объясняющие ту храбрость и стойкость, кои они выказали в борьбе с французами»³. Станюкович писал, что «часто целые деревни, застигнутые неприятелем врасплох без вождей, не просили помилования, не переходили на сторону французов... они защищались по возможности или удалялись; попавшие же в плен умирали героями»⁴.

Русский писатель запечатлел образ вьетнамской земли, истерзанной колонизаторами, и народ, поднявшийся на борьбу. Станюкович сумел увидеть и красоту вьетнамской природы, которая пленила его, как и многих европейцев, но не одна лишь она привлекла его внимание. Писатель так описывает путешествие по одному из протоков Меконга: «Вот на высоком кокосе, на самой его кроне, сидит манки, с удивлением смотрит она на приближающийся пароход и точно увидеть всех хочет: так ловко она перепрыгивает с дерева на дерево и, наконец, совсем скрывается от наших любопытных глаз в густую зелень. Попугай перелетывает с места на место. Зеленые красивые голуби с шумом оставляют ветвистую пальму, где сидели они, и садятся дальше»⁵.

Взгляд писателя останавливается на необычном для русского человека, но в описаниях ощущается стремление к реалистической выразительности, краткости, «лепке словом». Писатель идет дальше чисто внешних наблюдений путешествника, проникая в сущность народной жизни Вьетнама того времени. «Но невеселы эти берега», — отмечает он и прерывает идиллическую картину природы красноречивыми приметами разрушающейся драмы: «Много было разрушенных и выжженных селений по берегу. Печально стояли обгорелые дома у берега; тянулись вдаль рисовые (уже обжатые) поля, так что и глаз не видит, где они кончаются. Но все это пусто, мертво, дома пусты, жители ушли из них, оставя там все, кроме своего оружия — пики или топора»⁶.

В своей пейзажной зарисовке Станюкович сумел выразить и горечь страданий простых людей Вьетнама, и высокий дух всенародного сопротивления захватчикам. Хозяином колонизаторов он характеризовал как «деспотическое и не понравившееся народу». Станюкович высмеивал «ученые труды» неких французских ученых, силившихся наивно объяснить колониальный захват каким-то «справедливым возмездием»: «Вот как наивно объясняют завоевание Кохинхины господа академики. Нечего прибавлять, что и дитя неразумное не поверит, что месть за убийство миссионера, да вдобавок испанца, была единственной причиной завоевания богатой колонии, в чем уверяет книга. Как там ни старайся французское правительство доказать это через своих верных адептов — это будет всегда фразой, не более...»⁷

Изображенные Станюковичем драматические сцены периода колонизации Вьетнама, проникнутые искренним уважением к борющемуся народу и ненавистью к его поработителям, волновали передовые умы русского общества. Станюкович с негодованием рассказывает, например, в своих очерках известный ему случай, отмечая вновь и вновь мужество вьетнамцев. «Жизнь в плену у неприятеля аннамиту кажется позором, — писал Станюкович, — и он в случае помилования (впрочем, это и редко случается) гордо просит смерти»⁸.

«Когда после небольшой перестрелки, — повествует Станюкович, — взяли в плен нескольких аннамитов, кажется человек десять, то храбрый commandant в воинственном азарте велел всех их перевешать. Девять уже висели на масляничных деревьях. Приходилась очередь десятому — еще ребенку, — славному мальчику лет 16 <...> Заговорило сердце в алжирском commandant'e, и он велел его оставить»⁹. Но подросток гордо попросил смерти. Русский писатель-демократ с возмущением описывает эту сцену расправы над вьетнамскими патриотами, обличая палачей вьетнамского народа.

Столь же реалистически изображает Станюкович картинки издевательства «цивилизованных» захватчиков над вьетнамцами. «Я говорил раньше и подробно про обращение французов с пленными, однако не сказал еще о том возмутительном обращении, которое вы увидите на улице, хоть в Сайгоне... Один мой знакомый французский поручик, часто, за чашкой кофе, осуждая свое правительство за деспотизм, находил между

² К. Станюкович. Французы в Кохинхине. — «Морской сборник». 1864, № 2, стр. 287.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ К. Станюкович. Указ. соч., 1864, № 3, стр. 127.

⁶ Там же.

⁷ К. Станюкович. Указ. соч., № 2, стр. 274.

⁸ Там же, стр. 287.

⁹ Там же.

прочим удовольствие видеть испуг бедного туземца, когда поручицья собака, приученная бросаться на каждого аннамита, прокусывала ему ляжку...»¹⁰.

«Пройдет ли аннамит, — пишет далее Станюкович, — смотришь, какой-нибудь забияка сублейтенант так и поровит дать ему щелчка под нос или ударить кулаком в зубы. На каждом шагу желание унижить и оскорбить бедняка, а проделки с женщинами до того грязно возмутительны, что и в печать не идут»¹¹.

В этом возмущении молодого писателя проявились и его взгляды демократа, и характерное для русского народа отсутствие националистических и расовых предрассудков.

«Проплавав три года и большей частью по английским колониям, — писал Станюкович, — я сперва был удивлен английским обращением, но после и удивляться перестал, как какой-нибудь кровный джентльмен хладнокровно, жестоко отпустит палок десять по спине, по лицу, по чему попало не давшему ему дороги китайцу и пойдет далее, не обращая вовсе внимания на него, трясущегося и плачущего от боли и страха. Десятки подобных сцен, случающихся ежедневно, не возмущают никого... Я видел, что и хорошенькие леди смеялись, когда их мужья или братья чуть не колотили китайцев, и смеялись так мило, беззаботно, выказывая ряды славных белых зубов, что со стороны брала досада на их каменные натуры и на здоровые нервы»¹².

Кроме изображения конкретных картин, случаев и явлений, характерных для традиций русского реалистического очерка середины XIX в., которые развивал в своей ранней художественной публицистике Станюкович, ему были свойственны сатирические и обличительные тенденции. Встречаем мы в его очерках и несколько наивную, в духе Вольтера и других французских просветителей XVIII в. идеализацию старой вьетнамской административной системы, полные иронии и горечи слова о деятельности католических миссионеров во Вьетнаме, в которых русский писатель с полным основанием видел пособников колониализма.

Очерки Станюковича дышат ненавистью к колониальным порядкам и колониальному гнету, которые он воспринимал сквозь призму своих антикрепостнических и демократических убеждений.

По возвращении из кругосветного плавания Станюкович вышел в отставку в чине лейтенанта и посвятил себя литературному труду.

В историю русской литературы Станюкович вошел прежде всего как замечательный художник, сумевший с большим мастерством и правдивостью рассказать о морских просторах, о русском флоте и русских моряках. Именно поэтому он заслужил в литературе славу «флагмана русской маринистики». Знамениты его морские рассказы, по некоторым из них поставлены известные кинофильмы («Максимка» — о маленьком негртенке, попавшем на русский военный корабль). Большой популярностью пользуется его повесть «Вокруг света на „Коршуне“». Герой повести — юный моряк мичман Ашанин (этот образ автобиографичен) — ненавидит крепостнические порядки, ему свойственны прогрессивные демократические взгляды, он мечтает о том времени, когда не будет социальной несправедливости, гнета. И вот он попадает во время кругосветного плавания во Вьетнам, где французская буржуазия затеяла захватническую войну с целью приобретения колонии, прикрываясь лицемерными разговорами о какой-то своей «цивилизаторской миссии». И «эти «друзья», — пишет Станюкович, — озверевшие от войны, жгли деревни, уничтожали города и убивали людей»¹³. Писатель с негодованием добавляет: «И все это называлось цивилизацией, внесением света к дикарям»¹⁴. Герой Станюковича, противник расизма, с удивлением убеждается, что французский офицер Неверле, «красивый, изящный брютет», травит собаками вьетнамцев. «...Ашанин убедился, что этот молодой блестящий офицер смотрит на темные расы с ненавистью и презрением, не допускающими никаких сомнений. <...> Вообще же большая часть офицеров, с которыми Ашанин встречался, не произвела на него хорошего впечатления, а система жестокости, проявляемая ими относительно возмущившихся, просто поражала его впоследствии»¹⁵. И Станюкович рассказывает устами своего героя слышанные им истории:

«...Победители (колонизаторы. — Н. И.) после битв добивали раненых, и Ашанину во время его пребывания в Кохинхине не раз приходилось слышать в кафе, как какой-нибудь офицер за стаканом вермута хвастал, что тогда-то повесил пятерых ses chiens appamités, как его товарищ находил, что пять — это пустяки: он во время войны десятка два вздернул... И все это рассказывалось шутя, при общем смехе, точно самое обыкновенное дело»¹⁶.

¹⁰ К. Станюкович. Указ. соч., № 3, стр. 149.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 149—150.

¹³ К. М. Станюкович. Вокруг света на «Коршуне». М., 1956, стр. 365.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 351—352.

¹⁶ Там же, стр. 354.

С восхищением говорится в повести Станюковича о решительном и энергичном вожде патриотов Чыонг Дине. Описана экспедиция колонизаторов, которые захватили форт Го-Конг, но все было напрасно — там было пусто. «Куан-Дин в ночь ушел со всем войском в Камбоджу. Таким образом экспедиция закончилась полнейшей неудачей»¹⁷.

Очерки и повесть К. М. Станюковича, проникнуты чувством симпатии к угнетенным народам колоний, ярко и реалистически изображают картину колониального разбоя во Вьетнаме, они противостоят экзотическим описаниям так называемого колониального романа. И сегодня, через столетие, до нас доносится взволнованный голос замечательного русского писателя-демократа, друга вьетнамского народа.

Советский писатель Леонид Соболев, побывавший во Вьетнаме в годы борьбы против американской агрессии, так сказал о творчестве Станюковича: «Станюкович любил образ корабля, легко несущегося по голубой глади океана под ровным постоянным пассатным ветром, надувающим его многоярусные паруса. Не так ли и литературный талант его, наполнив свои паруса вечным океанским ветром, верным спутником молодости, вышел на безмерные просторы времен, сам не заметив, где перешел он таинственную грань между забвением и бессмертием, подобно тому как идущий в дальнем плавании корабль не замечает меридианов, пересекаемых им».

¹⁷ К. М. Станюкович. Вокруг света на «Коршуне». М., 1956, стр. 364.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критика теорий японских буржуазных экономистов

В последнее время советские ученые активно ведут исследования различных сторон жизни современного японского общества. Появились фундаментальные труды по философии и социологии Японии, по японской художественной литературе и т. д.¹ К числу подобных работ относится и монография Е. А. Пигулевской². Теориям экономического роста принадлежит сейчас одно из центральных мест в буржуазной политической экономии вообще, в том числе и в буржуазной политической экономии Японии.

Автор поставил перед собой цель: дать критический анализ теорий экономического роста японских буржуазных экономистов, показать общие тенденции в развитии современной японской буржуазной политэкономии и кризисные процессы, в ней происходящие. Ознакомление с этими теориями важно для понимания особенностей выполнения буржуазной политэкономией Японии не только ее идеологической, но и практической функции — обоснования методов государственно-монополистического регулирования экономики, а также разработки стратегии и тактики борьбы монополистического капитала с рабочим движением и другими прогрессивными силами страны.

Монография состоит из семи глав. В первой дается общая характеристика буржуазной политэкономии Японии на современном этапе общего кризиса капитализма. Следующие четыре главы посвящены рассмотрению неокейнсианских и неоклас-

сических теорий экономического роста, эмпирическому направлению в буржуазной политэкономии Японии, концепции конъюнктурного цикла. Логическим продолжением этих глав является следующая за ними 6-я глава, в которой подвергнуты марксистскому анализу теории экономической политики, включая как «либералистские», так и «этатистские» концепции об отношениях между монополиями и современным буржуазным государством, концепции кредитно-финансовой политики. В заключительной, 7-й главе показан кризис современной буржуазной политэкономии Японии, обусловленность этого кризиса в сфере науки реальными процессами экономического и социального развития, включая экономический кризис, инфляцию, острые социальные конфликты сегодняшней Японии.

В современной японской буржуазной политэкономии теории экономического роста, трактующие проблемы воспроизводства с позиций вульгарной буржуазной политэкономии, стали теоретическим фундаментом государственно-монополистического регулирования экономики.

Буржуазные теории экономического роста развиваются по двум основным, в одинаковой степени вульгарным направлениям — неокейнсианскому и неоклассическому. И то и другое направления имеют в своей основе апологетическое содержание — оба они постулируют равновесный, то есть бескризисный, характер экономического роста и «справедливое распределение».

В середине 50-х годов, когда восстановление экономики было в основном завершено, для Японии, потерпевшей поражение в войне, первостепенное значение приобрела задача упрочения и расширения ее позиций в мировой экономике. Эта задача требовала ускорения темпов экономического развития и повышения конкурентоспособности японской промышленности.

Особую актуальность приобрела в этих условиях «политика роста». Проблемы регулирования экономики и его важнейшего аспекта — программирования выдвинулись на первый план (стр. 30).

Развитие экономических исследований в стране находилось в тесной связи с экономикой. Большинство японских эконометриков занимались прикладными исследованиями — практической разработкой эконометрических моделей, опираясь на методологию и орудия анализа зарубежных экономистов. Эти модели использовались для составления экономических планов и про-

¹ См., например, Б. В. Поспелов. Очерки философии и социологии современной Японии. М., 1974; Ю. Б. Козловский. Современная буржуазная философия в Японии. М., 1977; К. Рехо. Современный японский роман. М., 1977.

² Е. А. Пигулевская. Теория экономического роста в буржуазной политэкономии Японии. «Наука», М., 1976, 294 стр.

гнозирования экономики. В области методологических исследований и теории эконометрики их работы дали гораздо более скромные результаты, подчеркивается в монографии. Японский экономический еженедельник «Экономисутто» отмечал, что «гипертрофированный утилитаризм» наносил ущерб эффективному эконометрическому анализу, тормозя его прогресс³.

Главными центрами японской буржуазной экономической мысли остаются университеты. Здесь осуществляются основные фундаментальные экономические исследования. Вместе с тем в монографии показано, что с середины 60-х годов в научной жизни Японии возрастает роль различных исследовательских центров и других научных учреждений, обществ и ассоциаций. Потребность в самостоятельном развитии японской экономической науки выдвинулась на первый план, и это стимулировало создание специальных исследовательских органов и институтов (стр. 39).

Теоретические исследования японских буржуазных экономистов приобрели определенную направленность — концентрацию усилий на создании «собственных» теорий, отражающих специфику японского государственно-монополистического капитализма.

Среди подобных «собственных» теорий прежде всего следует отметить теорию экономического роста кейнсианца О. Симомура, пытавшегося решить проблемы капиталистического воспроизводства с помощью активной политики государства, а также теорию конъюнктурного цикла С. Фудзиро. Завершение многолетних эмпирических исследований привело к созданию профессором К. Окава «Исторической модели роста» с ее апологетической концепцией «ускорения тренда» как основной закономерности развития японской экономики с начала нынешнего века.

Школа Кэйю, руководимая профессором К. Судзимура и К. Курода, выступила с «моделью общего экономического равновесия» применительно к японской экономике (так называемой моделью КЕО), анализирующей межотраслевые связи. Задача, поставленная этими буржуазными экономистами, — создать модель, которая связала бы экономическую теорию с экономической политикой, и дать возможность в условиях «смешанной экономики» избежать ошибок в выборе экономической политики. Теории экономической политики Х. Кумаган, Р. Комина, Р. Тати, Ц. Ватанабэ, Р. Цукун, Я. Мураками и других развивали идеи неоклассического синтеза и возрастания роли государства в «смешанной экономике» как основы экономической политики.

Создатель новой «японской» теории кредита Е. Судзюки доказывал, что «необходима не импортная», а «собственная» японская теория кредита, которая стала бы теоретическим фундаментом преобразований, связанных с новым «историческим поворо-

том» японской экономики и изменением структуры кредита». Важным направлением экономической теории стали футурологические исследования.

На основании всего этого Е. А. Пигулевская, как представляется, вполне закономерно приходит к выводу, что своеобразные позиции японских буржуазных теоретиков позволяет говорить о формировании японской школы как особого направления буржуазной политэкономии (стр. 42). На современном этапе японская буржуазная наука выступает в новом качестве, занимая «равноправные» позиции в мировой буржуазной политэкономии. Время, когда Япония лишь импортировала зарубежные идеи, теперь уже прошло. Произведения японских буржуазных экономистов получили доступ на страницы ведущих теоретических экономических журналов, издаваемых в США, а также в Англии и в других странах Западной Европы. Это изменение в международной роли японской буржуазной политэкономии представляется весьма важным для анализа тенденций развития буржуазной экономической науки в целом.

Переходя далее к более детальному критическому рассмотрению отдельных буржуазных теорий экономического роста в Японии, автор останавливается на деятельности О. Симомура, экономического советника и одного из влиятельнейших членов «мозгового треста» премьер-министра Х. Икэда (1960—1964), сыгравшего важную роль в становлении кейнсианского направления в Японии.

На взглядах Симомура сказалось влияние виднейших представителей неокейнсианской школы Запада. Однако он выступил также и с новыми оригинальными идеями. Симомура развивал идею Кейнса о невозможности расширенного воспроизводства без участия государства и необходимости государственно-монополистического регулирования, но критиковал такие кардинальные положения последнего, как равновесие сбережений и инвестиций. Этой проблеме он дал собственную интерпретацию, выступив с тезисом о постоянном неравновесии, то есть опережающих темпах роста инвестиций по сравнению со сбережениями, рассматривая его как характерную черту быстро развивающейся экономики (стр. 55).

Однако, как и все другие представители неокейнсианского направления, Симомура выступал против непосредственного вмешательства государства в процесс воспроизводства, защищая идею «свободного предпринимательства». Основным регулятором экономических процессов, по его мнению, должен оставаться механизм рыночной конкуренции.

Таким образом, в японском кейнсианстве, считает Е. А. Пигулевская, отразилась специфика страны, отставшей в своем развитии от передовых капиталистических стран и развивавшейся особенно быстрыми темпами. Основные постулаты теории Кейнса — обеспечение полной занятости и гаран-

³ См. «Экономисутто», 27.II.1973, стр. 97.

тия доходов — воплотились в теории Симомура в политику «приоритетного», то есть, по существу, одностороннего, экономического роста без учета социальных нужд и всех других факторов общественного развития. Фетишизация роста — наиболее характерная черта теоретической концепции Симомура (стр. 58).

Теория экономического роста Симомура обосновывает необходимость для Японии восторженного экономического сотрудничества с другими странами как условия и потенциального резерва ее дальнейшего развития. Эти теоретические установки Симомура отражают понимание им объективных тенденций развития капиталистической экономики и выражают интересы тех кругов монополистического капитала, которые выступают за осуществление курса на мирное сосуществование и экономическое сотрудничество.

«Выбор, перед которым стоит Япония как великая держава» (так озаглавлена фундаментальная работа Симомура), — это выбор между курсом на мирное сосуществование и политикой милитаризации и наращивания вооружений.

Симомура предлагает путь мирного сосуществования, который открывает широкие возможности для сотрудничества Японии с развитыми странами, в том числе с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Эти взгляды Симомура отражают прогрессивную тенденцию. И в то же время его концепция содержит и сугубо реакционные идеи, поскольку при решении стоящих перед Японией новых задач он исходит из националистских, экспансионистских традиций японской монополистической буржуазии (стр. 88).

Другое направление буржуазной политэкономии представляют экономисты, пытающиеся решать проблемы воспроизводства с позиций неоклассической теории. В этой связи в монографии подвергнуты критическому анализу труды японских буржуазных ученых Х. Удзава, К. Инада, Ц. Ватанабэ.

Реальная действительность свидетельствует о том, что экономическая политика, постулирующая совершенную конкуренцию в духе неоклассического либерализма, не имеет перспектив. Япония стала типичной страной господства монополистического капитала. «Свободная рыночная экономика», которую проповедовали теоретики неоклассицизма, оказалась мифом. Поладобился пересмотр действующего «антимонополистического» законодательства, ставший одной из наиболее актуальных проблем современной экономической политики правящих кругов Японии (стр. 135).

Государственно-монополистическое регулирование с помощью «антимонополистических» законов предполагает стимулирование стратегически важных отраслей путем нераспространения на них действия этих законов (система исключений) и, наоборот, более жесткого их применения к «нежела-

тельным» отраслям. Стихийный «поворот», приспособление структуры экономики к новым условиям воспроизводственного процесса через механизм конкуренции потребовали бы гораздо более длительного срока (стр. 136).

Профессор Ц. Ватанабэ принял за основу измерения технического прогресса показатель совокупной факторной производительности (параметр А), сопоставляя выпуск конечной продукции и величину затрат. Исходя из допущения, что технические знания воплощаются преимущественно в новом капитальном оборудовании, Ватанабэ пришел к выводу, что рост величины капитала может быть использован для характеристики темпа технического прогресса. Другими словами, что технический прогресс был возможен главным образом благодаря активным инвестициям в основные фонды, в капитальное оборудование.

Отсюда Ватанабэ заключил, что технический прогресс, распространившийся на большое число отраслей, был трудосберегающим. Как подчеркивает Е. Пигулевская, вывод Ц. Ватанабэ о трудосберегающем техническом прогрессе в Японии носит эмпирический характер. Ватанабэ не предложил новых оригинальных методов измерения материализованного технического прогресса, однако его исследование сыграло определенную роль в развитии анализа технического прогресса в Японии и имели некоторое практическое значение (стр. 154).

На развитие японской экономической мысли большое влияние оказали идеи Р. Соллоу, К. Эрроу, Н. Калдора и других западных буржуазных ученых, предложивших более реалистические гипотезы и более совершенные методы оценки технического прогресса. В Японии эта проблема привлекла внимание большой группы экономистов, в том числе К. Ара и Э. Уэно, работы которых подвергнуты в книге анализу.

Е. А. Пигулевская обращается также к трудам буржуазных ученых эмпирического направления. Представители эмпирического направления в Японии, в том числе К. Окава, Ю. Сионоя и другие, отвергают теорию экономического роста, основанные на абстрактных гипотезах и логических конструкциях. Лишь метод индукции, ограничивающий сферу экономической науки эмпирическими обобщениями, доказывают они, определяет все содержание экономического анализа. Они настаивают на создании нового направления анализа — «количественной экономической истории» (Quantitative Economic History QEH), которая будто бы должна показать не только экономический механизм, но и его связи с историческими, системными и социальными факторами. Сторонники этого неопозитивистского направления главным источником экономической науки считают наблюдение экономической реальности, то есть наблюдение статистическое (стр. 171).

Из позитивистских гипотез этих экономистов вытекает, что развитие общества не

имеет своих закономерностей, и если они и говорят о них, то имеют в виду только эмпирические, чисто количественные закономерности, которые целиком вытекают из опыта. Тезис о том, что экономическая наука — эмпирическая, направлен на то, чтобы ограничить рамки анализа общественных явлений.

Эклектизм, механическое объединение разнородных концепций — одна из наиболее характерных черт современной японской буржуазной политэкономии. Наиболее типичной в этом отношении представляется автору монографии теория профессора Сёдзабуру Фудзиро (университет Хитоцубаси), изложенная им в фундаментальном исследовании «Конъюнктурные циклы в Японии, теоретический, статистический и исторический анализ», опубликованном первым изданием в 1965 г. Фудзиро пытался путем синтеза четырех противоречащих друг другу теорий (кейнсианского макроэкономического анализа дохода; отдельных положений количественной теории денег; микроэкономической теории цен; основных положений теории П. Шумпетера, связывавшего закономерности циклических конъюнктурных колебаний с техническими нововведениями, так называемыми действиями «новатора») наметить контуры новой теории конъюнктурного цикла.

Игнорируя основные противоречия капитализма, Фудзиро оказался не в состоянии объяснить подлинные причины исследуемых им явлений. Проблемы вмешательства современного буржуазного государства в процесс воспроизводства и его воздействие на ход циклического развития, по существу выпали из сферы его анализа. В монографии показано, что объективно концепция Фудзиро направлена против марксистской теории экономического цикла, хотя он и избегает открытой полемики с марксистами (стр. 222).

Большое и возрастающее внимание уделяют буржуазные экономисты Японии изучению и обоснованию экономической политики государства.

Поворот к анализу проблем экономической политики произошел в Японии в 60-х годах. Большое число изданий, начиная с учебных пособий и кончая монографиями и коллективными работами, претендующими на роль теоретических исследований, было посвящено проблемам регулирования экономической деятельности. В развитии этого направления важную роль сыграли работы профессора Осакинского университета Х. Кумаган «Основные принципы экономической политики», профессоров Р. Комиа и Р. Тати «Теория экономической политики», профессоров Ц. Ватанабэ и Д. Цукун «Экономическая политика». В этих работах делались попытки не только сформулировать определенные концепции, но и предложить конкретные рецепты государственно-монополистического регулирования экономики.

«Политика роста, — отмечается в монографии, — является бесспорно политической

проблемой, требующей участия государства. Но интересы будущих поколений, с точки зрения буржуазных экономистов, заключаются прежде всего в упрочении капиталистической системы и сохранении классового общества. Экономическая политика буржуазного государства, включая политику роста, направлена на то, чтобы закрепить систему капиталистической эксплуатации. Суть дела в том, что экономическая политика в целом является частью социальной политики, преследующей цели, выходящие за рамки экономической политики. Политика роста преследует экономические цели, которые подчиняются социальным, классовым задачам» (стр. 236).

Научная несостоятельность буржуазных теорий экономического роста выявилась при столкновении их с реальной действительностью.

Развитие реальных экономических процессов все в большей степени не укладывается в рамки современной апологетики. Кризис буржуазной экономической науки отражает общий идейно-политический кризис буржуазного общества. Экономический кризис развенчал не только теории экономического роста, но и опиравшиеся на них реакционные концепции национальной «исключительности», используемые для обоснования японского национализма. В этих концепциях перспектива развития японского капитализма представляется как «путь процветания», якобы характеризующий японскую национальную модель. Синхронность экономического кризиса 1974—1975 гг. с большой отчетливостью выявила тот факт, что экономике стран с развитыми формами государственно-монополистического капитализма присущи общие закономерности. Для развенчания тезиса о японской «исключительности» этот факт имел особо важное значение, указывает Е. Пигулевская (стр. 271).

Признание буржуазными экономистами несостоятельности их собственных гипотез — одна из характерных черт современного кризиса буржуазной политэкономии. Попытки выхода из глубокого кризиса, в котором оказалась буржуазная наука, приводят некоторых из них к выводу о бесперспективности современного капиталистического общества.

Автор рецензируемой монографии убедительно показывает, что в условиях обостряющегося кризиса буржуазной политэкономии особую важность приобретает марксистско-ленинский анализ реальной капиталистической действительности, выдвигающий на первый план принципы классовой борьбы, рассмотрение закономерностей экономического развития в неразрывной связи с социальными процессами, с противоречиями капитализма и проблемами кардинальных социальных преобразований.

Стоящие на марксистских позициях известные ученые Фумно Мория, Цутому Оути, Тэцу Фукурава, Эсихико Оно и другие в своих исследованиях показали, что сло-

жившаяся система государственно-монополистического капитализма не только обостряет существующие противоречия, но и порождает новые, что никакое государственно-монополистическое регулирование не способно устранить циклический характер воспроизводства. В их работах содержится научная критика японского буржуазного государства и его политики роста, наносящей ущерб интересам широких масс трудящихся; они опровергают концепции, на которые опирается эта политика.

В работах прогрессивных японских ученых подчеркивается сложный характер современной инфляции и ее связь с общим кризисом капитализма. Кацую Абэ, Ёсихиро Такасуга, Ёсихико Оно и другие показали в своих работах, что инфляция стала острой социальной проблемой и одной из главных причин политической неустойчивости. Они рассматривают современную инфляцию как закономерный результат функционирования государственно-монополистического капитализма, раскрывая связанный с ней механизм перераспределения дохода. Своими исследованиями эти ученые внесли значительный вклад в изучение тенденций развития послевоенного государственно-монополистического капитализма в Японии, в формирование левоопозиционных сил, в программы антимонополистической борьбы (стр. 292—293).

Таким образом, работа Е. А. Пигулевской представляет собою основательное и то существу первое в нашей стране монографическое исследование теорий экономического роста в буржуазной политической экономии современной Японии. Ценность исследования подкрепляется, с одной стороны, тем, что оно опирается на богатый фактический и литературный материал, вплоть до источников 1975 г. издания, и,

другой тем, что оно раскрывает не только теоретические положения различных буржуазных концепций экономического роста и их апологетическую направленность, но показывает вместе с тем и методологическую порочность, ошибочность тех подходов к изучению экономической действительности, какие применяются буржуазными учеными. Не теряясь в деталях и несущественных различиях во взглядах между концепциями экономистов, принадлежащих к тем или иным научным направлениям, автор проявляет способность к широким теоретическим обобщениям, к выделению главного и типичного в рассматриваемых концепциях. При этом автору через все главы книги удалось провести принцип критического анализа направлений и особенностей развития теорий экономического роста в буржуазной политической экономии в их причинной обусловленности и в связи с характерными чертами послевоенного развития японской экономики, возрастающим господством в Японии государственно-монополистического капитализма. Все сказанное позволяет утверждать, что задача, поставленная автором, нашла свое решение. Конечно, при чтении книги иногда хотелось бы отметить некоторые непоследовательности, повторения, но эти частные недочеты не влияют на высокий идейно-теоретический уровень монографии. Книга Е. А. Пигулевской заслуживает внимания всех, кто изучает современную Японию, буржуазную экономическую науку и ее критику с марксистских позиций, процессы идеологической, политической и экономической борьбы, разветвляющиеся и обостряющиеся в японском обществе наших дней.

В. Н. Кашин,
кандидат экономических наук

• • •

История Китая и разоблачение ее фальсификаторов

Издательство «Наука» выпустило в свет книгу члена-корреспондента Академии наук СССР С. Л. Тихвинского «История Китая и современность»¹.

¹ С. Л. Тихвинский. История Китая и современность. М., 1976.

Актуальность появления этой книги неоспорима: в ней дан анализ таких узловых моментов истории Китая, которые в последнее время стали предметом острой идеологической борьбы.

В основу работы положены материалы ряда статей, опубликованных автором в 60—70-х годах в исторических и общественно-политических журналах, а также в различных тематических сборниках по истории Китая, они объединены общим замыслом — осветить наиболее крупные аспекты истории Китая и исторической науки о Китае в теснейшей увязке с современностью.

Ведущее место в рецензируемой книге занимают проблемы новой истории Китая, что вполне объяснимо, поскольку именно

на материалах этого периода (главы: «Основные черты истории Китая в новое время», «Национализм и классовая борьба в Китае в новое время», «Маньчжурское владычество в Китае», «Политика «самоусиления» правящих кругов Китая (1860—1895)», «Синьхайская революция») в основном продолжают строить свои гегемонистские притязания маонисты.

Специальная глава посвящена Сунь Ят-сену («Сунь Ят-сен — китайский революционер-демократ, друг Советского Союза»). Многопланово показана его революционная деятельность по подготовке и осуществлению Синьхайской революции, покончившей с монархией в Китае, разработка им теории «трех народных принципов», создание партии Гоминдан, а также наиболее сложный период — борьба Сунь Ят-сена против милитаристов, китайской буржуазии, стремившихся воспользоваться в своих интересах плодами революции.

Хотя из 12 глав книги только две касаются проблем истории Китая в древности и средневековье, однако в них затронуты такие важные вопросы истории этого периода, которые непосредственно касаются взаимоотношений КНР с соседними и соприкасающимися странами. Автор раскрывает преемственность во внешней политике современного маонистского руководства реакционных черт старого общества, процесс формирования китаеццентристских представлений в китайском обществе, концентрацию неограниченной власти китайского монарха. Фактологически показана агрессивность китайской внешней политики (особенно после возникновения централизованных империй Цинь и Хань) по отношению к его ближайшим соседям — народам древнекореяского и древневьетнамского государств, Тибета, Монголии и Маньчжурии.

В свое время китайские руководители недвусмысленно высказывались относительно серьезной опасности скатиться на позиции великодержавного шовинизма, корни которого уходят глубоко в китайскую историю. Эти ясные предостережения, прозвучавшие в заявлении правительства КНР от 1 ноября 1956 г., призывали руководителей и работников правительства КНР и весь народ «постоянно быть бдительными, чтобы предупредить ошибки шовинистического характера в отношениях с социалистическими и другими странами», постоянно вести воспитательную работу среди «работников и всего народа страны с тем, чтобы они решительно боролись с великодержавным шовинизмом»². К сожалению, они очень скоро были преданы забвению. История Китая подверглась переоценке. Агрессивные действия и завоевательные походы китайских императоров стали преподноситься как благо для соседних народов. Беспощадные завоеватели Китая и других стран, Чингисхан и Каиса, предстали в

ореоле великих героев. Территориальные притязания были возведены в ранг государственной политики. Все это — результат захвата власти в КНР мелкобуржуазной националистической группировкой маонистов.

В исторической литературе КНР появились высказывания, в которых делается попытка обосновать притязания маонистов на территории СССР и МНР. Для этих целей привлекаются исторические материалы, связанные с китайско-монгольскими отношениями и завоевательными походами Чингисхана и его преемников в XIII—XIV вв.

Современные китайские историки восхваляют реакционные традиции китайской культуры, пренебрежительно относятся ко всему иностранному, принижают вклад других народов в культуру китайского народа. В большинстве вопросов они оказываются на позициях буржуазной, в том числе тайваньской, историографии. Статьи на темы истории Китая таких авторов, как Ши Цзюнь и Цинь У-пин, Ч' Инь-нянь и Ши Бинь, Си Да и Ши Юй-синь, время от времени появляющиеся в центральной прессе КНР, представляют собой пропагандистскую, антисоветскую стряпню, недостойную пера ученых. Л. С. Тихвинский дает им аргументированную отповедь, показывает несостоятельность приводимых этими авторами доводов и разоблачает их незавидную роль апологетов современной китайской историографии, оказавшейся на службе антинародных маонистских доктрин.

Анализируя неблагоприятные писания печати КНР на исторические темы, С. Л. Тихвинский приводит ряд примеров того, к каким приемам прибегают маонисты для распространения тлетворного яда великодержавного шовинизма и китаеццентризма. Например, выпуск огромными тиражами органами пропаганды КНР дешевых книжек-картинок, рассчитанных на массового потребителя, в которых превозносятся реакционные традиции китайской культуры, обливаются грязью пренебрежения вклад других народов в культуру китайского народа; политика Советского государства, не имеющая ничего общего с захватнической политикой русских царей, отождествляется с последней и даже изображается как еще более агрессивная. А сам Советский Союз представлен врагом Китая и китайского народа, угрожающим напасть и захватить его земли. Пропагандистская машина КНР пытается заставить китайское население поверить в агрессивность СССР, в стране раздувается военный психоз. Те китайские историки, которые в 50-е годы с правильных марксистско-ленинских позиций рассматривали многие аспекты истории Китая и русско-китайских взаимоотношений, теперь или исчезли с арены научной деятельности или совершили разворот на 180° и, противореча своим прежним высказываниям, отходя от объективных оценок исторических фактов, излагают прошлое и на-

² «Известия», 2.XI.1956; Советско-китайские отношения. 1917—1957. М., 1959, стр. 322.

стоящее китайской истории с чисто маоистских позиций.

Книга помогает критически проанализировать эти явления, до конца разоблачить спекулянтов от науки.

Такое разоблачение фальсификаторов истории необходимо, но оно необходимо вдвойне для правильного понимания развития Китая в период новой и новейшей истории. Это дает возможность глубже осознать, насколько устойчивы националистические настроения в Китае, и понять классово-социальную природу общественных сил, поддерживающих такие настроения.

Если в период после Великой Октябрьской социалистической революции идеология буржуазного национализма стала приобретать в Китае антиимпериалистическую, антиколониальную окраску, то в новейший период истории Китая она превратилась в великодержавную националистическую антисоветскую идеологию маонизма.

Тот факт, что национализм принял в Китае форму оголтелого антисоветизма и великодержавности, есть результат субъективной деятельности маоистского руководства, построившего свою политику на основе гегемонизма и национализма, добивающегося любыми средствами утверждения Китая на мировой арене в качестве сверхдержавы.

Идея о выдвигании Китая «в первые ряды стран мира» не раз высказывалась еще Мао Цзэ-дуном: «Мы должны стать первой страной мира» (1956), «Мы должны покорить земной шар...» (1959). Эти слова близко переключаются с высказываниями буржуазного китайского националиста Чэнь Тянь-хуа, который в 20-х годах говорил: «Наша китайская раса, безусловно, может создать совершенное государство и превзойти пять континентов...», «мы, китайцы, фактически обладаем силой, чтобы стать хозяевами мира»³.

Небезынтересно остановиться на исследовании С. Л. Тихвинским так называемой политики «самоусиления» цинских правителей (глава «Политика «самоусиления» правящих кругов Китая (1860—1895)»). Отмечая, что в советской исторической литературе вопросы политической истории Китая периода проведения его правящими кругами политики «самоусиления» изучены еще далеко не достаточно, автор подчеркивает важность этого периода и намечает проблемы, достойные, по его мнению, тщательного исследования. Он выдвигает тезис, что «самоусиление» касалось не только внешней, но и внутренней политики. Сторонники ее стремились к тому, чтобы Китай усваивал главным образом военно-технические достижения развитых капиталистических стран, усиливался, чтобы «бить варваров, используя самих варваров». Один из сторонников этой политики, императорский наместник Цзэн Го-фань писал: «В сношении

ях с иностранцами... мы должны серьезно стремиться к тому, чтобы наша военная мощь могла сравниться с их мощью, чтобы мы могли стоять на своих собственных ногах...»⁴.

Однако эта политика в значительной степени была направлена на усиление цинского режима и для того, чтобы успешнее подавлять недовольных внутри страны.

Как показывают события в КНР за последние годы, в том числе так называемая «культурная революция», традиции милитаризма и местничества оказались очень живучими. Как точно подмечает С. Л. Тихвинский, многие из политических понятий и даже терминов, применяемых ныне в КНР («опора на собственные силы», «хорошие люди более ценны, чем оружие» и другие), предпочтение военной промышленности гражданской, установление военно-полицейского и идеологического контроля над населением, проповедь крайней бережливости, высокомерно-шовинистические отношения ко всему иностранному и т. п. своими корнями уходят в политику «самоусиления» маньчжуро-китайских правителей Китая.

Особое значение в книге С. Л. Тихвинского придано новейшей истории Китая («Проблемы новейшей истории Китая», стр. 239—288). Соответствующее место в общей композиции занимает и относящаяся к этому периоду глава «Маньчжурская революционная база», в которой убедительно и ярко показаны роль и значение этой базы для победы самой китайской революции. Восстановление исторической правды о событиях в Маньчжурии в 1945—1949 гг. действительно имеет значение не только для истории национально-освободительной борьбы китайского народа, но и для опровержения многочисленных фальсификаторских концепций маоистов, пытающихся принизить значение международного фактора в победе китайской революции вообще, замалчивающих или извращающих роль СССР в освобождении Маньчжурии, а также приписывающих значение этой битвы для достижения окончательной победы в 1949 г. Не секрет, что в исторической литературе КНР, посвященной этому периоду, даже в 50-е годы не делалось необходимого акцента на роли маньчжурской революционной базы⁵.

В указанной главе автор обстоятельно раскрывает интернациональный характер помощи Советского Союза, значение исторической победы СССР на Дальнем Востоке, ставшей поворотным пунктом в истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии, для развития национально-освободительной борьбы на Азиатском континенте.

⁴ Цзэн Вэнь-чжун гуи шуча (Письма Цзэн Го-фаня), (Б. М., б. г.), из. 10, стр. 56—6а.

⁵ См. кн. Новая и новейшая история Китая. Краткий очерк (пер. с кит. яз.), М., 1950; и Очерки по новой истории Китая (пер. с кит. яз.), М., 1956.

³ См. кн. Опасный курс. Вып. 7. М., 1976.

«Победа китайской революции, — говорится в статье «Правды», посвященной 28-й годовщине образования КНР, — явилась одним из выдающихся результатов развития мирового революционного процесса, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией, рождением первого в мире социалистического государства. Победе китайского народа способствовали разгром гитлеровского фашизма на Западе и японского империализма на Востоке, освобождение Советской Армией северо-востока страны и превращение этого наиболее развитого в промышленном отношении района в военно-революционную базу, сыгравшую огромную роль в победоносном завершении длительной борьбы за независимость»⁶.

Работа О. Борисова⁷, которую рассматривает в своей книге С. Л. Тихвинский, дает аргументированную отповедь антикоммунистическим измышлениям буржуазных китаеведов, извращающих характер и сущность помощи Советского Союза китайскому народу, той бескорыстной помощи, которую китайский народ получал на своем нелегком и долгом пути к свободе. Советские коммунисты, весь советский народ считали своим пролетарским интернациональным долгом помогать китайскому народу в решении его больших национальных задач.

Историки Советского Союза и других социалистических стран за последние годы проделали огромную работу по разработке принципиально новой периодизации новейшей истории Китая. В частности, значительные усилия по уточнению этого вопроса были сделаны группой китаеведов-историков в составе В. И. Глушина, А. М. Григорьева, К. В. Кукушкина и В. Н. Никифорова, которые написали «Новейшую историю Китая»⁸ — книгу, посвященную национально-освободительной борьбе китайского народа в послеоктябрьский период, истории восстановления народного хозяйства и начала строительства социализма в Китайской Народной Республике. Как отмечает С. Л. Тихвинский, появилась острая необходимость пересмотреть маоистскую периодизацию по «революционным войнам». Анализируя изложение авторами процесса развития национально-освободительного и коммунистического движений, он обращает их внимание на то, что в книге не показаны объективные трудности, вставшие перед организаторами этих движений в связи с участием китайских милитаристов в интервенции против Советской России. С. Л. Тихвинский еще раз напоминает нам о том, какие националистические позиции заняли Мао Цзэ-дун и его сторонники в связи с

началом в декабре 1941 г. войны на Тихом океане и переключением основных военных усилий Японии с китайского фронта на Тихий океан. Как известно, маоисты, воспользовавшись в то время трудным положением партии, а также тем, что внимание всего международного коммунистического движения было приковано к решающему фронту борьбы против фашизма — советско-германскому, развернули в КПК националистическую кампанию «чжэнфэн» («исправление стиля»), главными целями которой были разгром интернационалистических сил в КПК, изменение ее идеологических, теоретических и организационных принципов, полное подчинение партии Мао Цзэ-дуну и его группе.

Все это предопределило превращение КПК, и без того мелкобуржуазной по своему составу, в партию с националистическим, маоистским курсом.

Как известно, военно-стратегическая обстановка в Китае резко изменилась после вступления в войну Советского Союза.

Создались необходимые международные условия для победы китайской революции. Важнейшим фактором, способствовавшим усилению Народно-освободительной армии, была помощь Советского Союза демократическим силам Китая. В освобожденной советскими войсками от японских оккупантов и возвращенной Китаю Маньчжурии образовались наиболее устойчивые районы с относительно развитой промышленностью, с прочным тылом (эти районы примыкали к советской границе), с возможностью получать экономическую помощь из СССР, а также готовить там свои кадры.

Важность проведенных в освобожденных районах Маньчжурии демократических преобразований трудно переоценить. Здесь зарождался политический и экономический аппарат будущей Китайской Народной Республики.

Истинные патриоты Китая хорошо понимают и сейчас, что первая в мире страна социализма искренне исполняла свой интернациональный долг, и в их сердцах навсегда запечатлена благодарность советскому народу за оказанную бескорыстную помощь.

В заключительной главе книги автор подробно останавливается на разборе различных периодов развития исторической науки в КНР. В частности, анализируется период 1959—1965 гг., характеризующийся застоем в исторической науке в КНР и появлением работ с явно ошибочными концепциями идеалистического и националистического характера. Производилась переоценка роли движений и личностей в истории Китая. Подчеркивалась особая роль Китая в мировой истории, появилось стремление возвысить те исторические фигуры, которые могли укрепить дух великоханьского шовинизма, например императоров, утверждавших централизованную власть. Вместе с тем историческая наука в КНР стала все более изолироваться от

⁶ «Правда», 1.X.1977.

⁷ О. Борисов. Советский Союз и маньчжурская революционная база. 1945—1949. К 30-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1975, стр. 221.

⁸ Новейшая история Китая (1917—1970). М., 1972.

марксистской науки в Советском Союзе и других социалистических странах.

В годы так называемой «культурной революции» в китайской исторической науке фактически наступил регресс, так как прекратилась всякая научная и педагогическая деятельность китайских историков, многие из которых попали в опалу и просто были лишены возможности заниматься изучением истории.

После «культурной революции», когда в КНР возобновилось издание некоторых историко-научных журналов, в них появились материалы, отмеченные проповедью китайского великодержавного гегемонизма, вражды к Советскому Союзу, фальсификацией исторических фактов. Особенно наглядно это проявилось в статьях историка Ши Цзюня (см. стр. 307—311).

С. Л. Тихвинский сосредоточивает особое внимание на разоблачении подобных фактов искажения истории и их авторов.

Псевдомарксистским, маоистским концепциям в книге противопоставлена позиция, выработанная коллективом советских ученых, в которой нашла наглядное проявление глубокая партийность советской исторической науки.

Рецензируемая книга вышла в свет в 1976 г. После смерти Мао Цзэ-дуна и устранения из состава Политбюро ЦК КПК в октябре 1976 г. вдовы Мао Цзян Цин и ее наиболее влиятельных приверженцев — жая Чунь-цзяо, Яо Вэнь-юаня и Ван Хун-ня (так называемая «банда четырех») свое руководство Пекина начало известный пересмотр внутривнутриполитических концепций и практических установок Мао Цзэ-дуна. Восстанавливается принцип материального стимулирования труда в промышленности, ранее осуждавшийся как проявление «буржуазного права»; стала осуждаться проводившаяся многие годы политика гонения на интеллигенцию; вновь восстановлена система вступительных экзаменов в вузах; начинают перензаваться ранее запрещенные произведения китайской классической и современной литературы. Начали подвергаться критике и некоторые антинаучные концепции в области китайской исторической науки прошлых лет, которые столь ярко охарактеризованы и осуждены в рецензируемом труде С. Л. Тихвинского (внеисторическая трактовка борьбы философских школ «легистов» и конфуцианцев, идеализированная трактовка личностей китайских императриц древности и средневековья и т. д. и т. п.). Таким образом, можно с полной убежденностью утверждать, что советская историческая наука, смело выступив против маоистских фальсификаторов истории в защиту марксизма-ленинизма, оказала большую поддержку прогрессивным силам Китая. Последовательно отстаивая принципы марксиз-

ма-ленинизма в исторической науке, советские историки-китаеведы активно выступают за нормализацию отношений между СССР и КНР, за восстановление дружбы и добрососедства между советским и китайским народами, в этом они руководствуются решениями XXIV и XXV съездов КПСС, которые подтвердили, что улучшение отношений между Советским Союзом и КНР отвечает интересам обеих стран, интересам мирового социализма, интересам усиления борьбы против империализма.

Книга С. Л. Тихвинского, несомненно, сослужит хорошую службу в ознакомлении читателя с научными, объективными подходами к сложным вопросам истории Китая, в лучшем понимании давних традиций дружественных, добрососедских политических, экономических и культурных отношений, связывающих советский и китайский народы, она наносит удар по фальсификаторам истории, стремящимся бросить тень на политику Советского государства.

Не лишне напомнить маоистским фальсификаторам истории, что едва зародившись в октябре 1917 г., молодая Страна Советов решительно отвергла империалистическую политику, проводившуюся с конца XIX в. царизмом, и стала базировать отношения с Китаем, как и с другими странами, на принципах мира, добрососедства, невмешательства во внутренние дела. Советская Россия не только отказалась от всех грабительских, неравноправных договоров, заключенных царским правительством с Китаем, но стала оказывать ему активную политическую, экономическую и военную помощь. Особенно ценно, что Советский Союз оказывал помощь Китаю именно тогда, когда китайский народ больше всего в ней нуждался.

Неизменно следуя в международных делах ленинской политике мира, Советский Союз выступает за подлинную нормализацию отношений между Китаем и СССР, за решение всех спорных вопросов в духе сотрудничества и добрососедства.

Поворот к лучшему в советско-китайских отношениях был бы на пользу и китайскому, и советскому народам, интересам мирового социализма. «О том, что этот поворот возможен, говорит и опыт развития отношений наших стран, в истории которых немало славных страниц революционной дружбы и сотрудничества во имя дела мира и национального освобождения, социального прогресса и социализма»⁹.

М. С. Капица,
профессор

⁹ «Правда», 1.X.1977.

Проблемы государственно- монополистического капитализма в Японии

В процессе противоборства двух мировых общественных систем империалистические страны ищут пути приспособления к тем новым условиям, которые складывались в современных международных отношениях. Какие формы и методы такого приспособления разрабатываются в правящих кругах Японии и как они проводятся в жизнь, каковы рычаги их воздействия на процессы экономического развития страны, на какие трудности наталкивается это воздействие, как возникают новые противоречия и изменяются старые — все эти актуальные вопросы составляют предмет рецензируемых работ¹.

О роли государства в капиталистических странах у нас опубликовано немало трудов, но большинство из них относятся к Западной Европе и США; Японии обычно уделяется меньше внимания. Ограниченно используются также японские источники, хотя в самой Японии прогрессивные ученые внесли серьезный вклад в изучение этой важной проблемы. Большой заслугой авторов обеих книг следует считать то, что они уделили много внимания анализу японской литературы — как прогрессивного, так и противоположного направлений.

Труд Я. А. Певзнера, видного экономиста, автора ряда капитальных исследований об экономике Японии, большинство которых переведено на японский язык, представляет своего рода продолжение монографии «Государственно-монополистический капитализм в Японии», опубликованной в 1961 г.

Новая книга проф. Я. А. Певзнера «Государство в экономике Японии» состоит из шести глав, в которых анализируются важнейшие проблемы современной Японии. В ней рассматриваются такие вопросы, как государственно-монополистические аспекты экономического роста, сращивание государственного аппарата Японии с монополиями, государственная политика в области финансов и кредита, государственно-монополистическое ценообразование и борьба

вокруг «политики доходов», роль государства во внешнеэкономических связях, государственно-экономические программы и прогнозы и другие.

В зарубежной буржуазной литературе, в том числе и в японской, много писали об ускоренном развитии экономики Японии, замалчивая, однако, кризисные явления, имевшие в ней место в послевоенные годы. Автор справедливо указывает, что японская экономика отнюдь не развивалась спокойно. В первые десятилетия после войны кризисные явления не носили всеобъемлющего характера, в целом не были глубоки и длительны, но все же они заметно сказывались на отдельных отраслях экономики страны. Автор подчеркивает, что в Японии, где роль государства в регулировании экономики сравнительно велика, последний кризис оказался более тяжелым, чем в других промышленно развитых странах капитализма, что хотя государство и содействовало в немалой степени ускоренному росту экономики, однако оно было не в силах сохранить стабильность (стр. 17—22).

В монографии анализируются различные рычаги воздействия государства на процесс развития экономики и отмечается, что большинство государственных мероприятий, способствовавших ускорению экономического роста, осуществлялось на базе и в интересах частной собственности (стр. 276).

Среди различных рычагов воздействия государства на экономику важное значение имеют его инвестиционная, финансовая и налоговая политика. В условиях капиталистической Японии весь курс государства в этих вопросах служит максимальному удовлетворению интересов крупного монополистического капитала.

Проводя мысль о том, что в послевоенное время особенно усиливается сближение экономических структур Японии и других промышленно развитых капиталистических стран и тем самым усиливается действие общих закономерностей капиталистического развития, проф. Я. А. Певзнер подчеркивает, что, несмотря на это, сохраняют значение и специфические черты японского капитализма. Этому вопросу посвящен раздел «Специфические проблемы Японии». «Во всех странах монополистического капитализма, — говорится в нем, — комплекс факторов, обуславливающих необходимость и неизбежность государственно-монополистического регулирования, более или менее одинаков. Но внутри этого комплекса разные причины имеют неодинаковое значение». (стр. 28).

Специальное внимание уделено в монографии «политике доходов». Этот вопрос анализируется в главах третьей («Перераспределение национального дохода») и четвертой («Политика доходов» как важное средство борьбы с инфляцией).

Подлинная сущность этого сложного вопроса в японской буржуазной литературе обычно искажается или затушевывается.

¹ Я. А. Певзнер. Государство в экономике Японии. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы. 1976, 320 стр. А. А. Прохожев. Организация управления экономикой и государством в Японии. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы. 1977, 188 стр.

Проф. Я. А. Певзнер анализирует классовый характер проводимой японским государством политики в области доходов, характеризует ее влияние на социально-экономические процессы в японском обществе.

Большое внимание в книге уделяется проблеме инфляции, политике цен, весьма ограниченным возможностям государственного регулирования в этих сферах в условиях капитализма. «История «политики цен», — указывается в ней, — говорит о том, что государственно-монополистический капитализм не способен к прямому контролю над ценами и даже не ставит перед собой такой задачи, справедливо считая, что прямой контроль идет вразрез с принципами капиталистического хозяйствования» (стр. 170). Полемизуя с буржуазными взглядами, ученый глубоко анализирует проблемы, связанные с заработной платой японских трудящихся, и приходит к выводу, что «первичным фактором инфляции является не рост заработной платы, а рост цен» (стр. 171).

Политика цен является и слабейшим звеном в области государственно-монополистического регулирования. Господство крупной собственности не дает возможности отладить действие механизма кредитно-денежной системы в «оптимальном режиме»: расширение кредита влечет за собой рост спроса, опережающего предложения, напротив, сужение кредита тормозит рост предложения (стр. 179) — таков замкнутый круг, в котором находится японская государственно-монополистическая система.

Глубокое знание исследуемого круга проблем современной Японии, обширный фактический материал, квалифицированный анализ рассматриваемых проф. Я. А. Певзнером вопросов определяют ценность его работы, которая, несомненно, представит интерес не только для советских, но и для зарубежных читателей, интересующихся экономическим положением современной Японии.

* * *

В монографии А. А. Прохожева «Организация управления экономикой и государством в Японии» исследуются проблемы экономического развития страны, в частности в условиях острого и глубокого кризиса 1973—1975 гг.

В советской литературе обстоятельно освещена проблема воздействия научно-технического прогресса на структуру экономики капиталистических стран. Автор на основе разработанных в ней концепций исследовал процессы роста капиталистической экономики Японии в условиях НТР, проанализировал противоречивые аспекты этого процесса, показал, что имевший место прогресс переплетался с трудностями все нарастающего масштаба, осветил роль государственного аппарата, полугосударственных корпораций, монополий и других

организаций разного типа и уровней. Особое внимание в его книге уделено вопросам роли науки в процессах управления экономикой Японии, а также связанным с этим техническим средствам, применение которых умножает эффективность систем управления. Эта важная сторона деятельности государственно-монополистической системы Японии была недостаточно освещена в нашей научной литературе.

В книге «Организация управления экономикой и государством Японии» рассматриваются такие вопросы, как государственно-монополистическое программирование, применение математических методов в нем, управление политической и внешнеэкономической деятельностью государственного аппарата, методы прогнозирования и математического моделирования, деятельность исследовательской базы управления, новые явления в информационной инфраструктуре, перспективы развития национальной системы научно-технической информации, организация использования и распространения электронно-вычислительной техники, особенности применения ЭВМ, разработка автоматизированных систем управления, проблема подготовки специалистов.

Эти вопросы тесно связаны с особенностями структуры современного японского общества, с господствующим частным предпринимательством, с проблемами научно-технического прогресса.

Заслугой автора следует считать то, что он с верных методологических позиций освещает пути развития научно-промышленного потенциала Японии, правильно оценивает роль ее национальной науки. Как известно, использование иностранной техники приняло в Японии широкие масштабы. В этом направлении большую активность проявляли многие японские монополии, стремившиеся к быстрому освоению достижений мировой науки и техники. В послевоенный период Японией закуплено было около 20 тыс. иностранных лицензий на сумму свыше 3 млрд. долл.

Автор отмечает, что оперативность японских монополий нельзя рассматривать только как признак отставания национальной японской науки (что нередко подчеркивалось в американской литературе). Почти все то, что заимствовалось, не механически «персаживалось» на японскую почву, а подвергалось тщательному изучению японскими специалистами и приспособлялось к японским условиям.

В литературе о Японии редко отмечается то, что она выступает не только импортером иностранной технологии, но и экспортером достижений японской науки. Эта тенденция стала быстро развиваться на рубеже 70-х годов, причем основными покупателями являются развивающиеся страны.

В книге охарактеризована роль научно-исследовательских и экспериментальных учреждений современной Японии, деятельность создаваемых при крупных компаниях научных «мозговых центров» (синку тан-

ку), которые, как правило, хорошо оборудованы и сосредоточивают лучшие научные силы.

В книге показано, как в процессе экономического развития Японии изменялась его научно-исследовательская и экспериментальная база, охарактеризована деятельность органов управления в государственном и в частном секторе и учреждений, осуществляющих разработку фундаментальных проблем, связанных с крупными проектами и программами развития (стр. 93 и др.).

Для книги А. А. Прохожева характерно то, что в ней преследуется цель показать качественно новое, что (в той или иной мере и форме) стало активно развиваться в Японии в ходе внедрения достижений мирового научно-технического прогресса.

Один из исследователей Японии на рубеже XX в., Бэзил Чемберлен, писал, что Япония — это страна миниатюры и изящества, производственная основа ее — это изготовление привлекательных художественных изделий, тонких тканей, маленьких домиков и т. п. Но ныне, в эпоху активного внедрения научно-технического прогресса, в Японии все больше завоевывает позиции крупномасштабность производства. В рецензируемой книге убедительно показано, какими путями была достигнута эта крупномасштабность.

Советские специалисты не раз подчеркивали в своих трудах, что современное производство — это технологическое применение науки. В Японии можно найти много примеров этого. А. А. Прохожев обращает внимание на происходящее в Японии (как и в ряде других стран) активное внедрение новейших методов исследования с применением современной вычислительной и организационной техники, с широким использованием математических методов.

Среди технических средств, на которых базируется система управления, особое значение имеют ЭВМ. В Японии их применение началось в 50-х годах — позднее, чем в США и в Западной Европе. Однако сфера применения ЭВМ, их изготовление, область распространения росли чрезвычайно быстро. «ЭВМ широко применяются в Японии, — отмечает автор, — как на макроуровне — в масштабе страны, так и на микроуровне — в масштабе концерна, компании, отдельного предприятия» (стр. 122).

Особое место в рецензируемой книге занимает практика «планирования» в Японии. В отличие от принятого в социалистических странах понятия «план — это закон» в капиталистических условиях имеет место совсем другое толкование: «план — это расчет», всего лишь возможная перспектива. В книге подчеркивается, что все «планы» регулярно пересматриваются в зависимости от складывающейся конъюнктуры как на внутреннем, так и на внешнем рынке, от финансово-кредитной обстановки, а также в зависимости от реального состояния производства, от обеспечения его сырьем и

возможности сбыта продукции. Ученый справедливо указывает, что так называемый государственный план Японии является скорее информационно-организующим фактором развития экономики, нежели каким-либо директивным документом, и что «благодаря государственному программированию частные компании и монополии самым дешевым путем получают необходимую им информацию» (стр. 42). Применение метода долгосрочного планирования в японских компаниях распространено в настоящее время гораздо шире, чем в США и в странах Западной Европы. В книге А. А. Прохожева приведены интересные сравнительные данные по этому вопросу. Представляет интерес раздел книги, в котором анализируются вопросы планирования и управления внешнеполитической и внешнеэкономической деятельностью в интересах государственно-монополистического капитализма (стр. 43—93).

В японских министерствах, связанных с внешнеэкономическими отношениями: в МИД, в Министерстве внешней торговли и промышленности, — в целях оценки и учета роли самых разнообразных факторов современных международных отношений созданы специальные подразделения, которые осуществляют разработку долгосрочных комплексных программ и занимаются координацией программ и прогнозов, составляемых департаментами других министерств.

Когда в 60-х годах в Японии начались активные работы в этом направлении, стала поступать такая масса информации, документов, разработок, что пришлось создать особое межведомственное управление, главными задачами которого стали анализ конъюнктуры в международных экономических отношениях и прогнозирование внешней экономической политики (с учетом военных факторов). Эта сложная работа выполняется созданным при Министерстве внешней торговли и промышленности Научным центром производственной политики (Сангё сэйсаку кэнкю сента). На него возложена также координация исследований в области внешней экономической политики как государственных учреждений, так и частных компаний.

Показывая противоречивое воздействие научно-технического прогресса на процесс экономического развития Японии, А. А. Прохожев расценивает технократические иллюзии, широко пропагандировавшиеся как в самой Японии, так и за рубежом, о превращении Японии к концу нынешнего века в «высокоразвитое индустриальное общество», в котором достигнута «гармония труда и капитала» и управляет «технократическая элита». Такого рода «теории», заимствованные главным образом в США, опровергаются кризисными событиями 1973—1975 гг., последствия которых оказываются гораздо более глубокими, чем это первоначально предполагалось, и которые подорвали веру во «всесилие» научно-технического

прогресса. Исследование автором этой стороны научно-технического прогресса представляет особый интерес.

* * *

Видимо, есть определенная закономерность в том, что авторы обеих рецензируемых работ, разрабатывая более или менее общую сложную многогранную тему, порой рассматривают одни и те же вопросы. Для читателя, несомненно, представит интерес подход каждого из ученых к этим актуальным проблемам, их метод изложения и аргументации.

Общим для обеих работ является и главный вывод — о том, что рост экономики нельзя рассматривать вне определенных общественных условий, в отрыве от ее классовой основы. Надо ставить и отвечать на вопросы: кому нужен рост, кому он приносит особые выгоды, какой ценой он достигается. Кому рост приносит тяготы, какие жертвы — физические и моральные — приходится приносить трудовым классам, чтобы обеспечить себе средства к существованию.

Ознакомившись с книгами Я. А. Певзнера и А. А. Прохожева, читатель убеждает-

ся в том, что речь идет не о «кризисе роста», а о более глубоких потрясениях в послевоенное время в государственно-монополистической системе Японии, где, несмотря на сохранение господствующими классами их позиций, на возможности использования ими в своих интересах самых различных рычагов, сфера воздействия государственно-монополистического капитализма на ход экономического развития все время суживается.

В результате ускоренного экономического развития усилилась зависимость Японии от внешних факторов. Это осложняет роль Японии в международных отношениях. Это, несомненно, затрудняет также воздействие государственно-монополистической системы на течение политических, экономических и социальных процессов.

Достоинство рецензируемых книг — в том, что они содержат научный анализ актуальнейших проблем современной Японии. Они интересны и полезны не только для специалистов-японистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами политического и экономического положения современной Японии.

К. М. Попов,
профессор

* * *

Опасный для народов курс

Прогрессивная общественность, миролюбивые силы всего мира с тревогой следят за развитием событий в Китае, за действиями пекинского руководства на международной арене. Вопреки стремлениям и чаяниям народов мира, наперекор все усиливающейся тенденции к разрядке международной напряженности пекинская верхушка на протяжении уже ряда лет проводит откровенно поджигательский курс на срыв политики разоружения, насаждение вражды между государствами, провоцирование новой мировой войны.

Действия нового руководства, пришедшего к власти в Китае после смерти Мао Цзэ-дуна, убедительно свидетельствуют о том, что оно полностью восприняло прежний гегемонистский курс, направленный против интересов социализма, международ-

ного рабочего и национально-освободительного движений, всех прогрессивных сил, дела мира во всем мире. Не останавливаясь на прежних «достижениях», нынешние пекинские лидеры проводят в международных делах все более и более реакционный курс, все отчетливее раскрывают антимарксистскую сущность своей политики.

В этих условиях борьба против маонизма становится не только важнейшим фактором сплочения всех революционных сил, но и одним из основных элементов борьбы за дело мира и национального освобождения.

Раскрытию реакционной сущности действий Пекина на международной арене, анализу основных направлений деятельности китайского руководства в последние годы посвящена выпущенная массовым тиражом книга известного советского китаеведа Б. Т. Колоскова «Внешняя политика Китая 1969—1976 гг.»*

В советской литературе, посвященной проблемам Китая, неоднократно освещались те или иные аспекты деятельности Пекина на международной арене. Автор рецензи-

* Б. Колосков. Внешняя политика Китая 1969—1976 гг. Основные факторы и ведущие тенденции. М., 1977, 328 стр.

руемой работы поставил перед собой более широкую и чрезвычайно важную задачу: на обширном фактическом материале обобщить и проанализировать основные тенденции и направления этой деятельности в последние годы. Отличительной чертой новой книги является рассмотрение внешнеполитических проблем во взаимосвязи и взаимозависимости с проблемами внутренней политики современного Китая.

Анализ эволюции внешнеполитической линии Пекина после 1969 г., то есть после закрепления результатов «культурной революции» на IX съезде КПК (апрель 1969 г.), необычайно важен для понимания и прогнозирования деятельности китайских руководителей на международной арене. Именно в этот период получил наибольшее развитие процесс формирования, становления и проведения в жизнь основных принципов нынешней внешнеполитической доктрины Пекина. В конечном итоге этот процесс «привел к коренному принципиальному изменению целей и задач международной деятельности КНР, в результате чего эта деятельность сомкнулась с позицией самой крайней реакции во всем мире» (стр. 325).

Четкая периодизация внешнеполитической деятельности Пекина в 1969—1976 гг., предложенная автором, дает возможность поэтапно проследить за трансформацией позиций китайских руководителей в соответствии с постепенным отказом от конфронтации с империализмом и сосредоточением на борьбе против СССР и стран социализма. Причем эта тенденция в политике пекинского руководства начинает проявляться уже с первого этапа рассматриваемого периода (апрель — сентябрь 1969 г.). Несмотря на остроту и даже истеричность формулировок IX съезда КПК, посвященных задачам борьбы с империализмом, «антиимпериалистическая и антиамериканская тема на IX съезде, — как справедливо отмечает автор, — была как бы проходной, во всяком случае не главной... Если иметь в виду не слова, а дела, то сердцевину внешнеполитической программы съезда, ее главную суть составил неумеренный, оголтелый антисоветизм» (стр. 11).

Таким образом, уже с конца 60-х годов Пекин достаточно откровенно определяет для себя «прага № 1» — Советский Союз, — хотя внешне и сохраняет лозунг «борьбы на два фронта» — против СССР и США. Антисоветизм все более используется для того, чтобы втереться в доверие к империалистическим государствам, чтобы отвлечь внимание от захватнической, провокационной политики Пекина, опасной для народов мира.

Крайняя непопулярность экстремистских лозунгов «культурной революции», стремление вывести страну из международной изоляции заставляют китайских руководителей спустя уже несколько месяцев после IX съезда пойти на постепенный пересмотр своих внешнеполитических концепций. На втором этапе (сентябрь 1969 г. — сен-

тябрь 1971 г.) маоистское руководство занялось настойчивым поиском методов и путей корректировки негативных результатов «хунвэйбинской дипломатии». На этом этапе — этапе, по определению автора, «упорядочения» внешней политики — маоистские лидеры стали проводить более гибкий курс, пойдя на минимальную нормализацию межгосударственных отношений с СССР, известное сужение сферы вмешательства во внутренние дела стран «третьего мира», зондирование почвы для установления отношений с некоторыми капиталистическими странами и т. п. Однако, как убедительно показывает Б. Т. Колосков, эти действия китайских руководителей отнюдь не являлись свидетельством их подлинного стремления к осознанию новой расстановки сил в мире, к принятию политики мирного сосуществования и разрядки. Деятельность Пекина в этот период практически во всех районах мира была направлена лишь на укрепление своих позиций и нанесение как можно более серьезного ущерба позициям социалистических стран, в первую очередь Советского Союза.

Ярким свидетельством реакционной сущности политики китайских лидеров явилось их отношение к заключению в 1970—1971 гг. договоров между СССР и ФРГ, Польшей и ФРГ, а также четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. Заключение этих договоров, закреплявших такие принципы отношений между европейскими государствами, как нерушимость границ и решение международных споров мирными средствами, сыграло огромное значение в деле нормализации обстановки в Европе и разрядки международной напряженности. Маоисты же, обрушившись на эти миролюбивые акции, сомкнулись с позициями наиболее махровых реваншистов в ФРГ и с реакционерами других капиталистических стран. Абсолютно прав автор книги, отмечая, что конечные цели пекинских лидеров — «это... цели противников дела мира, безопасности и сотрудничества в Европе» (стр. 145).

Особенностью периода, рассматриваемого во второй главе монографии, является подведение маоистами «теоретической» базы под проводимую ими внешнеполитическую линию. Линия IX съезда с ее «ультрареволюционными» установками и лозунгами чем дальше, тем больше не соответствовала уходящей все более вправо международной политике Пекина. «Новые направления практической политики, — отмечает автор, — требовали своего самостоятельного «теоретического» и пропагандистского обеспечения, и работа в этом направлении велась на протяжении всего периода «упорядочения» внешней политики КНР после «культурной революции» (стр. 166).

В качестве «теоретической» основы обновляющейся внешнеполитической линии маоисты с начала 70-х годов стали использовать и широко рекламировать концепцию «двух сверхдержав» и теорию «промежточ-

ных зон», впервые выдвинутую Мао Цзэ-дуну еще в 1946 г. и впоследствии усовершенствованную пекинскими лидерами. Выдвижение подобных «теорий», начисто отрицавших классовый подход в решении международных проблем, продемонстрировало дальнейший отход пекинского руководства от марксизма-ленинизма. Необходимость в насаждении теории «промежуточных зон» вытекала из того, что «внешней политике Китая предстояло сделать новый шаг по пути ее переориентации на капиталистический мир. Суть предстоящих изменений состояла в фактическом отказе от борьбы против «двух врагов» — США и СССР — и сосредоточении всех усилий на противоборстве с Советским Союзом» (стр. 171).

«Сентябрьский кризис» 1971 г., в результате которого, как утверждает автор, в китайском руководстве были устранены деятели, выступавшие за более осторожный курс в китайско-советских отношениях, ознаменовал собой начало нового этапа во внешнеполитической деятельности Пекина. Рассмотрению этого этапа (сентябрь 1971 г. — август 1973 г.) посвящена третья глава монографии.

Период 1971—1973 гг. охарактеризовался крупными успехами прогрессивных сил в борьбе за разрядку международной напряженности, в проведении в жизнь Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС. Огромное влияние на позитивное изменение обстановки в мире сыграли советско-американские переговоры на высшем уровне. Соглашения, явившиеся результатом этих переговоров, показали, что, несмотря на различие социальных систем, между этими крупнейшими мировыми державами возможны улучшение отношений и налаживание делового сотрудничества. Особенно важное значение имела достигнутая в результате переговоров договоренность о том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между обоими государствами, кроме мирного сосуществования. Важными этапами упрочения мира в Европе стали подписание договора между ГДР и ФРГ и проведение Общеευропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. Значительным вкладом в дело укрепления мира в Азии и упрочения безопасности всех народов явилось урегулирование во Вьетнаме и позитивные изменения обстановки во всем Индокитае. В результате переговоров в Симле была создана основа для нормализации отношений между Индией, Пакистаном и Бангладеш, что явилось важным этапом на пути укрепления мира и стабильности в Южной Азии. Этим позитивным изменениям резко противоречила внешнеполитическая деятельность Пекина, по-прежнему проводившего курс, направленный против мира и безопасности народов, на срыв процесса разрядки.

Одной из центральных арен, избран-

ных китайским руководством для демонстрации своих внешнеполитических позиций, стала Организация Объединенных Наций, права КНР в которой были восстановлены в октябре 1971 г. в результате 22-летней последовательной и принципиальной борьбы Советского Союза и других социалистических стран. С первых же шагов своего пребывания в этой самой представительной международной организации делегация КНР попыталась превратить ее в «амбон для проповедей маонизма, распространить на деятельность ООН свои методы закулисных интриг, безудержной демагогии, шантажа и беспринципного лавирования» (стр. 189). Торпедируя конструктивные предложения Советского Союза и других социалистических стран, направленные на сокращение вооружений, запрещение испытаний ядерного оружия и т. д., Пекин еще раз продемонстрировал расхождение принципов своей внешнеполитической доктрины с интересами народов мира. Отказ от голосования по Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, применение права вето при рассмотрении просьбы о приеме в ООН Народной Республики Бангладеш, негативная позиция при обсуждении ближневосточных проблем и т. п. — все это в конечном итоге выявило расхождения маонистского руководства с развивающимися странами, беспринципность Пекина в решении международных проблем. Первые два года пребывания КНР в ООН показали, как отмечает автор, что «маонистским лидерам не удалось создать в этой организации широкий и стабильный пропекинский блок, который они рассчитывали использовать в качестве своего орудия» (стр. 198). Тем не менее трибуна ООН и до сих пор используется маонистами для противодействия разрядке и провоцирования конфликтов между народами.

Заметной чертой внешнеполитической деятельности Пекина в 1971—1973 гг. были усиленные поиски сближения с капиталистическими странами. Пекинские руководители не скрывают, что стремятся вести отношения с этой группой стран на антисоветской основе, причем, если антисоветский аспект прозвучал сравнительно завуалированно при установлении связей Пекина с Соединенными Штатами Америки, то в отношении Западной Европы «китайские лидеры открыто выдвигают в качестве центральной цели... сплочение западноевропейских капиталистических государств в некий военно-политический блок, не просто противопоставляющий Советскому Союзу и другим социалистическим странам, а ведущий против них активную наступательную борьбу» (стр. 222). Действуя в этом направлении, Пекин не стесняется резко менять на положительные свои оценки роли «Общего рынка» и НАТО. Добиваясь своих целей, маонисты развернули пропаганду тезиса о том, что «над Западной Европой нависла угроза «советской агрессии», на борьбу против которой «сво-

бодный мир» должен мобилизовать все силы и средства» (стр. 229).

Одновременно китайское руководство стремится в порочном свете изобразить деятельность и подлинный характер Организации Варшавского Договора и СЭВ, прилагает все усилия с целью всячески «дискредитировать эти организационные основы военно-политического и экономического сотрудничества братских социалистических стран, воспрепятствовать их дальнейшему укреплению и тем самым ослабить могущество социалистического содружества...» (стр. 249).

Дальнейшее развитие реакционный, поджигательский внешнеполитический курс пекинского руководства получил на X съезде КПК (август 1973 г.), который ознаменовал собой начало последнего этапа расматриваемого в книге периода.

Разрядка международной напряженности, ставшая главной тенденцией в современном мире, перечеркивает перспективу реализации гегемонистских устремлений Пекина, затрудняет поддержание в стране обстановки «осажденной крепости», оправдание лишений во имя интересов маоистского руководства. Именно поэтому на X съезде разрядка была провозглашена «явлением временным и поверхностным», а перспективой развития международной обстановки объявлялись «колоссальные потрясения». Подобная позиция пекинского руководства, закрепленная в официальных документах съезда, отчетливо показала всему миру, что линия на развязывание мировой войны превратилась в «стержневой курс международной деятельности китайского руководства», что «маоистский Китай стал одним из главных источников военной опасности на мировой арене» (стр. 262—263).

В 1975 г. маоистский тезис о неизбежности войны был положен в основу внешнеполитической программы, провозглашенной с трибуны сессии ВСНП и законодательно закреплен в конституции КНР. В статье 10 первой главы Основного закона КНР прямо указывается, что «Государство

осуществляет курс на... стимулирование подготовки на случай войны». Характерной чертой внешнеполитической программы новой конституции явилась ее антисоветская направленность. Утверждения китайских лидеров о «советской угрозе», об «угрозе с Севера», об «агрессивных планах» Советского Союза преследуют цель извратить миролюбивые цели и задачи внешней политики Советского государства.

Анализ внешней политики Китая в 1969—апреле 1976 г. со всей убедительностью показывает, что все действия маоистов на международной арене были подчинены задаче реализации великодержавно-шовинистических, гегемонистских замыслов правящей группировки. Для достижения своих целей пекинские лидеры не брезговали никакими средствами и методами. Прикрываясь революционной фразой, они проводили курс, в корне противоречащий идеалам социализма, интересам мира и безопасности народов. Однако, чем больше расходились слова и дела маоистских лидеров, тем явственнее становилась реакционная сущность их политики, все теснее смыкавшаяся с позициями реакционных кругов капиталистических стран. Характеризуя позиции маоистов, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде нашей партии подчеркнул: «Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему»¹.

Книга Б. Т. Колоскова, аргументированно, с марксистско-ленинских позиций раскрывающая реакционную природу внешнеполитической линии Пекина, стала важным вкладом в дело борьбы с теорией и практикой маонизма, против опасного для народов мира курса китайского руководства на срыв разрядки международной напряженности, на провоцирование новой мировой войны.

М. С. Украинцев

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 11.

Новая платформа японского социал-реформизма

В середине 70-х годов в Социалистической партии Японии, являющейся крупнейшей оппозиционной партией страны, резко усилилась идеологическая и политическая борьба между правыми и левыми группировками. Признанным лидером праворефор-

мистского крыла выступил Сабуро Эда¹, в работах которого была подробно разработана и сформулирована программа правой социал-демократии.

¹ Сабуро Эда (1907—1977) занимал видные посты в СПЯ: многократно избирался членом ЦИК, был генеральным секретарем, заместителем председателя ЦИК СПЯ. В марте 1977 г. вышел из СПЯ, а затем вместе с группой своих сторонников образовал собственную организацию — Социалистический союз граждан, в основу программных установок которого была положена концепция «гражданского социализма». Скончался 22 мая 1977 г.

Рецензируемая книга², опубликованная незадолго до смерти С. Эда, является апологией современного социал-реформизма. Она представляет собой наиболее полное изложение идеологических и политических взглядов автора. Японские сторонники реформизма придают этой работе большое значение, поскольку ее появление дает им возможность пропагандировать свои идеи, ссылаясь на авторитет и известность С. Эда, одного из старейших деятелей социал-демократического движения.

Выступая с позиций полного отрицания принципа революционного преобразования общества, автор книги рассчитывает на внесение своих взглядов в народное движение, на «превращение их в реальность». Он выражает надежду на то, что его идеи найдут единомышленников, которые будут сотрудничать с ним «как в области теории, так и в области практики» (стр. 216).

Книга состоит из трех частей. В первой, основной части автор довольно подробно излагает свою концепцию постепенных социальных преобразований японского общества. Во вторую часть включен ряд статей С. Эда, опубликованных в 60—70-х годах. Третью часть, как пишет автор, «по желанию издательства» составили некоторые его очерки и заметки. В качестве приложения в книге помещены тексты документов Общества размышляющих о новой Японии: «В интересах будущей Японии. Путь к гражданскому социализму» (октябрь 1976 г.) и «За создание реформистского правительства среднего пути» (январь 1977 г.).

Значительное место в книге занимает критика реального социализма, дискредитация социализма как идеи. С. Эда не оригинален в этой критике, он осуществляет ее, подменяя научную аргументацию фальсификацией опыта реального социализма. Он игнорирует общеизвестные факты, неопровержимо свидетельствующие о неуклонном росте сил мирового социализма, о возрастающем их воздействии на мировой исторический процесс. Вместе с тем, не будучи в силах полностью опровергнуть повсеместные успехи социализма, достигнутые на основе творческого применения марксистско-ленинского учения, автор проводит мысль, что марксизм-ленинизм, опыт социалистической революции и построения социализма в Советском Союзе имеют якобы ограниченное значение, применимы только в отсталых странах (стр. 28). Это ведет к тому, что он всячески превозносит идею так называемого «еврокоммунизма», рассматривая ее как прямое противопоставление марксизму-ленинизму и «возращение к социал-демократизму» (стр. 13). Эда активно пропагандирует подходящую, по его мнению, для страны с высоким уровнем развития капитализма кон-

цепцию «современного» социализма, именуемого «гражданским социализмом», которая представляет, по существу, один из вариантов модной теории трансформации капитализма в социализм.

Путь к социализму, в понимании автора, — это «конструктивная, реформистская политика, отвечающая требованиям времени» (стр. 35), «бесконечный и непрерывный процесс реформ» (стр. 74). Эда не мыслит иного пути, кроме реформ «законными методами», через парламент. За этим скрывается боязнь Эда признать необходимость преобразования самих основ капиталистического строя, затронуть его святыню — частную собственность. Он вновь вытаскивает на свет активно пропагандировавшуюся им в начале 60-х годов теорию «структурных реформ». Эта теория, частью которой было провозглашение Эда «нового представления о социализме» как простом конгломерате «американского уровня жизни, советской системы социального обеспечения, английской парламентской демократии и японской мирной конституции» (стр. 9), уже была в свое время отвергнута японскими социалистами ввиду несовместимости ее с задачами защиты интересов рабочего класса.

Выступая как идеолог «среднего пути», автор высказывается против полной ликвидации капиталистической собственности на средства производства, прямо указывая в своей книге, что «широкая национализация является большим минусом», поскольку «исключает свободную конкуренцию» (стр. 23). Эти идеи Эда конкретизированы в документах Общества размышляющих о новой Японии, составленных при его непосредственном участии. Авторы документов, по сути, уклоняются от обсуждения вопроса о национализации монополистических предприятий, а также пытаются найти такое решение, которое не ущемляло бы среднюю и мелкую буржуазию. Они предлагают создать «смешанную экономику», а именно: «использование таких разнообразных форм, как национализированные предприятия; предприятия, подведомственные местным органам самоуправления; кооперативные предприятия; частные предприятия, организованные по типу общественных; предприятия прочих юридических лиц и т. д.» (стр. 184). Вместе с тем, будучи не в силах отрицать, что частная собственность находится в непримиримом противоречии с интересами развития общества, составители проектов «гражданского социализма» вынуждены делать оговорку о необходимости «участия трудящихся в контроле за промышленностью и производством» (стр. 183).

Апологетика частной собственности влечет за собой нападки на принципы государственного планирования, являющегося неотъемлемой чертой социалистического хозяйства. «Мы считаем, — отмечается в программном документе Общества размышляющих о новой Японии, — что функции планирования должны ограничиваться исключительно регулированием, управлением, конт-

² Сабуро Эда. Атарасий сэйдзи — о мэдзаситэ. Ватакуси-но синдзэ-то синдзэ (В интересах новой политики. Мои убеждения и чувства). Токно. Нихон хёронся. 1977, 217 стр.

ролем над национальной экономикой в глобальном масштабе, но не распространяться на планирование деятельности отдельных предприятий» (стр. 185). В этом документе осуждается «отмирание рынка в условиях реального социализма». По концепции «гражданского социализма» альтернативой «отмиранию рынка» являются «контроль, регулирование и совершенствование рыночного механизма» (стр. 184). Иными словами, выдвигается еще один расходящийся с объективными законами общественного развития проект механизма «контролируемого рынка», который давал бы гарантии частной предпринимательской деятельности и в то же время отвечал бы интересам всего общества.

На фоне проповеди нерушимости принципа частной собственности, а следовательно, и увековечения основы капиталистической эксплуатации фальшиво звучит провозглашение «свободы и демократии, контроля и управления, участия и гласности, гарантии и солидарности» в качестве основополагающих принципов «гражданского социализма» (стр. 185).

Значительное место в книге уделяется автором его взглядам на проблему создания коалиционного правительства в Японии. Наиболее полно они изложены в документе «Мнение о реформистском коалиционном правительстве среднего пути», который Эда представлял в ЦИК СПЯ накануне 40-го съезда партии. Исходным пунктом концепции Эда является вывод об отсутствии перспектив двухпартийной системы, в которой противостоят «консервативная» и «прогрессивная» партии. Такая система, считает автор, разваливается во всем мире, а также «практически неосуществима и в Японии» (стр. 32). Он подчеркивает, что в Японии «приближается эпоха коалиции» и «политическая власть в стране неизбежно примет форму многопартийной коалиции» (стр. 38). Далее Эда обосновывает «необходимость» сотрудничества с частью правящей партии, отрицая в то же время возможность включения в правительственную коалицию коммунистов. «Если даже четыре партии: СПЯ, Комэйто, ПДС и КПЯ, — песимистически утверждает автор, — будут действовать сообща, то наверняка не завоюют большинства голосов; поскольку же среди них нет единства, то это совершенно безнадежно. Необходимо решительно подумать о привлечении прогрессивных элементов из либерально-демократической партии. В противном случае ЛДП сама развернет деятельность по внесению значительного раскола в реформистские партии, и в первую очередь в Новый либеральный клуб»³ (стр. 36). Автор выдвигает предложение о создании коали-

ционного правительства в составе СПЯ, Комэйто, ПДС и группы либералов при сотрудничестве с КПЯ только вне правительства (стр. 36). Таким образом, он выступает против официального курса СПЯ на сотрудничество со всеми оппозиционными партиями, включая КПЯ. Вывод о невозможности участия КПЯ в коалиции автор делает на основе несостоятельного заявления о том, будто именно КПЯ является причиной отсутствия единства в лагере прогрессивных сил, «поскольку она является идеологической партией, придерживающейся принципа демократического централизма» (стр. 39). Вместе с тем Эда не может полностью игнорировать эффективность сотрудничества социалистов с коммунистами, например на выборах в местные органы власти и по ряду актуальных проблем защиты жизни трудящихся, поэтому он рекомендует в отношении КПЯ применять метод «сотрудничества на расстоянии» (стр. 79).

Предлагаемая автором многопартийная коалиция мыслится не как «коалиция, объединенная одной идеологией», а как «гибкая коалиция, в которую входят политические партии, стоящие на различных позициях, автономные организации и отдельные лица» (стр. 38—39). Создается впечатление, что характер и политическая платформа коалиционного правительства мало интересуют автора, главное для него — приход к власти. Он сознательно затушевывает вопросы практической деятельности коалиции, подменяя их общими фразами о служении интересам «народа». Поскольку выражение «единый фронт» требует разъяснения направленности совместных усилий, то Эда предлагает отказаться от него и использовать только термин «коалиция», объясняя необходимость этой замены своим несогласием с тем, что «единый фронт» означает «объединение вокруг партии-авангарда» (стр. 39).

Излагая свои взгляды по проблеме коалиционного правительства, автор неоднократно в качестве образца приводит СДПГ и возмущается тем, что в рабочем движении Японии рассматривают ее как партию, забывшую «свою песню», то есть социалистические идеалы (стр. 57).

Стремясь к созданию коалиционного правительства, подчеркивает автор, не следует забывать о том, что 30—40% избирателей в Японии не выступают в поддержку ни одной партии, причем среди них много молодежи и высших слоев интеллигенции (стр. 24). Поэтому, считает он, необходимо всемерно привлекать беспартийные силы к участию в выработке проекта политического курса будущего коалиционного правительства. Целям привлечения так называемых «плавающих голосов» на сторону СПЯ, Комэйто и ПДС должно служить, по мнению Эда, общество размышляющих о новой Японии (стр. 41). Он сводит на нет роль политической партии рабочего класса, утверждая, что только подобное общество «на основе собрания умов, не принадлежащих к партиям», способно выработать про-

³ Новый либеральный клуб — организация, созданная в 1976 г. лицами с консервативными взглядами, которые покинули ЛДП, требуя обновления правящей партии и очищения ее от коррупции.

грамму неотложных политических мероприятий, принять правильный политический курс (стр. 44).

Эда пытается представить деятельность левой группировки внутри СПЯ — Общества социализма (Сякайсюги кёкай) — как причину снижения активности СПЯ на политической арене страны в последние годы. Он критикует его за то, что оно стремится «конкретно применить марксизм-ленинизм к японской истории» и выступает за построение в Японии «социализма по советскому образцу» (стр. 27). Эда обеспокоен тем, что «Общество социализма год от года набирает силу внутри СПЯ» (стр. 2). Запугивая членов и сторонников СПЯ, он утверждает, что «если Общество социализма возьмет руководство в свои руки, то это, вероятно, вызовет возмущение большинства сторонников СПЯ» (стр. 2—3), а «народ в массе своей и большинство рабочих полностью отступятся от СПЯ» (стр. 26). Симпатии Эда всецело на стороне так называемых «здоровомыслящих», которые озабочены тем, что «соцпартия перестает быть соцпартией», объединяются в коалицию, направленную против Общества социализма, и прилагают усилия к тому, чтобы помешать распространению его влияния в партии (стр. 4). По словам Эда, «здоровомыслящие» требуют, «чтобы СПЯ была очищена от марксизма-ленинизма, их целью является не расширение рядов партии при сохранении различных течений внутри нее, а качественное очищение партии» (стр. 4).

За какое «качественное очищение партии» выступает сам Эда, становится ясно при ознакомлении с его взглядами на программный документ СПЯ «Путь Японии к социализму», разработанный Комитетом по теории социализма при ЦИК партии и одобренный партийным съездом в 1964 г. Автор мечтает о возвращении к программе 1955 г., содержащей ряд положений антикоммунистического толка, недоволен применением в этом программном документе выражения «научный социализм», «имеющего смысл — марксизм-ленинизм» (стр. 42). Он призывает партию к пересмотру этого документа путем развертывания новой внутрипартийной дискуссии (стр. 43). В конечном счете автор ратует за фактическое превращение СПЯ в реформистскую партию, подобную нынешней партии демократического социализма.

Толкая японских социалистов к полному отказу от классовых позиций, автор добивается также изменения характера международных связей СПЯ. В частности, он выражает недовольство тем, что СПЯ, будучи членом Социалистического интернационала, не имеет активных контактов с западноевропейскими социал-демократическими партиями, «ежегодно направляет дружественные делегации в Советский Союз и близкие к нему страны, а в страны, социал-демократические партии которых состоят в Социинтерне, почти не посылает» (стр. 15).

В книге излагаются взгляды автора на проблемы внешней политики Японии, особенно взаимоотношений с США и Китаем. Эда настойчиво требует от СПЯ установить «канал связи с США» (стр. 16). Он всячески превозносит «роль первого за 18 лет» визита в США делегации СПЯ во главе с самим автором, состоявшегося осенью 1975 г. По окончании визита Эда сказал: «Мы в лице СПЯ придаем чрезвычайно большое значение дальнейшему развитию японо-американских отношений» (стр. 97). Нельзя при этом не заметить, что, настаивая на развитии непосредственных связей СПЯ с США, с их государственными властями, Эда пытается в то же время приглушить выступления социалистов против японо-американского военно-политического союза. Он предлагает свой путь решения проблемы японо-американского «договора безопасности», отличающийся от официального курса СПЯ на немедленную ликвидацию военно-политического союза с США. Эда выступает против «односторонней» ликвидации договора с США, за «осторожное» решение этой проблемы, осуществление ее путем переговоров. Заявляя о том, что «мудрой сделкой являются постоянные усилия для создания такого международного климата, когда у обеих сторон опадает необходимость в этом договоре» (стр. 17), он практически оправдывает сохранение военного союза Японии с США на неопределенный срок.

Существенно изменились за последние два года, видимо, в результате поездки Эда в Китай (июнь 1976 г.), его взгляды на проблему заключения японо-китайского договора о мире и дружбе. От первоначально настороженного отношения к попыткам Пекина включить в договор статью о «гегемонии», которой китайская сторона недвусмысленно придает антисоветскую направленность и толкует как обязательство двух государств осуществлять совместные действия против СССР, Эда на деле перешел на позиции поддержки антисоветской политики китайского руководства в этом вопросе. Он осуждает «нерешительность» и «неопределенность» позиции японского правительства, подсказывая благовидные оправдания для включения в японо-китайский договор постулата о «гегемонии». «Статья о гегемонии в неизменном виде должна быть включена в мирный договор. Это проистекает не из требований Китая, — утверждает автор, — а является активным настоянием нашей стороны, поскольку послужит клятвой Японии, которая раскаялась в содеянной ею агрессивной войне и стала мирным государством, перед всеми странами мира» (стр. 18).

Книга С. Эда, бывшего социалиста, проповедника иллюзорного «гражданского социализма», противника марксизма-ленинизма, игнорирующего превращение социалистической системы в ведущую силу мирового революционного процесса, позволяет лучше понять смысл обострившейся в последние годы идеологической и политической борьбы в Социалистической партии Японии.

Содержание этой борьбы, как явствует из книги, составляет столкновение между силами, считающими возможным вывести эту крупнейшую оппозиционную партию Японии из состояния кризиса на путях развития ее как партии рабочего класса и применения богатого революционного опыта международного рабочего движения, и силами, вы-

разителем взглядов которых является автор, стремящимися навязать партии капитулянтский «средний путь», ликвидировать те позитивные аспекты, которые превратили СПЯ в один из передовых отрядов международного рабочего движения.

И. А. Цветова

Механизм политической власти в императорском Китае

Книга посвящена исследованию внутриполитической деятельности китайского правительства в сравнительно малоизученный период — начале XV в. Если бурные события истории Китая в середине и конце XIV в. — падение господства монгольских феодалов и разносторонняя деятельность основателя новой империи Мин (1368—1644) Чжу Юань-чжана — привлекали многих исследователей, то последствия названных событий, дальнейшая эволюция наметившихся в конце XIV в. явлений в социальной и политической жизни Китая оставались до последнего времени за пределами их пристального внимания. Именно этим объясняется выбор темы А. А. Бокшанниным. Его работа в значительной мере восполняет указанный пробел.

Монография построена главным образом на китайских источниках с привлечением широкого круга научной литературы. Следует особо отметить детальную проработку такого источника, как «Мин ши лу», — подробной хроники правления различных императоров из династии Мин, — который до настоящего времени лишь ограниченно использовался в наших исследованиях. Автор освещает обширный круг вопросов, затрагивающих политическую, социальную и частично экономическую обстановку в Китае в начале XV в. Анализу подвергаются такие проблемы, как возникновение и преодоление политического кризиса в стране на рубеже XIV—XV вв., взаимоотношения центральной власти и удельных властителей (панов), работа государственного аппарата и особенности позиции император-

ской власти в исследуемый период, аграрная политика правительства и его отношение к развитию ремесла, торговли и финансов, состояние военных сил империи, национальная политика китайских властей и подавление ими народных движений. Все это, вместе взятое, дает конкретное представление о наиболее характерных принципах и методах, применявшихся китайским императорским правительством, в основе которых лежали традиционные политические доктрины. Вместе с тем автор показывает, как конкретные требования момента заставляли китайские власти отступать от традиционных методов, вносить в них скрытые или явные модификации.

Следует также отметить, что, ограничив исследование строго определенным периодом, А. А. Бокшанин не отрывает описываемые события и явления от общего хода исторического процесса и рассматривает их в тесной связи с предшествующей обстановкой в стране и последующим ее развитием.

Книга состоит из введения, где содержится обзор использованных источников и научной литературы по теме исследования, и девяти глав.

В первой главе «Обострение внутриполитической борьбы в Китае в конце XIV в.» освещается положение, сложившееся в империи Мин в результате систематически проводившейся Чжу Юань-чжаном политики самодержавной власти. Причины такого курса усматриваются в нестабильности внешнеполитического (опасность нового монгольского вторжения) и главным образом внутриполитического положения созданной империи (приход Чжу Юань-чжана к власти на гребне мощного народного движения и в жестокой борьбе с соперниками — претендентами на престол, социально-экономические последствия господства монгольских феодалов). Автор показывает, что названная политика встречала определенное противодействие в среде господствующего класса страны, его правящей верхушки. В результате внутренняя нестабильность сохранялась.

Новое правительство, пришедшее на смену Чжу Юань-чжану в 1398 г., для преодоления накопившихся противоречий было вынуждено пойти на ряд реформ. Центральное место в его реформаторской деятель-

ности занимала попытка ликвидировать возросшее при Чжу Юань-чжане влияние удельных властителей — многочисленных сыновей основателя династии, на которых он рассчитывал опереться в борьбе за усиление своей власти. Переход к политике ликвидации уделов вызвал недовольство в определенных кругах правящей верхушки и еще больше обострил внутреннюю борьбу. Вспыхнувшая вокруг вопроса об уделах в конце XIV в. междоусобная война «Цзиннань» оценивается автором не как простая борьба за престол, а как закономерный результат сложившейся в стране политической обстановки, логическое завершение назревшего ранее кризиса власти.

Во второй главе — «Война Цзиннань» — подробно разбирается идеологическая аргументация враждующими сторонами своих позиций, а также описывается ход военных действий (описание сопровождается схемами основных военных кампаний 1399—1402 гг., составленными автором на основании данных источников). Причину поражения правительственной стороны А. А. Бокшанин видит не только в стратегических и организационных просчетах, но и в отсутствии достаточной поддержки в стране императорскому правительству, что в свою очередь было следствием наметившейся ранее политической нестабильности.

Третья глава — «Перевоорот 1402 года» — посвящена исследованию тех методов, с помощью которых одно правительство устранилось и заменялось другим. Автор показывает, как победившая группировка пыталась идеологически оправдать свой приход к власти, насколько широко при этом практиковались методы прямого подавления бывших противников, как постепенно, путем сочетания «новых» и «старых людей» происходило формирование правящей элиты.

В следующих главах монографии исследуются те пути, которые избрало пришедшее к власти в результате внутренней борьбы правительство Чжу Ди для стабилизации положения в стране. Прежде всего ему пришлось столкнуться с проблемой уделов, так как интересы удельных властителей, несмотря на то что Чжу Ди во время войны выступал их защитником, объективно противоречили наметившейся еще с конца XIV в. тенденции к усилению центральной императорской власти. Этой проблеме посвящена четвертая глава книги — «Императорское правительство и удельные властители в первой четверти XV в.». В ней показывается, как неотвратимо нарастал новый конфликт уделов с центральной властью. Удельные властители не могли служить той опорой, в которой нуждалось новое правительство внутри страны. В связи с этим вскоре же после своего прихода к власти Чжу Ди был вынужден практически обратиться к политике прежнего, свергнутого им правительства в отношении уделов — ликвидации их держателей

и их военной и политической силы. И хотя данная политика привела к новой попытке разжечь междоусобную войну (мятеж Ханьвана), но общим ее итогом в начале XV в. было разрушение заметно усилившейся ранее мощи уделов и зревших в них сепаратистских тенденций.

В главе «Роль и положение армии после войны Цзиннань» рассматривается вопрос, насколько правительство Чжу Ди, пришедшее к власти военным путем, могло опереться на армию для упрочения своего положения. Автор показывает, что в первое время после победы были сделаны шаги в сторону опоры на армию. В частности, весьма интересными представляются приводимые в монографии данные о военных наместниках, назначенных в разные провинции и области страны с самыми широкими полномочиями. Автор видит в этом стремление создать противовес могуществу и влиянию удельных властителей. Однако, по мнению А. А. Бокшанина, сословный статус армии в империи Мин не давал возможности полноценного использования ее в качестве внутренней опоры. Этому мешала также необходимость применения армии для внешнеполитических целей и проблема снабжения войск. Последняя заключалась в использовании Чжу Ди возникшей издавна в Китае системы военных поселений — то есть перевод части солдат на положение землепашцев в целях обеспечения войск провиантом. Автор убедительно показывает, как наличие военных поселений отрицательно сказывалось на боеспособности войск, вело к эксплуатации солдатской массы военными чинами и к общему разложению армии.

Глава шестая — «Императорская власть, аристократия и бюрократия» — повествует о сложных связях, существовавших в тот период между центральным правительством и государственной машиной в целом. В поисках внутренней опоры правительство Чжу Ди не доверяло аристократическим слоям китайской элиты и пыталось нейтрализовать их политическое влияние, сохраняя их социальные и имущественные привилегии. Используя для управления страной широкий бюрократический аппарат, императорская власть в то же время проявляла явное недовольство его несовершенством. Чжу Ди никак не удавалось превратить чиновников в послушных и безотказных проводников своей воли. В связи с этим он пошел на значительные организационные изменения в системе управления. Выявление этого момента — одна из существенных сторон предлагаемого исследования.

Суть отмеченных изменений автор видит в политике «раздвоения власти». Эта политика проявилась в двух аспектах. Во-первых, в создании параллельно с ординарной бюрократической машиной системы специальных («внутридворцовых») служб, в известной мере дублировавших работу государственного аппарата и подчиненных не-

посредственно самому императору. Во-вторых, в создании прецедента двух столиц и, что более важно, двух параллельных правительств, функционировавших задолго до перенесения «основной» столицы из Нанкина в Пекин (1421). Политика «раздвоения власти» неизбежно вела к усилению третьей силы — императорской власти. Упомянутые мероприятия подкреплялись созданием Чжу Ди в северных районах страны (вокруг Пекина) экономической и военной базы для упрочения своего господства в противовес старому столичному району, лежавшему в нижнем течении р. Янцзы.

Отмеченные выводы автора помогают по-новому оценить многие политические процессы, обозначившиеся в империи Мин в последующее время.

В двух главах монографии — «Аграрная политика правительства Чжу Ди» и «Регулирование ремесла, торговли и финансов» — А. А. Бокшанин рассматривает экономические аспекты программы пришедшего к власти после междоусобной борьбы правительства. Он подчеркивает, что, несмотря на кажущееся отсутствие определенной аграрной программы у правительства Чжу Ди, за этой неопределенностью крылась вполне ясная тенденция к служению интересам феодалов-землевладельцев. В начале XV в. это особенно ярко проявилось в отказе от каких-либо существенных попыток ограничить расширение и укрепление частной земельной собственности, какие предпринимались в конце предшествующего века.

Значительное место в работе уделено выявлению тех традиционных методов политики «заботы государя о народе», которые императорское правительство рассматривало как необходимую гарантию для удержания своей власти и сложившихся социальных порядков в целом. Автор на документальном материале прослеживает, что названная политика не могла предотвратить нараставшее ухудшение положения в деревне, связанное с усилением эксплуатации крестьян местной феодальной администрацией и частными феодалами-землевладельцами.

В области ремесла и торговли политика правительства Чжу Ди, по мнению А. А. Бокшанина, страдала противоречивостью. Эта противоречивость проявлялась в стремлении ставить преграды на пути их развития, которое диктовалось требованиями ортодоксальной политической теории и потребностью китайского общества XV в. в расширении этих видов деятельности. В результате обрисовывается пестрая картина допущения и поощрения одних видов ремесла и форм торговли и искусственного ограничения и даже запрещения других.

В последней главе работы — «Подавление народных движений и национальная политика в первой четверти XV в.» — автор показывает, что исследуемый период отнюдь

не был временем классового мира. Народные восстания в различных частях империи вспыхивали почти ежегодно. Правительство пыталось принимать меры к их предотвращению. Поскольку они не действовали, власти прибегали к увещанию повстанцев: обещаниям прощения и угрозам. Это не исключало применения военной силы. В восстаниях начала XV в. в полной мере отразился социальный протест народных масс, проявлявшийся в ряде случаев и в религиозно-политической форме.

К подавлению освободительного движения среди некитайского населения отдельных районов империи правительство Чжу Ди подходило еще жестче, чем к народным восстаниям китайцев. В целях и методах национальной политики исследуемого периода автор прослеживает определенные различия на северо-западных окраинных районах и на юге страны. В первом случае преобладали формы военной организации некитайского населения, во втором — учредилась своеобразная система полуавтономной местной администрации (ту сы). Китайская колонизация южных районов империи к описываемому времени еще продолжалась. В зависимости от своих сил и возможностей китайские власти стремились к закреплению здесь своего влияния и вместе с тем пытались привлечь на свою сторону племенную и феодализирующуюся верхушку местных некитайских племен и народов. Но колониальная политика, достигшая своего апогея в создании провинции Гуйчжоу в 1413—1414 гг., встречала сопротивление со стороны коренного населения.

Данная работа не лишена некоторых недостатков. В частности, можно указать на недостаточное внимание автора к тем идеологическим процессам, которые влияли как на формирование политической культуры императорского правительства в целом (император и бюрократия), так и на развитие политических событий того времени. Как, например, место и роль легистских концепций в период усиления императорской власти в конце XIV — начале XV вв.

Хотелось бы в общем заключении работы видеть более развернутую характеристику влияния традиционных методов управления на социальную жизнь минского Китая.

В целом данная монография интересна для нас тем, что позволяет заглянуть во внутренний механизм функционирования императорской системы власти в различных ситуациях; понять степень реальной власти всего правящего сословия на разных уровнях государственной машины: от императора до рядовой бюрократии. Автор показывает, что проблема централизации и децентрализации власти, существование противоборствующих группировок в господствующих слоях извечно присуща авторитарным режимам в Китае. Также характерна

и традиция непрерывной борьбы китайского народа против феодальной эксплуатации.

Рецензируемая книга является фундаментальным исследованием и вносит суще-

ственный вклад в разработку истории китайского феодального государства.

*Л. С. Переломов,
доктор исторических наук*

Знаменательная страница истории Приамурья

Писатель Виктор Александрович Сергеев известен в Бурятии как журналист, переводчик и автор романов «Красный день» (1969), «Луна за облаком» (1973), посвященных жизни современного забайкальского села и коллектива крупной стройки. Примечателен для нашего времени интерес русского писателя к судьбам братского народа, среди которого живет он немало лет. И не только сегодняшнее, но и прошлое увлекает его поиском самых глубоких корней братской дружбы народов, которых история сделала соседями, соратниками, товарищами по труду. Такова действительно интернациональная природа нашей литературы.

Недавно увидел свет новый роман В. Сергеева «Унтовое войско»*.

...50-е годы прошлого столетия. Россия накануне революционного кризиса. Свежи в памяти события на Сенатской площади, страстные выступления В. Г. Белинского, только что прогремело «дело петрашевцев», на политической арене — «новые люди». Кризис крепостничества достигает предельной остроты. Унизительное поражение царизма в Крымской войне. Крестьянские бунты. Издалека — набат герценовского «Колокола». И за всем этим — новое, поначалу незаметное историческое движение в заторможенной дали, пробуждение Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока, решительный поворот в жизни населения края, о котором Нессельроде цинично отозвался как о «мешке российских грехов».

Во всем этом — общая связь: Россия, взламывая крепостнические путы, самодержавно-барскую одурь, тупую покорность российского холопства, двинулась к новым берегам, историческим, духовным, географическим.

* В. А. Сергеев. Унтовое войско. Улан-Удэ. Бурятское книжное издательство. 1976. 662 стр.

В повествовании В. А. Сергеева — запинающиеся события и характеры, острый сюжет и точность исторической реконструкции, сила и достоверность художнического воображения и все крупно, масштабно, яркие детали не создают впечатления суетливой пестроты.

События романа разворачиваются в двух планах. Один, так сказать, внешний, исторически-официальный, с охватом ситуации в Европе и на Дальнем Востоке. Это деятельность Н. Н. Муравьева — генерал-губернатора Восточной Сибири, министров, сената, царей, подвижничество русских моряков, дипломатические переговоры, отношения с Цинским Китаем. Автор демонстрирует глубину исторического анализа, четкость характеристик событий и лиц, строгое, с большим чувством меры, доказательство — описание сложнейших явлений и персонажей. В. А. Сергеев здесь близок к документальной прозе, освещенной (быть может, точнее — осмысленной) художественной интуицией. Между тем трудность заключалась не только в воспроизведении исторического материала: и Муравьев, и Невельской, и двор, и чиновничество уже знакомы читателю по романам Н. П. Задорнова и других авторов. Следовательно, у В. Сергеева не могло быть повторения, копии, нужно было открыть неизученные прежде грани. Именно так и предстают эти образы перед взором читателя благодаря перу зрелого автора, мастера исторического повествования.

Тяжелая историческая несправедливость — Нерчинский трактат конца XVII в. — практически оставил Россию без выхода к Тихому океану, который к середине XIX в. стал ареной важных событий, центром активности западных держав, далеко не безопасной как для Китая, так и для России. Восточные ее пределы все более очевидно становились самыми уязвимыми, открывая доступ капиталистическим хищникам к несметным богатствам Востока. Требовались державные решения, требовались усиления, требовались энтузиасты-патриоты.

Неустойчивость обстановки заключалась также в глубокой исторической непричастности Цинской империи к этой части материка и в попытках ее утвердиться здесь. С большой достоверностью автор показывает, что земли и народы по левобережью Амура, в устье его и на Сахалине не могли быть отнесены к Китаю и не относились к нему, что единственная связь была искус-

ственна — грабительские набеги маньчжурских шаек на некоторые из этих районов, когда откровенный грабеж прикрывался якобы ясачной зависимостью (стр. 166, 169). Явное и неявное сопротивление и враждебность к маньчжурам — завоевателям монголов и бурят, орочей и гольдов, гиляков и дауров — яркая сторона событий тех лет.

В. А. Сергеев раскрывает сложные переплетения русско-китайских отношений и пекинской политики тех дней, ни на йоту не отступая от исторической правды, соблюдая чувство такта и свидетельствуя уважение к китайскому народу. События в этих эпизодах вместе с тем раскрыты достаточно всесторонне, что позволяет читателю точно представить бедственное состояние китайского народа, общества, государства, понять или во всяком случае ошутить, как многовековое безжалостное подавление народа «своими» и «чужими» правителями насаждало среди населения Китая слепое послушание, автоматизм затхлых традиций, тупую пассивность и обезличение (стр. 658).

Подвергаясь агрессии Англии и Франции, цепляющаяся за ветхозаветные представления о «Срединной империи» Цинская монархия ведет растерянную, нерешительную, беспорядочную политику и в амурском вопросе. Вынужденные признать неосновательность своих территориальных притязаний, пекинские правители пускаются на различные махинации и проволочки, чтобы не допустить определения и утверждения границ России на Дальнем Востоке, пытаются использовать поражение России в Крымской войне, чтобы «спасти лицо», а главное — в суматохе отторгнуть хоть клочок не принадлежащей им территории. Автор не без основания подмечает в тактике цинской дипломатии весьма характерный прием — придумывание угрозы, вреда со стороны партнера, чтобы предъявить ему необоснованные претензии (стр. 498).

При всей своей феодально-крепостнической природе русское правительство в силу известных исторических обстоятельств, самой логикой вещей (и это очень точно описывает В. А. Сергеев) не могло позволить себе авантюристические предприятия на Дальнем Востоке и в китайской политике. Поэтому реализм объективных оценок пробивал себе дорогу в поведении представителей России вопреки их самодержавной сути. В романе описаны события, связанные не только с терпеливостью и доброжелательностью (в основном) российской дипломатии в отношении Китая, но и факты, мало известные широкому читателю, касающиеся военной помощи Китаю, отправки современного оружия и обучения цинских солдат российскими инструкторами.

Очень убедительно показаны автором романа обстоятельства заключения Айгуньского и Тяньцзиньского договоров, где совершенно отсутствовали методы нажима и вымогательства, что в принципе отличало их от договоров, «выколоченных» из Китая англо-французскими агрессорами. Договоры

России с Китаем были равноправными соглашениями двух суверенных независимых держав. Следует лишь подчеркнуть, что и Цины вынуждены были исходить из соображений здравого смысла, а не дутых старокитайских амбиций, потому что были научены горьким опытом так называемых «опиумных войн» и потрясениями тайпинской революции (стр. 517).

Описание драматической обстановки на Дальнем Востоке В. А. Сергеев дополняет четкой расстановкой политических фигур, ясным обозначением их мотивов. Позирующий под великого Петра, мечтающий прорубить «свое» окно — в Тихий океан — Николай Палкин в то же время предстает как игрушка в руках высшего чиновного аппарата. Министр Нессельроде, «министр нерусских дел» во главе российской дипломатии, озабочен тем, чтобы вести эту дипломатию, ничего всерьез не предпринимая. Мелкая придворная камарилья тем более чужда всякого серьезного дела. Наконец, самая яркая политическая фигура (и самая противоречивая из них) — Н. Н. Муравьев. Автор мог пойти по простейшему пути: «с одной стороны... — с другой стороны...». В изображении В. А. Сергеева у Муравьева нет этой внешней формальной двойственности. Это — цельная личность, а потому и образ живой, яркий. Энергичный, обладающий государственным умом, честолюбивый, здравомыслящий (думается, его связи с декабристами — не только маска либерала, но и здравый смысл практика-администратора), в чем-то артистичный и самовлюбленный. В личной честности Муравьева В. А. Сергеев находит ключ к этой сложной натуре, в этом значительность успеха художника-историка: честен он по кодексу чести барско-аристократическому, тем и ограничен, в том и диалектика его личности, в том и исход его — устранение от амурских дел (прежде сам он устранил от них слишком «нетерпеливого» Невельского). Он — порождение эпохи и своего клана, и никакие личные способности и дерзания не подняли его над статусом чиновника самодержавной империи. Потому он жесточайше расправляется с непокорными и вольнодумцами, потому и нечужд он, как отмечал Петрашевский, арачьевских методов в амурском своем предприятии.

Генерал-губернатор очень любил сотворенную им формулу-заклинание: «Цель — Амур, средство — Забайкальское казачье войско, исполнитель — Муравьев». В. А. Сергеев — и в этом, пожалуй, главное достоинство его романа — художественно сильно, пристрастно и убедительно развенчивает это муравьевское заклинание. Да, цель — Амур, без ее достижения Россия не могла быть полноценной державой на Тихом океане. Но одних генерал-губернаторских талантов не хватало бы для ее достижения. То, что содеял народ сибирский, не давало никаких оснований Муравьеву-Амурскому считать его своим слепым орудием, — таков второй и главный план событий в романе.

Самые проникновенные, прочувствованные, потому и западающие в душу читателя страницы романа посвящены народным судьбам — сеченым, загубленным на рудниках и каторге, истерзанным и ограбленным родовой верхушкой и маньчжурскими захватчиками, измученным голодом и болезнями людьми — труженникам и солдатам. Среди этих судеб нет ни одной благополучной, среди событий романа — ни одной идиллической картины.

Чинновно-самодержавно-поповская паутина паразитарной организации, насмерть «зря» душит все ей противоположное, все, что могло стать выдающимся на славу и пользу России: таинственная гибель бурята-ученого Д. Банзарова, отстранение от амурских дел капитана Невельского, ссылка Петрашевского в самую вилюйскую глушь, угнетение, унижение и страх — единственные «верные», окончательные средства управления.

Трагедия бурята-казака Очира Цицкого и трагедия русского есаула Крюкина, мятарства каторжан, но несмотря на все муки — ясное государственное мышление народа: «Ведь это наша родная река, она ведь из наших кровавых капель собралась, и тех кровавых капель немало в Шилке и Аргуни, что текут и днем и ночью в Амур-реку» (стр. 180). Создание общности судеб, общности пути русского и других народов — в народной мудрости: «Не на то дивятся, как братья делятся, а на то дивятся, как складываются» (стр. 236).

Вот почему трагедии героев не стали традицией в истории страны. «...Войско (для похода к устью Амура. — Э. Д.) рождено не только и не столько по велению Муравьева или царя, — пишет В. А. Сергеев, — сколько по страстной тяге к воле недавно приписанных к заводам государевых крестьян, по неудержимому хотению сибирской вольницы, познавшей побои и пытки, сорваться с места, бежать от всего этого куда глаза глядят, по желанию бурятских родовичей, ашебагатов, цонголов, атаганов, сортонов, не хотевших возвращаться в ясачную кабалу и не забывших старые обиды от маньчжурских отрядов» (стр. 254). Таковы ключевые строки романа, выразившие самую суть описываемых событий.

В. А. Сергеев подходит к раскрытию сущности народной жизни с точностью социолога и мастерством настоящего художника: не «представители», а типы, характеры, живые человеческие судьбы, воплотившие бессмертие народного дела. Бурятская беднота и родовая верхушка, казачья гольтуба — казаки русские, бурятские, тунгусские — унтовое войско, у которого к службе и на сапоги не сыскалось достатка, — и лихоимцы-чинновники, мироеды-лапоноговы и офицеры-садисты; офицеры-патриоты, «страшно далекие от народа», но идущие с ним одной дорогой; солдаты и матросы, каторжники — потомки лугачев-

цев и декабристы, голос Герцена и статьи Петрашевского — сотрудника иркутской газеты «Аврора». Это все — целое, живое, трепещущее в борении добра и зла.

В. А. Сергеев на примере десятков судеб и сотен событий открыл читателю важнейшую истину: освоение Амура стало историческим фактом потому, что за него взялся русский народ при участии, поддержке и сочувствии коренного населения Приамурья и Приморья, Якутии и Камчатки. И народ дал жизнь этой земле, начал торить по ней дорогу в будущее, вопреки всему трагическому и жестокому, что встретилось на его пути.

Выход России к Амуру не был завоевательным походом, не был и нашествием иноземных захватчиков. Многие десятилетия самопроизвольного расселения народов сделали соседями русских и бурят, дауров и ороченов, гольдов и гиляков, корейцев и беглецов из Китая. Вместе обживали они эти края, всех их кормила одна земля, полили одни реки. Захватчики приходили из других стран и сторон — маньчжурские завоеватели, американские промышленники, европейские солдаты.

Освоение Россией устья Амура, как и Приморья и Забайкалья, не сопровождалось межгосударственными войнами, отторжением территорий соседних государств. Это был естественно-исторический процесс. В свое время не получила признания идея «наименьшего зла», потому что исторические судьбы народов нельзя оценивать меркой отдельного события и данного момента времени. То, что в России соединились судьбы многих народов, сделало ее центром мирового революционного процесса, а это в свою очередь обеспечило прогресс всех народов нашей Родины на пути к коммунизму. Об этом прежде всего книга В. А. Сергеева, в этом причина ее заслуженного успеха.

* * *

Вполне допуская мысль о переиздании, ибо роман интересен для читателя не только Бурятии и Дальнего Востока, хотелось бы отметить не всегда достаточную редакторскую работу над текстом. В особенности это относится к терминам, названиям, транскрипциям диалогов в русском написании. Вряд ли казаки 50-х годов прошлого века жаловались, что «первишки истрепались», или употребляли термин «гимнастерка». Странно звучит и такая, например, фраза: «Доведу до вашего слуха только первые нероглифы». Следует придерживаться общепринятого написания: давно уже не пишут «манджуры», но — «маньчжуры». Необходимы также более широкие исторические, географические и терминологические примечания.

Э. Ф. Дроздов

Молодежь в борьбе за социальный прогресс, мир и безопасность народов

22—25 ноября 1977 г. в Ленинграде состоялась Международная встреча «Октябрь и молодежь», посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Во встрече приняли участие представители молодежных и студенческих организаций более 100 стран, обсудившие насущные проблемы, встающие перед современным молодым поколением, его участие в борьбе за мир во всем мире, за дальнейшее развитие процесса разрядки международной напряженности, за осуществление выдвинутых Советским правительством программ по достижению полного прекращения гонки вооружений. Участники встречи обсудили вопросы борьбы передовой молодежи за демократию, против капиталистического произвола, ее роль в борьбе против колониализма и неоколониализма, за подлинную национальную независимость и социальный прогресс.

22 ноября на открытии встречи член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов огласил текст приветственного послания, с которым обратился к участникам форума Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Собравшиеся горячо приветствовали послание Л. И. Брежнева.

В рамках встречи была проведена конференция «Октябрь, современный мир и молодежь». На конференции с докладом «Великая Октябрьская социалистическая революция и ее влияние на исторические судьбы молодежи» выступил первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин. Докладчик отметил огромное воздействие идей Октября на весь ход мировой истории, дал анализ изменений, происшедших в современном мире в результате победы социалистической революции.

В наши дни, подчеркнул В. В. Загладин, молодежь является крупной, если не сказать крупнейшей, самостоятельной международной силой. Молодые люди в возрасте до 25 лет составляют большую часть человечества. Именно поэтому дальнейшее наращивание активности молодежи, повышение ее роли в современной борьбе сил прогресса против реакции предстает как важная предпосылка успеха этой борьбы. В. В. Загладин особо указал на значение дальнейших усилий по достижению необратимости разрядки международной напряженности. Успехи политики мира позволяют рассматривать судьбы настоящего и будущих поколений в более оптимистической, чем когда-либо, исторической перспективе. И далеко не случайно, что именно молодежь — та самая возрастная группа, которая в наибольшей степени обращена в будущее, — столь активно становится на сторону политики мирного сосуществования и взаимовыгодного международного сотрудничества. Но непременным условием успешного исхода этой борьбы является единство всех революционных сил современного мира. История, если взять последние 60 лет, то есть послеоктябрьский период, самым убедительным образом доказала: все позитивные изменения, которые произошли в мире, в значительной мере обусловлены тем, что силы социального и национального освобождения выступали совместно. Молодежь может сыграть большую роль в сплочении основных революционных сил. Она способна многое сделать, чтобы резко повысить эффективность их единства. Но для этого нужно, чтобы сплоченной была сама молодежь, чтобы ее основные отряды тесно сотрудничали друг с другом в решении главных проблем нашего времени.

С докладом «Комсомол — верный помощник партии в борьбе за построение социализма и коммунизма» на заседании выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов. Для прогрессивной молодежи развивающихся стран, подчеркнул докладчик, Великий Октябрь стал ярким примером решения основных социальных проблем. Обращаясь к этому источнику революционного опыта, молодое поколение активно включается в борьбу за коренные социально-экономические преобразования, против грабительской политики империализма, за установление справедливых международных экономических отношений. Растет и ширится участие молодежи развитых капиталистических стран в классовых битвах, потрясающих основы капиталистического мира. Ныне международное молодежное движение характеризуется ростом классово-

го самосознания, укреплением сплоченности, дальнейшим повышением авторитета демократических молодежных объединений. В центре внимания молодежного движения находятся кардинальные проблемы современности: проблемы мира и прекращения гонки вооружений, борьба за демократию, национальную независимость, социальный прогресс.

Участники конференции продолжили работу в трех секциях: «Великий Октябрь и роль молодежи в социально-экономической и политической жизни общества», «Великий Октябрь и участие молодежи в борьбе за мир, международную безопасность, за прекращение гонки вооружений, развитие сотрудничества между народами», «Великий Октябрь и его влияние на развитие национально-освободительного движения». В своих выступлениях участники дискуссии затрагивали такие проблемы, как взаимосвязь идей Октября, его опыта и значения с ролью молодежи в жизни современного общества, с ее борьбой за новый мир, против эксплуатации, империализма и реакции; обсуждались также важнейшие вопросы, как развитие международных отношений на современном этапе, процессы разрядки международной напряженности и значение их для дела мира и ликвидации угрозы новой мировой войны. Выступавшие вскрывали имеющиеся у международного демократического молодежного движения как составной части мирового революционного процесса резервы повышения действенности и эффективности выступлений в борьбе за мир, безопасность и социальный прогресс, отмечали большой вклад Советского Союза в борьбу за достижение этих целей. Многие участники дискуссии приводили конкретные примеры помощи СССР различным отрядам революционного и национально-освободительного движения, давали отпор силам, пытающимся в неверном свете представить политику Советского Союза.

На современном этапе силам прогресса приходится вести борьбу не только против империализма и реакции, но и с теми силами, которые довольно искусно маскируют свою принадлежность к лагерю мировой реакции. В этой связи секретарь-организатор Федерации коммунистической молодежи Шри Ланки Т. Д. Чандратилаке указал на необходимость принципиальной борьбы с теми силами, которые распространяют чуждые марксизму теории «сверхдержав», «борьбы мировой деревни против мирового города» и т. д. Все эти антимарксистские по своему характеру концепции, отметил Т. Д. Чандратилаке, направлены на внесение раскола в революционное и национально-освободительное движение, на создание отчужденности между странами «третьего мира» и их естественными союзниками в лице СССР и других социалистических стран, то есть на разъединение сил социального и национального освобождения. В конечном счете эти «теории» выгодны лишь мировому империализму.

Много внимания участники дискуссии уделили современному положению в Азии, проблеме укрепления мира и безопасности на Азиатском континенте. Выступавшие отмечали, что славная победа народов Индокитае, нанесших жестокое поражение агрессии со стороны империализма, создала важные предпосылки для укрепления мира и безопасности в Юго-Восточной Азии, способствовала значительному оздоровлению обстановки во всей Азии. С большим удовлетворением народы Азии встречают мирные инициативы Советского правительства, способствующие упрочению на континенте стабильности, росту международного сотрудничества и доверия. Вместе с тем прогрессивная молодежь не довольствуется достигнутым, добиваясь превращения Азии в континент прочного мира и безопасности. Главное препятствие на пути достижения этих целей состоит в сохранении в Азии американских военных баз — источника постоянной напряженности и орудия давления на страны и народы континента. «Мы требуем, — заявил представитель делегации СКМ Хо Ши Мина, — чтобы американский империализм полностью вывел свои войска и ликвидировал все свои военные базы в Юго-Восточной Азии, на острове Диего-Гарсия и других районах Азии». А. Х. Гуназера (Национальный союз студентов Шри Ланки) указал, что «военные базы империализма в Индийском океане угрожают миру этого региона». А. Х. Гуназера указал на изменение империализмом США своей стратегии; после сокрушительного поражения в Индокитае он был вынужден убрать свои войска с Азиатского континента и перейти на «островное» базирование, в частности на острове Диего-Гарсия, что непосредственно угрожает суверенитету Шри Ланки и других народов Азии. «Необходимо бороться против планов создания военной базы США на острове Диего-Гарсия, за превращение Индийского океана в зону мира говорил и Г. Гхош (Всеиндийская федерация молодежи). Г. Гхош исключительно высоко расценил политику дружбы и сотрудничества, которую проводит Советский Союз в отношении Индии. «Эта политика не только выгодна обеим нашим странам, но она является и важным фактором мира и международной безопасности. Индийско-советский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве может стать примером отношений между двумя странами», — заявил представитель индийской молодежи.

Большую тревогу у прогрессивной молодежи вызывают вынашиваемые империализмом планы американо-японской военной интеграции с подключением к ней Южной Кореи. Японская молодежь, сказал Е. Ябу (Молодежное бюро СПЯ), полна решимости воспрепятствовать попыткам американской администрации связать США, Японию и Ю. Корею в один «темный союз», заставить японское правительство принять на себя военные и политические обязательства по отношению к Ю. Корее, закрепить амери-

канское военное присутствие в Японии и милитаризовать последнюю. Очевидно, что попытки направить политику Японии курсом милитаризации не имеют ничего общего с коренными интересами японского народа, создают опасный очаг напряженности на Дальнем Востоке.

В борьбе за мир и безопасность в Азии прогрессивным силам противостоят не только империализм и местная реакция. Разрядке напряженности на Азиатском континенте, укреплению мира и сотрудничества в Азии активно препятствует и Пекин. В этой связи А. Х. Гунасер (Шри Ланка) заявил: «Мы должны противостоять политике маоизма, который активно выступает против мирного сосуществования и разрядки.

Политика маоизма, открыто выступающего на стороне империализма, тормозит процесс укрепления мира на Азиатском континенте».

В Итоговом документе участники встречи констатировали, что прогрессивная молодежь полна решимости добиваться разрядки напряженности, содействовать укреплению мира и сотрудничества между народами. Международная встреча «Октябрь и молодежь» явилась важным вкладом в дело сплочения демократического молодежного движения накануне X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване.

Ю. М. Рякин

Вечер, посвященный 50-летию Кантонской коммуны

12 декабря 1977 г. Общество советско-китайской дружбы и Институт Дальнего Востока Академии Наук СССР провели в Доме дружбы с народами зарубежных стран вечер, посвященный 50-летию Кантонской коммуны.

На вечере присутствовали активисты Общества советско-китайской дружбы, ученые, представители общественности столицы, родственники и члены семей сотрудников советского Генконсульства, погибших в Кантоне в 1927 г., а также дипломатические сотрудники посольства КНР в СССР во главе с советником посольства Ма Сюй-шэном.

Открывая вечер, заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР, кандидат экономических наук В. И. Потапов сказал, что это мероприятие, посвященное славной странице в истории классовых битв китайского пролетариата, является одним из серии мероприятий, которые Общество советско-китайской дружбы проводит по случаю знаменательных и памятных дат в истории революционной борьбы китайского народа. Только в 1977 г. Обществом были проведены вечера, посвященные 50-летию Великого Северного похода, 50-летним юбилеям Шанхайского и Наньчанского восстаний.

В названных мероприятиях принимал участие очевидцы событий — представители нашей ленинской партии, которые были направлены в Китай для того, чтобы оказывать помощь китайскому народу в его борьбе за свое освобождение.

Все эти мероприятия, также как и многочисленные вечера, которые посвящались китайской классической поэзии, живописи и искусству, являются свидетельством огромного, живого, негаснущего интереса и глубокого уважения советской общественности к жизни китайского народа, его богатой истории и древней культуре.

Советские люди бережно хранят память о героях Кантонской коммуны, свидетельством чего является и этот вечер в Доме дружбы.

Присутствовавшие почтили минутой молчания память зверски убитых китайскими контрреволюционерами работников Генконсульства СССР в Кантоне — вице-консула А. И. Хассиса, консульских работников тт. В. А. Уколова, Ф. И. Попова, К. С. Иванова и П. П. Макарова.

С большим вниманием был заслушан доклад заведующего сектором Института Дальнего Востока АН СССР, доктора исторических наук В. И. Глунина о Кантонской коммуне.

Событие, известное как Кантонская коммуна, произошло 50 лет назад, 11 декабря 1927 г., в Гуанчжоу (Кантоне) — городе, славном своими революционными традициями. Программа Кантонской коммуны провозгласила передачу всей власти советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, национализацию предприятий капиталистической собственности, наделение крестьян землей и выдвинула задачу борь-

бы против империализма в союзе с СССР и пролетариатом всего мира.

Докладчик подробно остановился на героических событиях тех дней, внутривосточной обстановке накануне и в период Кантонского восстания. В докладе было всесторонне раскрыто значение революционных мероприятий, проведенных советской властью, провозглашенной в Кантоне.

Борьба китайского пролетариата развертывалась под непосредственным воздействием идей Октября, при всесторонней помощи советского народа, неизменно верного своему высокому интернациональному долгу.

Кантонское восстание происходило в обстановке спада революционной волны. Гоминьдановская верхушка совершила контрреволюционный переворот в Шанхае, милитарист Ли Цзи-шэнь — в Гуанчжоу, начался контрреволюционный террор в Ухани.

Коммунистическая партия Китая, ушедшая в подполье, решила организовать отпор контрреволюции, вызвать подъем новой революционной волны, спасти завоевания революционно-демократических сил. КПК возглавила в то время ряд революционных выступлений. Среди них большие надежды возлагались на восстание в Гуанчжоу. Кантонское восстание завершилось трагически: после двух дней кровопролитных боев оно было подавлено силами китайских милитаристов, поддержанных империализмом. Но

восстание явилось ценным историческим уроком и «вошло в сознание трудящихся как образец величайшего героизма китайских рабочих» — так охарактеризовал его VI конгресс Коминтерна в своем воззвании к рабочим и народу Китая.

Исторический опыт Кантонской коммуны использовали коммунисты Китая и международное рабочее движение. В этом восстании ярко проявились лучшие качества китайского пролетариата — его беспредельное мужество и готовность к самопожертвованию в борьбе за свободу, революционная инициатива и энтузиазм, вместе с тем отрицательно сказалось наследие социально-экономической отсталости Китая — раздробленность пролетариата, препятствовавшая его классовому единству.

Докладчик отметил, что Кантонская коммуна всегда была и продолжает оставаться в центре внимания советской исторической науки. Советский народ бережно относится к памяти героев Кантонской коммуны, к замечательным революционным традициям китайского пролетариата.

В заключение вечера состоялся просмотр советского документального фильма «Путь, равный столетиям», посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Б. К. Чижов

* * *

С позиций интернационализма

Стремление к дружбе между советским и китайским народами было и остается стержнем политики КПСС и Советского государства в отношении Китая. В условиях сложных современных отношений между СССР и КНР наша партия воспитывает советский народ в духе дружбы и глубокого уважения к китайскому народу, к его истории и культуре, к героическим подвигам трудящихся Китая в борьбе за освобождение от иностранных угнетателей, за социалистическое преобразование своей родины. Одним из наиболее ярких проявлений интернационалистической позиции Советского Союза в отношении народного Китая явилась действенная и конкретная помощь в создании основ социалистического общества.

2 декабря 1977 г. в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся вечер-встреча советских специалистов, принимавших участие в восстановлении народного хозяйства и в осуществлении первых пятилетних планов в период образования и становления КНР. Эта встреча стала еще одним выражением дружеских чувств советского народа к народу Китая.

Открывая встречу, член Центрального Правления Общества советско-китайской дружбы А. Г. Яковлев подчеркнул, что основы социалистического общества, заложенные в Китае с помощью Советского Союза, являются тем объективным фактором, на основе которого сформируются, вырастут и окрепнут зрелые социалистические силы в Китае, способные отбросить порочную великодержавно-шовинистическую линию нынешнего китайского руководства.

Присутствовавшие на встрече ветераны экономического сотрудничества между Советским Союзом и КНР, самоотверженный труд которых был отмечен наградами советского и китайского правительств, поделились своими воспоминаниями и впечатлениями о работе в Китае, об отношениях дружбы и сотрудничества, установившихся

между советскими и китайскими специалистами в ходе совместной работы. Старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР В. Я. Сидихменов отметил в своем выступлении, что экономическая и научно-техническая помощь СССР имела историческое значение для китайского народа. Она помогла китайским трудящимся, Компартия Китая утвердить в стране основы социализма, заложить фундамент социалистической экономики. Значение советской экономической и научно-технической помощи наиболее рельефно можно оценить на фоне крайней экономической отсталости Китая в прошлом, то есть до победы народной революции.

Проникая со второй половины XIX в. в Китай, иностранный капитал не был заинтересован в действительном развитии страны. Его привлекала сюда лишь возможность использования природных ресурсов Китая и нещадной эксплуатации китайских трудящихся. До победы народной революции экономика Китая носила ярко выраженный колониальный, зависимый характер. Иностранный капитал искусственно создавал диспропорцию в развитии первого и второго подразделений общественного производства. Китай был превращен в поставщика дешевого сырья на мировой рынок и импортера дорогой промышленной продукции.

В годы первой пятилетки (1953—1957) была поставлена задача создания в Китае комплексной промышленной системы, преодоления колониального характера развития экономики страны. Эта большая задача успешно решалась китайским народом с помощью Советского Союза, с помощью самоотверженно трудившихся в КНР советских специалистов. Во время первой пятилетки в КНР сооружалось с помощью СССР 211 промышленных объектов. Советские специалисты участвовали в проектировании и сооружении Аньшаньского (в то время, вероятно, самого крупного во всей Азии), Уханьского и Баотоуского металлургических комбинатов. С помощью СССР в КНР было создано тяжелое машиностроение, автомобильная и тракторная промышленность, авиа- и приборостроение и т. д., получили развитие угольная промышленность и нефтедобыча, была создана современная энергетика и многие другие отрасли экономики. Только до 1 июля 1957 г. по советской документации в КНР было спроектировано 159 объектов, освоено производство свыше 300 новых видов продукции. Китайские официальные деятели, рабочие и служащие исключительно высоко оценивали помощь Советского Союза, в том числе и работу советских специалистов в КНР. Например, в статье «Великие десятилетия» Чжоу Энь-лай писал по этому поводу: «Отмечая десятую годовщину со дня образования КНР, народ нашей страны выражает особую благодарность Советскому Союзу, который оказал нашей стране помощь в строительстве 166 объектов в период первой пятилетки и вновь заключил в про-

шлом и нынешнем годах соглашения об оказании помощи нашей стране в строительстве 125 объектов; причем за 10 лет Советский Союз направил в Китай на работу свыше 10 800 специалистов в области экономики, культуры и просвещения».

Однако с конца 50-х годов, когда руководство Китая стало проводить политику «трех красных знамен» (генеральная линия, народные коммуны, «большой скачок»), в Китае стали всячески извращать, принижать и замалчивать значение советской помощи. Тогда же были созданы ненормальные условия для работы советских специалистов, на которых китайское руководство пыталось переложить ответственность за провал политики «большого скачка». В 1960 г. Советские правительство было вынуждено отозвать наших специалистов из Китая.

Мы, советские люди, сказал В. Я. Сидихменов, верим, что наступит то время, когда китайскому народу будет сказана правда о политике Советского Союза в отношении КНР, и в частности о его бескорыстной, интернационалистской помощи Китаю в 50-е годы.

К. С. Силин, руководитель отделения ЦНИИТС, бывший руководитель группы советских специалистов на строительстве моста через реку Янцзы в городе Ухани, поделился воспоминаниями о работе в Китае в 1948—1958 гг.

В те годы, сказал К. С. Силин, пришлось заниматься восстановлением разрушенных гоминьдановскими войсками железных дорог, больших мостов и тоннелей, строительством железных дорог в юго-западных и западных районах страны, постройкой мостов через крупнейшие реки Китая, такие, как Янцзы, Хуанхэ и другие, наконец, оказывать помощь китайским товарищам в создании проектных и строительных организаций, предприятий строительной индустрии.

В этой работе советские специалисты постоянно общались с рабочими и интеллигенцией, с руководящими товарищами из государственного аппарата Китая, с солдатами и командирами НОАК, без утайки передавали им свои знания и опыт.

Не будет преувеличением сказать, подчеркнул К. С. Силин, что работа в тот период велась в обстановке подлинно братского взаимопонимания и сердечности.

В тот период, как известно, техническая помощь Советского Союза выражалась в поставке оборудования, дефицитных материалов, в передаче технической и проектной документации и, наконец, в командировании советских специалистов. Следует отметить, что в Китай направлялось самое современное оборудование, подчас острodefицитное даже для Советского Союза. Что касается советских специалистов, работавших в то время в КНР в различных отраслях народного хозяйства, то это были в подавляющем большинстве большие мастера своего дела, обладавшие современными знаниями и большим опытом практической работы.

В стиле работы всех советских специа-

листов была одна особенность, которая особенно высоко ценилась китайскими товарищами. При оказании технической помощи они выполняли не только работы, прямо связанные со строительством того или иного объекта, но также активно принимали участие в подготовке китайских специалистов, что, в конечном счете, позволило вырастить в Китае полноценные национальные кадры для всех строящихся новых предприятий и объектов.

Одним из наиболее ярких примеров технической помощи Китаю в области транспортного строительства является сооружение уникального моста через реку Янцзы в городе Ухани. Этот полутораклометровый двухъярусный мост для совмещенного железнодорожного и автомобильного движения надежно связал Юг и Север страны, явился замечательным украшением городов Ханькоу, Учан и Ханьян, расположенных на берегах Янцзы в районе мостового перехода.

Это строительство, явившееся первенцем первой пятилетки в Китае, во многих отношениях было замечательным и поучительным. До постройки этого моста железнодорожные и автомобильные магистрали Южного и Северного Китая не были объединены в единую сеть, так как через Янцзы не было построено ни одного моста и связь обеспечивалась лишь паромными переправами — малопроизводительными по пропускной способности и ненадежными из-за крайне бурного характера реки.

Трудные местные условия, когда ни один из известных способов сооружения опор практически не был применим, привел к необходимости создания нового метода фундаментостроения. Предложенный советскими специалистами так называемый бескессонный метод позволил осуществить сооружение моста через Янцзы на 2 года раньше установленного срока и на 30% сократить его стоимость. Для строительства моста из Советского Союза было поставлено специальное оборудование, сталь и соответствующая техническая документация. Кроме того, с помощью советских специалистов были созданы: завод мостовых металлоконструкций в городе Шанхайгуань и специализированные цехи на заводах в других городах. На этих заводах были изготовлены пролетные строения Большого Уханьского моста, а в дальнейшем они явились основной производственной базой всей мостостроительной индустрии КНР. В процессе строительства моста через систему специально созданных курсов велась подготовка национальных кадров специалистов-мостостроителей, в ходе которой советские специалисты передавали опыт строительства больших мостов в нашей стране. В результате был создан квалифицированный коллектив китайских специалистов, овладевших многогранной техникой современного мостостроения, которому оказалось в дальнейшем под силу самостоятельно решать про-

блему строительства других больших мостов.

Следует отметить, что предложенный советскими специалистами новый бескессонный способ сооружения опор мостов одновременно со строительством моста через Янцзы тем же коллективом мостостроителей и с помощью советских специалистов был применен при строительстве больших мостов через Хуанхэ, Миньцзян и другие большие реки. В дальнейшем, после возвращения советских специалистов на Родину, коллектив китайских мостовиков, созданный на строительстве Большого Уханьского моста, оснащенный современной техникой и квалифицированными кадрами, успешно осуществил строительство ряда крупнейших мостов, и в том числе мостов через Янцзы в Чунцине, Ганьцзян в Наньчане и, наконец, через Янцзы в Нанкине. На этих мостах китайские товарищи также успешно применили бескессонный способ сооружения опор. В дальнейшем, к сожалению, и не по нашей вине, связь с китайскими товарищами и коллегами была нарушена, но мы уверены, сказал К. С. Силин, что все, кто с нами работал на строительстве Уханьского моста, сохранили теплые чувства дружбы и взаимного уважения.

Б. И. Сигачев, главный специалист отдела автотракторного и сельскохозяйственного машиностроения Госплана СССР, бывший руководитель группы советских специалистов по оказанию технической помощи в строительстве Чанчуньского автозавода, поделился воспоминаниями о помощи Советского Союза КНР в создании автомобильной промышленности. Работы по сооружению автозавода в Чанчуне начались уже в 1950 г. Масштабы помощи СССР, оказанной при строительстве этого завода, были поистине огромны: 26 проектных организаций семи министерств подготавливали техническую документацию, генеральным проектировщиком был завод им. Лихачева. Проектная мощность Чанчуньского завода была рассчитана на ежегодный выпуск 30 тыс. автомобилей типа ЗИС-150 грузоподъемностью 4 т, причем советские проектировщики, учитывая всевозрастающие потребности экономики народного Китая в современной технике, запланировали постепенное увеличение выпуска автомобилей до 60 тыс. штук в год. О том, насколько искренней и бескорыстной была помощь СССР народному Китаю, сказал Б. И. Сигачев, можно судить хотя бы по тому факту, что из Советского Союза на завод в Чанчуне был направлен уникальный пресс мощностью 3500 т, один из двух имевшихся в то время в СССР.

Строительство Чанчуньского автомобильного завода явилось, в сущности говоря, созданием новой отрасли промышленности в Китае. Это было учтено при проектировании. Поэтому первые китайские автомобили собирались из советских деталей, но постепенно, по мере введения в строй смежных предприятий, в Китае начинали производить

все больше и больше технически сложных деталей, что дало возможность полностью освоить производство автомобилей.

На советских специалистов производили неизменно глубокое впечатление трудовой энтузиазм китайского народа, его дружеские чувства к Советскому Союзу. И советские люди искренне отвечали на это отношение к себе со стороны китайских тружеников. Когда китайские товарищи приняли решение построить завод за три года, советские специалисты сделали все возможное, чтобы помочь претворить этот план в жизнь.

Полное взаимопонимание, доверие, уважение друг к другу — все это отличало совместную работу советских специалистов в Китае. К сожалению, сказал Б. И. Сига-чев, в 60-х годах тесные, дружественные связи с китайскими товарищами прерва-лись.

Воспоминания ветеранов сотрудничества Советского Союза и Китая еще раз напомнили, что в тесном общении с советскими людьми тысячи граждан КНР ощущали на себе их высокие чувства братства и интернационализма, стремление бескорыстно делиться своим опытом. Широкое экономическое и научно-техническое сотрудничество между СССР и КНР представляет собой яркий пример отношений двух братских стран. Оно оказывало самое благотворное влияние на экономическое развитие Китая, на повышение благосостояния китайского народа. Бескорыстная экономическая помощь СССР Китаю обеспечила повышение темпов развития экономики КНР, способствовала преодолению вековой отсталости страны. Советские люди верят, что славные традиции дружбы народов двух великих стран будут восстановлены.

ПАМЯТИ Юрия Владимировича Новгородского (1928—1977)

Послевоенное поколение советских китаеведов... Это те, кто пришел в китаеведение по окончании Великой Отечественной войны, в первые годы мирного труда советского народа. В шумной толпе студентов Московского института востоковедения в Сокольниках в 1947 г. появился высокий широкоплечий юноша, который поступил на китайское отделение дальневосточного факультета. Ему было 19 лет. За два года до этого он пошел добровольцем в армию, стал курсантом школы летчиков ВВС—ВМФ, но над страной заголубело мирное небо, и он возвратился к давней мечте — решил стать китаеведом. Его звали Юрий Новгородский.

1949 г. был ознаменован победой китайской революции и созданием Китайской Народной Республики. Весть об этом была с энтузиазмом встречена всем советским народом, но для студентов-китаеведов она была особенно радостной. Они сознавали потребность в специалистах в деле укрепления дружественных отношений между нашей страной и новым Китаем, в деле оказания Китаю братской помощи на всех фронтах политического, экономического и культурного строительства. Юрий досрочно, после 4 лет обучения, закончил институтский курс. Вручение молодым специалистам в 1951 г. дипломов, в которых в графе **специальность** было указано «страновед по Китаю со знанием китайского и английского языков», открывало самые широкие возможности принять непосредственное участие в огромных исторических событиях, знаменующих величайшее торжество интернациональной солидарности СССР с революционной борьбой народов Востока.

Как переводчик с китайского языка Ю. В. Новгородский был направлен на работу в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. Одновременно как один из лучших студентов Юрий Новгородский получил рекомендацию Ученого совета МИВ продолжить занятия китайской филологией в аспирантуре. В том же году он был принят в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, где начал работу над темой «Фонетический очерк северо-западных диалектов китайского языка». В 1952 г. Институт востоковедения направляет в Комиссию по разработке письменности для дунган Президиума АН СССР две работы Ю. Новгородского по системе силлабем ланьчжоуского и сианьского говоров.

Трудно совмещать тонкий лингвистический анализ китайских диалектов с практическими требованиями кипучих будней. Но Юрий Новгородский был человеком неумной энергии. И уже в следующем 1953 г., когда в Советский Союз прибывает делегация АН КНР во главе с ее президентом академиком Го Мо-жо, именно ему поручают труднейшую роль переводчика практически во всех отраслях знания. И он блестяще справ-

ляется с этой задачей. Одновременно Ю. Новгородский готовит целый цикл работ по фонетике северо-западных диалектов Китая, выступает в печати со статьей о реформе китайской письменности, публикует в «Вестнике АН СССР» переводы статей о различных отраслях китайской науки, участвует в работе коллектива, готовившего под руководством И. М. Ошанина «Большой китайско-русский словарь».

После окончания аспирантуры он продолжает углублять свое исследование. И вместе с тем его тянет к практической работе, к тому большому делу, с которым он вплотную соприкоснулся во время первой поездки в народный Китай в 1952 г. И он начинает работать заместителем ответственного секретаря Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. С 1958 по 1961 г. Новгородский Ю. В. является ответственным секретарем Общества советско-китайской дружбы. Он выступал перед рабочими Уханьского металлургического комбината, праздновавшими 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции, и организовывал в Москве выставки, посвященные годовщинам создания КНР, писал газетные статьи против распространения атомного оружия и делал теоретические доклады об особенностях социалистического строительства в Китае.

В начале 60-х годов китаеведение становится одним из острейших участков идеологической борьбы против антимарксистских, антисоциалистических отклонений китайских лидеров от согласованной линии международного рабочего и коммунистического движения. Ю. В. Новгородский возвращается в Институт востоковедения АН СССР, успешно защищает кандидатскую диссертацию по диалектам Северо-Западного Китая и активно включается в работу по переводу и исследованию источников по новейшей истории Китая. В изданном в 1964 г. томе избранных произведений Сунь Ят-сена им были подготовлены к публикации труды великого китайского революционера-демократа, отстаивавшие необходимость для Китая дружественных отношений с Советской Россией.

С 1967 г. Ю. В. Новгородский работал в Институте Дальнего Востока АН СССР, в течение 9 лет заведовал сектором. Инициативность и высокая требовательность в работе отличали его как ученого, принципиальность и прямота в суждениях, являвшиеся неотъемлемой чертой его характера, вызывали уважение коллектива, доверявшего ему партийную и общественную работу. Его жизненным девизом, казалось, было: «Стать лучшим среди равных». И он добивался этого талантом, трудолюбием, скрытой в нем большой сердечной добротой по-настоящему крупного человека.

Начиная с 1972 г. Ю. В. Новгородский неоднократно бывал в Китае в качестве эксперта Советской правительственной делегации на пограничных переговорах в Пекине. Эту работу Юрий Владимирович вел до конца своей жизни. Старший научный сотрудник по специальности «языки народов Китая», кандидат филологических наук, переводчик с китайского языка огромного количества трудов и материалов, он никогда не был кабинетным затворником. Его знания всегда служили решению важнейших практических задач. В этом Ю. В. Новгородский и видел исполнение своего долга коммуниста, гражданина, ученого. «По призыву партии, по воле сердца» — называлась одна из его публицистических работ, этими же словами можно охарактеризовать и всю его так рано оборвавшуюся жизнь.

ПАМЯТИ
ИВАНА ФЕДОРОВИЧА КУРДЮКОВА
(1911—1977)

3 октября 1977 г. после тяжелой болезни скончался видный дипломат, известный китаевед, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, персональный пенсионер союзного значения, член КПСС с 1928 г. Иван Федорович КУРДЮКОВ.

И. Ф. Курдюков родился в 1911 г. в селе Новое Акшино ныне Мордовской АССР. С 11 лет он начал трудовую деятельность, пройдя большой жизненный путь от батрака в кулацких хозяйствах до чрезвычайного и полномочного посла СССР.

После окончания в 1936 г. Института востоковедения И. Ф. Курдюков работал в системе МИД СССР. Старший референт I Дальневосточного отдела НКВД СССР, драгоман, вице-консул и генеральный консул дипломатических представительств СССР в Китае, заведующий Дальневосточным отделом МИД СССР, старший советник представительства СССР при ООН, посол СССР в Австралии и Уганде — таковы основные вехи почти сорокалетней дипломатической деятельности И. Ф. Курдюкова.

Больше десяти лет (1936—1948) И. Ф. Курдюков находился на работе в Китае. Он зорко следит за бурными событиями периода анти-японской войны и подъема революционного движения, внимательно изучает историю и культуру Китая. Результатом этого изучения, подкрепленного практической работой и повседневным общением с прогрессивными кругами китайской общественности, явились печатные труды И. Ф. Курдюкова о Китае и советско-китайских отношениях. В статьях, брошюрах и других публикациях прослеживается большая эрудиция автора и хорошее знание предмета, уважительное отношение к трудолюбивому китайскому народу, его истории и культуре, искренняя забота о судьбах китайского национально-освободительного и революционного движения («Новый труд по истории Китая», «Выдающийся китайский революционный демократ» и др.).

Многие труды И. Ф. Курдюкова («Дружба, рожденная Октябрем», «Народный Китай в борьбе за мир», сборник документов «Советско-китайские отношения 1917—1953 гг.» и др.) посвящены советско-китайским отношениям, в формировании которых принимал непосредственное участие И. Ф. Курдюков, занимавший в годы после освобождения КНР ответственные посты в Министерстве иностранных дел и посольстве СССР в Пекине. В этих трудах содержится всесторонний анализ отношений братской дружбы и тесного сотрудничества народного Китая и Союза Советских Социалистических Республик в пятидесятые го-

ды, дается объективная оценка важной роли советской помощи в победоносном исходе китайской революции, в восстановлении и развитии страны, а также значения всесторонней поддержки КНР Советским Союзом и другими социалистическими странами на международной арене.

Много сил и энергии И. Ф. Курдюков отдавал воспитанию молодых дипломатических работников-востоковедов, щедро делясь своими знаниями, богатым опытом работы и умением отдавать всего себя делу нашей партии, бескорыстному служению советскому народу.

Партия и правительство высоко оценили дипломатическую и общественную деятельность И. Ф. Курдюкова. Он был награжден орденами «Трудового Красного знамени», «Красной Звезды», «Знак Почета» и многими медалями.

Светлый образ И. Ф. Курдюкова, видного дипломата, известного китаеоведа, принципиального коммуниста и замечательного человека всегда будет жить в памяти его друзей и товарищей по работе в Советском Союзе и за рубежом.

НОВЫЕ КНИГИ

В. И. Ленин. Октябрь семнадцатого. Документальное повествование в 2-х тт. М., Политиздат, 1977, 335 стр., с илл., 2 р. 03 к.

Издание посвящено деятельности великого вождя революции с марта по ноябрь 1917 г. Оно составлено из систематизированных документов, материалов, воспоминаний современников, в том числе и зарубежных, и раскрывает всестороннюю деятельность В. И. Ленина в дни подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Книга документально раскрывает «образец революционной тактики для всех», ленинские решения в стратегии и тактике революционной борьбы и опыт первых социалистических преобразований, теоретическую деятельность В. И. Ленина по вопросам борьбы за мир, социалистическую революцию и пролетарскую демократию. Сборник показывает непреходящую всемирно-историческую значимость ленинских идей, опыта Великого Октября.

На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925—1945. Изд. 2-е, доп. Сост. и отв. ред. Ю. В. Чудодеев. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977, 445 стр., 30.000 экз., 1 р. 14 к.

Новое издание популярного в нашей стране сборника поможет читателю получить более полные сведения о братской самоотверженной помощи советских людей китайскому народу на разных этапах его революционной борьбы.

История стран Азии и Африки в новейшее время. Под ред. М. Ф. Юрьева. Ч. 1. 1917—1945. М., изд-во Моск. ун-та, 1976, 255 стр., 33.800 экз., 1 р. 17 к.

Издание является учебником для студентов университетов, первая часть которого охватывает период от первой до второй мировой войны, период формирования марксистско-ленинских партий в странах Азии, подъема национально-освободительного движения в Азии и Африке под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции, строительства социализма в нашей стране, период кризиса колониальной системы империализма и канун ее распада.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. Изд. 2-е. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977, 359 стр., 7.700 экз., 1 р. 80 к.

Известная работа советского ученого-китаеведа выпущена вторично с учетом новых материалов и откликов на первое издание. Не ограничиваясь историографическим подходом в освещении дискуссии о проблемах методологии истории Востока и прежде всего Китая, В. Н. Никифоров убедительно и обоснованно излагает свою позицию по вопросам определения характера и особенностей эволюции азиатских обществ в докапиталистический период, отстаивает марксистско-ленинское решение проблем так называемого «азиатского способа производства», соотношения общего и особенного во всемирно-историческом процессе, смены общественно-экономических формаций и др. Книга представляет несомненный интерес для специалистов-востоковедов, а также для историков и философов.

Современная историография стран зарубежного Востока. Критика буржуазного национализма. Сб. статей. Отв. ред. Л. Р. Полонская. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977, 187 стр., 1.900 экз., 1 р. 29 к.

Продолжение известной историографической серии содержит критические обзоры концепций буржуазного национализма и идеологии нацио-

нально-освободительного движения в странах Востока, а также освещение их в деятельности западных востоковедных центров (США, ФРГ, Франции и др.).

Медведев В. Е. Культура амурских чжурчжэней, конец X—XI век (по материалам грунтовых могильников). Отв. ред. А. П. Окладников и В. Е. Ларичев. Новосибирск, «Наука», Сибирское отделение, 1977, 224 стр., с илл., 1.150 экз., 1 р. 56 к.

Книга раскрывает малоизученные или вообще прежде не известные страницы истории и культуры ранних амурских чжурчжэней (нюйчжэней), создателей государства Аньчун (Цзинь) в XII в.

Загасбалдан Д. Развитие производительных сил в МНР. Опыт экономико-статистического анализа. Перевод с монгольского автора. Научн. ред. В. Е. Адамов. М., «Статистика», 1977, 117 стр., 3.000 экз., 97 к.

Книга Председателя ЦСУ МНР Д. Загасбалдана содержит оригинальную разработку методики статистического анализа процесса создания социалистической экономики в Монголии, раскрывает первый в истории опыт строительства социализма, минуя капиталистическую стадию развития.

Общественные науки в МНР. Сб. статей. Отв. ред. И. Я. Златкин и С. К. Рошин. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977, 227 стр., 1.200 экз., 1 р. 65 к.

Сборник впервые в советском монголоведении обобщает достижения экономической и исторической наук, археологии и этнографии братской Монголии, раскрывает итоги сотрудничества ученых наших стран.

Китай и капиталистические страны Европы. Сб. статей. Отв. ред. Г. В. Астафьев. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1976, 168 стр., 10.900 экз., 55 к.

Сборник, который является результатом сотрудничества китаеведов СССР, ГДР и ПНР, посвящен анализу эволюции внешней политики китайского руководства в отношениях со странами Западной Европы (Франция, Англия, ФРГ и Италия). Авторы раскрывают антисоветский, антисоциалистический, спекулятивный характер европейской политики Пекина на современном этапе и тот вред, который маоисты причиняют как делу европейской безопасности, так и авторитету КНР на мировой арене.

Япония. 1976. Ежегодник. Глав. ред. И. И. Коваленко. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977, 320 стр., с илл., 25.000 экз., 1 р. 85 к.

Очередной, пятый выпуск ежегодника содержит новейшие исследования и другие материалы по экономике, внешней и внутренней политике и культуре современной Японии, раскрывающие ее роль в международном разделении труда, экономической и идейно-политической борьбе на мировой арене. Издание содержит научный, библиографический и статистический обзоры, хронологию.

Сдано в набор 29/XII 1977 г. Подписано к печати 14/II 1978 г. Л-10425
Формат 70×108^{1/16}. Бум. л. 6,5. Печ. л. 18,2. Уч.-изд. л. 18,90.
Изд. № 26731. Тираж 17313 экз. Заказ 3177. Цена 50 коп.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области